

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

**СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ:
СИСТЕМНО-ОПИСАТЕЛЬНЫЙ
И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Сборник научных трудов
X Международной научной конференции

Брест, 19–20 ноября 2021 года

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2022

УДК 811.16(082)
ББК 80я43
С 47

*Рекомендовано редакционно-издательским советом учреждения образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»*

Редакционная коллегия:
О. Б. Переход, О. А. Фелькина

Рецензенты:
заведующий кафедрой белорусского и русского языков
УО «Брестский государственный технический университет»,
кандидат филологических наук, доцент **Н. Н. Борсук**

декан филологического факультета
УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,
кандидат филологических наук, доцент **Т. В. Сенькевич**

С 47   **Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования** : сб. науч. тр. X Междунар. науч. конф., Брест, 19–20 нояб. 2021 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: О. Б. Переход, О. А. Фелькина. – Брест : БрГУ, 2022. – 279 с. ISBN 978-985-22-0489-7.

В сборник вошли материалы докладов X Международной научной конференции (19–20 ноября 2021 г.), посвященной изучению славянских языков в синхроническом, диахроническом, сопоставительном и социокультурном аспектах. Статьи представлены на русском, белорусском, украинском языках.

Адресуется широкому кругу славистов – научным работникам, преподавателям, аспирантам, учителям, студентам филологических специальностей.

УДК 811.16(082)
ББК 80я43

ISBN 978-985-22-0489-7

© УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Доклады пленарного заседания

Лукашанец А. А. Новыя выклікі глабалізацыі і экалогія беларускай мовы	8
Крючкова О. Ю. Взаимодействие элементов разных социально-функциональных подсистем русского языка в речи диалектоносителя-старообрядца	11
Биденко Л. В. Онлайн-обучение украинскому языку как иностранному в современных условиях	15
Савчук Т. Н. Приемы логико-смыслового акцентирования в научно-гуманитарной аргументации (на материале русского и белорусского языков) ...	18
Годуйко Л. А. Номинативная, структурно-деривационная специфика гемеронимии Минщины	23

Теория и практика

сопоставительного исследования славянских языков

Вермяюк Г. А. Парадыгматычныя і словаўтваральныя сувязі лексем у семантычных мікрапалях асабовых жаночых намінацый у беларускай і рускай мовах	28
Волотовская Н. А. Функционирование предлога <i>при</i> в восточнославянских языках: сопоставительный аспект	32
Гизатуллина Р. Х. Морфема <i>-ор(о)-</i> в тюркских, славянских и других языках мира	34
Елынцова И. В. Морфемная организация лексических единиц как объект сопоставительного описания русского и белорусского языков.....	37
Кандрацэня І. У. Аб некаторых марфемных сродках выражэння эмоцыі сораму ў рускай і беларускай мовах	40
Кугейко Т. П. Словообразовательные особенности омонимичных лексем полей речи русского и белорусского языков	44
Масловская Н. П. Особенности фонемной структуры морфем в дифференцированном русско-белорусском словаре	47
Рогозинникова Н. Г., Атаева Р. Р. К вопросу о межъязыковой омонимии в родственных славянских языках	50

Отражение современных социокультурных процессов в славянских языках

Азевич И. П. Системообразующие признаки судебно-экспертного дискурса....	53
Акуленко Е. А., Леонтьева В. В. Лексемы индийского происхождения в современной коммуникации	56
Бабаходжаева М. Х. Метаморфозы билингвизма	60

Вазанова М. Г. Формы обращения в российском политическом дискурсе	63
Ванкевич О. Г. Морфемная характеристика членов русского метеорологического поля.....	67
Ганчарэнка К. Д. Лексіка размоўнага стылю ў маўленні персанажаў спектакляў Рэспубліканскага тэатру беларускай драматургіі.....	70
Леванюк А. Я. Асаблівасці ідыяэтнізмаў як транслятара этнакультурнай інфармацыі.....	74
Піваварчык І. В. Жанр <i>віншаванне</i> ў канфесійным дыскурсе (на прыкладзе перыядычных выданняў Гродзеншчыны).....	77
Посохин А. А. Влияние иноязычного дискурса на синтаксический уровень русского письменного текста	81
Салаўёва М. А. Роля канцэптаў, якія выражаюць значэнне адзінства соцыуму у фарміраванні канцэптуальных метафар беларускамоўнага дыскурсу	85
Ся Чжэньчжун Прагматическая функция языковых средств отрицания в русскоязычных аналитических газетных текстах.....	88

Имя собственное в номинативном, лингвокультурологическом аспектах

Бут-Гусаім С. Ф. Жанраўтваральная роля паэтонімаў у кантэксте гістарычнай аповесці Вольгі Іпатавай «Чорная княгіня».....	93
Вертейко Е. Е. Польские имена в современном именнике Бреста.....	96
Коцевич С. С. Русские имена для китайцев.....	99
Моисейчик А. Э. Специфика проявления в геортонимии Беларуси принципа номинации праздника по связи со временем (временным промежутком).....	102
Никитина Н. Е. Принципы и приемы креативной номинации книжных магазинов в России и США	105
Переход О. Б. Коммуникативные стратегии информирования и самопрезентации и реализующие их тактики в гемеронимии Брестской, Гродненской и Гомельской областей.....	109
Скрабнёва Т. У. Кірункі развіцця канцэпцыі асабовага імя на сучасным этапе.....	113
Якубук Н. Р. Назвы лінейных аб'ектаў г. Брэста як рэпрэзентанты кодаў культуры.....	117

Динамика и типология изменений в развитии славянских языков

Ворон И. А. Формальные стратегии белорусского авангарда в малой прозе 1920-х гг. XX в.	121
--	-----

Георгиева И. Т. Празднично-алкогольный архетип как часть русской культуры.....	125
Зуева Е. А. Прилагательные как производящие основы универбов в русском языке.....	128
Кірдун А. А. Праблемныя аспекты выкарыстання беларускамоўнай тэрміналогіі ў галіне лясной прамысловасці.....	131
Королевич С. А. Образное выражение концепта «битва» в летописном тексте.....	135
Перавалава Н. Ю. Складаназалежныя сказы з даданымі мэты ў старабеларускай мове.....	138
Соловьёва Н. В. К вопросу о взаимовлиянии старорусского и старобелорусского языков в дипломатических текстах конца XVI в. (на материале «Метрики ВКЛ 1585–1600 гг.»).....	142
Фелькина О. А. Акцентуация заимствованных слов в русском языке XIX–XXI вв.....	145
Яницкая А. Ю. Мир пословиц: неостребованная актуальность.....	148
Славянские языки: проблемы текста и контекста	
Абрамова Е. И. Фигуры интертекста в художественно-публицистической прозе М. Веллера (на материале повести «Наш князь и хан»).....	152
Борсук Н. М. Некаторыя старонкі з творчасці А. С. Пушкіна ва ўзнаўленні беларускіх аўтараў.....	157
Грицук Л. Н. Латинские лексические единицы в произведениях В. В. Вересаева.....	161
Гурина Н. М. Коммуникативно-художественный смысл конструкций с чужой речью в рассказе В. Астафьева «Людочка».....	165
Ермалинская Е. И., Злобина Е. В. Переводческие трансформации как способ достижения адекватности перевода (на примере сопоставительного анализа произведения Роберта Бернса (оригинал: My heart's in the highlands, 1789) и его перевода на русский язык С. Я. Маршаком.....	168
Касцючык В. М. Ацэначныя фразеалагізмы ў творах берасцейскіх пісьменнікаў.....	171
Ковальчук О. Н. Трансформация мотива Библии в рассказе «Мальчик с Библией» Т. Боровского.....	175
Мельнікава З. П. Філасофска-аксіялагічнае асэнсаванне лёсу асобы і народа ў кантэксте гістарычных падзей у паэме «Янук Сяліба» Максіма Танка.....	178
Папоў А. С. Кузьма Чорны і Алесь Адамовіч: эвалюцыя псіхалагізму беларускай ваеннай прозы.....	183

Посохин И. А. Несколько наблюдений о словацком переводе «Чемодана» С. Довлатова	188
Слесарева Т. П. Маркеры распознавания мужских и женских образов в повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи»	192
Тун Чао Косвенные экспрессивные речевые действия, выражающие недовольство, в русскоязычном художественном дискурсе	196
Яўдошына Л. І. Вобраз зоркі ў паэзіі М. Багдановіча: філалагічная інтэрпрэтацыя	200

**Проблемы взаимодействия
кодифицированного литературного языка
и нестандартных языковых вариантов**

Кісель Т. А. Назвы травяністых раслін у гаворцы вёскі Бездзеж Драгічынскага раёна Брэсцкай вобласці	204
Косынюк Е. В. Концепт «судьба» в устных историях женщин Брестчины	207
Самуйлік Я. Р., Брышцен Д. С. Да фанетычных адметнасцей гаворкі вёскі Павіцце Кобрынскага раёна	211
Фелькина О. А., Богунь И. Д. Просторечия и окказионализмы в поэзии М. Цветаевой 20-х гг. XX в.	215

**Проблемы преподавания славянских языков
в свете новой образовательной парадигмы**

Дегтярева Т. О. Современные информационные технологии в методике преподавания иностранных языков	219
Зданович Е. С. Педагогическое молчание в обучении русскому языку как иностранному в свете новой образовательной парадигмы	222
Крайчовичова Л. Использование аудиовизуальных материалов на онлайн-занятиях по русскому языку для студентов словацких вузов	225
Писарук Г. В. После урока: анализ? рефлексия? реконструкция?	229
Санникович И. М. Введение в речевую практику иностранных обучающихся риторической терминологии	232
Силка А. А. Професійно орієнтована мовна підготовка іноземних студентів за навчальним посібником «Вивчаємо анатомію українською»	236
Смаль В. Н., Кобец Н. Д. Лялькатэрапія ў карэкцыйнай працы з дзецьмі малодшага дашкольнага ўзросту з агульным недаразвіццём маўлення	239
Федь Т. Н. Традиции и новаторство в обучении иностранным языкам в Новом болгарском университете	243

Славянская филология: взгляд молодых исследователей

Балакер Д. А., Водич Н. О. Конфессиональные ценности в наследии Франциска Скорины: социокультурный аспект исследования	248
Бугаева М. В. «Вещные» детали в рассказе «Факир» Т. Н. Толстой	250
Гончарова А. А. Проблема лексической эквивалентности футуристических контекстов романа Д. Митчелла «Облачный атлас» и его переводов на русский язык.....	254
Зелёнок Т. И. Человек как образ-эталон в устойчивом сравнении	257
Зиновенко П. Ю. Содержание понятий «агрессия» и «экстремизм» в юрислингвистике	261
Лабай М. Г. «Песнь о собаке» С. Есенина в переводе Юрки Гаврука: лексические трансформации.....	264
Мартэн Д. С. Онимизация как способ номинации кинопроизведений	268
Мельник О. С. Образ природы в поэтических текстах Ирины Самариной	272
Ярмошевич А. В. Концепт «путь/дорога» в языке А. С. Пушкина	275

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

А. А. Лукашанец (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

НОВЫЯ ВЫКЛІКІ ГЛАБАЛІЗАЦЫІ І ЭКАЛОГІЯ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

Паняцце “экалогія мовы” было ўпершыню ўведзена амерыканскім лінгвістам Э. Хаўгенам у 1970 г. і атрымала шырокае распаўсюджанне пасля апублікавання яго кнігі “Экалогія мовы” [1]. У сучаснай лінгвістычнай навуцы пад экалогіяй мовы разумеецца навуковы “напрамак, які даследуе прыродныя, сацыяльныя і культурныя ўмовы, неабходныя для захавання самабытнасці нацыі і яе мовы: 1) цэльнасць тэрыторыі, 2) захаванне нацыянальнай культуры, 3) захаванне традыцыйных сфер дзейнасці носьбітаў мовы; 4) высокі ўзровень нацыянальнай самасвядомасці” [2, с. 463]. Такім чынам, зыходна біялагічны тэрмін “экалогія” ў адносінах да лінгвістыкі выкарыстоўваецца галоўным чынам для абазначэння асяроддзя існавання і развіцця натуральнай мовы, а само паняцце “экалогія мовы” можна разглядаць як комплекс праблем, звязаных з умовамі, у якіх тая ці іншая мова знаходзіцца, і наколькі гэтыя ўмовы забяспечваюць яе свабоднае і паўнаважнае функцыянаванне і развіццё [3, с. 72].

У сучаснай лінгвістыцы выдзяляюцца тры асноўныя аспекты экалогіі мовы:

– інтралінгвальны (звязаны з культурай маўлення, стылістыкай, рыторыкай і ўключае даследаванні парушэнняў правільнасці маўлення, лагічнасці, выразнасці і іншых камунікатыўных уласцівасцей маўлення);

– інтэрлінгвальны (звязаны са шматмоўем як асяроддзем існавання асобнай этнічнай мовы і з праблемай знікнення моў, а значыць, і са змяншэннем лінгвістычнай шматстайнасці на Зямлі);

– транслінгвальны (звязаны з выкарыстаннем адзінак, сродкаў, рэалій адной мовы, адной культуры ў кантэксце і сродкамі іншай мовы, якая належыць іншай культуры ў мастацкай літаратуры, фальклору, публіцыстыцы [4].

У артыкуле закранаецца менавіта інтэрлінгвальны аспект экалогіі мовы і ставіцца задача абазначыць сацыялінгвістычныя аспекты экалогіі славянскіх моў з пазіцый рэалій XXI ст., у тым ліку і беларускай мовы. Актуальнасць названай праблемы абумоўлена кардынальнымі зменамі моўнай карціны сучаснай Славіі і сацыялінгвістычных сітуацый у славянскіх краінах у канцы XX – пачатку XXI ст., а таксама працэсамі глабалізацыі і міжнароднай інтэграцыі і фарміраваннем новых сфер камунікацыі і трансляцыі інфармацыі.

Зыходнай гіпотэзай даследавання з’яўляецца ідэя, што ідэальным асяроддзем для існавання, развіцця і функцыянавання любой натуральнай мовы з’яўляецца сітуацыя аднамоўя. У гэтым выпадку натуральная мова выступае адзіным сродкам камунікацыі для яе носьбітаў і абслугоўвае ўсе сферы моўных зносін, якія адпавядаюць узроўню развіцця данага соцыуму. Кантакты з іншымі мовамі могуць толькі садзейнічаць абагачэнню слоўнікавага складу гэтай мовы і пашыраць культурнае поле яе носьбітаў.

Разам з тым неабходна адзначыць, што ў сучасных умовах гэты дастаткова традыцыйны погляд на праблему экалогіі мовы істотна ўскладняецца фарміраваннем такой новай сферы камунікацыі, як кіберпрастора, якая становіцца неад'емнай і вельмі важнай, практычна жыццёва неабходнай сферай моўных зносін і трансляцыі інфармацыі для сучаснага грамадства.

Такім чынам, можна гаварыць пра ўнутраныя (актуальная моўная сітуацыя ў сучасных славянскіх краінах і месца ў ёй тытульнай славянскай мовы) і знешнія (уплыў працэсаў глабалізацыі і міжнароднай інтэграцыі на развіццё і функцыянаванне сучасных славянскіх моў у нацыянальным соцыуме) сацыялінгвістычныя фактары экалогіі славянскіх моў, у тым ліку беларускай.

Да ўнутраных сацыялінгвістычных фактараў неабходна ў першую чаргу аднесці ступень манаэтнічнасці соцыуму, асаблівасці моўнай сітуацыі і месца тытульнай (нацыянальнай) мовы ў ёй, наяўнасць заканадаўчага статусу тытульнай мовы, ступень моўнай свядомасці нацыі і г. д.

Пазітыўнымі, г. зн. спрыяльнымі з пункту гледжання экалогіі мовы, безумоўна, унутранымі фактарамі з'яўляюцца манаэтнічнасць соцыуму, сітуацыя пераважна аднамоўя і афіцыйны статус мовы, а таксама высокі ўзровень моўнай кампетэнцыі (моўнага патрыятызму) соцыуму.

Негатыўнымі фактарамі гэтага кшталту трэба лічыць сітуацыі двух- і шматмоўя, адсутнасць заканадаўчага статусу афіцыйнай (дзяржаўнай) мовы, недастатковая моўная кампетэнцыя соцыуму і невысокі ўзровень моўнай свядомасці (моўнага патрыятызму) грамадства.

У гэтых адносінах можна сцвярджаць наступнае:

1. Пераважная большасць сучасных славянскіх краін адносяцца да ліку фактычна ці пераважна манаэтнічных і аднамоўных (Польшча, Чэхія, Расія, Балгарыя, Харватыя, Сербія і інш.).

2. Практычна ўсе тытульныя мовы ў славянскіх краінах маюць статус афіцыйнай (дзяржаўнай) мовы [5].

Такім чынам, у пераважна манаэтнічных славянскіх краінах з дзяржаўнай (афіцыйнай) тытульнай мовай рэальна існуюць умовы для дынамічнага развіцця сістэм тытульных славянскіх моў і бесперашкоднага іх функцыянавання ва ўсіх унутрынацыянальных сферах камунікацыі.

Разам з тым для раду славянскіх моў, якія функцыянуюць ва ўмовах заканадаўчага і фактычнага двухмоўя і шматмоўя, існуюць істотныя праблемы ў плане забеспячэння экалагічна спрыяльных умоў іх паўнавартаснага функцыянавання ў важнейшых сферах унутрынацыянальнай камунікацыі. У найбольш складаных у гэтых адносінах умовах знаходзіцца якраз беларуская мова, якая ў XXI ст. развіваецца выключна ва ўмовах блізкароднаснага дзяржаўнага беларуска-рускага двухмоўя. З пункту гледжання моўнай экалогіі беларускай мовы сацыялінгвістычныя і іншыя фактары негатыўнага плана істотна пераважаюць над фактарамі пазітыўнымі.

Так, пазітыўнымі сацыялінгвістычнымі і лінгвістычнымі фактарамі развіцця і функцыянавання беларускай мовы ў XXI ст. трэба, безумоўна, лічыць наступныя: пераважна манацыянальны склад насельніцтва; дзяржаўны статус беларускай мовы; наяўнасць моўнага заканадаўства; узровень развіцця сістэмы

мовы; наяўнасць дастатковай лінгвістычнай базы; існаванне багатай і разнастайнай беларускамоўнай культурнай спадчыны; працягласць пісьмовай традыцыі і стабільнасць правапісных норм.

Але, з другога боку, гэтыя вельмі важныя базавыя фактары экалогіі беларускай мовы ў значнай ступені нівеліруюцца шматлікімі лінгвістычнымі, сацыялінгвістычнымі, прававымі, адукацыйнымі і ментальна-псіхалагічнымі фактарамі негатыўнага характару, да якіх у першую чаргу адносяцца: сітуацыя блізкароднаснага дзяржаўнага двухмоўя; адсутнасць беларускамоўных анклаваў; дамінаванне нятытульнай дзяржаўнай мовы ў важнейшых сферах камунікацыі; недавальняючая беларускамоўная кампетэнцыя соцыуму; ігнараванне на практыцы моўнага заканадаўства; недастатковая прававая кампетэнцыя грамадства; недастатковая моўная самасвядомасць (недастатковы моўны патрыятызм) нацыі.

Такім чынам, беларуская мова сёння вымушана развівацца, функцыянаваць і падтрымліваць сваю нацыянальную адметнасць у выключна неспрыяльных экалагічных умовах унутранага кшталту.

Сацыялінгвістычныя фактары знешняга плана з'яўляюцца ў цэлым аднолькавымі для экалогіі ўсіх славянскіх моў. Тут неабходна звярнуць увагу на тры моманты.

1. Уплыў сучасных працэсаў глабалізацыі на сістэмы славянскіх моў і інтэрнацыяналізацыя іх слоўнікавага складу за кошт іншамоўных запазычанняў. Аднак з пункту гледжання ўплыву на экалогію мовы гэты аспект не з'яўляецца істотным, паколькі практычна ўсе славянскія мовы лёгка адаптуюць іншамоўныя запазычанні і захоўваюць пры гэтым сваю нацыянальную адметнасць.

2. Інтэнсіўнае пранікненне сусветных моў (пераважна англійскай) у сферы ўнутрынацыянальнай камунікацыі. Гэты аспект набывае выключную важнасць для захавання поўнафункцыянальнасці славянскіх моў у сферы ўнутрынацыянальнай камунікацыі.

3. Фарміраванне новай сферы камунікацыі – кіберпрасторы – і праблемы выкарыстання ў ёй нацыянальных моў, у тым ліку славянскіх. Менавіта гэты аспект набывае асабліваю важнасць для экалогіі славянскіх моў, паколькі толькі прысутнасць нацыянальнай мовы ў кіберпрасторы ў сучасных умовах можа забяспечыць іх запатрабаванасць і ў традыцыйных сферах камунікацыі. Таму для славянскіх моў набывае актуальнасць фарміраванне і пашырэнне нацыянальна-моўнага сегмента як ва ўнутрынацыянальнай, так і сусветнай кіберпрасторы. Для беларускай мовы, якая на сённяшні дзень дастаткова шырока прадстаўлена ў гэтай сучаснай сферы камунікацыі, праблема ўскладняецца неабходнасцю стварэння паралельнага паўнацэннага беларускамоўнага сегмента ўнутрынацыянальнай кіберпрасторы.

Такім чынам, для дынамічнага развіцця сістэмы беларускай мовы, яе паўнаважнага функцыянавання ў нацыянальным соцыуме, а таксама гарманізацыі моўнай сферы ў Рэспубліцы Беларусь неабходна ажыццяўленне на агульнадзяржаўным узроўні цэлага комплексу мер, накіраваных на стварэнне спрыяльных экалагічных умоў у сітуацыі дзяржаўнага беларуска-рускага двухмоўя [6, с. 592–595].

Спис выкарыстанай літаратуры

1. Haugen, E. The Ecology of language : Essays / E. Haugen. – Stanford : Stanford University Press, 1972. – 366 s.
2. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с.
3. Лукашанец, А. А. Двухязычие и экология языка / А. А. Лукашанец // Экология языка и речи : межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов : Тамбов. гос. пед. ин-т, 1991. – С. 72–79.
4. Эколингвистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 22.02.2022.
5. Лукашанец, А. А. Сучасныя славянскія мовы ў новых сацыякультурных умовах / А. А. Лукашанец // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб. науч. тр. IX Междунар. науч. конф., Брест, 22–23 нояб. 2019 г. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: О. Б. Переход, О. А. Фелькина ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2020. – Ч. 1. – С. 6–9.
6. Лукашанец, А. А. Государственные языки / А. А. Лукашанец // Республика Беларусь – 25 лет созидания и свершений : в 7 т. – Минск : Беларус. навука, 2020. – Т. 1. – С. 553–595.

О. Ю. Крючкова (г. Саратов, Российская Федерация)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭЛЕМЕНТОВ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНО- ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПОДСИСТЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА В РЕЧИ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЯ-СТАРООБРЯДЦА

Речь диалектоносителей, принадлежащих старообрядческому направлению русского православия, представляет собой особую форму коммуникации. Специфика коммуникативного поведения диалектоносителей-старообрядцев обусловлена синтезом укорененных в их сознании лингвокультурных систем – традиционной народной культуры и культуры старообрядчества. К числу значимых черт традиционной народной культуры относится ее бесписьменность (этим свойством, в частности, порождается нефункциональная вариативность как типичное для диалектной речи явление). К доминантным чертам старообрядческой культуры относится, напротив, ее книжно-письменный характер [1], стимулирующий лучшее осознание речи, преодоление ее нефункционального варьирования [2].

Объектом анализа стали записи речи диалектоносителя 1920 г. р. (АМР), имеющего начальное образование, потомственного старообрядца, коренного жителя с. Белогорное (бывш. Самодуровка) Вольского района Саратовской области (материал собран сотрудниками Саратовского университета в ходе диалектологических экспедиций 1996–2009 гг.).

Фонетические и грамматические особенности речи информанта соответствуют чертам местного среднерусского окающего говора, характеризующегося неполным оканьем; ёканьем; утратой интервокального йота со стяжением гласных (*знат, выбирашь*); функционированием стяженных форм постпозитивных частиц (*на роботу-ту, сёлы-ти, дом-от*); окончаний

-ими у существительных в Т. п. мн. ч. в безударном положении после заднеязычных согласных (*палкими*); использованием в И. п. мн. ч. местоименной формы *оне*, в Т. п. ед. ч. – с *нём*; наличием в глагольных формах возвратного постфикса *-си* (*отказалси, собираемси*), употреблением деепричастий на *-миши* в предикативной функции (*мы с нём брякнёммиши / <...> ну и раз / второй раз / третий раз / брякнулись*) и др.

Диалектный характер речи АМР проявляется также в общедиалектных особенностях ее строения, таких как отказ от косвенной речи в пользу прямой, изобразительность речи, совмещение ситуации-темы с ситуацией текущего повествования [3].

Являясь типично диалектной, речь грамотного старообрядца отмечена все же значительной спецификой, которая проявляется и в ее лексическом составе, и в характере дискурсивного взаимодействия элементов разных форм существования языка, и в формах языковой рефлексии.

С точки зрения лексического состава речь диалектоносителя гетерогенна. В ней используются единицы разных социально-функциональных подсистем (причем в сопоставимых пропорциях): собственно диалектные, в том числе семантические и словообразовательные диалектизмы (*маненько, теперьче, ноне, урядить* ‘украсить, нарядить’, *разряжаться* ‘раздеваться, снимать одежду’, *зыбка* ‘колыбель’, *козулки* ‘колени’, *спонадобиться* ‘понадобиться’, *тенёта* ‘паутина’, *кулугур* ‘старовер’, *встречь* ‘навстречу’, *утрось* ‘утром’, *усадыба* ‘земельный участок’); общерусская разговорно-просторечная лексика (*слыхать, эдакий, свидетелься, меньшей, брательник, баба* ‘жена’, *больно* в знач. ‘очень’, *порешить* ‘убить’, *таскать* ‘носить’, *помереть, моментом* ‘тотчас, мигом’); лексика, тяготеющая к литературно-книжной сфере (*брать во внимание, не иметь представления, администрация, предложить, вручить, организовать, сформировать, указание, гибель, общественный, беззаконие*); устаревшая лексика (*сход* ‘собрание’, *управа, вкупе* ‘вместе’, *глаголить* ‘говорить, сказать’, *укрух* ‘ломоть, кусок хлеба’, *чело* ‘лоб’, *рамо* ‘плечо’); новая лексика (*реклама, мультики, НЛО*); специальная (военная) лексика (*танк, пулемёт, блиндаж, связисты, снайпер*).

Значительное место в лексическом составе речи диалектоносителя-старообрядца занимает лексика, связанная с религиозной сферой (*верой*): названия верховного существа и сына Божьего (*Бог, Господь, Исус Христос*); действий и состояний верующих (*молиться, поститься, грех*); религиозных обрядов, служб (*причастие, крещение, миропомазание*); религиозных текстов (*писание, Библия, требник, псалтирь*); религиозных праздников и дат (*Паска, Рождество, Богоявление*); мест религиозных отправлений (*моленна, церковь*); атрибутов религиозной обрядовости (*риза, образа, кадило, купель*); имена лиц – святых, религиозных деятелей, служителей; и лика человекоподобных существ – врагов веры (*Богородица, Иоанн Креститель, патриарх Никон, настоятель; антихрист, сатана*); названия религиозных объединений и направлений (*приход, монашья вера, поповцы, беспоповцы*); оценка вероисповедания (*праведная вера, еретики* ‘приверженцы официальной церкви’), устойчивые

выражения с теонимами (*без Бога не до порога; по Божью велению; кесарю кесарево, а Богу Богово*).

Элементы разных социально-функциональных языковых подсистем и дискурсивных сфер образуют своеобразный сплав в речи диалектоносителя-старообрядца. Устаревшие, книжно-литературные, разговорно-просторечные единицы контактируют в одном узком контексте с собственно диалектными формами, т. е. чаще всего функционально не распределены в речи говорящего. Ср.: *к воды ходить я не в состоянии; меня наведуют* [дети, живущие в городе] / *и мне всё продукцию заготовят на неделю*; [о старообрядцах-безбрачниках] *оне вот доживают / до шестьдесят лет / женищина / если с мужчиной живёт / <...> она... и говорит / <...> «я больше прекращаю с тобой жизнь жить / <...> я иду в моленну» / монашка / «а ты как хочешь» / вот такая у них ерунда.*

Широко представлен в речи старообрядца синтез элементов религиозного и диалектно-бытового дискурсов. Религиозная лексика функционирует в речи АМР в «диалектной аранжировке» (*Рождество, Паска*), либо (чаще) в окружении характерных для говора фонетических и грамматических диалектизмов, ср.: [сопоставление старообрядческих и церковных канонов] в *этим / в писании-ти // у нас / у нас-ту по-божии писании-то / а оне вроде тоже по-божии / но по-другому совсем.*

Религиозная лексика семантически модифицируется, претерпевает в речи диалектоносителя «обытовление». Так, вышедший из употребления глагол *услужать*, восходящий к лексике религиозной сферы (в знач. ‘служить, поклоняться’), используется информантом в бытовом значении, ср.: *мне принесли извещение... уплатить за услуги / а мне кто будет услужать? / мне восемьдесят лет будет // мне с кого требовать? // у меня вот сейчас воды нету вот // сейчас страдаю из-за воды...* (мотивационное отношение *служить* → *услужать* замещается отношением *услуга* → *услужать*, в котором абстрактное значение религиозного служения преобразуется в конкретно-бытовое значение оказания услуги, помощи); слово *Библия* употребляется в расширительном значении ‘книга, содержащая ценные исторические сведения’: *вот токо у кого она / хто её таит / не знай / Библия / нашего сёла вот / специально сёла нашего Библия вот / в ней всё указано / откуда-т появились самодуры / и почёму она Самодуровка.*

Нерелигиозная лексика, включенная в контексты религиозной тематики, также испытывает семантические изменения. Ср: *и надо всем хозяйничает Бог*. Глагол *хозяйничать* имеет здесь положительную коннотацию, не свойственную в данном значении литературному употреблению (ср. в МАС: *хозяйничать* в 4-м знач. – ‘бесцеремонно распоряжаться, делать что-л. по своему усмотрению’). Выражаемая диалектоносителем положительная оценочность связана, по всей видимости, с безусловно положительным для носителя традиционной народной культуры коннотативным потенциалом данного слова в его основном первичном значении ‘вести хозяйство, заниматься хозяйством’.

Лексемы разных дискурсивных сфер вступают в речи АМР в отношения лексической синонимии, напр., *настоятель* и *председатель*: *Павел... Анатольевич / он председатель / этой моленной // председатель этой общины*

нашей <...> это **настоятель** / а ёму... этому **председателю**... вот письмо даже это вот ёму перешлите <...> там... внутри кладбища моленна / молельный дом / **настоятель** Портнов.

Во всех приведенных случаях отмечается функциональная недифференцированность средств разных социально-функциональных подсистем, разных дискурсивных типов, т. е. нефункциональная вариативность речи.

Вместе с тем наблюдаются и элементы преодоления нефункциональной вариативности. Так, церковнославянские фонетические и грамматические формы встречаются обычно в речевых фрагментах, апеллирующих к письменным источникам, ср.: *там опять написано...* / **«смешавшихся языци / и навлекоша все дела дьявольские»**. Устойчивой в таких фрагментах является предикативная конструкция с глагольной связкой в настоящем времени: *там в писании **есть** писано; у нас **есть** в уставе сказано; а с еретиком / тоже **есть** написано / с еретиком / вот не пить / и не есть / и не вкупе Богу молиться*.

Преодоление свободного (нефункционального) варьирования выражается также в осознании используемых речевых средств (следствием такого осознания являются метакомментарии). Например, функциональная ограниченность устаревшей лексики иногда (но не всегда) осознается говорящим, что стимулирует его к метакомментариям, ср.: *крест должен быть сложенный / двоеперстие / и надо класть на **чѣло** / это вот называется лоб – чѣло / на пуп / на левое рамо... на правое рамо / его надо / и чтобы / стук креста слышно было на раме*.

В целом монологические фрагменты речи АМР представляют собой тип «смешанного» текста, объединяющего элементы разных языковых подсистем: диалектизмы разных уровней, разнородные лексико-фразеологические и грамматические средства (просторечные, книжные, устаревшие единицы, единицы религиозной сферы). Речь грамотного диалектоносителя представляет собой тип коммуникации, иллюстрирующий переход от бесписьменной народноречевой традиции к культуре, включающей элементарную грамотность (о соотношении признаков устности, бесписьменности, грамотности в диалектной коммуникации [2]).

Список использованной литературы

1. Никитина, С. Е. Старообрядчество как конфессиональная культура: взгляд этнолингвиста / С. Е. Никитина // История и география русских старообрядческих говоров. – М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1995. – С. 84–92.
2. Гольдин, В. Е. Заметки о речи устной, речи бесписьменной и языковом сознании диалектоносителей / В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова // Тр. Ин-та рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 2017. – Вып. 12 : Диалектология. – С. 263–271.
3. Гольдин, В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : дис. ... д-ра филол. наук в виде науч. докл. / В. Е. Гольдин. – Саратов, 1997. – 52 с.

Л. В. Биденко (г. Сумы, Украина)

ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЕ УКРАИНСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Современный мир представляет собой информационное общество. И это особенно чувствуется, когда мы оказались в сложной ситуации, связанной с карантинными ограничениями. Именно локдаун заставляет руководство высшей школы и научно-педагогический состав стремительно реагировать на современные требования, искать новые формы и методы проведения занятий в формате онлайн или дистанционного обучения.

Перед преподавателями кафедр языковой подготовки иностранных граждан каждый день возникают новые вопросы, ведь владение любым иностранным языком, в том числе украинским, обеспечивают основные виды речевой деятельности: слушание, говорение, чтение, письмо.

Если полностью перейти на онлайн-обучение (или на длительное время), то какие средства преподавания в сети Интернет мы должны использовать? Какими принципами обучения руководствоваться, чтобы повысить уровень овладения украинским языком в новых условиях онлайн-обучения? Какое место отводится информационным технологиям в процессе формирования коммуникативной компетенции.

На все эти вопросы должны ответить методисты, лингводидакты, чтобы помочь преподавателю в новых условиях обеспечить качественное, эффективное обучение языку.

Анализ научных трудов отечественной и зарубежной дидактики и лингводидактики свидетельствует, что в теории и практике высшей школы накоплен значительный опыт использования разнообразных информационно-коммуникационных технологий: проанализированы и систематизированы дидактические подходы к толкованию понятия «технология», «цифровое обучение» (В. Матросов, Г. Селевко, В. Ситаров, В. Якунин и др.); определены дидактические основы и закономерности информатизации учебного процесса в высшей школе (М. Антонченко, И. Башмаков, В. Биков, М. Жалдак, К. Пиотровская и др.); выяснены возможности применения информационно-коммуникационных технологий в профессиональном филологическом образовании (О. Семенов, Н. Сороко, Л. Струганец, Н. Якименко и др.); исследованы особенности применения цифрового обучения в учебном процессе высшей школы (В. Иванов, Н. Кичук, И. Крылов, И. Роберт и др.)

Однако, как свидетельствует анализ научной литературы, еще недостаточно уделено внимания новым формам работы в системе онлайн-обучения и недостаточно исследований по описанию лингводидактических принципов их применения.

Цель статьи – проанализировать понятие «онлайн-обучение» как лингводидактической дефиниции, определить основные ее характерные

признаки и методические возможности для реализации в процессе преподавания украинского языка как иностранного.

Онлайн-обучение / интернет-образование (англ. *online tutoring*) – это образование, которое осуществляется с использованием ресурсов и технологий Интернета. По мнению лингводидактов, онлайн-обучение – это преимущественно вынужденная форма, подражающая приемам очного обучения. Традиционно в методике дефиниция понятия «обучение» трактуется как «специально организованный, управляемый процесс взаимодействия преподавателя и студента, направленный на усвоение знаний, умений и навыков, формирование мировосприятия, развитие умственных способностей и потенциальных возможностей человека» [1, с. 233].

В связи с этим онлайн-обучение можно определить как такое же взаимодействие преподавателя и студента с целью получения знаний, умений и навыков, предусмотренных рабочими программами, реализуемыми с помощью средств и приемов, которые могут быть обеспечены интернет-технологиями. Однако применение возможностей Интернета выводит онлайн-обучение на несколько иной уровень.

В лингводидактике методисты и ученые часто смешивают понятия онлайн-обучение и дистанционное обучение и отмечают, что они имеют общие признаки, однако, как доказывает практика и анализ исследований ученых И. Иванюк, С. Зайцевой, В. Самалюк и др., это разные педагогические категории. По мнению украинских исследователей (В. Спиваковского, С. Громового), онлайн-обучение представляет собой реализуемое в условиях реального времени обучение с синхронным общением участников учебного процесса, тогда как дистанционное обучение – это асинхронное общение. Зарубежные ученые отмечают, что онлайн-обучение является одной из форм дистанционного обучения. Мы разделяем эту точку зрения и считаем, что онлайн-обучение – это «взаимодействие преподавателя и студента между собой на расстоянии. Это взаимодействие преследует цель, содержит содержание, методы, организационные формы, средства обучения и реализуется при помощи специфических средств интернет-технологий». Онлайн-обучение имеет свои характерные признаки, не являющиеся обязательными условиями для реализации дистанционного обучения: а) обучение осуществляется в режиме реального времени с постоянным доступом к Интернету с помощью специальных программ; б) рабочее место должно быть оборудовано необходимыми средствами (камерой, микрофоном); в) активные формы взаимодействия участников учебного процесса [2].

Таким образом, онлайн-обучение представляет собой организованный учебный процесс в цифровом формате с помощью интернет-технологий, приближенных к традиционному обучению.

Основной организационной единицей учебного процесса является урок (в высшей школе – практическое занятие). Традиционно урок трактуют как целостный, логически заверченный, ограниченный во времени, регламентированный объемом учебного материала основной элемент

педагогического процесса, обеспечивающий активную и планомерную учебно-познавательную деятельность студентов, направленную на решение определенных задач.

Рассмотрим, насколько занятия по украинскому языку как иностранному могут отвечать всем требованиям основной организованной единицы учебного процесса и быть целостной структурной единицей системного онлайн-обучения. На современном этапе развития технических возможностей интерактивного формата онлайн-урок может осуществляться с помощью специальных программ: 1) веб-платформ для проведения вебинаров (Zoom, Google Meet, My Own Conference, Webinar.ua и др.); 2) современных видеомессенджеров Skype, Viber, WhatsApp.

Следовательно, вышеперечисленные программы позволяют проводить занятия как индивидуально, так и с группой. Преподаватели и студенты имеют возможность не только видеть друг друга, но и работать с материалом, транслируемым в специальных «окошках».

Безусловно, использование каждой специальной программы имеет свои недостатки и преимущества, а работа преподавателя приобретает новые факторы, связанные с реализацией речевых умений. Время для подготовки материалов увеличивается в разы (особенно на начальном этапе изучения языка). Необходимо заранее записать видеофайлы, чтобы студенты имели возможность отрабатывать дома произношение звуков, интонацию и т. д., подготовить материал для письма, чтения и аудирования.

Инструментальные средства обучения в таком информационном формате называют электронными средствами обучения, к которым мы относим электронные пособия, онлайн-пособия, веб-сайты, авторские электронные ресурсы. К авторским электронным ресурсам относятся все известные разработанные преподавателем презентации, фото, грамматические таблицы, инфографики и т. д. Современный этап развития технических возможностей дает широкие перспективы для педагогического творчества: сервисы по созданию презентаций; сервисы, позволяющие создавать ребусы (rebus1.com; Word It Out; Canva и т. п.); тесты, упражнения, тренинги, викторины (Google Classroom, Quizizz, SurveyMonkey и др.); видеоредакторы онлайн (Videopat Editor).

Для дистанционного обучения этот перечень электронных средств обучения несколько шире, так как ресурсы, которые можно использовать в процессе самостоятельной работы и при выполнении задания без помощи преподавателя, преимущественно в режиме онлайн-обучения, неэффективны во время дистанционного обучения. Так, для дистанционного обучения могут быть использованы электронные курсы (дистанционные курсы украинского языка, которые расположены на образовательных порталах университетов). Однако эти курсы доступны только для студентов университета, для других же иностранных граждан, готовых изучать самостоятельно украинский язык, нет открытого доступа, что сужает возможности иностранных граждан и преподавателей.

Сайтов, позволяющих бесплатно изучать язык, не так уж много. В Украине есть несколько открытых сайтов, которые можно использовать для изучения языка. Например, недавно созданный портал SpeakUkraine (<https://speakukraine.net>), где предлагаются 25 наиболее часто используемых тем, почти 100 уроков для быстрого овладения украинским языком. Материал может дополнять работу преподавателей украинского как иностранного. Кроме того, на портале есть ссылки на электронные ресурсы, учебники украинского для иностранцев, мобильные приложения, которые помогут изучить украинский, и т. д.

Отметим, что электронные средства обучения могут стать материалом для домашней работы в рамках реализации онлайн-уроков. Их можно применять и на занятиях, последовательно присоединять в чат-окне видеомессенджера презентации, страницы пособий, аудио- и видеоматериалы для прослушивания и просмотра, ссылки на интернет-ресурсы и т. д. Преподаватель последовательно открывает нужные файлы, заменяющие традиционные записи на доске. Онлайн-обучение не дает возможности применять записи на доске, традиционно сопровождающие объяснения преподавателя. Функция же «Демонстрация экрана» позволяет делать электронные записи в любых приложениях, а студентам в режиме реального времени наблюдать и анализировать записанную информацию. К тому же студенты смогут демонстрировать выполнение упражнений, презентаций, таблиц и т. д.

Таким образом, онлайн-урок является структурно организованной единицей онлайн-обучения, назначение которого состоит в достижении завершённой цели обучения, реализуемой в режиме реального времени с бесперебойным доступом в Интернет, с применением специальных электронных средств обучения и активных форм взаимодействия преподавателя и студента.

Список использованной литературы

1. Гончаренко, С. У. Український педагогічний словник / С. У. Гончаренко ; гол. ред. С. Головка. – Київ : Либідь, 1997. – 373 с.
2. Овчарук, О. В. Результати онлайн-опитування «Потреби вчителів у підвищенні фахового рівня з питань використання цифрових засобів та ІКТ в умовах карантину» [Електронний ресурс] / О. В. Овчарук, І. В. Іванюк // Вісн. Нац. акад. пед. наук України. – 2020. – Т. 2, № 1. – Режим доступу: <https://doi.org/10.37472/2707-305X-2020-2-1-7-1>. – Дата доступу: 30.10.2021.

Т. Н. Савчук (г. Минск, Республика Беларусь)

ПРИЕМЫ ЛОГИКО-СМЫСЛОВОГО АКЦЕНТИРОВАНИЯ В НАУЧНО-ГУМАНИТАРНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Аргументация в сфере гуманитарных наук представляет собой нацеленную на убеждение интеллектуально-коммуникативную деятельность членов профессионального (научно-гуманитарного) сообщества. Учитывая, что всякое воздействие (в том числе убеждающее) имеет градуальный характер, можно

прогнозировать стремление ученого-аргументатора интенсифицировать обоснование и тем самым увеличить вероятность принятия адресатом пропонируемой точки зрения. Естественно ожидать, что в научном дискурсе для этого используются в первую очередь рациональные (интеллектуальные) средства.

Как показывает исследование письменной научно-гуманитарной практики, интеллектуальное усиление аргументации на вербальном уровне достигается с помощью логико-смыслового акцентирования – языкового выделения, подчеркивания элементов высказывания, концептуально значимых в определенном аргументативном контексте. Анализ научных статей гуманитарного профиля на русском и белорусском языках, опубликованных в рецензируемых изданиях за 2001–2021 гг., позволил выделить три группы приемов логико-смыслового акцентирования.

К первой группе относится вербальная маркировка конstituентов аргументации (тезис, доводы), внутрисистемных логических и прагматических связей (формы, схемы, структуры, стратегии, тактики, приемы). Включение в дискурс разного рода аргументативных вербализаторов (типология [1, с. 120–136]) согласуется с нормами аргументирования, ориентирующими коммуникантов на кооперацию. Необходимым ее условием выступает заинтересованность аргументатора в том, чтобы передаваемое им сообщение было адекватно воспринято и понято реципиентом. Реализация такой когнитивной установки напрямую зависит от степени точности, ясности представления продуцирующим субъектом результатов своей мыслительной деятельности (что, заметим, особенно важно в письменном дискурсе, когда адресат физически отсутствует).

Рационализации аргументативного воздействия способствует указание на познавательный, логический и фактический статус суждений. Для этого в состав индикаторов тезиса/аргументов (как правило, фактуальной аргументации) вводятся маркеры модальностей – эпистемической: *известно, установлено, показывает, демонстрирует, подтверждает, свидетельствует, доказывает, подтверждение, свидетельство, доказательство/вьодома, пацвярджае, сведчыць, даказвае, пацверджанне, сведчанне, доказ* и алетической: *обусловлено, фактически, логически, ясно, понятно, очевидно, неслучайно, закономерно, естественно / абумоўлена, фактычна, відавочна, зразумела, невыпадкова, заканамерна, натуральна* и др.

Насыщенность дискурса вербализаторами разных видов максимально усиливает интеллектуальную поддержку аргументации: *Возвышение шаблонности до уровня универсальной ценности губительно не только для управленческой культуры, но и для культуры в целом. Она служит основанием для стандартизации мышления... В результате реальное развитие заменяется его симулякрами. В условиях провинциальных регионов эта тенденция стимулируется косностью социокультурной среды, которая многократно усилилась в последние десятилетия в результате деградации культуры и образования, причины которой связаны, в том числе, и с бюрократизацией этих сфер* (НИК, с. 108). В приведенном текстовом фрагменте маркируются: каузальная

(негативно-оценочная) схема аргументации, все виды сложных структур (сочинительная, множественная, подчинительная), градация аргументов, регрессивная и прогрессивно-регрессивная формы обоснования, стратегия подтверждения (обращение к реальности), тактика сближения с адресатом (рациональное объяснение).

Вторая группа приемов вербальной рационализации научного дискурса включает языковые средства, выделяющие логические доминанты сообщения, направляющие таким образом внимание адресата на значимые аспекты содержания речи. Расстановка логических акцентов обычно осуществляется с помощью частиц *только, лишь, именно / толькі, менавіта, іменна* и образованных с их участием устойчивых структур: *только если; только в (том) случае, если (когда); тогда (и только тогда), когда; только (лишь) при условии; лишь тогда / толькі тады; толькі ў тым выпадку, калі; менавіта адсюль вынікае; менавіта таму; менавіта з гэтага (і) пачынаецца* и т. п. Конструкции такого рода маркируют сильную каузальную связь – эквивалентность, т. е. выступают формальными показателями логической истинности, что наделяет их значительным воздействующим зарядом. Эффект рациональности возрастает при совмещении в аргументирующем рассуждении нескольких акцентирующих компонентов: *Чалавецтва здольнае развівацца толькі ў тым выпадку, калі яно задаецца пытаннем адносна магчымасці пашырэння сваёй пазнавальнай прасторы, неабходным механізмам чаго заўсёды выступала навука. Менавіта яна стварае новыя веды, рэагуе на іх сацыяльную запатрабаванасць* (ВНАНБ2, с. 5).

Промежуточное положение между первой и второй группами нашей типологии занимают маркеры иерархии доводов внутри сложных структур аргументации: *как... так и... а главное; не только... но прежде всего; во-первых... во-вторых... в-третьих... и, наконец; в первую очередь... далее... наконец (в итоге) / як... так і... а таксама; не проста... а зусім; не столькі... колькі... больш таго; перш за ўсё... далей... і ў выніку* и др. С одной стороны, эти языковые единицы служат вербализаторами различных структурных объединений аргументов, с другой стороны, они акцентируют логическую градацию доводов.

Убеждающий эффект применения в дискурсе языковых средств, ассоциированных с логикой и логичностью (очевидно, что к такой категории относятся аргументативные вербализаторы), отмечается в риторике («яркая экспликация логических связей□» убеждает адресата [2, с. 14]). В стилистике подобные языковые единицы квалифицируются как показатели «подчеркнутой логичности и связности» научного текста, его «когезии и когерентности», как «дискурсивные маркеры, обеспечивающие связность текста» [3, с. 66–67]. С точки зрения лингвистической теории аргументации (в частности, разработанной нами конвергентной концепции), наличие в тексте вербальных показателей аргументативности (шире – логичности) рассматривается как действенный способ интенсификации рационального речевого воздействия, но отнюдь не как гарантия высокого качества аргументации (подробно о возможных ошибках, связанных с употреблением аргументативных

вербализаторов [1, с. 204–209; 4]). Разница подходов показательна в том смысле, что демонстрирует преимущества нормативно-прагматических исследований на фоне чисто дескриптивных. Это можно подтвердить и анализом следующего дискурсивного фрагмента: *В ходе аргументации он [автор-исследователь – Т. С.] должен четко обосновывать свои аргументы и контраргументы, но при этом продемонстрировать профессиональное уважение к другой точке зрения. Одним из средств, обеспечивающих автору возможность эффективно реализовать стоящие перед ним задачи взаимодействия с профессиональным коллективом, являются ЭМС и ЭМВ... Именно поэтому можно сказать, что критическое оценивание содержания чужих утверждений разворачивается в научной письменной коммуникации в ограниченно-уступительном модусе* (ВСПБУ, с. 602). Автор статьи пытается обосновать необходимость использования в письменной научной аргументации эпистемических модальных слов и выражений с семантикой сомнения, некатегоричности. При этом, как видно, он прибегает к логико-смысловому акцентированию. Однако наличие в данном рассуждении аргументативных вербализаторов (в частности, показателя тезиса в сочетании с логическим акцентуатором) не позволяет скрыть несостоятельность аргументации: из нормативного суждения неправомерно выводится дескриптивное. Подмена модальности не только не интенсифицирует воздействие на реципиента, но, напротив, ослабляет его.

Третья группа приемов логико-смыслового акцентирования формируется средствами интеллектуальной (рациональной) оценки. К ним относятся выражения, содержащие стандартные аксиологические акцентуаторы: *большое (особое, принципиальное) значение; ключевая роль; важная задача; надежный критерий / вялікае значэнне; істотная акалічнасць; значнае месца; грунтоўна распрацавана* и др. Более интенсивному воздействию способствует употребление адъективных и адвербиальных лексем, обозначающих высокую степень качества (*очень важный факт; весьма показательно; особенно негативно / вельмі актуальны; надзвычай важная роля; велізарны вопыт* и т. п.), в том числе суперлативных форм (*важнейшая особенность; сложнейшая задача; наиболее эффективно / самы кардынальны пераварот; найважнейшы аспект; найбільш поўна; адна са складанейшых праблем* и др.), а также образно-оценочных акцентуаторов (*яркая иллюстрация; мощные эффекты; судьбоносная задача; весомый аргумент / яркі прыклад; вострая праблема; яскрава сведчыць; выразна адлюстроўваецца* и др.).

Относительно прагматического статуса приведенных выше оценочных вербальных единиц мнения специалистов не совпадают. Одни исследователи рассматривают их в ряду средств выражения «психологичности» научного текста (см., напр., [5]), другие заявляют о «затухании» эмоциональности подобных языковых единиц в научных текстах, об «угнетении их эмотивного значения» и «штампованности» (см., напр., [6, с. 165]). На наш взгляд, противоречие между этими двумя позициями снимается, если принять в расчет контекстную и ситуативную обусловленность прагматического значения вербальных компонентов дискурса. Подобные оценочные акцентуаторы

в гуманитарных текстах используются регулярно и воспринимаются как речевые стереотипы, которые не выходят за рамки рациональности и формируют специфическую для гуманитаристики научную идиоматику. Это подтверждается даже случайной выборкой. Так, в белорусскоязычной социологической статье (ВНАНБ1) отмечено 18 аксиологических акцентуаторов, из которых 5 – стандартных (*актуальнае/цікавае/важнае пытанне, важная мэта, фундаментальнае паняцце*), 3 – образных (*вострае пытанне, вострая праблема, астранамічная лічба*), 2 – интенсифицированных (*зусім недастатковы, зусім правільна*), 8 – суперлативных форм (*важнейшы сегмент, важнейшыя рэгулятары* + 6 выражений с суперлативом *найважнейшы: паказчык, крытэры, (структурны) элемент, пласт, сегмент*). В этом контексте перспективным представляется дальнейшее исследование вербальных усилителей аргументации с привлечением количественных методов и широких баз данных.

Рассмотренные приемы логико-смыслового акцентирования, объединенные функцией интенсификации аргументативного воздействия, обладают различным прагматическим потенциалом. Вероятность наступления желаемого перлокутивного эффекта в значительной мере обусловлена плотностью этих приемов в дискурсе, а также способами их сочетания. Выбор тех или иных вербальных рационализирующих средств происходит под влиянием многих факторов, среди которых специфика гуманитарной научной дисциплины, характер исследуемой темы, проблемы, личностные параметры ученого-аргументатора (в том числе идиостиль) и пр. Оценка эффективности такого рода средств предполагает критический анализ, производимый с учетом констатируемых параметров коммуникации.

Список сокращений

ВНАНБ1 – Адула, Т. І. Інтэлектуальны капітал у дынаміцы грамадства XXI стагоддзя / Т. І. Адула // Вес. НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2016. – № 3. – С. 4–11.

ВНАНБ2 – Лазарэвіч, А. А. Ад інавацый у навуцы да інавацый у грамадстве / А. А. Лазарэвіч // Вес. НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2007. – № 1. – С. 4–9.

ВСПБУ – Нефёдов, С. Ф. Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей) / С. Ф. Нефёдов // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Язык и литература. – 2017. – Т. 14, вып. 4. – С. 599–610.

НИК – Бабинцев, В. П. «Антиинтеллигенция» и «неинтеллигенция» в структуре работников умственного труда / В. П. Бабинцев // Наука. Искусство. Культура. – 2015. – Вып. 5. – С. 106–114.

Список использованной литературы

1. Савчук, Т. Н. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе / Т. Н. Савчук. – Минск : Изд. центр Белорус. гос. ун-та, 2018. – 279 с.

2. Хазагеров, Г. Г. Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс / Г. Г. Хазагеров // Социол. журн. – 2010. – № 2. – С. 5–21.

3. Резанова, З. И. Функционирование дискурсивных маркеров в научном тексте: этнокультурные и дискурсивные детерминации / З. И. Резанова, С. В. Когут // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2016. – № 1 (39). – С. 62–79.

4. Савчук, Т. Н. «Ложная навигация» в аргументирующем рассуждении (на материале русских и белорусских научно-гуманитарных текстов) / Т. Н. Савчук //

Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб. науч. тр. VIII Междунар. конф., Брест, 23–24 нояб. 2017 г. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т ; редкол.: Л. А. Годуйко [и др.] ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2018. – Ч. 2. – С. 108–112.

5. Котюрова, М. П. О модели «качество научного текста» (к уточнению понятия «логичность – психологичность») / М. П. Котюрова // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Гуманитар. исслед. – 2019. – № 5 (1). – С. 6–15.

6. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – М. : URSS : Либроком, 2009. – 204 с.

Л. А. Годуйко (г. Брест, Республика Беларусь)

НОМИНАТИВНАЯ, СТРУКТУРНО-ДЕРИВАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА ГЕМЕРОНИМИИ МИНЩИНЫ

Развитие информационного общества является одним из приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь и рассматривается как общенациональная задача, требующая консолидации усилий государства, бизнеса и гражданского общества [1]. Важная роль в данном процессе принадлежит медиа. О массовости последних в нашей стране, разнообразии их тематики свидетельствует, в частности, продуктивность, мобильность такой группы имен собственных (ИС), как гемеронимы.

Объектом нашего исследования выступили печатные СМИ (*газ.* – газета, *жур.* – журнал), телеканалов (*ТК*), телепрограмм (*m/n*), радиостанций/радиостудий (*РС*), радиопрограмм (*p/n*), интернет-изданий, порталов (*u/u*) г. Минска, Минской области. Невзирая на периферийное положение гемеронимов в ономастическом пространстве, данный разряд ИС проявляет элементы системности, демонстрирует номинативное и структурно-деривационное своеобразие.

1. С номинативной точки зрения исследуемые ИС объективируют две интенции имядателя – вербализовать информацию либо о называемом медиа, либо о его целевой аудитории, о самом имядателе. Соответственно, гемеронимы распадаются на два основных номинативных типа (выделяем их вслед за О. С. Горяевым [2, с. 12]): отобъектно мотивированные (отобъектные) и неотобъектно мотивированные (неотобъектные).

1.1 В основе отобъектных ИС лежат тематические мотивы (ТМ):

1.1.1 «информация, способ ее передачи»: *газ.* «*Раённы веснік*», «*Спорт-куррьер*», «*МИУ інфармурует*» (Минский институт управления); *жур.* «*Доклады Национальной академии наук Беларуси*»; *m/n* «*Главный эфир*», «*Суразмоўцы*», «*Сваімі словамі*», «*24 вopроса*», «*Большой репортаж*», «*Диалог в прямом эфире*», «*Ничего себе ньюз*»; *РС* «*Навіны Барысаўшчыны*», «*Голос*»; *p/n* «*Добравесце ад паэзіі*», «*Тэрыторыя гуку*» и др.;

1.1.2 «канал распространения информации»: *газ.* «*Маладзечанская газета*»; *жур.* «*Белорусский экономический журнал*»; *ТК* «*Слуцк ТВ*»; *РС* «*Радио-Минск*», «*Бярэзінская хваля*»; *p/n* «*Радыёслужба бяспекі*» и др.;

1.1.3 «специализация, жанр, проблематика СМИ» (общественно-политическое, отраслевое, рекламное и т. д.), «тема программы»:

газ. «Працоўная слава», «Рэспубліка», «Туризм и отдых», «Женская газета»; жур. «Планета», «Государственный контроль: анализ, практика, комментарии» (учредитель – Комитет государственного контроля Республики Беларусь), «Беларуская лінгвістыка», «Экологический вестник», «1000 советов кулинару»; т/п «Рекламный Солигорск», РС «Беларусь православная», «Юмор FM»; и/и «naviny.by», «pogoda.by», «nalog.by», «rebenok.by» (для родителей), «hockey.by» и др.; т/п «Крылья Победы», «Живая спадчына», «Арт-истории», «События»; р/п «Беларусь – Расія», «Музычны фальварак», «IT-краіна» и др.;

1.1.4 «время, временной отрезок»: газ. «Беларускі Час»; жур. «Беларускі археаграфічны штогоднік»; т/п «Новости: Время местное»; РС «Раніца Нясвіжчыны»; р/п «Отличный день», «Вячэрняя казка» и др.;

1.1.5 «место издания/выхода в эфир/регистрации»: газ. «Родны край», «Прысталічча», «Бярэзінская панарама»; жур. «Предпринимательство в Белоруссии», «Труды БГТУ»; ТК «Беларусь-1», «СТВ» (столичное), «МІНСК TV»; РС «Жодино»; р/п «Центр Европы»; и/и «belnovsti.by» и др.;

1.1.6 «позитивная оценка СМИ»: газ. «Очень интересная газета», «Полезная газета», «Лучшие скандинавские кроссворды», «Сканворды без очков»; ТК «Светлое ТВ»; т/п «Актуальное интервью», «Понятная политика»; РС «Душевное радио», «Альфа радио» и др.

1.2 Неотобъектные гемеронимы репрезентируют ТМ:

1.2.1 «номинатор» (нередко данный ТМ связан/совпадает с ТМ 1.1.5): газ. «Універсітэт» (БГУ), «Шахцёр», «Новости БелАЗа»; жур. «Весці БДПУ», «Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь»; ТК «Свет-ТВ» (ОДО «Свет»); РС «Би-Эй» / «Радио Би-Эй» (белорусско-американское СП «Би Эй Интернешнл») и др.;

1.2.2 «целевая аудитория» (ИС одновременно могут указывать и на номинатора, и на локацию СМИ, и на его тематику, и на героев медиатекстов): жур. «Гаспадыня», «Главный бухгалтер»; т/п «Беларусы»; РС «Молодёжный канал», «Wargaming.FM» (для ценителей игр от одноименной компании), «Мужское радио», «Народное радио» и др.

Медианоминации не только обозначают своего адресата, но и нередко устанавливают с ним эмоциональный контакт, побуждают потребителя контента отождествлять себя с имядателем, его профессиональной, возрастной, гендерной и т. д. группой, для чего используются: а) личные, притяжательные местоимения: газ. «Я на пенсии», «Твое здоровье»; т/п «Наш 2019»; РС «Свое радио»; р/п «Наш выбар» и др.; б) прецедентные феномены: жур. «Сваты»; т/п «Закон и порядок», «Свет далекой звезды» (три последних РИ восходят к названиям одноименных кинофильмов), «Симба» (имя мультперсонажа), «Камень, ножницы, бумага» (название игры) и др.; в) фразеологизмы (см. ниже); г) словотворчество номинаторов (см. ниже); д) учет языкового вкуса определенной социальной группы: жур. «Иппокрена» (ИС отсылает и к греческой мифологии, к названию родника, возникшего от удара крылатого коня; и к аббревиатуре ИПП от Институт парламентаризма и предпринимательства); т/п «ПИН КОД» (молодежная), «Овертайм» (спортивная); РС «Юнистар»/«Unistar» (среди учредителей молодежного

радио – Белгосуниверситет); *p/n* «Top Chart Radius FM» и др. В целом подобные медианоминации являются, на наш взгляд, переходными от отобъектных к неотобъектным: с одной стороны, они обозначают целевую аудиторию СМИ, с другой, – активно, разнообразно привлекают ее, учитывают, объективируют ее интересы, предпочтения.

2. В структурном отношении гемеронимы могут быть одно- и многословными, причем первые могут представлять собой в том числе предложения (*газ.* «Верую!» и под., способ деривации которых, полагаем, можно определить как онимизацию). Поэтому более удобным для описания медианоминаций, исходными для которых выступают разноуровневые языковые единицы, представляется выделение следующих структурных типов: ИС-лексемы, ИС-фразеологизмы, ИС-словосочетания, ИС-предложения.

2.1 ИС-лексемы демонстрируют самый большой набор способов образования, по-разному обозначая СМИ, вербализуя (прямо, метонимически, метафорически, символически) отдельные ТМ (см. выше).

2.1.1 Группу лексико-семантических способов деривации ИС-лексем составляют: а) онимизация существительных, прилагательных, местоимений, наречий: *газ.* «Звезда», «Рэспубліка»; *жур.* «Армия», «Юрист», «Домашний»; *ТК* «СКИФ»; *m/n* «Існась», «Артэфакты»; *РС* «Радар», «Сталіца»/«Століца», «Наши»; *p/n* «Кстати», «Вместе», «Радыёблог», «Радыёла»; *и/и* «Onliner.By» и др.; б) трансонимизация антропонимов, топонимов, эргонимов, гемеронимов, ИС иных онимических разрядов: *газ.* «Шапокляк», «Пенсіонерская зорька» (ср. с ИС советской радиогазеты «Пионерская зорька»); *жур.* «Алеся», «Мишутка»; *РС* «Беларусь», «Сябры» (медиа одноименного ансамбля), «София» и др.; в) заимствование: *РС* «Energy», «Рокс» и др. (иноязычие наблюдается и среди многословных ИС: *газ.* «Alma Mater» (МГЛУ), *p/n* «Like Weekend» и др.).

2.1.2 Словообразование ИС (мотивирующими выступают не только русские, но и белорусские слова/основы) представлено способами: а) узуальными: аффиксацией, сложением разных типов, аббревиацией: *жур.* «Сканвордик»; *КТ* «ОНТ», «НТВ-Беларусь»; *m/n* «Телебарометр», «Дабра-ранак», «Старое-новое», «Засыпашка» (от *засыпаць*); *РС* «Аплюс»/«Aplus» (Айчына + плюс), «Пилот-FM»; *p/n* «Неутоги», «Супержена»; *и/и* «lingualand.by» и др.; б) окказиональными: грамматическим каламбуром, деривацией по конкретному образцу, капитализацией, голофразисом (снятием пробелов), стилизацией, контаминацией, нумерализацией и др.: *жур.* «Разумейка» (ИС воспринимается одновременно и как глагольная форма *разумейка-ка*, и как существительное с суффиксом *-к*); *m/n* «Спорт-кадр» (ср. со *стоп-кадр*), «Навукаманія», «АРТуШЮК» (об искусстве), «ПраЧытанне», «Селаполетела», «Скажшнемолчи», «ЧП.ВУ»; *РС* «UltRadio» (*ультра* + *радио*); *и/и* «103.by» и др.

2.2 ИС-фразеологизмы (способ деривации – онимизация) апеллируют к фоновым знаниям (см. также 1.2.2) адресата названия: *газ.* «Переходный возраст»; *m/n* «Третий лишний», «На грани фола» (о футболе), «Знай наших»; *p/n* «Ну і дзянёк!» и др. Отмечена формальная и/или смысловая трансформации исходных устойчивых единиц: *m/n* «Добро пожаловаться», «Повод есть»

(в глагольном компоненте актуализируется не только бытийное, узувальное, но и «кулинарное», окказиональное, значения) и др.

2.3 Среди ИС-словосочетаний наиболее продуктивны двухсловные конструкции (при информативной емкости они достаточно компактны), построенные по разным моделям: газ. «Нарачанская зара», «Ключи к тайнам», «Спорт time»; жур. «Народная асвета»; т/п «Взгляд на Беларусь», «Семейные истории», «Национальный хит-парад», «Клуб редакторов», «Диалоги о цивилизации»; РС «Мелодии века»; р/п «Поколение NEXТ» и др. Результатом их распространения являются гемеронимы из трех и более знаменательных компонентов: жур. «Судебная экспертиза Беларуси»; ТК «Солигорский телевизионный канал»; т/п «Жизнь и музыка Олега Молчана», «Две стороны олимпийской медали»; РС «Воложинское районное радио»; р/п «Маладыя таленты Беларусі», «Пятиминутка Тамары Вятской», «Первый национальный канал Белорусского радио» и др.

2.4 Из ИС-предложений активностью отличаются простые предложения разных типов: а) двусоставные (газ. «Я – специалист по кадрам»; т/п «Завтра – это мы!», «Маршрут построен», «Кто я?» и др.) и односоставные: газ. «Живу с диабетом», «Делаем вместе»; т/п «Успеть до полуночи», «Включайся»; р/п «Следуй за мной» и др.; б) полные (см. выше) и неполные: газ. «Анекдот слышал?»; т/п «Все за стол», «Вокруг планеты», «На контроле Президента»; р/п «Рядом со звездами» (о деятелях культуры, их творчестве), «В теме» и др.; в) членимые (см. выше) и нечленимые (в виде формул речевого этикета): т/п «Добрай раніцы, Беларусь» и др.

Сложные предложения, включая неполные, малочисленны (т/п «Иди сюда и танцуй», «30 лет: путь к Олимпу», «Когда мы дома»; р/п «Для тех, кто дома», «Грамадства і ўлада» и др. ИС из нескольких предложений (газ. «Программа ТВ. Анекдоты. Кроссворды» и др.) чаще представляют собой заголовки и подзаголовки конкретизирующего характера: жур. «Ксюша. Для любителей рукоделия»; т/п «Новости. Центральный регион», «Ремонт с Александром Смолиным. 5 способов надежного крепления газобетона и гипсобетона» и др.

Таким образом, гемеронимия г. Минска, Минской области демонстрирует гетерогенность коммуникативных намерений имядателей (сообщить сведения о себе, СМИ, контенте, его потребителе), функций ИС (номинативная, идентифицирующая, рекламная, эстетическая, эмоциональная и др.), которая приводит в действие целый комплекс принципов номинации, тематических мотивов (нередко они накладываются друг на друга, что делает название информативно насыщенным, многослойным, в том числе отражающим языковую игру), способов деривации, единиц разных уровней русского, белорусского (и, как проявление глобализации, интернационализации современной коммуникации), английского языков, средств иных семиотических систем. Гемеронимы (при смысловой емкости) стремятся одновременно к компрессии речевых усилий, что объясняет активность одно- и двухсловных медианоминаций. Но в целом компактностью отличаются названия всех структурных типов, включая ИС-

предложения. Нераспространенность, односоставность, нечленимость простых предложений, неполнота простых и сложных предикативных единиц эффективно, нередко и эффектно, актуализируют тематические доминанты гемеронима.

Результаты получены в рамках реализации НИР «Периферийный ономастикон Беларуси: лингвистический и экстралингвистический аспекты» (№ госрегистрации 20211415) ГПНИ на 2021–2025 гг. при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь.

Список использованной литературы

1. Информационное пространство Беларуси: сегодня и завтра [Электронный ресурс] // Беларусь. Факты: сайт МИД Республики Беларусь. – Режим доступа: https://belarusfacts.by/ru/belarus/politics/domestic_policy/information_society/. – Дата доступа: 10.06.2021.
2. Горяев, О. С. Номинативные интенции субъекта ономастической номинации (на материале русских прагмонимов): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. С. Горяев ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2000. – 20 с.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Г. А. Верамяюк (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

ПАРАДЫГМАТЫЧНЫЯ І СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫЯ СУВЯЗІ ЛЕКСЕМ У СЕМАНТЫЧНЫХ МІКРАПАЛЯХ АСАБОВЫХ ЖАНОЧЫХ НАМІНАЦЫЙ У БЕЛАРУСКАЙ І РУСКАЙ МОВАХ

Слоўнікавы склад любой мовы як полісістэмны комплекс раскрываецца, як вядома, на падставе рознага роду лексіка-семантычных сістэм і падсістэм, мностваў і падмностваў, аб'яднаных у цэлае складанымі сувязямі.

Асабовыя жаночыя намінацыі (АЖН) рэпрэзентуюць у беларускай і рускай мовах адзін з цэнтральных фрагментаў карціны свету і займаюць у іх лексічных сістэмах значнае месца. Асабовыя жаночыя намінацыі ў абедзвюх мовах разглядаюцца намі як лексіка-семантычныя катэгорыі (ЛСК). Лексіка-семантычную катэгорыю разумеем як групу моўных элементаў, што вызначаецца на падставе агульнай семантычнай прыкметы [3, с. 217; 5, с. 181]. Параметр 'назва асобы жаночага полу' дазваляе вылучыць дадзеныя субстантывы са шматлікіх класаў намінацыйных адзінак супастаўляемых моў. Па фемінінних найменнях можна меркаваць аб месцы жанчыны ў грамадстве, аб яе духоўным свеце, інтарэсах, прафесіі, сямейным становішчы, знешнім абліччы, характары, паводзінах.

Фактычны матэрыял (у беларускай мове – 2287 лексічных адзінак, у рускай – 2298) атрыманы метадам суцэльнай выбаркі з тлумачальных слоўнікаў: «Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы» ў 5 т. (1977–1984) (ТСБМ) [9] і «Словаря русского языка» в 4 т. (1981–1984) (СРЯ) [7]. Для ўдакладнення выкарыстоўваліся перакладныя слоўнікі: «Беларуска-рускі слоўнік» у 3 т. (2003) (БРС-2003) [1], «Русско-белорусский словарь» у 3 т. (2002) (РБС-2002) [6], «Беларуска-рускі слоўнік» у 3 т. (2012) (БРС-2012) [2]. Суадносныя беларускія і рускія асабовыя жаночыя намінацыі выдзяляліся намі ў напрамку ад беларускай мовы да рускай (беларуска-рускія паралелі) і ў напрамку ад рускай мовы да беларускай (руска-беларускія паралелі).

Праведзены намі аналіз *feminina agentis* сведчыць, што разглядаемыя ЛСК «Асабовыя жаночыя намінацыі» / «Личные женские номинации» арганізаваныя ў кожнай з моў па прынцыпе элементарнага семантычнага мікраполя (СмП). Прытрымліваючыся меркавання Л. А. Новікава, семантычнае мікраполе мы разумеем як «лексіка-семантычную групу – адносна замкнёны шэраг лексічных адзінак адной і той жа часціны мовы, аб'яднаных агульнай семай, а менавіта архісемай больш канкрэтнага зместу і класіфікацыйна ніжэйшага парадку, чым архісема поля» [8, с. 239]. Відавочна, што семантычныя мікрапалі «Асабовыя жаночыя намінацыі» / «Личные женские номинации» ў супастаўляемых мовах – часткі семантычных палёў «Чалавек»/«Человек».

У беларускай мове слова *жанчына* мнагазначнае: ‘1. Асоба, па полу супрацьлеглая мужчыну // Асоба жаночага полу як увасабленне пэўных асаблівасцей, якасцей // Асоба жаночага полу, якая была або знаходзіцца замужам. 2. *Разм. Жонка*’ (ТСБМ, т. 2, с. 251), у рускай – адназначнае: *женщина* ‘лицо, противоположное по полу мужчине // Лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств / Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке’ (СРЯ, т. 1, с. 478). У рускай мове семема ‘женщина’ ўключае тры семы ‘асоба’, ‘дарослая’ і ‘жаночы пол’ [4, с. 45], у беларускай семема ‘жанчына’ ўключае чатыры семы: ‘асоба’, ‘дарослая’, ‘жаночы пол’ і ‘жонка’. Інтэгральныя семы (архісемы) ‘асоба’ і ‘жаночы пол’ з’яўляюцца цэнтрамі (ядрамі) семантычных мікрапалёў «Асабовыя жаночыя намінацыі» / «Личные женские номинации» ў супастаўляемых мовах. Яны перадаюць агульнае значэнне разглядаемых Смп у кожнай з моў і валодаюць якасцямі прыцягнення вялікай колькасці лексем. Семы бел. ‘дарослая’ і ‘жонка’ – рус. ‘взрослая’ з’яўляюцца перыферычнымі. Паводле дыферэнцыяльных сем ‘асоба паводле адносін да людзей’, ‘дзеячка’, ‘жыхарка’, ‘асоба паводле знешніх і ўнутраных прымет’ семантычныя мікрапалі асабовых жаночых намінацый падзяляюцца ў абедзвюх мовах на ЛСГ. Дыферэнцыяльныя семы адрозніваюць адну ЛСГ ад другой. «З’яўляецца агульнапрынятым, што структура ЛСГ залежыць ад іерархіі семантычных кампанентаў, уваходзячых у яе слоў» [4, с. 48]. І «чым больш у параўнальных словах інтэгральных сем, тым бліжэй яны адзін да аднаго па значэнні, і наадварот – чым больш у іх дыферэнцыяльных сем, тым менш блізкімі па значэнні з’яўляюцца гэтыя словы» [4, с. 48].

У нашым выпадку *семантычнае мікраполе* асабовых жаночых намінацый ў кожнай з супастаўляемых моў – *лексіка-семантычная макрагрупа*, у склад якой уваходзяць чатыры лексіка-семантычныя групы:

1) ЛСГ₁ – асабовыя жаночыя намінацыі паводле ролі ў грамадстве (бел. 501 – рус. 509 моўных адзінак);

2) ЛСГ₂ – асабовыя жаночыя намінацыі паводле дзейнасці (бел. 911 – рус. 909 моўных адзінак);

3) ЛСГ₃ – асабовыя жаночыя намінацыі паводле характэрных прыкмет (бел. 479 – рус. 484 моўных адзінак);

4) ЛСГ₄ – асабовыя жаночыя намінацыі паводле нацыянальна-этнічных супольнасцей і месца жыхарства асобы (бел. 396 – рус. 396 моўных адзінак).

Адзінкай Смп «Асабовыя жаночыя намінацыі» / «Личные женские номинации» ў кожнай з супастаўляемых моў з’яўляецца слова, калі яно адназначнае або мае ва ўсіх сваіх значэннях аднародны паняццёвы змест, або лексіка-семантычны варыянт (ЛСВ), а таксама аналітычныя (неаднаслоўныя) намінацыйныя адзінкі, якія выконваюць функцыю фемінінацыі: бел. *Аднагодка* – рус. *одногодка*, *варажбітка* – *ворожейка*, *ворожея*, *дзяжурная* – *дежурная*, *дзівачка* – *чудачка*, *кума* – *кума*, *ліліпутка* – *лилипутка*, *саслужывіца* – *сослуживица*, *цяжарная* – *беременная*, *зводная сястра* – *сводная сестра*, *гаспадыня кватэры* – *квартирохозяйка* і інш.

Самымі важнымі характарыстыкамі СМП «Асабовыя жаночыя намінацыі»/ «Личные женские номинации» ў супастаўляемых мовах з'яўляюцца: 1) вымярэнне мікраполя, 2) семантычныя адносіны яго адзінак, 3) цэнтр і перыферыя, 4) узаемаадносіны дадзенага мікраполя з іншымі сумежнымі палямі.

У сучасных беларускай і рускай мовах у аснове арганізацыі семантычных мікрапалёў (СМП) асабовых жаночых намінацый як упарадкаванага мноства лексічных адзінак ляжаць **гіпера-гіпанімічныя** (рода-відавоя) адносіны яго адзінак: бел. *сваячка* – *маці, дачка, унучка, родная сястра* і інш. – рус. *родственница* – *мама, дочь, внучка, родная сестра* і інш.; бел. *дзеячка* – *бортправадніца, настаўніца, мастачка* і інш.; рус. *деятельница* – *бортпроводница, учительница, художница*; бел. *жыхарка* – *беларуска, мінчанка, немка, французжанка* і пад.; рус. *жительница* – *белоруска, минчанка, немка, французженка* і пад. Парадыгматычныя сувязі слоў, якія прадстаўлены ў гіпера-гіпанімічных адносінах, выконваюць вялікую ролю ў арганізацыі семантычных мікрапалёў фемінінатываў і абумоўліваюць іерархічны характар унутранай будовы гэтых групавак.

У СМП фемінінатыўнай лексікі заўважым яшчэ адзін від найбольш агульных парадыгматычных сувязей – адносіны **кагіпаніміі**, або супалажэння. Яны існуюць паміж лексемамі розных лексіка-семантычных груп (ЛСГ) супастаўляемых моў. Так, словы бел. *жонка* – рус. *жена, прыгажуня* – *красавица, студэнтка* – *студентка, гамяльчанка* – *гомельчанка, стараверка* – *старообрядка* могуць быць непасрэдна не звязанымі паміж сабой, але паколькі ў іх існуе сувязь з ядром поля (ядзернымі семамі), то і яны аказваюцца звязанымі адно з адным. Такія сувязі найбольш характэрныя для намінацый супастаўляемых СМП.

СМП фемінінатываў змяшчаюць рады **сінонімаў** (часцей за ўсё двухчленныя, радзей трохчленныя і мнагачленныя). Адны з сінанімічных радоў у даследуемых мовах цалкам супадаюць, напрыклад: бел. *каханая, любая, мілая* – рус. *возлюбленная, любимая, милая; аднакурсніца, сакурсніца* – *однокурсница, сокурсница* і пад.; іншыя дэманструюць міжмоўную асіметрыю моўнага знака (у колькасных, словаўтваральных або стылістычных адносінах), параўн.: бел. *жонка, жоначка* (ласк.) (БРС, т. 1, с. 855) [2] – рус. *жена* (ЛСВ₁), *женушка* (ласк.), *жёнка* (прост.) (ЛСВ₁), *супруга, баба*¹ (прост. и обл.); *полька*¹, *палячка* – *полька*¹, *полячка* (разг.); *свацця, свацейка* (ласк.) – *сватья, сватьюшка* (ласк.) і інш. Вызначаюцца словаўтваральная сінанімія і дублетнасць толькі ў адной з моў: бел. *братавая, браціха* (разм.); *кірпаносая, кірпатая*; рус. *невеста, новобрачная; племянница, племяшка* (прост.) і інш.; бел. *родапачынальніца, роданачальніца*; рус. *одногодка* (разг.) ‘1. Та, которая одних лет с кем-л., ровесница’ і *однолетка* (разг.) ‘1. То же, что одногодка’; *рассказчица, повествовательница; тряпичница, ветошница* і інш.

Зафіксаваны **аманімічныя** лексемы: бел. *індыянка*¹ ‘агульная назва прадстаўніцы карэнных плямён і народнасцей (за выключэннем эскімосаў і алеўтаў), якія да паяўлення еўрапейцаў насялялі амерыканскі мацярык і захаваліся цяпер толькі ў некаторых раёнах Паўднёвай і Паўночнай Амерыкі’

(ТСБМ, т. 2, с. 543) – рус. *индианка*¹ ‘представительница племен и народностей, составлявших древнейшее коренное население Америки, сохранившихся ныне лишь в некоторых районах Южной и Северной Америки’ (СРЯ, т. 1, с. 665) і бел. *індыянка*² ‘агульная назва прадстаўніцы ўсяго карэннага насельніцтва Індыі незалежна ад нацыянальнай, рэлігійнай і каставай прыналежнасці’ (ТСБМ, т. 2, с. 544) – рус. *индианка*² ‘представительница населения Индии, состоящего из многочисленных народов, народностей и племенных групп’ (СРЯ, т. 1, с. 666). Іншамоўны назоўнік *маркіза* – *маркиза* ў лексікаграфічных крыніцах падаецца як амонім: *маркіза*¹ ‘жонка або дачка маркіза’ (фр. *Marguise*), *маркіза*² ‘навес над акном, дзвярыма, балконам для засцярогі ад сонца. // Штора на акно або дзверы, якая апускаецца зверху ўніз’ (фр. *Marguise*) / *маркіза*¹ ‘жена или дочь маркиза’ (фр. *Marguise*), *маркіза*² ‘матерчатый навес над окном или балконом для защиты от солнца’ (фр. *Marguise*). Зразумела, што толькі фемінінатывы *маркіза*¹/*маркіза*¹ з’яўляюцца структурнымі кампанентамі СМП асабовых жаночых намінацый.

Сярод матываваных АЖН вызначаюцца адзінкі, якія звязаныя і словаўтваральнымі адносінамі з асобнымі членамі СМП. Так, у кожнай з даследуемых моў зафіксаваны асабовыя назоўнікі жаночага роду з **дэмініутыўным** значэннем, напрыклад: бел. *кумка* (разм., ласк.), *кумачка* (разм., ласк.) (БРС-2012, т. 2, с. 232) – рус. *кумушка* (ласк.) (ЛСВ₁); бел. *дзяўчыначка* (нар.-паэт., ласк.), *дзяўчынка* (памянш.-ласк.) (ЛСВ₂); рус. *девчонка*, *девчурка* (разг., ласк.), *девчушка* (разг., ласк.) і інш.

Такім чынам, асабовыя жаночыя намінацыі ў беларускай і рускай мовах уяўляюць сабой шматлікія, запатрабаваныя ва ўсе гістарычныя часы для вуснага і пісьмовага маўлення ЛСК – элементарныя семантычныя мікрапалі. Адзінкі карэлятыўных СМП упарадкаваны і звязаны рознымі парадыгматычнымі сувязямі: гіпера-гіпанімічнымі, кагіпанімічнымі, сінанімічнымі і аманімічнымі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Беларуска-рускі слоўнік = Белорусско-русский словарь : больш за 110 000 слоў : у 3 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. ; рэд. К. К. Атраховіч (К. Крапіва). – 3-е выд., выпраўл. і дап. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2003. – 3 т.

2. Беларуска-рускі слоўнік = Белорусско-русский словарь : больш за 110 000 слоў / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. ; пад рэд. А. А. Лукашанца. – 4-е выд., выпраўл. і дап. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2012. – 3 т.

3. Лукашанец, А. А. О соотношении словообразовательных категорий с категориями других уровней языка / А. А. Лукашанец // Sprachliche Kategorien und die slawische Wortbildung / Intern. Com. of Slavists, Wortbildungs Kom. ; ed.: Н. Burkhardt, А. Nagórko. – Hildesheim, 2007. – Т. 6 : Westostpassagen: slawistische forschungen und texte: literatur, sprache, kultur. – S. 215–224.

4. Попова, З. Д. Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : URSS, 2010. – 171 с.

5. Русский язык : энциклопедия / редкол.: Ю. Н. Караулов (гл. ред.) [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Рос. энцикл. : Дрофа, 1997. – 703 с.

6. Русско-белорусский словарь : ок. 110 000 слов : в 3 т. / НАН Беларуси, Ин-т языкознания. – 8-е изд. – Минск : Беларус. Энцыкл., 2002. – 3 т.

7. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т языкознания ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – 4 т.

8. Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис : учеб. пособие для вузов / Л. А. Новиков [и др.] ; под общ. ред. Л. А. Новикова. – 4-е изд., стер. – СПб. : Лань, 2003. – 855 с.

9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. Савец. Энцыкл., 1977–1984. – 5 т.

Н. А. Вологовская (г. Минск, Республика Беларусь)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕДЛОГА *ПРИ* В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Употребление предлогов в каждом языке имеет свои особенности, которые в основном сложились исторически. В восточнославянских языках, как известно, существуют непроизводные и производные предлоги. Большинство непроизводных предлогов во всех трех языках имеет одинаковую или схожую (при небольших фонетических отличиях) внешнюю форму: русск. *без, в, до, для, на, за, при, по, под, среди, кроме, сквозь*; бел. *у, да, для, на, за, пры, па, пад, сярод, акрамя, скрозь*; укр. *в (у), до, для, на, за, при, по, під, серед, крім, крізь*. Однако употребляются данные предлоги даже в таких близких языках по-разному. Поэтому перевод русских предложных конструкций на белорусский и украинский языки часто вызывает трудности и является причиной большого количества ошибок, возникающих в связи с незнанием переводчиком значений некоторых предлогов в разных языках и наделением их несвойственными им значениями. Особенно это касается русских предлогов *при, по, для, на, у, в, с*, для передачи значений которых в белорусском и украинском языках используются другие.

Предлог *при* (бел. *пры*) является одним из наиболее употребительных и универсальных предлогов как в русском, так и в белорусском языках. В украинском языке он имеет намного более узкую сферу употребления. Поэтому при переводе текстов с белорусского (русского) языка на украинский следует быть очень внимательным, так как калькирование данного предлога не просто делает текст менее выразительным, но в отдельных случаях может привести и к значительному искажению смысла.

В русском языке конструкции с предлогом *при* передают четыре основные группы значений (таблица 1) [1–4].

Из приведенной таблицы следует, что во всех трех языках с помощью предлога *при* (бел. *пры*, укр. *при*) можно указать на подчиненное состояние по отношению к кому-нибудь или чему-нибудь, отнесенность к чему-нибудь (русск. *клуб при общежитии, няня при ребенке*; бел. *лабараторыя пры інстытуце*,

служыць пры штабе; укр. ідальня при школі, працювати секретарем при міністерстві).

Таблица – 1 Значения предлога *при*

Значение	Предлоги в белорусском языке	Предлоги в украинском языке
Около, возле чего-н.	пры, каля (ля), пад	при, коло, біля, поряд, поруч, край, під
Подчиненное состояние по отношению к кому-н. или чему-н., отнесенность к чему-н.	пры	при
Наличие чего-н. у кого-н.	пры, з (са)	при, з (зі)
Время, обстановка, обстоятельства	пры, з, за, падчас	при, з, за, під час, через, завдяки, у разі, у випадку

При указании на наличие чего-нибудь у кого-нибудь (русск. *держатъ при себе, он сегодня при деньгах*) кроме предлога *при* (*при*) в белорусском и украинском языках активно употребляется предлог *з* и его фонетические варианты (бел. *са*, укр. *зі*). Следует отметить, что если в белорусском языке при передаче данного значения предлоги *пры* и *з (са)* являются взаимозаменяемыми (бел. *пры такіх ведах – з такімі ведамі, пры гадзінніку – з гадзіннікам, грошы былі пры мне – грошы былі са мной*), то в украинском языке предпочтительным считается предлог *з (зі)* (*бути з годинником, гроші були зі мною*), а соответствующие конструкции с предлогом *при* (*бути при годиннику, бути при грошах, загін при одному командирі*) употребляются в основном в разговорной речи [3; 5; 6].

В предложных конструкциях со значением ‘около, возле чего-нибудь’ в русском языке используется предлог *при* (*столб при дороге, битва при Бородино*), в белорусском – *пры, каля (ля)* (*жыць пры (каля (ля)) станцыі*), а также предлог *пад*, употребляющийся как синонимичный для уже названных – обычно при обозначении известных исторических событий (*бітва пры Грунвальдзе, каля (ля) Грунвальда, пад Грунвальдам*). В украинском языке использование предлога *при* для передачи рассматриваемого значения является нежелательным. С этой целью следует выбирать синонимичные предлоги: *коло, біля, поряд, поруч, край, під* (*коло входу, біля університету, поряд з тобою, поруч зі станцією, край дороги, битва під Бородино*).

В русском и белорусском языках для указания на время, обстановку, обстоятельства употребляется предлог *при* (русск. *при Петре Первом, при свете лампы, сказать при свидетелях*; бел. *пры царызме, быць пры памяці*). Кроме того, при обозначении определенного периода времени в белорусском языке допустимо употребление предлогов *за, падчас* (*пры Парыжскай камуне – падчас Парыжскай камуны, пры Міндоўгу – за Міндоўгам*), а при указании на обстоятельства – предлога *з* (*пры дапамозе – з дапамогай*). В отличие от других восточнославянских языков употреблять украинский предлог *при* в данном значении не рекомендуется. Вместо него в предложных конструкциях используются следующие предлоги: *під час* (*під час підписання договору, під час*

Радянського Союзу), за (зробити багато за життя, за допомогою інструмента, за всякої погоди), з (з твоєю допомогою, з цієї причини), через (через певні обставини), завдяки (завдяки підтримці), у разі, у випадку (у разі аварії, у випадку необхідності).

Следует отметить, что предлог *при* хоть и употребляется в украинском языке довольно ограниченно, имеет одно значение, не свойственное ни русскому, ни белорусскому языкам – ‘указание на вид, внешность, возраст либо какое-то иное определение кого-, чего-н.’ (*Вродлива та при здоров’ї. Він був середнього зросту, не те, щоб гладкий, але при тілі*) [3].

Таким образом, предлог *при*, являясь одним из наиболее употребительных в русском и белорусском языках, в украинском языке часто ограничен пределами разговорного стиля. Данный предлог имеет довольно большое количество синонимов как в белорусском, так и украинском языке (бел. *каля (ля), пад, з (са), за, падчас*; укр. *коло, біля, поряд, поруч, край, під, з (зі), за, підчас, через, завдяки, уразі, у випадку*). Кроме того, в украинском языке он употребляется для указания на вид, внешность, возраст либо какое-то иное определение кого-нибудь или чего-нибудь. Использование предлога *при* в таком контексте не является нормативным для русского и белорусского языков.

Список использованной литературы

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : 70 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1991. – 917 с.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 4-е выд. – Мінск : БелЭН, 2005. – 784 с.
3. Словник української мови : в 11 т. / АН УРСР, Ін-т Мовознавства ; за ред. І. К. Білодіда. – Київ : Наук. думка, 1970–1980. – 11 т.
4. Русско-белорусский словарь : в 3 т. / под ред. А. А. Лукашанца ; НАН Беларуси, Ин-т языка и лит. им. Якуба Коласа и Янки Купалы. – Изд. 10-е, перераб. и доп. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2012. – 3 т.
5. Українська ділова і фахова мова : практ. посіб. на щодень / за ред. М. Д. Гінзбурга. – 2-ге вид., випр. і доп. – Київ : ІНКІОС, Центр навч. літ., 2007. – 672 с.
6. Мейзерська, І. В. Прийменники сучасної української мови у лексикографічному висвітленні : монографія / І. В. Мейзерська. – Одеса : Астропринт, 2012. – 256 с.

Р. Х. Гизатуллина (г. Уфа, Республика Башкортостан)

МОРФЕМА -ОР(О)- В ТЮРКСКИХ, СЛАВЯНСКИХ И ДРУГИХ ЯЗЫКАХ МИРА

Основная цель данной статьи – попытка объяснения происхождения и смыслового значения морфемы *-ор(о)-*. Этот вопрос изучался в рамках башкирского языкознания [1, Т. VI, с. 709–729], но область распространения морфемы не ограничивается рамками отдельно взятого языка или языковой группы. Опираясь на данные словарей, обратимся к рассмотрению слов, содержащих элемент *-ор(о)-*.

Одна из сем, связанных с морфемой **-оро-**, – ‘возвышенность’: **оро** (баш.) – ‘шишка, желвак; нарост; горб, большая бородавка; ‘кадык’. В башкирском языке встречается обозначение словом **оро** таких действий, как ‘подниматься, вздыматься, расти’, ‘образование горба’, ‘образование нароста’. Вспомним персонажа башкирской народной сказки *Курай* – зловредного хана, имевшего шишковидный нарост на голове, а также другие примеры, основанные на внешнем качестве объекта: **морон** – ‘нос, морда, нечто выступающее’ (перен. ‘носик чайника’, ‘мыс Челюскина’); **морон кутареу** ‘загордиться’, **морон төртөү** – с.-х. ‘прорасти, взойти (о ростках растений)’ [1, Т. VI, с. 344].

При изменении корня **-ор/өр-** в вариант **-ур/үр-** его значение в башкирском языке сохраняется: ср. **үр** – ‘возвышенность, высота’, ‘вершина’, ‘жизненный успех’; **үркәс** – ‘верблюжий горб’, ‘горный хребет, гребень’; **үрмәләү** – ‘подъем наверх путем обвития, цепляния’; ‘взбираться, карабкаться’ [1, Т. IX, с. 236–237]. Аналогичное значение корня **-ор(о)-** обнаруживается в древнегреческом языке: **oros** ‘гора’ (откуда рус. **ороним** ‘собственное название объектов рельефа местности: горы, хребты, долины, холмы и т. п.’; **орография** ‘раздел геоморфологии, занимающийся описанием и классификацией форм рельефа (хребтов, возвышенностей, котловин)’).

Имя существительное **оро** в башкирском языке также имеет значение ‘родник, ключ’, ‘яма’ (**сожор**); все, что связано с водой – женским началом [1, Т. VI, с. 723]. Например, озера **Ороло**, **Ургун** в Учалинском районе; река **Уршак** в Стерлибашевском районе (Республика Башкортостан); река **Соран** протекает по Оренбургской обл.; река **Орь** – в Казахстане, Актюбинской и Оренбургской обл.

Компонент **-ор(о)-** встречается в словах, связанных с понятиями ‘семя’, ‘зарождение’, ‘первопричина’: **орлоҗ** (баш.) – ‘семя растения’, ‘зерно, из которого развивается новое растение’, ‘орган размножения растений’, перен. ‘источник чего-л., причина какого-л. явления’; ‘зерна растения как продукт или пища’, перен. устар. ‘нисходящее поколение; потомство, род’ [1, Т. VI, с. 719]; **орҗас** (баш.) – ‘матка, самка-производительница (домашнего скота)’, перен. ‘семена, зачаток, почин’; миф. ‘символ плодородия, плодовитости, изобилия’ [1, Т. VI, с. 714]. Слово **orloka** встречается в санскрите. Вторая часть этого составного слова **loka**, кроме значений, связанных с названием локации (‘место’, ‘край, страна’, ‘простор’, ‘вселенная’, ‘земля’), обозначает такие понятия, как ‘жизнь’, ‘люди, народ’, ‘человечество’, ‘сборище, скопление чего-л.’ [2, с. 714]. Глагол **орҗан** (баш.) – слово-табу, имеющее изначальное значение ‘семяизвержение’ ‘оплодотворение’, созвучно с латинским **origo, originis** ‘начало, происхождение’, ‘род, родоначальник, предок’, ‘родина, первоисточник’, а также заимствованным в русский из греческого языка словом **орҗан** ‘часть организма, представляющая собой эволюционно сложившийся комплекс тканей, объединенный общей функцией, структурной организацией и развитием’.

Рассмотрим ряд слов башкирского языка со значением ‘быть круглым, шарообразным’, ‘образовываться в шар, сворачиваться’, имеющих компонент **-ор(о)-**: **орсоҗ** – ‘веретено’; **йәйгөр** – ‘радуга’ (**йәй** – ‘раскидываться,

простирается, расстилается’); *бороу* – ‘поворачивать по кругу’; *боролош* – ‘поворот’, *боролдау* – ‘подниматься, вздыматься клубами’ (*о пыли, паре, дыме*); *боржоу*, *боржорау* – ‘клубиться’; *боргос* – ‘завод’ (у часов), ‘ключ’; ‘колок’ (у скрипки); *бырау* – ‘бурава’; *быраулау* – ‘буравить’; *бөз (ө)рә* – ‘кудри’, ‘кудрявый, курчавый’ [1, Т. II, с. 325-329]. Здесь нельзя не заметить, что заимствованные из латыни слова *ореол* (*aureolus* – ‘световая кайма, похожая на сияние, вокруг ярко освещенного предмета’), *орбита* ‘путь небесного тела, межпланетных станций в космическом пространстве’ и английское слово *orb* ‘шар, сфера’ [3] имеют компонент *-ор-*.

Круглую, овальную, шарообразную форму имеют плоды, названия которых содержат в морфемной структуре элементы *-ор-/-оро-* в башкирском языке: *борос* ‘перец’, *борсаж* ‘горох’ (и в русском слове *горох*), *бөрө* ‘почка’, *өрөк* ‘урюк’, *хөрмә* ‘хурма’. В процессе ферментации молока есть стадия сворачивания, свертывания, **творожения**, когда молоко постепенно превращается в зернистый продукт. Высшей философско-религиозной категорией является понятие ‘Всевышний’, ‘Творец’. В башкирском языке ‘творить’, ‘творчество’, ‘порождение’ обозначается сходными по звучанию глаголами – *тыуа*, *тыуыу* (*тыуар ит!*).

Звук [о] графически выражен во многих языках в качестве круга, замкнутого кольца. Эта буква естественным образом выражает исходящий изнутри звук, который не встречает никаких препятствий на своем пути, и это звучание подобно бесконечности и безграничности Вселенной.

Для возникновения звука [р] необходимо участие языка, которое создает необходимую вибрацию. Звук [р] – это уже символ сотворенного мира, живой и неживой природы, продукт акта творения демиурга, Творца. Слова, имеющие корень *-ор/өр-*, соответствуют этому значению, где гласный звук [о], соединяясь со звонкой вибрацией [р], символизирует осязаемое органами чувств материальное измерение (переход из состояния непроявленности в состояние проявленности, увеличения). Общие семантические признаки ‘рост’, ‘развитие’, ‘расширение’, ‘умножение’, ‘потенциальность’ характерны для таких понятий, как *орлож* (баш.) – ‘семя’; *йомортжа* (баш.) – ‘яйцо’; *йорсо* (баш.) – ‘новорожденный’ [1, Т. IV, с. 88]; *оромло* (баш.) – ‘с потомками’, ‘с потомством’; *ором-орнаж* (баш.) – ‘несколько поколений семьи, рода, берущих начало от основателя’; *орнаж* (баш.) – ‘потомство, родня’; *орда* – ‘многочисленное войско, полчище, армия’ [1, Т. VI, с. 724].

Элемент *-ор-* встречается в ряде слов, обозначающих звук, звучание, звукопорождение: *оран* (баш.) – ‘клич, призыв’; входит в атрибутику родов и племен башкир; *һөрән*, *һөрәнләу* (баш.) – ‘кричать, окликать’; *һорнай* (баш.) – ‘горн’ [1, Т. IX, с. 593]; *говор*, *спор*, *горло*, *ор*, заимств. *горн*, *хор* (рус.); *ого* (лат.) – ‘говорить’, ‘просить, молить’.

Итак, корень (компонент корня) *-ор(о)-* участвует в образовании важных ключевых анатомических характеристик и философско-бытийных понятий, таких как ‘круг’, ‘сфера’, ‘рельеф местности’, ‘яйцо’, ‘первопричина’, ‘семя’, ‘творчество’, ‘акт творения’, ‘звук’ и др., имеет общее смысловое содержание

в тюркской, славянской и других языковых группах Азии и Европы. Несмотря на разные исторические судьбы народов, универсальность этого феномена является подтверждением мнения о существовании некоего континентального протоязыка, а всякое изучение законов Бытия можно представить собой как рассмотрение основ грамматики.

Список использованной литературы

1. Академический словарь башкирского языка : в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисаметдиновой. – Уфа : Китап, 2014. – 10 т.
2. Кочергина, В. А. Санскритско-русский словарь : ок. 30 000 слов / В. А. Кочергина ; под ред. В. И. Кальянова. – М. : Рус. яз., 1996. – 895 с.
3. Мюллер, В. К. Англо-русский словарь : 53 000 слов / В. К. Мюллер. – 17-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1978. – 888 с.

И. В. Елынцева (г. Минск, Республика Беларусь)

МОРФЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК ОБЪЕКТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

Одним из приоритетных направлений современной лингвистики является сопоставительное изучение двух и более языков на разных уровнях с целью установления сходств и различий в их системах. Значимость данного направления для языковедческой науки очевидна: оно давно и по праву считается общелингвистическим, наиболее универсальным способом изучения языковых явлений, позволяющим получать ценные результаты относительно специфики сопоставляемых языков в общем и каждого языка в отдельности, которая может остаться незамеченной при внутриязыковом изучении. По мнению В. Р. Гака, «сравнение является основным (возможно, даже единственным) методом изучения языка» [1, с. 7].

Начиная со второй половины 70-х гг. XX ст., отделом белорусско-русских языковых связей Института языкознания имени Якуба Коласа Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси традиционно проводятся системные сопоставительные исследования государственных близкородственных русского и белорусского языков на разных языковых уровнях. В частности, уже были проведены полные описания систем (а не отдельных языковых единиц или явлений) двух языков в сопоставительном аспекте на морфологическом, словообразовательном и лексико-семантическом уровнях: монография «Сопоставительное описание русского и белорусского языков. Морфология» (Минск, 1990) – первое научное исследование в серии работ, в котором в сопоставительном плане описываются все основные грамматические категории близкородственных языков, выявляется степень их сходства и различия на морфологическом уровне; в монографии «Сопоставительное описание русского и белорусского языков. Словообразование» (Минск, 2014) в сопоставительном плане дается максимально полное описание словообразовательных систем русского и белорусского языков: представлены основные

способы и средства образования мотивированных единиц всех знаменательных частей речи в обоих языках, а также продуктивность словообразовательных типов, репрезентируется степень сродств и различий корпусов словообразовательного инвентаря близкородственных языков, рассмотрены особенности воздействия системы русского языка на развитие словообразовательной системы белорусского языка и мн. др.; «Русско-белорусский системный семантический словарь» представляет собой оригинальный тип словаря, демонстрирующего системный характер организации лексического уровня на примере соотносительных фрагментов двух близкородственных лексико-семантических систем русского и белорусского языков – 16 коррелятивных лексико-семантических полей: репрезентируется элементное наполнение избранных полей, объединяющих субстантивы, вербативы, адъективы и адвербативы вокруг архисемы поля, проводится семантизация полевых единиц, устанавливаются коррелятивные межъязыковые отношения, эксплицитно или имплицитно отражаются присущие полевым элементам парадигматические, синтагматические и деривационные связи (словарь находится в печати).

В отечественном языкознании, несмотря на наличие определенного количества работ, посвященных сопоставительным исследованиям русского и белорусского языков, многие коррелятивные системные участки близкородственных языков совсем не изучены или проанализированы недостаточно полно. В частности, на сегодняшний день отсутствует системное сопоставительное описание морфемной организации лексических единиц русского и белорусского языков.

Необходимо отметить, что подобное исследование коррелятивных лексем близкородственных языков требует применения не просто сопоставительного подхода, а такого универсального лингвистического приема в рамках сопоставления, как *контрастивный анализ*, которым активно пользуются на современном этапе лингвисты в научных исследованиях разных языков. Его сущностью является параллельное синхронное сопоставление языковых систем на одних и тех же участках с целью выявления на фоне установленного сходства наиболее существенных структурных, семантических и функциональных межъязыковых расхождений (контрастов). Такой исследовательский подход приобретает особую значимость, когда объектом описания выступают явления двух близкородственных языков, в частности, русского и белорусского, где общности и сходства образуют безусловную основу сопоставления. Общие процессы в развитии русского и белорусского языков, совпадение многих участков их систем не исключают наличия свойственных им специфических черт, что обусловлено историческими причинами, особенностями внутренней языковой структуры, контактированием с другими языками на разных этапах развития. Именно межъязыковое сопоставительное исследование близкородственных языков позволяет на любом из языковых уровней 1) наиболее точно определить участки полного и частичного совпадения, а также несовпадения таких близких, но самостоятельных языков на определенных этапах их синхронного функционирования; 2) реально показать на фоне

общности национальную специфику каждого из двух генетически родственных языков, проявляющуюся на всех языковых уровнях; 3) продемонстрировать статус белорусского языка как одного из высокоразвитых языков мира, степень его национальной отличительности и широкие коммуникативные возможности.

Контрастивное исследование русского и белорусского языков на морфемном уровне позволит представить количественное и качественное отличие их словарных составов, наглядно увидеть на примере морфемных структур слов реальную степень лексемного совпадения и несовпадения близкородственных языков и в конечном итоге, по нашему мнению, даст возможность выявить особенности морфемной организации эквивалентных лексических единиц русского и белорусского языков, а также их национальную специфику.

Как нам представляется, такого типа исследование будет содействовать более глубокому пониманию путей развития словообразовательных систем белорусского и русского языков, особенностей их взаимодействия в условиях государственного двуязычия, а значит, и определению тенденций в развитии самой системы национального языка. В связи с этим проблема исследования морфемной структуры лексических единиц белорусского языка в сопоставлении с морфемной структурой коррелятивных лексических единиц русского языка на данном этапе развития отечественной языковедческой науки является очень актуальной.

Общеизвестно, что одной из традиционных форм реализации межязыкового контрастивного изучения считается составление двуязычных словарей, основанных на принципе сравнения, где прежде всего на лексико-семантическом, а вместе с тем – и на других языковых уровнях непосредственно решается задача установления сходств и различий двух языков. По мнению С. Г. Бережан, «...сопоставительное изучение системно организованных участков в лексике разных языков несомненно дает возможность обнаруживать новые сходства и различия между языками и отразить специфику каждого из них в лексикографических трудах...» [2, с. 37]. Применительно к исследованию морфемной организации лексических единиц русского и белорусского языков также возможно составление словаря, основной единицей контрастивного описания в котором выступит морфемная структура коррелятивных лексических номинаций данных близкородственных языков. В словаре такого типа на базе соответствующего фактического материала двух языков, предварительно проанализированного с применением контрастивного подхода, могут быть последовательно репрезентированы морфемные структуры всех русских и белорусских коррелятивов, отражены самые разные типы межязыковых сходств и различий в морфемных структурах лексических коррелятивов близкородственных языков, напр.: *солидар-н-ый* – *салідар-н-ы*, *у-говор-щик* – *у-гавор-шчык*, *у-венч-а-ть* – *у-вянч-а-ць* (полное совпадение), *с-моч-и-ть* – *на-мач-ы-ць*, *у-гнет-а-ть* – *пры-гнят-а-ць*, *у-гроз-а* – *па-гроз-а* (отличаются префиксами), *с-равн-я-ть* – *з-раўн-ав-а-ць*, *у-кры-ва-тель* – *у-кры-ва-льнік*, *цилиндр-ическ-ий* – *цыліндр-ычн-ы* (отличаются суффиксами), *у-бор-н-ая* – *пры-бір-а-льн-я*, *у-вер-ова-ть* – *па-вер-ы-ць*, *у-глуб-и-тель* – *па-глыб-нік* (отличаются префиксами и суффиксами), *у-блаж-и-ть* – *у-лагодз-і-ць*, *у-ясн-я-ть* – *у-сведамл-я-ць*, *царап-ин-а* – *драп-ін-а* (отличаются корнями), *у-вид-е-ть-ся* – *у-бач-ы-ц-ца*, *у-влаж-н-*

и-тель – *у-вільгат-н-я-льнік*, *у-вор-ова-нн-ый* – *у-крадз-ен-ы* (отличаются корнями и суффиксами) и т. д. Также возможно осуществление структурирования межязыковых соответствий по этим типам.

Наличие словаря, представляющего системную организацию лексикона двух близкородственных языков на морфемном уровне, на наш взгляд, особенно необходимо в условиях государственного двуязычия. Именно словарь такого типа дает возможность оценить уже имеющийся языковой материал и вскрыть еще не реализованные возможности системы, установить те или иные приоритеты в реализации ее потенциала. Фактический материал данного словаря может быть использован при подготовке одно- и двуязычных лексикографических источников по морфемике и словообразованию, в практике преподавания лингвистических дисциплин в высших учебных заведениях и школе, практически применим в сфере русской и белорусской письменной речи билингвов с целью повышения его культуры, преодоления языковой интерференции в условиях функционирования двух близкородственных государственных языков. Полезность морфемных словарей как для самой лингвистики, так и для практики общественной жизни не вызывает ни малейших сомнений, однако их составление сталкивается порой с непреодолимыми препятствиями. Сегодня в белорусистике отсутствие морфемных и словообразовательных словарей гнездового типа ощущается особенно остро.

Таким образом, все сказанное выше свидетельствует о необходимости проведения полного системного контрастивного исследования морфемной организации эквивалентных лексических единиц русского и белорусского языков, которое позволит решить важную в современной отечественной лингвистике задачу – установить сходства и различия двух близкородственных языков на морфемном уровне, что значительно пополнит наши знания об устройстве языка в целом и национального языка в частности, а также повысит языковую компетенцию двуязычного белорусского общества.

Список использованной литературы

1. Гак, В. Г. О контрастивной лингвистике / В. Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV.: Контрастивная лингвистика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 5–17.
2. Бережан, С. Г. Сопоставительное изучение микросистем лексики и обоснование системного характера переводных словарей / С. Г. Бережан // Методы сопоставительного изучения языков / отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1988. – С. 32–37.

І. У. Кандрацэня (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

АБ НЕКАТОРЫХ МАРФЕМНЫХ СРОДКАХ ВЫРАЖЭННЯ ЭМОЦЫІ СОРАМУ ў РУСКАЙ І БЕЛАРУСКАЙ МОВАХ

Эмоцыя сорама лічыцца этычнай катэгорыяй. «Сорам, паклаўшы пачатак фарміраванню свядомасці, стымуляваў развіццё унутранага чалавека, індывіда – з аднаго боку, і члена сацыуму, які падпарадкоўваецца пэўным нормам паводзін, – з другога. Сорам – адначасова ўласцівасць асобы, якая аберагае сваю індывідуальнасць, і ўласцівасць сацыуму, што аберагае сябе ад індывідуальнасці» [1, с. 6].

Лінгвістамі ўстаноўлена, што эмоцыі маніфестуюцца ў мове разнастайнымі лінгвістычнымі сродкамі, сярод якіх важнейшымі з'яўляюцца лексічныя.

Структурная арганізацыя лексіка-семантычных палёў «Стыд»/«Сорам» у рускай і беларускай мовах прадстаўлена ў артыкуле І. У. Кандрацені «Лексические средства выражения эмоционального состояния СТЫДА/СОРАМУ в русском и белорусском языках» [2]. Прадметам аналізу гэтага артыкула выступаюць толькі прамыя намінанты згаданай эмоцыі ў беларускай і рускай мовах (*сорам / стыд, срам (сором)*) і іх вытворныя. Матэрыялам для адбору вытворных адзінак намінантаў эмоцыі сораму паслужылі словаўтваральныя слоўнікі беларускай і рускай моў [3; 4], марфемная структура вызначалася на падставе матэрыялаў марфемных слоўнікаў [5; 6].

У сучаснай беларускай мове для эксплікацыі *'пачуцця збянтэжанасці, хвалявання ад усведамлення непрыгожасці свайго ўчынку, няёмкасці, ганьбы'* ужываецца слова *сорам*. Аналагічнае пачуццё і адпаведны эмацыянальны стан у рускай мове вербалізуецца адзінкамі *стыд, срам (сором)*. Этымалогія гэтых лексем звязваецца з ідэяй холаду, лічыцца, што ў слова *стыд* значэнне 'срам, позор' з'яўляецца пераносным і развілося са значэння 'холад'. Параўн.: *стыд* 'укр. стид, блр. стыд, ст.-слав. стыдькъ... Связана чаредованнем гласных со студа. Знач. «стесняться, стыдиться» и «стынуть» являются родственными'; *срам* 'Заимств. из цслав., народн. страм, ст.-слав. срамь'; *сором* 'наряду со срам, заимствованным из цслав., укр. сором, блр. сором «стыд», др.-русск. соромь, ст.-слав. срамь... [Слав. *sormъ, по-видимому, родственно, далее, лит. šarmà 'иней']' [7]. Аналіз этымалагічнай гісторыі разгледаных лексем і асаблівасцей іх функцыянавання ў рускай мове дазволіў Н. Д. Аруцонавай зрабіць вывад пра тое, што семантыка слоў *стыд* і *срам* у славянскіх мовах развівалася па-рознаму. «Слова *срам* у рускай мове спынілася на першым этапе – ацэнцы дзеяння або сітуацыі назіральнікам. Аднак у шэрагу іншых славянскіх моў і дыялектаў слова *срам* эвалюцыянавала ў напрамку да '*стыда*': параўн. балг. *срам*, якое абазначае і 'срам, позор', і 'стыд'... Слова *стыд* у балгарскай мове з'яўляецца ўстарэлым, а *срам* і яго вытворныя набылі семантычны сінкрэтызм... Аналагічная сітуацыя назіраецца і ў славенскай мове, у якой *srat* атрымаў перавагу над стыдом» [1, с. 10]. У беларускай літаратурнай мове таксама замацавалася адно слова *сорам* у значэнні 'стыд' і 'позор', аднак у творах мастацкай літаратуры, дыялектах ужываецца слова *стыд* і яго вытворныя, пра што сведчаць матэрыялы Беларускага N-корпуса: *Яе ж страхі і стыд – адгалоскі даўнейшых поглядаў на жанчыну* (Якуб Колас); *Стыд спанаваў мяне, што я на вуліцы тэй быў* (Янка Купала); – *Стыд не дым, дзеткі, вочы не выесць, а рана во загоіцца*. (В. Адамчык); *Ды адчапіся ты, стыднік!* (М. Ваданосаў); *Я цябе пытаюся, бясстыднік! Чаму дома не начаваў?* (Янка Купала); *Думаеш, я сама сябе не стыдаюся?* (У. Караткевіч); *Ні людзей, ні дзяцей не стыдаецца* (А. Мальдзіс); *Раней мы стыдаліся, стараніліся такіх нязвыклых слоў, як цэзій, бэр, нукліды* (Я. Сіпакоў) [8].

Намінанты эмоцыі сораму *сорам / стыд, срам (сором)* у блізкароднасных мовах супадаюць з адпаведнымі каранёвымі марфемамі, якія, у сваю чаргу,

выступаюць носьбітамі сэнсавага ядра, з'яўляюцца семантычным цэнтрам роднасных лексем: *сорам* '1. Пачуццё моцнай збынтэжанасці, хвалявання ад усведамлення непрыгожасці свайго ўчынку. // *Пачуццё збынтэжанасці, няёмкасці*. 2. *Разм. Ганьба*' / *стыд* '1. Чувство сильного смущения, неловкости от сознания предосудительности, неблаговидности своего поступка, поведения. 2. Чувство моральной ответственности за свое поведение, поступки и т. п. 3. *Разг. Позор, бесчестье*'; *срам разг.* '1. Стыд, позор'; *сором нар.-разг.* 'Срам'.

Эматыўны патэнцыял адзінак *сорам* / *стыд*, *срам* у беларускай і рускай мовах рэалізуецца з дапамогай афіксальных марфем, якія, узаемадзейнічаючы з семантычным складам кораня, выражаюць аб'ект/суб'ект эмоцыі, эмацыянальны стан, каўзатыўнасць, інтэнсіўнасць душэўных перажыванняў. Так, субстантыўныя суфіксальныя і прэфіксальна-суфіксальныя эматывы ў беларускай і рускай мовах выражаюць пераважна адцягненае абазначэнне пачуцця сорама: *сарам-ат-а*, *сарам-лів-асць*, *сарам-яжлів-асць*, *сарам-яжн-асць*, *сарам-яж-асць* / *стыд-об-а* (*стыд-об-ушка*, *стыд-об-иц-а*), *стыд-лив-ость*, *срам-от-а*; *бес-саром-н-асць*, *бес-сарам-яж-н-асць*, *за-саромл-ен-асць* / *бес-стыд-н-ость*, *бес-стыд-ств-о*, *по-стыд-н-ость*, *по-срамл-ени-е*, *при-стыж-енн-ость*, *при-стыж-ени-е*, *у-стыж-ени-е*. Субстантывы могуць мець канкрэтнае значэнне, абазначаць асобу: *сарам-ат-нік*, *сарам-ат-ніц-а*, *бес-саром-нік*, *бес-саром-ніц-а* / *стыд-лив-ец*, *стыд-лив-иц-а*, *бес-стыд-ник*, *бес-стыд-ниц-а*, *срам-ник*, *срам-ец*, *срам-ниц-а*. Наборы афіксальных сродкаў, выкарыстаных у кожнай з моў для намінацыі паняццяў душэўных перажыванняў і назваў аб'ектаў/суб'ектаў гэтых перажыванняў істотна не адрозніваюцца. У беларускай мове значэнне непаўнаты якасці рэалізуецца з дапамогай рэдкаўжывальных морфаў *-яж-*, *-яжлів-*, *-яжн-*, якія не прадстаўлены ў рускай мове, а такія фарманты, як *-ств-*, *-ениј-*, *-ец-*, хоць і прысутнічаюць у сістэме беларускай мовы, выражаюць вышэйназванае значэнне ў структуры адзінак рускай мовы.

Эматыўныя ад'ектывы ў блізкароднасных мовах характарызуюць стан таго, хто перажывае сорам, каўзацыю пачуцця, эмацыянальныя адносіны. Аналіз структуры адпаведных карэлятыўных пар сведчыць пра супадзенне ў цэлым інвентару марфемных сродкаў, з дапамогай якіх у абедзвюх мовах выражаюцца згаданыя эматыўныя прыкметы. Параўн.: *сарам-лів-ы*, *сарам-яж-ы*, *сарам-яжн-ы*, *сарам-яжлів-ы*, *за-саромл-ен-ы*, *пры-саромл-ен-ы* / *стыд-лив-ый*, *при-стыж-енн-ый*; *саром-н-ы*, *сорам-н-ы*, *сарам-ат-н-ы*, *бес-саром-н-ы*, *бес-сарам-яжн-ы* / *стыд-н-ый*, *бес-стыд-н-ый*, *бес-стыж-ий*, *по-стыд-н-ый*, *срам-н-ой*.

Вербатыўныя лексічныя адзінкі, якія, як вядома, у найбольшай ступені здольны адлюстроўваць эмоцыі, колькасна пераважаюць папярэднія групы намінантаў-эматываў. Зыходзячы з таго, якім дзеясловам прадстаўлена інтэгральная эматыўная сема, можна выдзеліць некалькі груп вербатыўных вытворных з даследуемымі каранёвымі марфемамі. Дзеясловы эматыўнага стану з семамі 'адчуваць'/'чуствовать' (*саром-е-ц-ца*, *сарам-ац-і-ц-ца* / *стыд-и-ть-ся*) выражаюць эмоцыю сорама як працэс з дапамогай суфіксальных дзеяслоўных марфем. Станаўленне эматыўнага стану выражаюць дзеясловы з семамі 'адчуць' / 'испытать', 'почувствовать' сорам. У марфемнай структуры

гэтай групы дзеясловаў выдзяляюцца прэфіксы, якія канкрэтызуюць значэнне дзеяння і выконваюць мадыфікацыйную функцыю (*за-саром-е-ц-ца* (*за-саром-і-ц-ца*), *па-саром-е-ц-ца*, *а-сарам-ац-і-ц-ца* / *за-стыд-и-ть-ся*, *по-стыд-и-ть-ся*, *по-срам-и-ть-ся*, *о-срам-и-ть-ся*, *у-стыд-и-ть-ся*). Прэфіксы *за-*, *па-*, *а-* / *за-*, *по-*, *о-*, *у-* (выдзяляецца ў структуры рускай адзінкі) надаюць значэнне пачатку стану і ўказваюць на часовы характар эмацыянальнага стану. У беларускай мове адсутнічае аднаслоўны эквівалент да рускага *застыдить2 са значэннем 'начать стыдить'*. У групе дзеясловаў эматыўнага ўздзеяння вылучаюцца вербатывы са значэннем выніковасці ўздзеяння і без указання на выніковасць. Працягласць дзеяння абазначаюць дзеясловы з семай 'прыводзіць у пэўны стан', сродкі рэалізацыі гэтага значэння ў блізкароднасных мовах супадаюць: *сарам-ац-і-ць* 'дакараць, выклікаючы пачуццё сораму'; *саром-і-ць* 'дакараць, выклікаючы пачуццё сораму; няславіць, ганьбіць; бянтэжыць, канфузіць'; *пры-саромл-іва-ць* 'незак. да прысароміць'; *пры-сарам-ач-в-аць* 'незак. да прысараміць' / *стыд-и-ть* 'укорыць за што-л., заставляя почувствовать стыд, раскаяние; порочить, позорить'; *срам-и-ть* 'навлечать позор, бесчестье на кого-, что-л., позорить; бранить, ругать, уличая в чем-л. недостойном, неблаговидном, позорить', *при-стыж-а-ть* 'несов. к пристыдить'. Вербатывы з семамі 'прывесці ў пэўны стан, выклікаць пачуццё сораму' / 'заставіць испытать чувство стыда' рэалізуюць значэнне выніковасці ўздзеяння ў абедзвюх мовах з дапамогай прэфіксальных марфем: *а-сарам-ац-і-ць*, *а-саром-і-ць*, *за-саром-і-ць*, *за-сарам-ац-і-ць*, *па-сарам-ац-і-ць* 'прымусяць каго-н. адчуць сорам; пасароміць', *па-саром-і-ць* / *за-стыд-и-ть*¹, *у-стыд-и-ть*, *за-срам-и-ть*, *о-срам-и-ть*, *по-срам-и-ть* 'навлечь позор, бесчестье на кого-, что-л.'. У якасці спецыфічнага марфемнага сродку для рэалізацыі аналізаванага значэння ў рускай мове выступае прэфікс *ис-* (*ис-срам-и-ть*).

Такім чынам, аналіз невялікага сегменту вербалізацыі ў блізкароднасных мовах эмоцыі сораму паказвае на значную ступень падабенства эматыўных сродкаў для яе выражэння і выяўляе ў кожнай мове факты нацыянальнай спецыфікі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Арутюнова, Н. Д. О стыде и стуже / Н. Д. Арутюнова // Вопр. языкознания. – 1997. – № 2. – С. 59–70.
2. Кандрацэня, І. У. Лексические средства выражения эмоционального состояния СТЫДА/СОРАМУ в русском и белорусском языках / І. У. Кандрацэня // Беларуская мова ў XXI стагоддзі: асноўныя тэндэнцыі развіцця (да 80-годдзя акадэміка А. І. Падлужнага): Міжнар. навук. канф., Мінск, 28–29 кастр. 2015 г. / ДНУ «Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. Нац. акад. навук Беларусі». – Мінск: Права і эканоміка, 2015. – С. 169–177.
3. Бардовіч, А. М. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы / А. М. Бардовіч. – Мінск: Беларус. навука, 2000. – 413 с.
4. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М.: Рус. яз., 1985. – 2 т.
5. Бардовіч, А. М. Марфемны слоўнік беларускай мовы / А. М. Бардовіч, Л. М. Шакун. – Мінск: Выш. шк., 1989. – 718 с.

6. Тихонов, А. Н. Морфемно-орфографический словарь русского языка. Русская морфемика / А. Н. Тихонов. – М. : Школа-Пресс, 1996. – 704 с.

7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 3 (Муза – Сят). – 832 с.

8. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://bnkorporus.info/korpus.htm>. – Дата доступу: 08.11.2021.

Т. П. Кугейко (г. Минск, Республика Беларусь)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОМОНИМИЧНЫХ ЛЕКСЕМ ПОЛЕЙ РЕЧИ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

Омонимия как асимметричность соотношений формы и содержания знака является неотъемлемым элементом любой языковой системы. К вопросам разграничения видов неоднозначности, определения места и статуса различных типов омонимичных единиц обращаются ученые с начала прошлого столетия. Особенно актуальным до сих пор остается изучение семантики производных лексем, смысловый объем которых более сложный и формируется за счет значений мотивирующих основ и словообразовательных формантов. Цель данного исследования – проанализировать деривационные особенности омонимов, входящих в состав лексико-семантических полей «Речь, говорение» и «Маўленне, гаварэнне» в русском и белорусском языках. Для этого были использованы не только слова, выступающие в качестве элементов указанных полей, но для сравнения привлекались целые пары или группы омонимических лексических единиц, в значении хотя бы одной из которых присутствует семантический признак ‘способность владеть и пользоваться устной речью’.

Омонимы составляют весьма незначительную часть полей речи в обоих близкородственных языках, что в целом соответствует сущности самого явления, заключающегося в отсутствии какой-либо семантической связи между языковыми единицами при идентичном плане выражения. В ЛСП «Речь, говорение» входят восемь пар омонимичных слов (*заговорить*^{1,2}, *заговаривать*^{1,2}, *заговаривание*^{1,2}, *разговаривать*^{1,2}, *замолчать*^{1,2}, *захвастаться*^{1,2}, *тыкать*^{1,2}, *хрипнуть*^{1,2}), а в ЛСП «Маўленне, гаварэнне» – пять пар (*заговорваць*^{1,2}, *загаварыць*^{1,2}, *замаўчаць*^{1,2}, *тыкаць*^{1,2}, *хрыпнуць*^{1,2}). Как правило, эти лексемы относятся к одному словообразовательному гнезду и имеют общее семантическое ядро благодаря наличию одной и той же корневой морфемы. А. Н. Тихонов квалифицирует такие случаи как «внутригнездовую словообразовательную омонимию» [1, с. 72], связанную с омонимичностью аффиксов. Исключение составляют омонимы *тыкать*¹ (ЛСВ 3... //) и *тыкать*² (← *ты*), которые образовались в результате случайного совпадения по звучанию, а выделение в них общих семантических компонентов можно объяснить тем, что глагол *тыкать*¹ относится к полю речи не по основному значению, а лишь оттенком одного из ЛСВ, возникшему при метафоризации

(сравн.: '1. Вонзать, втыкать что-л. острое, колющее' и '3. Разг. ...// перен. Назойливо говорить, напоминать о чем-л., показывать что-л.') [2, т. 4, с. 432].

Преобладающая часть омонимов полей речи в обоих близкородственных языках является производными единицами. «Непроизводные (лексические) омонимы не составляют даже третьей части всего омонимичного массива русской лексики» [1, с. 56]. При этом первообразными могут быть как все слова из омонимичной пары или группы (рус. *сорока*^{1,2}, *травить*^{2,1}, бел. *мат*^{1,2}, *часачь*^{1,2}), так и ее отдельные члены (рус. *брань*¹ ← *бранить* и *брань*² 'война, битва, бой', *сип*² ← *сипеть* и *сип*¹ 'хищная птица', *покорить*² ← *корить* и *покорить*¹ 'подчинить', *бухнуть*¹ ← *бухать* и *бухнуть*² 'увеличиться от влажности', бел. *байка*¹ ← *баяць* и *байка*² 'мяккая, пераважна баваўняная тканіна з прыгладжаным ворсам' [3, т. 1, с. 327], *бай*² ← *баяць* и *бай*¹ 'буйны землеўладальнік'). Отметим, что в белорусском языке словообразовательную структуру имеют преимущественно те единицы в паре омонимов, которые не относятся к ЛСП «Маўленне, гаварэнне» (*даклад*¹ 'паведамленне' и *даклад*² ← *дакласці*, *плётка*² 'чутка' и *плётка*¹ ← *плець*, *намякаць*² 'гаварыць намёкамі' и *намякаць*¹ ← *намякнуць*, *змарозіць*² 'сказаць што-н. недарэчнае' и *змарозіць*¹ ← *марозіць* и др.).

Производные омонимы можно разделить на две основные группы: 1) возникшие на базе лексических омонимов («отраженная словообразовательная омонимия» – термин В. В. Виноградова), 2) получившие омонимичность в процессе словообразования.

Первая группа объединяет следующие разновидности омонимичных слов: лексемы, входящие в словообразовательные гнезда, вершинами которых являются омонимы (рус. *выжать*¹ ← *жать*¹ 'стискивать, сжимать' и *выжать*² ← *жать*² 'убирать злаки', бел. *шумець*¹ ← *шум*¹ 'гукі, лаянка, размовы' и *шумець*² ← *шум*² 'пеністы налёт'); и лексемы, производные от омонимов, но относящиеся к словообразовательным гнездам, исходными единицами которых выступают разные слова (рус. *докладывание*¹ ← *докладывать*¹ ← *доклад* и *докладывание*² ← *докладывать*² ← *докласть* ← *класть*, бел. *асвяціць*¹ ← *свяціць*¹ ← *свет* и *асвяціць*² ← *свяціць*² ← *святы*; *даносіць*² ← *данесці*² и *даносіць*¹ ← *данесці*¹ ← *несці*). Отраженная омонимия очень редко наблюдается в случаях, когда производные омонимы принадлежат одному словообразовательному гнезду, сравн.: рус. *звать* → *на-звать*¹ 'дать имя', *звать* → *на-звать*² 'пригласить в большом количестве' и *назвать*¹ → *назыв-а-ть*¹ (несов.), *назвать*² → *назыв-а-ть*² (несов.). Это возможно только при условии, что деривационные форманты выражают идентичное словообразовательное значение и относятся к одному словообразовательному типу. В случаях образования омонимичных лексем от разных исходных слов или от одной и той же единицы отраженная омонимия, как правило, не проявляется на первой ступени деривации.

Вторая группа включает пары (группы) омонимов, которые относятся к разным словообразовательным гнездам (с неомонимичными лексемами в вершине) или к одному словообразовательному гнезду.

Омонимия лексем из разных словообразовательных гнезд обеспечивается за счет омонимизации производящих основ в процессе деривации

(«межгнездовая словообразовательная омонимия» [1]). При этом к исходным основам присоединяются словообразовательные форманты в тождественных значениях (рус. *пристег-ива-ть*² ← *пристегнуть* ‘прибавить, присоединить’ и *пристег-ива-ть*¹ ← *пристегать* ← *стегать*², бел. *пiкiрава-нн-е*² ← *пiкiравацiца* ‘абменьвацiца з’едлiвымі, колкiмі заўвагамi’ и *пiкiрава-нн-е*¹ ← *пiкi’раваць* ← *пiкe*²), а производные относятся к одному словообразовательному типу. В некоторых случаях омонимизация сопровождается отличием средств и способов словообразования (рус. *по-читать*¹ ← *читать* и *почит-а-ть*² ← *почтить* ← *читать*, *сволоч-и-ть*² ← *сволочь* и *с-волочить*¹ ← *волочить*, бел. *на-спяваць*¹ ← *спяваць* и *насп-ява-ць*² ← *наспець* ← *спець*, *адабр-а-ць*² ← *адобрыць* и *ада-браць*¹ ← *браць*). Обоим близкородственным языкам характерно совпадение разных основ в процессе деривации в определенной грамматической форме. В рассматриваемом нами материале данное явление широко представлено на примере форм несовершенного вида глаголов *рвать* и *рывать*: *вырывать*^{1,2}, *обрывать*^{1,2}, *срывать*^{1,2}, *перерывать*^{1,2}. Речевое значение репрезентировано в семантическом объеме производящих лексем *вырваться* (ЛСВ 2....//), *оборваться* (ЛСВ 3....//), *сорваться* (ЛСВ 5....//) и др.

Омонимы, образованные от одной и той же производящей основы и входящие в одно словообразовательное гнездо, как уже отмечалось, связаны общностью корневой морфемы, поэтому омонимизация происходит благодаря семантической дифференциации деривационных формантов. Такие лексемы всегда относятся к разным словообразовательным типам. Например, суффиксы в омонимах *на-уш-ник*¹ ‘тот, кто наушничает’ и *на-уш-ник*² ‘прибор’ (← *ухо*), *шыл-ун*¹ ‘той, кто шыпiць (у 4 знач.)’ и *шыл-ун*² ‘густы накіп’ (← *шыпець*) выражают субъектное и объектное значения, в словах *за-крутить*¹ ‘крутя, свернуть, завить что-л.’ и *за-крутить*² ‘начать крутить’ (← *крутить*), *за-дзяўбiць*¹ ‘забiць, прыбiць ударами дзюбы’ и *за-дзяўбiць*² ‘пачаць дзяўбiць’ (← *дзяўбiць*) приставки имеют значения результативности и начала действия. Реже образование омонимичных лексем является результатом различия мотивации и словообразовательных структур, например, *налет-а-ть*¹ (несов.) ← *налететь* ← *лететь* и *на-летать*² ‘пролететь в общей сложности какое-л. расстояние’ ← *летать* ← *лететь*. Кроме того, в отдельных случаях омонимия базируется на разных ЛСВ производящей основы (*острить*¹ ‘делать острым (в 1 знач.)’, *заострять* ← *острый* ‘1. Имеющий хорошо колющий конец или хорошо режущий край’ и *острить*² ‘говорить остро’ ← *острый* ‘4. Остроумный, язвительный’ [2, т. 2, с. 657–658]).

В ЛСП «Речь, говорение» и «Маўленне, гаварэнне» русского и белорусского языков зафиксировано значительное число однокоренных омонимов, связанных синтагматическими или парадигматическими отношениями производности. Как правило, омонимичные лексемы составляют словообразовательные пары, причем в качестве производящего чаще выступают именно первообразные единицы, например, рус. *клепать*² → *на-клепать*², *пороть*² → *на-пороть*², *поддеть*¹ → *подде-ва-ть*¹ (сравн. (*так* →) *так-а-ть*¹ → *така-нь-е*¹), бел. *данесцi*² → *данос-і-ць*² и др. Отмечаются отдельные случаи построения словообразовательных цепочек (бел. *даклад*¹ → *даклад-ва-ць*¹ → *дакладва-нн-е*¹)

и парадигм (рус. *назвать*¹ → *называть*¹, *назваться*¹). Кроме того, омонимы формируют фрагменты словообразовательных гнезд, что характерно как для исходных единиц, входящих в поля речи в полном семантическом объеме, так и для лексем, представленных одним из ЛСВ с переносным значением.

Болтать²

1| *болт-ун*¹   2| *болтуш-к-а*¹
 1| *за-болтать*³
 | *за-болтать-ся*¹   2| *забалт-ыва-ться*¹
 1| *на-болтать*²
 | *по-болтать*²
 | *про-болтать*²
 | *раз-болтать*²   2| *разбалт-ыва-ть*²
 1| *раз-болтать-ся*²

Калоць¹ (7-ы ЛСВ)

1| *кол-к-і*¹   2| *колк-а*²
 1| *пад-калоць*¹ 2| *падкол-ва-ць*¹

Отметим следующие словообразовательные особенности омонимов, в семантике одного из которых присутствует сема речи, в обоих близкородственных языках: 1) лексические омонимы, разные слова, основа одного и того же слова обладают равнозначным деривационным потенциалом для возникновения омонимов; 2) семантика исходных единиц в большей степени детерминирует омонимичность, чем значение словообразовательных средств; 3) омонимы в рамках ЛСП способны вступать в синтагматические и парадигматические связи.

Список использованной литературы

1. Тихонов, А. Н. Роль гнезд однокоренных слов в системной организации русской лексики: отраженная синонимия; отраженная омонимия; отраженная антонимия / А. Н. Тихонов, А. С. Пардаев ; под ред. Л. А. Новикова. – Ташкент : Фан, 1989. – 141 с.
2. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – 4 т.
3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Акад. навук БелССР, Ін-т мовазнаўства ; пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Беларус. савец. энцыкл., 1977–1984. – 5 т.

Н. П. Масловская (г. Минск, Республика Беларусь)

**ОСОБЕННОСТИ ФОНЕМНОЙ СТРУКТУРЫ МОРФЕМ
 В ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОМ РУССКО-БЕЛОРУССКОМ
 СЛОВАРЕ**

В современном мире интенсивные и долговременные контакты народов неизбежно приводят к возникновению социальной ситуации, которая в лингвистической литературе получила название двуязычие или билингвизм. В этом плане в Беларуси исторически сложились свои, во многом неповторимые социальные, культурные и этноязыковые условия существования двух близкородственных языков – русского и белорусского. Совместное функционирование их в одном социуме в качестве государственных языков характеризуется своеобразными тенденциями. Отсюда следует постоянное внимание лингвистов к сопоставительным исследованиям активных языковых

процессов, обусловленных современной социолингвистической ситуацией в стране. Можно сказать, что результаты, полученные академическими лингвистами в предыдущем системном исследовании «Сопоставительное описание русского и белорусского языков. Словообразование» [1], позволили приступить к созданию нового типа справочного издания «Дифференцированный русско-белорусский словарь морфемных структур лексических единиц». Вообще подготовка новых пособий с учетом языковой практики и тех тенденций, которые проявились в системах государственных языков за последние десятилетия, продиктована необходимостью дальнейшей разработки сопоставительных исследований, обеспечивающих их нормативное функционирование, прежде всего в образовательной сфере, средствах массовой информации, а также повышение общей филологической культуры в обществе.

Предварительные данные, полученные в ходе нового исследования, позволяют описать отдельные характерные элементы языковых сходжений и отличий в наших близкородственных языках. Отметим, что в качестве источников фактического материала взяты соотносимые по формату и объему словари литературных языков [2; 3]. В качестве единиц описания выступают слова с типологически релевантными лексическими морфемами. Для их выявления применяется метод сопоставления, который позволяет установить степень подобия и отличия двух языков на морфемном уровне. Первоочередной задачей при составлении данного словаря представляется идентификация формально подобных морфем в соотносимые наименьшие структурные части слов, обладающие определенным лексическим или грамматическим значением – морфемы. Основным условием такой идентификации является функциональное и формальное подобие морфем как минимальных значимых частей словоформы в сравниваемых языках. Именно эти конкретные языковые реализации репрезентируют морфему и отражают ее варьирование в плане выражения. Исследователи справедливо указывают на то, что «совокупность одноименных морфем, обладающих тождественным значением и формальной (фонематической) близостью, составляют морфему: совокупность корневых морфем – корневую морфему; совокупность одноименных аффиксальных морфем – аффиксальную морфему» [4, с. 45]. Следует добавить, что под формальной (фонематической) близостью понимается частичная тождественность состава фонем и порядок их следования в слове. Проведенный анализ закономерностей формального варьирования аффиксальных и корневых морфем при составлении реестра русско-белорусского дифференцированного словаря, позволил отметить следующие отличия, которые не противоречат правилам идентификации соотносимых морфем в лексемах. Можно отметить характерные моменты.

Во-первых, если на месте какой-либо фонемы (или сочетания фонем) в одноименном морфе другого языка выступает иная фонема (или фонемы), например: согласные **-к-//-ч-**, **-к-//-х-**, **-ж-//-дж-**, **-ст-//-шч-** (рус. *помака́ть* // бел. *памача́ць*; рус. *побренча́ть* // бел. *пабрынка́ць*; *переку́тать* (всех, многих) // бел. *пераху́таць*; рус. *переку́тывать* // бел. *пераху́тваць*; рус. *перелажива́ть* // бел. *перала́джваць*; рус. *поблиста́ть* // бел. *паблішча́ць*); гласные **-а-//-ы-**, **-а-//**

-о-, -а//-у-, -О//-і- (рус. *перепáрхивание* // бел. *перапы́рхванне*; рус. *перепáрхивать* // бел. *перапы́рхваць*; рус. *перепáльвать* // бел. *перапо́льваць* (*пало́ць* яшчэ раз); рус. *перелáвливать* // бел. *перало́ўліваць*; рус. *перекрахмáлить* (заново, слишком) // бел. *перакрукхмáліць*; рус. *перекрахмáленный* // бел. *перакрукхмáлены*; рус. *пальто́* // бел. *палі́то*; рус. *пальто́вый* // бел. *палі́товы*). При соотношении подобных морфов сохраняется тождественность их значения и формальное подобие с учетом всех видоизменений. Следует отметить, что сами фонемы не ассоциируются с каким-либо значением. Нельзя сказать, каким значением обладает фонема <а>. Однако при переходе на морфемный уровень, в частности при рассмотрении служебных морфем, она уже владеет достаточно конкретным значением. В корневой морфеме, как в обязательной части слова, заключается основное лексическое значение. В изучении фонетической структуры морфем для нас в первую очередь представляют интерес границы их варьирования. Понятно, что сменные сегменты возникают в результате приспособления морфов разных морфем в границах слова. Организация слов, по которой устанавливается зависимость выбора (запрета/приоритета) тех или иных единиц, показал, что каждая из них имеет свои закономерности реализации, которые определяются системой конкретного языка.

Во-вторых, один из морфов составляет часть другого морфа, является его меньшим отрезком в сравниваемом языке, как в следующих примерах. Префиксы **о-//аб-, об-//аба-, пере-//пра-, по-//па-, папа-** (рус. *ови́ть* // бел. *абві́ць*; рус. *обяза́ть* (предписать) // бел. *абавяза́ць*; рус. *перелёска* // *пралёска*; рус. *поблѣкнуть* // бел. *паблякнуць, зблякнуць*; рус. *попла́вать* // бел. *паплаваць*, (долго) *папапла́ваць*; *повы́ть* // *навы́ць*, (долго) *папавы́ць, папавы́ваць*). Обращает внимание, что в белорусском языке для передачи значения 'продолжительности либо многократности, интенсивности действия' может употребляться специфический префикс. Суффиксы **-ыва- (-ива) // -ва- // -а-, -ирова-//-ава-** (рус. *перепáльзывать* // бел. *перапо́ўзваць, перапаўза́ць*; рус. *обшáрпывать* // бел. *абшáрпваць*; рус. *обязыва́ть* (предписывать) // бел. *абавязва́ць*; рус. *обчѣсывать* // бел. *абчэ́сваць*; рус. *пошѣптывать* // бел. *пашэ́птаваць*; рус. *перекрахмáливать* // бел. *перакрукхмáльваць*; рус. *перелáмывание* // бел. *пераломлі́ванне*; рус. *перелáмывать* // *пераломлі́ваць*; рус. *подремонти́ровать* // бел. *падрамантава́ць*).

В-третьих, такие суффиксальные морфы, как: **-льщик//-чик, -щик//-т-** (рус. *перемáтвальщик* // бел. *перамо́тчык*; рус. *погони́щик* // бел. *паганя́ты*) при тождественности лексического значения 'лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом', находятся еще и в отношении дополнительной дистрибуции (дополнительного распределения). Их фонематический вид изменяется в зависимости от грамматических условий, в которых они могут быть использованы в процессе словообразования. Так, морфы **-чик//-чик** употребляются тогда, когда мотивирующая основа заканчивается на согласные **д, т, з, с** (рус. *обхо́дчик* // бел. *абхо́дчык*; рус. *плака́тчик* // бел. *плака́тчык*; рус. *перепи́счик* // бел. *перапі́счык*). В других случаях употребляются остальные морфы (рус. *обшива́льщик* // бел. *абшыва́льшчык*; рус. *паро́мщик* // бел. *паро́мшчык*; рус. *парильщик* // бел. *пары́льшчык*).

В зависимости от семантических и морфологических примет существительные в русском и белорусском языках относятся к одному из трех родов. Как известно, категория рода не всегда совпадает в сравниваемых лексемах этих языков (рус. *пáводок м.* // *пáвóдка ж.*; рус. *пéрепел м.* // бел. *пeрапéлка ж.*; *пeрeманка ж.* // бел. *пeрамáньванне ср.*; рус. *о́сыпь ж.* // бел. *асы́пак м., вóсып м.*; рус. *пeрeкúс м.* // бел. *пeракúс м., пeракúска ж.*; рус. *пoвeдéниe ср.* // бел. *пaвoдзiны мн.*; рус. *пeрeлiв м. (действие)* // бел. *пeрaлiўкa ж., пeрaлiвy* обычно *мн. (ед. пeрaлiў м.)*).

Ударение в русском и белорусском языках является свободным (разноместным), что делает его индивидуальной приметой каждого отдельного слова. Оно может находиться на любом слоге в слове, на любой морфеме. Благодаря таким свойствам ударение в сравниваемых языках может служить дополнительным средством отличия между морфемами знаменательных слов (рус. *о́бух* // бел. *абúх*; рус. *о́ползень* // *апоўзeнь*; рус. *о́кунь* // бел. *акúнь*; рус. *о́куневый* // бел. *акунёвы*; рус. *осо́ка* // бел. *асака*; рус. *осоковыe* // бел. *асаковыя*; рус. *плотва́* // бел. *плотка*; рус. *пeрeжiтый* // бел. *пeражыты*; рус. *пeрeкúп* // бел. *пярэкуп*).

Следует обратить внимание на акцентуационные различия, когда в белорусском языке под ударением возникают приставные/вставные гласные или согласные (рус. *о́сь* // бел. *вось*; рус. *о́стрый* // *вóстры*; рус. *о́строухий* // бел. *вaстpaвúхi*; рус. *о́сыпь ж.* // бел. *вóсып м., асы́пак м.*; рус. *о́тeль* // бел. *атэ́ль, гатэ́ль м.*). Таким образом, системное исследование морфемного строения лексических единиц русского и белорусского языков отразит тот факт, что многочисленные возможности их разнообразного сочетания обуславливают не только индивидуальность структуры каждой языковой системы в отдельности, но и наличие различий, отделяющих языки.

Список использованной литературы

1. Сопоставительное описание русского и белорусского языков. Словообразование / А. В. Андреева [и др.] ; науч. ред. А. А. Лукашанец, О. М. Николаева / Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., фил. «Ин-т яз. и лит. им. Якуба Коласа и Янки Купалы». – Минск : Беларус. наука, 2014. – 486 с.
2. Словарь русского языка : в 4 т. / ред. А. П. Евгеньева ; Ин-т рус. яз. РАН. – Изд. 3-е, стер. – М. : Рус. яз., 1985. – 4 т.
3. Русско-белорусский словарь = Руска-беларускі слоўнік : в 3 т. / НАН Беларусі, Ін-т яз. і лит. ім. Якуба Коласа і Янкі Купалы. – Изд. 10-е, перераб. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2012.
4. Русак, В. П. Марфаналягія сучаснай беларускай мовы / В. П. Русак. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – 316 с.

Н. Г. Рогозинникова, Р. Р. Атаева (г. Ташкент, Узбекистан)

К ВОПРОСУ О МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ОМОНИМИИ В РОДСТВЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Разнообразие взглядов на явление межъязыковой омонимии свидетельствует о том, что в контрастивной лексикологии сегодня нет четкого,

непротиворечивого определения этого понятия. Например, А. Е. Супрун пишет: «Межъязыковая омонимия (в широком понимании) охватывает все то, что в рамках однопорядковых языковых уровней формально идентично, а семантически различно в контактирующих языках. Однако, по признанию многих исследователей, основная (и важнейшая) часть межъязыковой омонимии отмечается на лексическом уровне – в категории межъязыковых лексических омонимов» [1, с. 4]. В. Н. Манакин определяет межъязыковые омонимы как «слова генетически родственные или заимствованные (интернационализмы), близкие или совпадающие по форме, но не связанные друг с другом по значению» [2, с. 171]. Межъязыковые омонимы, по мнению В. В. Акуленко, должны быть сходны «до степени отождествления по звуковой и/или графической форме» и иметь разное значение [3, с. 380]. Наиболее приемлемой нам представляется точка зрения, в соответствии с которой межъязыковые омонимы понимаются как лексические единицы, находящиеся при семантическом различии в отношениях формального тождества или частичного формального различия регулярного характера, что обусловлено закономерными соответствиями (фонетическими, морфологическими, графическими). И если вопрос о формальном тождестве в омопарах при сопоставлении любых двух языков решается приблизительно одинаково, то характер частичных различий каждый раз будет иным, так как определяется особенностями данных языков. Данное утверждение характерно как для плана выражения, так и для плана содержания.

Анализируя болгарско-русские межъязыковые омонимы (МО) в аспекте плана выражения, можно выделить среди них фонетико-графические, фонетические и графические. Особый интерес представляют для нас графические МО (имеющие тождественный графический облик, но различающиеся произношением). Среди них выделяются следующие разновидности.

1. МО, различающиеся только местом ударения: болг. *кляка* – ‘сплетня’, рус. *кляка* – ‘палка с кривым верхним концом для опоры при ходьбе’.

2. МО, различающиеся произношением гласных. Гласный *о* в болгарском языке (в отличие от русского) в безударном положении не подвергается редукции, в связи с чем образуются омопары типа болг. *товар* [товар] – ‘груз, поклажа’, рус. *товар* [тЛвар] – ‘то, что является предметом торговли’.

3. МО, различающиеся произношением согласных. Согласный *ч* в болгарском языке (в отличие от русского) непарный твердый, в связи с чем образуются омопары типа болг. *тачка* [тачка] – ‘тонкая планка’, рус. *тачка* [тач’ка] – ‘ручная тележка’. Согласный *ж* в болгарском языке произносится несколько мягче, чем в русском, чем и различаются лексемы в омопаре болг. *жир* [ж’ир] – ‘буковый желудь’, рус. *жир* [жыр] – ‘не растворяющееся в воде маслянистое вещество’. Графема *щ* в болгарском языке обозначает сложный звук [шт], который может быть и твердым, и мягким; в русском – мягкий долгий [ш’]: болг. *вещица* [вэш’т’ица] – ‘колдунья, ведьма’, рус. *вещица* [в’иш’ш’ица] – уменьш. от *вещь*. Согласные в болгарском языке не смягчаются перед гласными переднего ряда *и* и *э* (кроме заднеязычных *г*, *к*, *х*), в результате образуются омопары типа болг. *леска* [лэска] – ‘орешник’, рус.

леска [л' эска] – ‘прикрепленная к удилицу нить с рыболовным крючком’; болг. *низ* [ныс] ‘связка’, рус. *низ* [н' ис] 1) ‘часть предмета, ближайшая к основанию’, 2) ‘то же, что *низовье*’.

Перечисленные особенности болгарского произношения являются различиями регулярного характера, возникновение межъязыковых омопар на их основе в сопоставляемых языках закономерно и предсказуемо. Наличие подобных омопар невозможно в рамках внутриязыковой омонимии и потому, на наш взгляд, является одной из специфических черт омонимии межъязыковой.

Часто межъязыковые омопары образуются в результате случайного совпадения в плане выражения лексем с общеславянскими или иноязычными корнями: болг. *полка* – ‘полька’, рус. *полка* а) ‘прикрепленная к стене горизонтальная доска для предметов домашнего обихода, книг’ и т. п. б) ‘горизонтальная доска в шкафу, буфете’ и т. п.; болг. *паркет* – ‘прокуратура’, рус. *паркет* – ‘настил на полу из дощечек, уложенных так, что они образуют какой-н. узор’.

Межъязыковые омопары могут образовываться в результате разной исторической судьбы в родственных языках общих иноязычных заимствований (что также можно считать особенностью именно омонимии межъязыковой): болг. *сарай* – ‘дворец, палаты’, рус. *сарай* – ‘крытое строение для различного имущества’.

Анализ материала показывает, что на смысловые различия в межъязыковой омопаре накладываются также функциональные различия. Например, болг. *горница* 1) ‘излишек, остаток’, 2) ‘голеннице’, рус. *горница* 1) (устар.) ‘комната, первоначально в верхнем этаже’; болг. *грудка* 3) (диал.) ‘головка сыра’, рус. *грудка* – уменьш. к *грудь*.

Межъязыковыми омопарами, на наш взгляд, можно считать также лексем, совпадающие в значении, но различающиеся стилистической окраской, что невозможно при внутриязыковой омонимии: болг. *държава* – 1) ‘государство’ (стилистика нейтральное), рус. *держава* – (высок.) ‘государство’; болг. *где* – нареч. (разговорное); рус. *где* – нареч. вопросит. и места (стилистика нейтральное).

Таким образом, в плане содержания (как и в плане выражения) межъязыковая омонимия имеет ряд специфических черт, что позволяет рассматривать ее как самостоятельное явление, отличное от омонимии внутриязыковой.

Список использованной литературы

1. Супрун, А. Е. Лексическая типология славянских языков / А. Е. Супрун. – Минск : Изд-во БГУ, 1983. – 47 с.
2. Манакин, В. Н. Основы контрастивной лексикологии: близкородственные и родственные языки / В. Н. Манакин. – Киев ; Кировоград : Гос. центр. укр. изд-во, 1994. – 260 с.
3. Акуленко, В. В. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» / В. В. Акуленко. – М. : Совет. Энцикл., 1969. – 384 с.

ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

И. П. Азевич (г. Витебск, Республика Беларусь)

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОГО ДИСКУРСА

Проблематика лингвистических и лингвопрагматических публикаций последних лет свидетельствует о том, что в центре внимания исследователей по-прежнему остается анализ проблем, связанных с изучением различных типов дискурса.

В статье «О типах дискурса» В. И. Карасик, один из авторитетнейших специалистов в области теории дискурса, описывает это понятие «как текст, погруженный в ситуацию общения, который допускает множество измерений...» [1, с. 6].

В. Е. Чернявская широко определяет дискурс и трактует его как «текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания/текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом» [2, с. 135]. По ее мнению, «текст – это результат коммуникативно-речевой деятельности, та структура, которая возникает в ходе этой деятельности – структура, имеющая свои внутренние внутритекстовые закономерности, связывающая последовательность высказываний в единую текстовую систему соответственно критериям текстуальности» [2, с. 134]. Мы разделяем данную точку зрения, поскольку дискурс с таких позиций может быть описан как структура, в которой отражается речевая реальность.

Определяя дискурс как интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, ученые выделяют (в зависимости от ориентированности общения) два его основных типа: персональный, или лично ориентированный, и институциональный, или статусно ориентированный [2, с. 8]. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института, в рамках определенных статусных отношений.

При описании типов институционального дискурса исследователями учитываются следующие компоненты: 1) участники дискурса – представители той или иной социальной группы, вступающие в общение и исполняющие определенные коммуникативные роли (фактор адресанта и адресата); 2) хронотоп – время и место коммуникативных контактов; 3) цель дискурса – предполагаемый результат коммуникации, обусловленный причинами конструирования и реализации дискурса; 4) система базовых ценностей

определяется миссией конкретного институционального дискурса и характерными для сферы его функционирования определенными кодексами; 5) способы общения (стратегии и тактики); 6) жанры институционального дискурса; 7) прецедентные (культурогенные) тексты, на основе которых выстраивается весь корпус внутренней и внешней институциональной коммуникации, определяются ее миссия, кредо, базовые стратегические установки, нормативные положения и др.; 8) дискурсивные формулы, свойственные общению в данном социальном институте [1, с. 11]. Кроме того, для выявления особенностей институционального дискурса целесообразно учитывать такие критерии, как основа коммуникативной направленности, наличие или отсутствие оценочности, а также характер отправной точки для создания текста [3, с. 64]. В данной работе для описания судебного-экспертного дискурса как институционального выбраны следующие критерии: сфера функционирования, участники общения (фактор адресанта и адресата), хронотоп, коммуникативная цель (основа коммуникативной направленности), жанры дискурса, наличие или отсутствие оценочности, характер отправной точки для создания текста, характерные дискурсивные формулы.

Судебно-экспертный дискурс предполагает общение в рамках статусных отношений (эксперт как одна из сторон коммуникативных отношений является представителем экспертного учреждения, которое выполняет поставленные перед ним задачи). С целью выявления специфических черт судебного-экспертный дискурс рассмотрен в сравнении с юридическим, с которым он сближается по своей **сфере функционирования** (область права), и научным, с которым близок наличием информационной составляющей (лингвистическое исследование, анализ текста).

Основной задачей судебной лингвистической экспертизы является исследование устных и письменных текстов для решения задач их смыслового понимания и определения в них криминалистически значимой информации. **Участниками** в данных отношениях выступают эксперт, с одной стороны, и лицо, инициирующее проведение экспертизы (чаще инициаторами выступают органы дознания, предварительного следствия, судебные органы, а также физические лица), с другой стороны. Несмотря на то, что взаимодействие участников происходит в юридической плоскости, задача эксперта – дать заключение на основе лингвистического исследования объекта, с применением научно-обоснованных методов эмпирического познания в рамках существующего законодательства. Время и место экспертных исследований строго определены: как правило, в течение 30 календарных дней с момента регистрации в экспертном учреждении постановления о назначении судебной лингвистической экспертизы эксперту необходимо провести исследование (сообщения о невозможности дачи заключения в указанный срок не входят).

Основа коммуникативной направленности судебного-экспертного дискурса – установление смыслового содержания текста, его пояснение. **Коммуникативная цель** юридического дискурса – регулирование общественных отношений. **Отправной точкой для создания текста** юридического

дискурса является конфликтная ситуация, спор, который порождает его диалогичность. Научный дискурс сочетает в себе ориентированность на полемику и информативность (направлен на выдвижение результата, полученного эмпирическим путем). Судебно-экспертный же дискурс предполагает монологичность, отсутствие конфликтной ситуации и ориентацию не на убеждение, а на информативность.

Цель функционирования институционального дискурса предполагает наличие или отсутствие оценочности (приема субъективации, позволяющего передать авторскую позицию) в его текстовой системе. Убеждающая функция юридического дискурса обосновывает в своей структуре оценочный компонент, первичная же информативная цель текста сводит до минимума этот компонент. Исходя из задач судебной лингвистической экспертизы, эксперт не имеет права эмоционально, экспрессивно оценивать тексты.

Фактор адресата также играет важную роль при построении того или иного дискурса. Для юридического и научного дискурса характерен многоликий, неперсонифицированный адресат. В судебно-экспертном дискурсе текст предназначен для определенного круга пользователей, четко очерченного правовыми актами.

Адресант в юридическом дискурсе, как правило, персонализированный, конкретный (например, юридическая консультация адвоката, обвинительная речь прокурора, претензионный иск юрисконсульта предприятия и т. д.), обладает такими качествами, как компетентность, дидактичность, заинтересованность. В научном и судебно-экспертном дискурсе **адресант** также обладает персонализированностью, компетентностью, дидактичностью, однако не заинтересован, чтобы его мнение стало основополагающим для адресата. В судебно-экспертном дискурсе адресант обладает специальными, уникальными компетенциями, определенными полномочиями, которыми он наделен законодательными актами.

Юридический и научный дискурсы характеризуются **жанровым многообразием** (в юридическом – жалоба, исковое заявление, протоколы следственных действий, обвинительный акт, защитительная речь и т. д., в научном – монография, диссертация, научная статья, рецензия, доклад, реферат, отчет и др.), судебно-экспертный дискурс предполагает наличие исчерпывающего перечня жанров, среди которых заключение эксперта, справка эксперта.

Дискурсивные формулы как «своеобразные обороты речи, свойственные общению в соответствующем социальном институте» [1, с. 15], в научном и юридическом дискурсах разнообразны. Каждый *жанр* отличается своим набором таких формул. Так, для текстов заключений эксперта характерны строго определенная структура, специфические способы и средства аргументации в тексте.

Таким образом, судебно-экспертный дискурс является институциональным дискурсом, так как общение между его участниками предполагается в рамках статусных отношений: с одной стороны – эксперт, с другой стороны –

лицо, инициирующее проведение экспертизы (представители органов дознания, предварительного следствия, судебных органов, а также физические лица). Помимо специфических участников судебно-экспертного дискурса среди других его конститутивных признаков отмечаются специфические коммуникативная цель, жанры, характер отправной точки для создания текста, дискурсивные формулы, отсутствие оценочности.

Характерные особенности, выявленные через сравнение его с юридическим и научным дискурсами, позволяют выделить судебно-экспертный дискурс как самостоятельное образование среди других институциональных дискурсов и сформулировать определение данного понятия: под судебно-экспертным дискурсом мы понимаем регламентируемую законодательными актами интеллектуальную деятельность лиц (обладающих специальными, уникальными знаниями в какой-либо области) на профессиональной основе, направленную на выявление криминалистически значимой информации и закрепление ее в документе, который может являться доказательством в правовом споре.

Список использованной литературы

1. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.
2. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 248 с.
3. Алехина, Н. В. Институциональные дискурсы в лингвистическом изучении / Н. В. Алехина // Молодой ученый. – 2020. – № 41 (331). – С. 64–66.

Е. А. Акуленко, В. В. Леонтьева (г. Минск, Республика Беларусь)

ЛЕКСЕМЫ ИНДИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Беларусь и Индия географически достаточно удалены друг от друга, но так ли наши страны далеки? В 2022 г. будет отмечаться 30-летие установления белорусско-индийских дипломатических отношений. С января 2018 г. для привлечения индийских туристов в Беларуси запущена программа «Индия френдли». Да и во времена СССР, в XX в., белорусы неплохо знали индийское кино, песни, танцы, занимались йогой, красили волосы индийской хной (тур. *kina*, *hina* из араб.) и индийской (иранской) басмой (тюрк. *basma*), пользовались достижениями индийской фармакологии и т. д. Белорусский (славянский) и индийский языки являются родственными, принадлежащими к одной языковой семье, – индоевропейской, т. е., согласно гипотезе конвергентного развития, имели общего предка. Речь, конечно, о праиндоевропейском языке. Хотя в истории лингвистики были времена, когда в качестве языка-предка предлагалось рассматривать как раз санскрит – литературный язык Древней Индии.

Очертим границы объекта нашего исследования. В современной лингвистике для обозначения слов родственных языков, восходящих к одному и тому же

праязыковому слову-источнику, используется термин *когнаты*. Когнаты на данном этапе исследования мы исключаем из фокуса нашего внимания (в подобных случаях в словарной статье будет использована помета *родственно... [таким-то словам]*). Нас интересуют исключительно собственно заимствования, пусть и из родственных индийских языков (в таких случаях создатели словарей используют слова *происходит из...* или лаконичное *из...*).

В центре нашего внимания – заимствования индийского происхождения, закрепленные в белорусскоязычной лексикографической традиции, т. е. кодифицированные авторитетными лексикографическими источниками, а также присутствие данных лексических единиц в белорусском коммуникативном пространстве сегодня.

Носители разных языков и культур всегда будут интересны другу другу. Географическая отдаленность, исторически сложившаяся экономическая и политическая закрытость Индии как одной из стран восточноазиатского региона, разные религии, расхождения национальных менталитетов и традиций тем не менее бессильны перед открытостью языковых образований, их способностью вбирать «чужие» лексические единицы – знаки «чужих» реалий, желанием носителей этих языков прикоснуться к неизведанному.

Сегодня индуизмы употребляются современными белорусами в коммуникации без оглядки на происхождение. Разговорная речь, художественный, публицистический, научный и официально-деловой стили общения оказались открыты для иноязычных вхождений. Заметим, что степень лексического (а иногда и фонетического, грамматического, графического) освоения заимствований индийского белорусским языком и его носителями разная.

Одни заимствования легко встраиваются в языковую картину мира белорусов и воспринимаются как «свои»: *ёга, гуру, джунгли, джут, карма, кашамір* и *кашмір, нірвана, піжама, хаки* и др. Другие слова индийского происхождения на сегодняшний день в белорусскоязычном коммуникативном пространстве функционируют в статусе экзотических вкраплений: *аенгара, баньян, брамины, брахманы, магараджа, пандыт, рупия, чакры* и др. Третьи отважно вторгаются в нашу жизнь, но находятся скорее за рамками языковой компетенции современных коммуникантов, «живут» в теле агнонимов: так, сегодня нас приглашают на мастер-классы по индийской живописи гонд (живопись *гонд* – ‘одна из форм племенного искусства, зародившаяся в Центральной Индии’; для нее характерны насыщенные цвета, техника нанесения изображения посредством коротких штрихов и точек), «Основы мехенди» (*мехенди* – искусство росписи по телу хной), «Настоящий индийский чай-масала» (*масала* – ‘индийский черный чай с молоком, имбирем и ароматными специями’), «Моя первая мандала» (*мандала* – ‘древний индийский символ’).

Способы введения лексем индийского происхождения в тексты в подобных случаях прогнозируемы: чаще всего это контекст, ситуация общения, а также перевод-разъяснение непосредственно в тексте: *На ім (дабрачынным вечары) вы пакаштуеце элітныя гатункі гарбаты, атрымаеце*

псіхалагічную кансультацыю і малюнак **мехендзі** (<https://hrodna.life/2018/07/03/tayamnicyi-ushodu-grodzencau-zaprashayuc-na-dabrachyinnyi-vechar-z-garbatay-i-mehendzi/>); *Нехта пляце **мандалы** (абярэгі ў форме круга), нехта расфарбоўвае, а маладая мама Юлія Палушкіна з Брэста малюе іх хной на цэле* (<http://zviazda.by/be-news/20160921/1474475475-yuliya-palushkina-mne-padabaessac-uprygozhvac-lyudzey>).

Подстрочные сноски, примечания, словники, вокабуляры, предлагаемые после основного текста, долгое время были востребованы в текстах об Индии, особенно в художественных. Сегодня другие времена: в эпоху «клипового» мышления коммуникантов при столкновении с новыми реалиями – фрагментами инокультурной мозаики – говорящий нуждается в информации здесь и сейчас, отсроченная информация перестает быть таковой (коммуникант быстро теряет к ней интерес). Тексты приобретают следующий вид: **Йога-нидра**. 21 сентября (пт) 18:30 – 20:00 Лучшая практика расслабления. **Йога-нидра** – психический сон, который часто называют «сон йогов», во время которого вы входите в глубокое медитативное состояние. Сознание в **йога-нидре** находится между сном и бодрствованием. Эта практика прекрасно подходит тем, кто хочет постичь науку расслабления тела и ума (<http://indianculturecenter.by/yoga/yoga-nidra>); *Где сделать **мехенди** в Минске. Альтернатива татуировке. Наверное, вы слышали о **мехенди**, если хоть раз смотрели традиционные индийские фильмы со счастливым финалом и свадьбой с танцами – то есть практически любой индийский фильм. Так называется особая роспись на руках и теле невесты перед свадебным обрядом* (<http://blizko.by/notes/gde-sdelat-mehendi-v-minske-alternativa-tatuirovke>, 30.06.2017).

Время диктует свои правила. Сегодняшнее восприятие зачастую синкретично, задействованными оказываются разные каналы связи. Так, в «Инстаграм» визуальная и вербальная составляющая дополняют друг друга: **Мехендзі** для сяброўкі @natawycinanka #мехенди #мехендиМинск #росписьхной #биотату #mehendi #biotattoo (tatsiana_sakhno, надпись под фото); *Брутальнае мужчынскае **мехендзі*** #younglife #vacation #lips #kissmollyslips #menstyle #henna #tattoo #mehendi #mendi #boy #arm #art #friend #sexy #belarus #brutal #new #instaartwork (alesia_vulpes, надпись под фото). Другие интернет-ресурсы также идут по пути соединения визуальной и вербальной информации: *У аснове індыйскай кухні таксама прысутнічае мал, які разам з аладкай і спецыямі ўтварае страва **тхали**, а таксама падаецца разам з стравай **кары**. Першыя стравы прадстаўлены, у прыватнасці, супам **дхал** з бабовых. **Даў** – гэта поліўка з чачавіцы або гароху (і любых іншых відаў бабовых). Увогуле-то, у Індыі, любую страву з бабовых называюць **«Даў»*** (Индийская кухня. Рэцэпты з фота <https://apkgk.com/be/com.cook.catalog.database.indikux>). Взрослым и маленьким беларусам онлайн предлагается «Гульня Эльза **Мандала**» (<http://by.sgames.org/122230/>).

Язык как живой организм реализует востребованную сегодня идею контурного мышления и порождает ответ: сегодня в Интернете набирают популярность тематические блоги на разных языках, посвященные мандалам,

хатха-йоге, йога-нидре (именно так в русскоязычном Интернете: *хатха-йоге*, но *йога-нидре*), создаются и активно развиваются сообщества в социальных сетях, выкладываются ролики на YouTube. И белорусскоязычный контент не остается в стороне. Возможно, речь идет об использовании данных заимствований в рамках неких социолектов представителями определенных субкультур, но тем не менее факт проникновения их в белорусский язык налицо. По нашим наблюдениям, сам факт использования подобной лексики индийского происхождения в речи становится имплицитным свидетельством того, что говорящий креативен, позитивен, инициативен, открыт, гибок и ратует за здоровый образ жизни.

СМИ и реклама начинают массово использовать чужие лексические единицы, делая их элементами языкового сознания современных коммуникантов. Вслед за заимствованием реалии всегда придет слово. Вы хотите «повысить когнитивные способности (обучаемость, внимание, память), снизить тревожность, наладить связь со своим подсознанием и интуицией» (<http://indianculturecenter.by/yoga>)? Сегодня к вашим услугам карма-йога, бхакти-йога, джнана-йога, раджа-йога (аштанга-йога), хатха-йога, йога-нидра ('психический сон') и т. д. А ведь кроме чужих реалий, незнакомого денотативно-сигнификативного начала, каждый раз мы сталкиваемся и с новыми для нашего языка номинациями – лексемами индийского происхождения.

В Беларуси ежегодно проходят фестивали индийской культуры, в Минске открыт Индийский культурный центр, популярность в Интернете набирает портал www.IndiaBelarus.by. В ресторанах индийской кухни нам предлагают попробовать самосу – самый популярный индийский «перекус» (*самоса* – 'национальное блюдо индийской кухни, вегетарианские пирожки с начинкой из картофеля, гороха, сухофруктов с добавлением специй'), даал (*даал* – 'традиционный индийский густой пряный суп-пюре из смеси бобовых (горох, чечевица) с добавлением специй'), заказать чатни (*чатни* – 'индийский соус из кинзы, мяты и йогурта'), роти (*роти* – 'индийские лепешки из цельнозерновой муки'). Особенно гурманы рекомендуют тхали (*тхали* – в переводе с хинди 'металлический поднос', 'металлическое блюдо, на котором подаются 8–12 разнообразных закусок').

Для того чтобы успешно коммуницировать, нужно владеть коммуникативным кодом. Новейшие лексемы индийского происхождения, проникшие в речевую практику белорусов в последние десятилетия, не являются остро необходимыми в повседневной жизни, однако владение ими, несомненно, делает нашу жизнь более комфортной, позволяет видеть и использовать те реалии, о существовании которых мы могли и не подозревать. Новый запах, новый вкус, новое звучание, новое хобби, способ расслабиться, сохранить равновесие, гармонию наедине с собой, наконец почувствовать себя счастливым – все это возможно узнать, увидеть, рассмотреть лишь с приходом новых слов.

М. Х. Бабаходжаева (г. Ташкент, Узбекистан)

МЕТАМОРФОЗЫ БИЛИНГВИЗМА

Во всем мире большое внимание уделяется владению кроме родного еще одним – иностранным – языком, однако в некоторых многонациональных семьях родными могут быть два и более языков. Например, бабушка говорит на родном, казахском, для мамы родной – русский, папа говорит на таджикском или на узбекском. В итоге ребенок владеет одинаково тремя родными языками, а в школе пользуется государственным узбекским. Полилингвизм был в Узбекистане распространенным явлением. После перестройки и распада СССР, где русский язык был государственным и межнациональным наряду с национальными языками, чтобы владеть государственным узбекским языком жители многих областей и городов республики стали возвращаться на историческую родину или выезжать за рубеж. Русскоязычное население стало покидать Узбекистан.

Владение русским языком как родным, так и вторым приветствовалось на государственном уровне, однако в связи с переходом узбекского языка на латиницу и функционированием официального узбекского русский язык стал вытесняться из многих сфер социальной жизни общества. Сегодня требование использовать государственный язык в общении в учреждениях и вести на нем деловую документацию заставляют и оставшихся лиц нетитульной национальности призадуматься. Тем не менее русский язык продолжает функционировать как на бытовом уровне, так и на официальном, например в русскоязычных школах и русскоязычных группах вузов. Но все же активный билингвизм, существовавший в советский период, оставляет лишь следы в функционировании речи в среде молодежи постперестроечного поколения. Часто звучат речевые высказывания, представляющие собой гибриды русского и родного узбекского. *Виде ёкмаган* – ‘вид не понравился’ ; *Живой рибаларни олиб келишди* – ‘принесли живую рыбу’ ; *Шум килма* – ‘не шуми’ ; *Согласный эдим* – ‘я был согласен’ ; *Даром хам керак эмас* – ‘мне и даром не надо’ . Но это не потому, что отсутствует аналог на узбекском, скорее это результат редукции фраз в устной речи, выбора наиболее краткого и точного лексического варианта.

У. Вайнрах первым обратил внимание на двуязычие как особый феномен [4]. Билингвизмом он считал умение использовать два языка или более. В научной литературе выделяют такие виды билингвизма, как **координативный**, т. е. свободное владение двумя языками (или даже тремя, например в многонациональной семье), **субординативный**, когда говорящий чаще обращается к родному языку или, наоборот, к иностранному, например, русскому. Л. В. Щерба выделял **чистое двуязычие** и **смешанное** [2; 3]. Е. М. Верещагин, характеризуя субординативный билингвизм, выделял в нем: **рецептивный**, **репродуктивный** вид, когда говорящий или пишущий переводил содержание на родной язык, а услышанное мог понять на иностранном [3].

Такой билингвизм является как бы **смешанным**. Высокий уровень владения иностранным называют **координативным**.

Учитывая речевую ситуацию с русским языком в республике Узбекистан, было принято определение предмета «русский язык» в национальных школах и вузах в качестве иностранного языка. В связи с чем в филиале Санкт-Петербургского педагогического университета имени Герцена, открывшегося в Ташкенте в 2020 г., создали факультет «Методика преподавания русского языка как иностранного». Однако совсем иностранным языком русский пока считать рановато. Мы хотим обратить внимание на следы активного билингвизма в бытовом общении: **Выкинуть** *килинг* – ‘выкиньте’; **Мени нервничать** *килма* – ‘не заставляй нервничать’; **заказ** – ‘сомса’; **Хаммаси законний** *булади* – ‘все будет отлично’; **Менга количество** *керак* – ‘мне нужно количество’; **Нет, да, потом-потом отдашь** – ‘берарсан’; **Точно, дуб сан** – ‘ты дуб’; **Сопроматни** *топишрдим* – ‘я сдал сопромат’; **Давай** *бошлаб бер* – ‘давай начни’; **Мен дурак** *масман* – ‘я не дурак’; **Отчетларни** *топишинг* – ‘сдайте отчет’; **Короче, пирашка** – ‘пирожок’; **Медикларга ойлик кутаринг** – ‘поднимите медикам зарплату’; **районларда** – ‘в районах’; **областларда** – ‘в областях’; **курткам** – ‘моя куртка’; **Давайте** *бошлаймиз* – ‘давайте начнем’. Как видим, это примеры смешанного билингвизма, наблюдаемого в наши дни, когда официальный язык вытесняет русский. На бытовом уровне русский пока функционирует и все еще актуален, так как носителей языка еще довольно много, как и русскоязычных узбеков. Поколение, выросшее в советское время, когда русский язык был не только государственным, но и языком межнационального общения, в большинстве своем владело свободно родным и русским. В основном наблюдался координативный билингвизм.

После распада Союза каждая республика стала больше внимания уделять развитию своего национального языка. Постепенно русский язык теряет свои позиции и как язык межнационального общения, хоть еще активен на бытовом уровне. Поколение, выросшее за годы независимости, не владеет русским языком в совершенстве, исключая тех, кто учится в школах с русским языком обучения. Наблюдается уже смешанный билингвизм. С точки зрения речевой деятельности для формирования полиязыковой личности важно взаимосвязанное изучение родного и иностранного языков.

В городах все же еще имеется русскоязычная среда, русский язык понимают и говорят на нем, хотя теперь внедряется английский язык, но сферы общения на нем еще не предвидится. Молодежь активно изучает английский, чтобы поехать учиться за рубеж или чтобы получать надбавку к зарплате за владение им. Конечно, английский язык – это не только средство расширения научных и культурных контактов, но и доступ к огромным ресурсам научно-деловой информации. Русский язык все еще актуален в Узбекистане, много трудовых мигрантов выезжают в разные уголки России. Выезжающие хорошо владеют им. Кроме того, открыто много филиалов российских вузов, белорусских, а также зарубежных: Вебстерский (США), Вестминстерский

(Англия), Туринский и недавно открывшийся Пизанский (Италия), Сингапурский, Малазийский, Южно-Корейский и др.

Население Узбекистана в большинстве своем составляют узбеки, много таджиков, но только в городах сохраняется русскоязычное население, а в областях мало русскоязычных, зато они свободно владеют узбекским. В их речи встретишь вкрапления типа: *gap* – ‘встреча, посиделки’, *xop* – ‘ладно’, *той* – ‘свадьба’, *иду на ош* – ‘на плов’, *угил бола сози* – в значении ‘слово мужчины’, *харын* – ‘деревенщина’ и пр. Представители тюркских народов, например казахи или уйгуры, татары, тоже свободно владеют узбекским и русским, т. е. являются настоящими билингвами, так как довольно тесно общаются, рождаются.

Билингвизм способствует улучшению когнитивных способностей. В своей работе это доказала Эллен Белосток [5], которая изучала процессы запоминания и выполнение заданий дошкольниками-билингвами. Она пришла к выводу, что билингвы лучше монолингвов проявляют когнитивные способности в выполнении задач на развитие памяти и мыслительной деятельности.

Таким образом, явление билингвизма – это социальное явление, характерное для многонационального государства, не требует обязательного свободного владения неродным языком, но способствует поддержанию и развитию международных связей во всех сферах общественной, а также в профессиональной и культурной жизни людей. Развитие билингвизма способствует толерантности, которая является и способом адаптации. Билингвизм, как и полилингвизм является предметом исследования психологов, психолингвистов и лингвистов, так как это многомерное явление. Оно влияет на развитие личности, на речевую деятельность. Двуязычие, его особенности представляют интерес и для языковедов. Ученый-полиглот Е. Д. Поливанов [6] обладал феноменальной памятью. Находясь в ссылке в Узбекистане, он изучал и запоминал диалекты узбекского языка. Он был примером полилингвальной личности. Практике функционирования билингвизма посвящены исследования Н. В. Имедадзе [7], о двуязычии писал в своих лекциях и А. Е. Супрун [8], он ввел понятие транспозиции, конкретизировав ее как пример положительного влияния второго языка. Тем самым интерференцию стали рассматривать как пример отрицательного влияния. Билингвизм в мире глобализации стремительно развивается, и не всегда в пользу родного языка. Именно поэтому в Республике Узбекистан такой всплеск внимания к развитию, сохранению активного пространства функционирования родного языка как национального достояния.

Список использованной литературы

1. Вайнрах, У. Одноязычие и многоязычие. О совместимости генеалогического родства и конвергентного развития // Новое в лингвистике. Вып. 6. – М. : Прогресс, 1972. – С. 501–507.
2. Щерба, Л. В. К вопросу о «двуязычии» / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974. – С. 313–318.
3. Щерба, Л. В. Проблемы изучения билингвизма / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974. – С. 60–74.

4. Верещагин, Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е. М. Верещагин. – М. : МГУ, 1969. – 160 с.

5. Bialystok, E. Cognitive Development in Bilingual Children French American School of Puget Sound & San Diego French American School [Electronic resource] / E. Bialystok // Published online by Cambridge University Press: 03 December 2010. – Mode of access: <https://www.cambridge.org/core/journals/language-teaching/article/abs/cognitive-development-of-bilingual-children/2E4DC0B6F0895C912B09B5F743774F3C#article>. – Date of access: 28.01.2021.

6. Поливанов, Е. Д. Введение в изучение узбекского языка : пособие для самообучения : в 2 вып. / Е. Д. Поливанов. – Ташкент : Туркпечать, 1925–1927. – 2 вып.

7. Имедадзе, Н. В. Экспериментально-психологические исследования овладения и владения вторым языком / Н. В. Имедадзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1979. – 229 с.

8. Супрун, А. Е. Лекции по лингвистике : учеб. пособие / А. Е. Супрун. – Минск : Изд-во БГУ, 1980. – 144 с.

9. Вишневская, Г. М. Билингвизм и его аспекты : учеб. пособие / Г. М. Вишневская ; Иван. гос. ун-т. – Иваново : ИвГУ, 1997. – 97 с.

М. Г. Вазанова (г. Братислава, Словацкая Республика)

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Обращение друг к другу с использованием местоимения второго лица (*ты* или *Вы*), фамилии, имени и отчества или просто имени, титула, звания, формы приветствия и прощания и т. п. имеют решающее значение для установления контактов и маркирования отношений между людьми. Различные формы обращения – это своего рода коды, по которым можно узнать друг друга. Эти слова и выражения довольно часто используются, чтобы управлять собеседником, коммуникативной ситуацией, межличностными отношениями [1]. Они отражают культурные ценности народа и могут выступать в качестве индикатора социальных и политических изменений в обществе. Поэтому изучение форм обращения к собеседнику имеет огромное значение не только для лингвистов, но и культурологов, социологов и политологов.

Выбор формы обращения не только предполагает рассмотрение целесообразности ее употребления в той или иной речевой ситуации, но и зависит от желания говорящего установить форму общения: официальную, деловую или, наоборот, неформальную. Формы адресации могут использоваться и как источник важной информации для третьих лиц, для тех, кто непосредственно не участвует в акте коммуникации, но является его наблюдателем. То, как политики обращаются к своим собеседникам, в том числе и друг к другу, может расцениваться как показатель различного уровня взаимоотношений не только самих политиков, но даже целых государств, которые они представляют, а переход глав государств от «Вы-общения» к «ты-общению» или наоборот может сигнализировать о смене акцентов в их отношениях. Поэтому адресное использование форм обращения в политическом дискурсе представляет особый интерес.

В центре внимания современных ученых – происходящие изменения в функционировании форм обращения, обусловленные в большей степени социальными, политическими и культурными переменами в обществе. Все более востребованными становятся исследования унифицированных форм обращения, появившихся под влиянием английского языка как лингва-франка, и их использование в плюрацентрических языках [2].

Говоря об истории употребления форм обращения российскими политиками, можно увидеть, что исконными для русского политического дискурса считаются формы обращения на *ты*. Еще в XVI в. во времена правления Ивана Грозного опричник Василий Грязной, обращаясь к царю с просьбой выкупить его из крымского плена, в своем смиренном послании обращается к нему на *ты*: «*Не твоя б государская милость, и аз бы что за человек? Ты, государь, аки бог*». «*Царь государь, смилуйся*». Так же обращались и к первым царям из династии Романовых – Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу. В древнерусской литературе сохранились и более ранние свидетельства обращений на *ты* – тексты из Новгородской летописи – призывные слова дружины князю Игорю: «*Иди, князь, с нами в поход за данью. И ты добудешь, и мы*» [3].

Вы-формы обращения появились в русском языке в XVII–XVIII вв. изначально именно в политическом дискурсе. Они были заимствованы из западноевропейских языков, где использовались для указания на одно лицо в форме множественного числа. Предполагается, что во времена распада Римской империи, когда два императора находились на престоле в Риме и Константинополе, при обращении к одному из них, дабы не обойти и не обидеть другого, использовали форму множественного числа [4, с. 98].

Появление в российском политическом дискурсе обращения на *Вы* связано также с формированием новой категории в русском языке – категории вежливости. Возможно, что произошло это в петровскую и послепетровскую эпоху. И речь здесь идет именно о вежливой форме обращения.

Первые свидетельства употребления местоимения *Вы* как формы вежливости появились в 1690-х гг. во внутренней деловой переписке Петра I. Объяснением тому может послужить частое посещение Петром Немецкой слободы, его близкие отношения с носителями французского, голландского и немецкого языков, в которых, кстати, все еще существует вежливая форма личного местоимения. Именно под влиянием иноязычной культуры Петр I вводит в речевой обиход *Вы*-формы, общаясь на *Вы* не только с высшими чинами российского двора, но и с европейскими послами. Однако, как и любая языковая норма, употребление в речи *Вы*-форм не сразу прижилось в обществе того времени. «Например, письмо Тихона Стрешнева, главы российского военного ведомства тех лет, начинается с обращения на *ты*: «*Господин первой капитан Петр Алексеевич, мой милостивой, здравие твое десница Божия сохранит. Писание твое... о здравии твоём...*». Но к концу послания Стрешнев переходит на *вы* попеременно с *ты*: «*...И за то милость вашу благодарствую, а за твои тщательные труды... Желатель вашей милости здравия и всякаго*

счастия во всем Тишка челом бью» [5]. По распоряжению же Петра были изданы и учебники по этикету, в которых рекомендовалось в том числе при решении вопросов внутренней и внешней политики употреблять при обращении *Вы*-формы.

Что касается закрепления обращений на *Вы* в грамматиках того времени, то первое упоминание о них появляется лишь в конце XVIII в. в «Российской грамматике» Антона Алексеевича Барсова.

Вскоре наряду с вежливым употреблением *Вы*-форм утвердилось субординативное *Вы*: для высокопоставленных чиновников, которые ожидали к себе особого отношения и требовали обращения только на *Вы*. Именно тогда в России *ты* и *Вы* стали маркерами социального статуса собеседников.

Форма обращения на *Вы* все еще остается актуальной и в современном российском политическом дискурсе. И дело здесь не только в желании нынешних государственных деятелей подчеркнуть свою значимость, хотя и такие случаи нередки, просто само современное российское общество не приветствует такого рода сближение и расценивает обращение первых лиц государства на *ты* как некий популистский прием. Но, как точно отметила С. Г. Тер-Минасова, «в России такие уловки не рекомендуются: вождь не должен говорить, как мы. Юпитеру не позволено...» [6].

Несоблюдение принятых этикетных норм обращения российскими политиками вызывает неодобрение у народа, а некоторые «ляпы» даже становятся предметом шуток. Вспомнить хотя бы ставшее крылатым выражение «**Борис, ты не прав!**» (надо отметить, что в оригинале слова Егора Лигачева, занимавшего на тот момент пост члена Политбюро ЦК КПСС, звучали как «**ты, Борис, не сделал правильных политических выводов...**»). С точки зрения норм речевого этикета обращение по имени, в полной паспортной форме, выражают недовольство адресанта и серьезность предмета разговора [7, с. 104], использование местоимения *ты* демонстрирует отношение Лигачева к Борису Ельцину как к равному по статусу и младшему по возрасту. И контекстуальное значение форм обращения не кажется изначально шуточным: семантические признаки, выраженные в словосочетаниях *стал на неправильный путь, не сделал правильных выводов*, наводят в структуру текстового значения слова *ты* компоненты ‘разочарование’, ‘потеря надежд’. Однако юморист Геннадий Хазанов, видимо, усмотрел в словах Лигачева иной подтекст: нравоучительный тон, принятый в то время в общении коммунистов, привычку публично отчитать провинившихся. Кстати, эта фраза настолько прижилась в народе в ее шуточно-назидательном значении, что простые люди обращаются к нынешнему президенту во время его ежегодных пресс-конференций, чтобы он, пользуясь своим статусом, пожурил их мужей или детей [8].

Требование этикетной правильности речевого поведения руководителя страны распространяется и на тех, кто находится близко к власти. Грубо-фамильярные выражения типа «**Эй, Артемьев! Иди сюда!**», в котором *ты*-форма эксплицитно и имплицитно представлена в каждом слове: в разговорно-сниженном *Эй*, фамильярно-пренебрежительном *Артемьев*, приказном *иди* – не только не остаются незамеченными слушателями и читателями, но и

приводят в замешательство. Ведь эти слова были адресованы Виктором Зубковым, бывшим на тот момент премьер-министром, не кому иному, как руководителю Федеральной антимонопольной службы Игорю Юрьевичу Артемьеву. Журналисты начинают припоминать Виктору Зубкову его прошлое [5], а проницательный слушатель, возможно, задается вопросом типа «Что стоит за такого рода панибратским обращением?».

Примечательно, что это особое внимание к речевому поведению государственных деятелей, «несоблюдение которого вызывает всеобщие насмешки, и, как следствие, потерю авторитета, типично именно для русской культуры». И если первые лица США в общении со своей аудиторией стремятся показаться «своим парнем» и получают ее полное одобрение, то в нашей культуре президент России «не должен быть, как мы все, он должен быть лучше нас» [6, с. 94]. Это правило распространяется и на его окружение. Хотя нужно признать, что в последнее время общество стало более терпимым к некоторым отступлениям от принятого этикетного речевого поведения, и *ты*-формы обращения и первых лиц государства даже на публике уже кажутся не столь неуместными. Например, обращение Президента России к Алексею Миллеру, Председателю правления ПАО «Газпром», только по имени уже не вызывают неловкость у слушателей. Видимо, сказывается все возрастающее влияние на массовую российскую аудиторию унифицированных этикетных и языковых стандартов других лингвокультур.

Пока языки и их социальные и культурные ценности вызывают озабоченность, изучение *ты*- и *Вы*-форм будет по-прежнему представлять большой интерес для исследователей. Этикетные формулы обращения являются ключом к пониманию не только языка людей, но и их культурных, социальных и политических убеждений.

Русский этикет не приветствует подчеркнута дружеских отношений в политическом общении, такое обращение считается нежелательным и вызывает много вопросов у аудитории относительно обоснованности такой близости. И любая фамильярность в общении политиков настораживает, а иногда и отталкивает аудиторию. Правда, в последнее время можно услышать, особенно среди молодых людей, что общение на ты среди политиков они воспринимают прежде всего как показатель единства и солидарности.

Конечно, нельзя отрицать происходящие изменения в формах адресации в лингвокультуре современной России. Язык как живая система чутко реагирует на то, что происходит в других языках, и не выставляет барьеров для их проникновения в русский язык, в том числе и в политический текст, так как это вполне естественный процесс. Но, несмотря на существующую тенденцию к замене *Вы*-форм неформальными *ты*-формами, *Вы*-формы по-прежнему остаются более предпочтительными для использования более старшим поколением. И если для молодых людей в возрасте 16–40 лет обращение на ты – это признак их сближения, то люди постарше (примерно 50–70 лет) испытывают от такого некий дискомфорт, так как для них обращение на Вы – показатель прежде всего вежливого обращения.

Список использованной литературы

1. Raymond, Chase W. Reconceptualizing identity and context in the deployment of forms of address / Chase W. Raymond // *Forms of address in the Spanish of the Americas*. – Amsterdam : Philadelphia : John Benjamins, 2015. – P. 267–288.
2. Ton, Thoai N. L. A literature review of address studies from pragmatic and sociolinguistic perspectives / N. L. Thoai Ton // *It's not all about you: New perspectives on address research*. – Amsterdam : Philadelphia : John Benjamins, 2019. – P. 23–47.
3. Павельева, Л. От А до Я. Обращение на «вы» [Электронный ресурс] / Л. Павельева // Радио Свобода. – 2006. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/133573.html>. – Дата доступа: 16.12.2021.
4. Формановская, Н. И. Культура общения и речевой этикет / Н. И. Формановская. – М. : ИКАР, 2005. – 250 с.
5. Степун, Е. Трудно вы сказать и не вы сказать / Е. Степун // *Коммерсантъ-Власть*. – 2007. – № 43. – С. 32.
6. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2008. – 343 с.
7. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М. : Рус. яз, 2002. – 216 с.
8. Владимир Путин: «Борис, ты не прав...» [Электронный ресурс] // Youtube.com. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=JuLdrucwhC4>. – Дата доступа: 16.12.2021.

О. Г. Ванкевич (г. Минск, Республика Беларусь)

МОРФЕМНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЛЕНОВ РУССКОГО МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Лексико-семантическое поле как целостное образование, репрезентирующее конкретный участок понятийной сферы, имеет определенное устройство, достаточно сложное в силу разнообразия и многоступенчатости системных связей конструирующих его элементов. Демонстрируя способ отражения объективной действительности, такой «концептуальный фрейм» характеризуется трехмерностью, которая базируется на внешних парадигматических, проявляющихся в регулярных оппозициях, и синтагматических, связанных с сочетаемостью лексем, отношениях между его составляющими, а также на внутренних эпидигматических связях членов лексического множества [1; 2].

Исследование лексико-семантического поля не исчерпывается рассмотрением лишь разнонаправленных смысловых отношений его конститuentов, т. е. содержательной стороны. Не менее важна характеристика лексической микросистемы в структурно-функциональном плане: установление состава и конфигурации поля, описание форм и средств выражения семантики [3]. В частности, одним из штрихов к «портрету» лексико-семантического поля, как нам кажется, могут стать данные о морфемной организации его членов.

Метеорологическое поле в русском языке насчитывает 1544 единицы, формирующих четыре частеречных сегмента – вербативный (48 % от общего числа полевых элементов), субстантивный (23 %), адъективный (23 %) и адвербативный (6 %). Корпус данной смысловой парадигмы образован членимыми словами (*анти-циклон, рос-и-ть-ся, туман-ист-ый, снеж-н-о*); единичные лексемы *сирокко, торнадо*, называющие местные ветры и являющиеся экзотизмами, обладают нечленимой основой.

Корневые морфемы членов поля погоды как обязательные, ядерные элементы их структуры несут основную лексическую информацию о состоянии атмосферы, отвечают за так называемый семантический инвариант. Как правило, русские метеонимы состоят из одного корня, например, *теплеть, морось, грозовой, прохладно*; некоторые из них представляют собой сложные слова с двумя корнями, характеризующиеся гипотаксическими (*гололед, снегопад, суховей, рекостав, мокроподождица*) или паратаксическими отношениями составных частей (*зюйд-вест, норд-ост* и др.). Кроме собственно композитов, двухкорневая структура присуща некоторым производным от них словам, например, *гололед-ный, малооблачн-ость, северо-восточ-ный*.

Аффиксальные (некорневые) морфемы, как известно, выполняют роль конкретизаторов лексического значения слова, а также формируют его грамматический «облик», указывая на частеречную принадлежность и соответствующие морфологические признаки, на деривационный статус. Состав метеорологического поля в лексико-семантической системе русского языка во многом определяется первичной функцией словообразовательных аффиксов. Так, преобладающее большинство его членов являются мотивированными словами, то есть обладают производной основой, включающей, помимо центральной корневой морфемы один или более словообразующих аффиксов.

Большая часть метеонимов-дериватов, среди которых единицы всех частеречных сегментов, имеет в своем составе суффикс (*буран-и-ть, обледен-е-ть, дожд-ик, замороз-к-и, бесснеж-н-ый, лед-ян-ой, лют-о*), иногда две суффиксальные морфемы (*безоблач-н-ость, ве-я-ни[j-э], заледен-е-ви-ий, мгл-ист-о*). В структуре отдельных имен действия, называющих атмосферные явления, словообразовательные суффиксы материально не выражены, ср., напр.: *занос-ø, надув-ø, перенос-ø*. Многие метеонимы содержат в своем составе префикс (*за-бушевать, рас-таять, из-морозь, анти-циклон, без-ветренный, не-жаркий, пред-грозовой, про-хладно*), реже две приставки (*по-о-слабнуть, по-у-тихнуть, не-пре-рывной, не-про-глядный, с-ума-с-шедший* '3. Разг. Чрезвычайный, исключительный по величине, силе, степени проявления' и т. п.). Отметим, что суффиксы и префиксы участвуют в морфемной организации русской метеорологической лексики как по отдельности, так и в совокупности. Морфемный состав сложных слов включает интерфикс, который чаще всего представлен гласными *о, е, у* (*мал-о-снежье, молни-е-носный* '1. Град.-поэт. Несущий в себе молнию (о туче)', *пол-у-мгла*), в отдельных случаях является нулевым (*зюйд-ост, норд-вестовый*). Кроме того, словообразовательной

функцией в структуре единичных глаголов, обозначающих погодные явления, характеризуется также постфикс *-ся*, ср.: *стру-и-ть-ся* (← *струя*), *разбушевать-ся* (← *бушевать*), *рас-погод-и-ть-ся* (← *погода*), *раз-ненаст-и-ть-ся* (← *ненастье*) и др.

Оформление лексико-семантических единиц, представляющих собой изменяемые слова, невозможно без формообразовательных аффиксов, отражающих в первую очередь категориальное упорядочение лексики, – суффиксов и флексий. В метеорологическом поле все глаголы имеют формообразующий суффикс инфинитива *-ть/-ти* (*шторми-ть*, *пробрызну-ть*, *занес-ти*) либо нулевой, когда инфинитивный показатель накладывается на финаль основы (*течь'∅*). Материально выраженные окончания наблюдаются в морфемной структуре прилагательных и причастий (*облачн-ый*, *заснеженн-ый*), большей половины существительных (*капл-я*, *пург-а*, *испарени-е*, *дождишк-о*). Нулевая флексия характерна для части метеонимов-субстантивов мужского и женского рода типа *авилон*, *бриз*, *туманец*, *метель*, *знойность*, а также отмечается у притяжательного прилагательного *чёртов* ‘необычайный по силе, по степени проявления’. Формообразующий постфикс *-ся/-сь* участвует в образовании залоговых форм глаголов, которые обозначают метеорологические явления: *вьюжить – вьюжиться*, *сыпать – сыпаться*, *заволочь – заволочься*, *опушить – опушиться* и т. п.

На основе анализа обширного фактического материала установлено, что морфемная организация русских метеонимов весьма разнообразна, детерминируется их грамматическим статусом (таблица).

Таблица – Морфемная организация русских метеонимов

Сегмент поля	Структура метеонима по количеству морфем					
	1	2	3	4	5	6
Вербативный	–	<i>жечь</i> <i>∅</i> <i>мес-ти</i>	<i>сып-а-ть</i> <i>мороз-и-ть</i>	<i>у-тих-ну-ть</i> <i>по-ду-ва-ть</i>	<i>по-холод-н-е-ть</i> <i>раз-раз-и-ть-ся</i>	<i>по-у-гомон-и-ть-ся</i>
Субстантивный	<i>сирокко</i>	<i>бур-я</i> <i>иней</i> □	<i>из-морось</i> □ <i>ветр-ищ-е</i>	<i>бес-снеж-ј-е</i> <i>град-ин-к-а</i>	<i>гол-о-лед-ищ-а</i> <i>раз-реж-ённ-ость</i> □	<i>бес-про-свет-н-ость</i> □
Адъективный	–	<i>тих-ий</i> <i>крут-ой</i>	<i>вихр-ев-ой</i> <i>шквал-ист-ый</i>	<i>холод-н-оват-ый</i> <i>рас-кал-ённ-ый</i>	<i>у-душ-а-ющ-ий</i> <i>про-низ-ыва-ющ-ий</i>	<i>про-долж-и-тель-н-ый</i>
Адвербативный	–	<i>тепл-о</i> <i>ясн-о</i>	<i>влаж-н-о</i> <i>мгл-ист-о</i>	<i>жар-к-оват-о</i> <i>у-душ-лив-о</i>	<i>мал-о-облач-н-о</i> <i>у-душ-а-ющ-е</i>	<i>про-из-и-тель-н-о</i>

Таким образом, русское лексико-семантическое поле погоды образовано различными по формальной сложности единицами: от мономорфемных, состоящих только из корня, до полиморфемных, включающих четыре и более

структурных элементов. В общих чертах морфемная характеристика метеолексики выглядит следующим образом: превалируют слова с членимой основой; представлены номинации как со словообразовательными (суффиксами, префиксами, интерфиксами и постфиксом), так и с формообразующими (суффиксами, флексиями и постфиксом) аффиксами; доминирующая часть метеонимов содержит по одной корневой морфеме.

Список использованной литературы

1. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.
2. Кубрякова, Е. С. Парадигматика / Е. С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Совет. энцикл., 1990. – С. 366–367.
3. Ванкевич, О. Г. Коррелятивные лексико-семантические поля «Погода» и «Надвор'е»: особенности состава и структуры / О. Г. Ванкевич // Научные чтения, посвященные В. В. Мартынову : сб. науч. тр. : в 2 ч. / Центр исслед. белорус. культуры, яз. и лит. Нац. акад. наук Беларуси, Беларус. гос. ун-т, Респ. ин-т китаеведения им. Конфуция, Мин. гор. науч.-пед. центр «Гайген»; отв. ред. Г. А. Цыхун. – Минск : РИВШ, 2016. – Вып. IV, ч. 1. – С. 101–108.

К. Д. Ганчарэнка (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

ЛЕКСІКА РАЗМОЎНАГА СТЫЛЮ Ў МАЎЛЕННІ ПЕРСАНАЖАЎ СПЕКТАКЛЯЎ РЭСПУБЛІКАНСКАГА ТЭАТРУ БЕЛАРУСКАЙ ДРАМАТУРГІІ

У беларускай драматургіі на мяжы стагоддзяў «адбылася постмадэрнісцкая адаптацыя прынцыпаў антытэатра на фоне падкрэслена нацыянальных постсацыялістычных рэалій...» [1, с. 20–21]. Творчыя пошукі сучасных беларускіх аўтараў «узбагацілі літаратуру ў праблема-тэматычным плане (экзистэнцыйныя праблемы, чалавек і сацыюм) і эстэтычным (паяўленне манадрамы, п'есы вербацім, актуалізацыя сацыяльнай драмы)» [2, с. 120]. «Важным для развіцця тэатра, – заўважае мастацтвазнаўца К. П. Яроміна, – з'яўляецца зварот да новых тэкстаў», а таксама «новая мова»: актуальныя тэмы, маўленне персанажаў, касцюмы, камп'ютарная графіка і інш. [3, с. 141]. Дадатковым моўным сродкам сцэнічнай выразнасці для беларускіх драматургаў-наватараў становяцца «трасянка», абсцэнная лексіка і сучасны слэнг [2, с. 16]. Зараз беларускія спектаклі маркіруюцца ўзроставымі адзнакамі (16+, 18+ і інш.), што з'яўляецца сусветнай практыкай.

Рэспубліканскі тэатр беларускай драматургіі (РТБД) сярод тэатральных пляцовак Беларусі вылучаецца працай з п'есамі пераважна беларускіх аўтараў, арганізоўвае таксама адкрытыя чыткі новых твораў, смела ідзе на эксперыменты ў творчасці і нават эпатаж. Разам з тым мастацкі кіраўнік РТБД А. Гарцуеў адзначае, што здараліся сітуацыі, калі некаторыя гледачы сыходзілі са спектакляў «эстэтычна абражаныя» [4].

Сучасны спектакль на беларускай мове – гэта яшчэ і магчымасць паказаць мову як функцыянальны сродак зносін. Праўда, большасць айчынных п’ес з’яўляецца перакладнымі, бо напісаныя першапачаткова па-руску. Для мовазнаўцы ўяўляе цікавасць выяўленне разнастайнасці сродкаў размоўнага стылю ў сучасных спектаклях, іх мастацкая нагрузка ў стварэнні актуальных вобразаў на сцэне. Для гэтага былі прааналізаваны запісы 14 спектакляў РТБД (зробленыя падчас прагляду і архіўныя) за 2012–2021 гг. Гэта «Белы анёл з чорнымі крыламі» (аўт. Д. Балыка, дата запісу – 2012), «Дажыць да прэм’еры» (М. Руткоўскі, 2013), «Нямое каханне» (І. Сігоў, 2014), «Фінт-Круазэ» (Д. Багаслаўскі, В. Красоўскі, 2014), «Дзед» (В. Панін, 2015), «Ціхі шэпат сыходзячых крокаў» (Д. Багаслаўскі, 2013), «Любоў людзей» (Д. Багаслаўскі, 2015), «Містар розыгрыш» (С. Кандрашоў, 2016), «Гэта ўсё яна» (А. Іваноў, 2018), «Паляванне на сябе» (паводле савецкага аўтара А. Вампілава, 2018), «Білет на брэсцкі цягнік» (В. Каралёў, 2018), «Гэта мы» (паводле А. Горвата, 2018), «Сірожа» (Ю. Чарняўская, 2020), «Калека з вострава Інішман» (ірландскі аўтар М. Макдонах, 2021).

У запісах маўлення акцёраў падчас спектакляў выяўлены наступныя групы лексікі размоўнага стылю. Гэта ўласна размоўная лексіка: *балабол, гарлапаніць, круціцца* ‘быць у пастаянных клопатах, турботах’ [5, с. 378], *кіношнікі, махані* ‘выпі’, *халуна* ‘дом’, *швэндацца*, назвы паводле сваяцтва: *мая* ‘жонка’, *свой* ‘муж’, *мамаша, баця*. *Ад яго сівухай нясе, быццам ён завод «Крышталь» прадстаўляе* (мама – А. Курэнь, «Фінт-Круазэ»), дзе *сівуха* – ‘дрэнная ачышчаная гарэлка’ [5, с. 747]. Акрамя таго, ужываецца шэраг дэмінітываў, што таксама ўказвае на размоўнае маўленне: *кветачка* ‘дзяўчына’, *можса кактэйльчыку, піўко, пікнічок, шчасцейка-здараўечка*. Прадстаўлены наступныя жарганізмы: *выдаліла з фрэндаў* ‘спісу сяброў у сацыяльнай сетцы’, *лыбіцца* ‘ўсміхаецца’, *бабкі* ‘грошы’, *зашывацца* ‘кадзіравацца ад алкагалізму’, *лахатрон* ‘падман пад выглядам латарэі, камерцыйныя акцыі і пад.’ *разводзіш* ‘падманваеш’, *тарціла* ‘старая жанчына’ <імя старой чарапахі, персанажа казкі «Залаты ключык», *тусоўка* і інш. Мнагазначнасць жаргоннай адзінкі *валіць* ‘сыходзіць’ (у кантэксте – ‘з’язджаць з краіны’) і ‘біць; забіваць’ жартоўна абыгрываецца ў дыялогу паміж хлопцамі Герам (А. Новік) і Мішам (М. Стонька): **Валіць адсюль трэба! // – Каго? // – Ні каго, а адкуль!** («Білет...»). Большасць адзінак ужываюць розныя групы насельніцтва, таму іх можна аднесці да агульнага жаргону. У пастаноўках, якія паказваюць мінулае, дзе ёсць пажылы персанаж, ужываюцца размоўныя адзінкі, характэрныя для савецкага часу. *Грошы я з кніжкі здымаў* (бацька Дзмітрыч – К. Воранаў, «Ціхі шэпат...») – ‘ашчаднай кніжкі’; *Мне яшчэ на паркет!* *Гэта не проста дзіскацека, а афігенная дзіскацека!* (студэнт 1980-х гг. Максім – А. Ніканенка, «Сірожа»), верагодна, слэнгавая назва колішняй танцпляцоўкі «На паркеце» (Дом прафсаюзаў, Мінск). Сустрэты і распаўсюджаныя ў мінулыя дзесяцігоддзі эматывы-эўфемізмы: *Ёкэлэмэнэ!* – у згаданага персанажа А. Ніканенкі; *Ах ты, ёнэрэстэ, Сярога! Зусім вальтануўся!* – у вясёлага маладога вяскоўца 1970-х гг. Івана (М. Шышко, «Любоў людзей»).

У прааналізаваных спектаклях сустракаецца інвектыўная (абразлівая) лексіка: *дурная, мямля, праімандоўка, свалата, свінства, тормаз, задраў*, лаянкавыя выклічнікі: *трындзец, на хрэн*, агрэсіўныя пабуджальныя выразы: *Не дуры галавы! Харэ трындзець!* У тым ліку выяўлена ўжыванне непасрэдна матнай (абсцэннай) лексікі, часта гэта словы *ср*ка, г**но, с*ка*. У спектаклі «Гэта ўсё яна» абсцэнізмы ствараюць вобраз дэпрэсіўнага і агрэсіўнага хлопца (Д. Давідовіч). Трэнер з мазахісцкімі схільнасцямі (М. Панінатчанка, «Дажыць да прэм'еры») увесь час ужывае *блін* для звязкі слоў. У «Паляванні на сябе» офісны работнік інжынер Віктар Зілаў (М. Брагінец) і яго атачэнне прымяняюць лаянку нават у звычайным дыялогу. У пастаноўках «Любоў людзей», «Дзед», «Ціхі шэпат...» паказаны сцэны сварак паміж жанчынамі, дзе абразы ўзмацняюцца крыклівай інтанацыяй. Абразы і грубыя параўнанні характарызуюць маўленне звычайных вясковых жыхароў: у «Гэта мы» – палешукоў, у «Калецы з вострава Інішман» – імпульсіўнай дзяўчыны Хелен Чумы (К. Жалудок) і плеткара Джоні Пустабрэха (В. Салаўёў) і іншых жыхароў вострава. За кошт гукавога падабенства з лаянкавымі словамі ствараецца і гумарыстычны эфект: *Ды не, вуліца Хваёвая* (міліцыянер – А. Новік, «Фінт-круазэ»); *Можс ты мяне на трахтары пакатаеш?* (вяскоўка – Д. Давідовіч, «Гэта мы»).

Элементы дыялектнага маўлення звычайна выкарыстоўваюцца пры стварэнні вобразаў жыхароў вёскі. *Ай, пылечкі мае, пылечкі, хадзіце, ай пылечкі мае* (вясковец – А. Жукаў, «Гэта мы»), дзе *пыляня* – ‘кураня’ [6, т. 4, с. 206]. *Таўчонку па талерцы кругам размазваеш* (мама – Г. Чарнабаева, «Любоў людзей») – ‘бульбяная каша’ [6, т. 5, с. 94]. *Дзеркачом усе сценкі пройдзеш* (бацька – К. Воранаў, «Ціхі шэпат...») – ‘стары венік без лісця’ [6, т. 2, с. 58]. Рознымі персанажамі ўжываюцца словаўтваральныя дыялектызмы: *цяперака, тамака, ягоны, евоны, ейны, панаадрошчвае*, граматычныя: *будзець, джынсаў не купіш, у сяльпе*, фанетычныя: *дваюродныя, паброюсь, чыво* (Сірожа – М. Брагінец).

Ужываюцца таксама і размоўныя выразы, агульныя з рускай мовай: *па барабану, штаны прасіжываў, у абароты ставіць, офісны планктон*, а таксама цытаты, шаблонныя выразы з рускамоўных крыніц: *мы з Тамарай ходзім парай* (вясковец – І. Ясінскі, «Гэта мы»), *звезда ў шоке* (бармен – А. Дабравольскі, «Нямое...»), *ляжала, як возык у тумане* (Каця – А. Баброва, «Дажыць...»), *цемната – друг маладзёжы* (Оля – Г. Быкава, «Сірожа»). Ёсць і спецыфічныя беларускія выразы, уласцівыя размоўнай сферы: *да халеры, не блізкі свет ‘далёка’, не дам рады, хавайся ў бульбу*.

У спектаклях РТБД уводзяцца персанажы, якія поўнасьцю размаўляюць на «трасянцы». У пастаноўцы «Сірожа» гэта прадстаўнікі вёскі, або «калхознікі» (Сірожа – М. Брагінец, дзядзя Пеця – В. Салаўёў), камічныя вахцёрка (М. Пятровіч) і камендант (М. Панінатчанка). У «Паляванні...» «трасянка» ўласціва Зілаву і яго сябрам, руская размоўная – кіраўніку (С. Шымко), літаратурная беларуская мова – станоўчай гераіні, жонцы Зілава (Л. Сідаркевіч). У «Білеце...» з гумарам паказана, як хлопцы пераходзяць ад размоўнага беларускага маўлення (вуснага, паміж сабой) да падкрэслена ветлівага афіцыйнага маўлення па-руску –

у перапісцы з маскоўскім працадаўцам. «Трасянка» ілюструе маўленне недалёкіх і грубых рабочых, якія прыйшлі ў пакой да франтавіка («Дзед»).

Інтэрфэраваныя адзінкі ўжываюцца звычайна для паказу тыповага словаўжывання, напрыклад, зварот *дзевушка*: – *Ало, дзевушка, паклічце калі ласка, Рому да тэлефона* (Ніна – А. Баярава «Белы анёл...»); *Дзевушка, падкажыце, калі ласка* (да прадаўшчыцы ў ЦУМе) (Вадзім – А. Курэнь, «Білет...»). Другое – немагчымасць падабраць эквівалент з захаваннем экспрэсіўнасці: *Эх, ну што б зрабіць такога, а... сногшыбацельнага...* (Аркадзія – В. Буслаева «Белы анёл...»); *Усе мы – дзеці абшчаг* (Максім – А. Ніканенка «Сірожа»). У асобных выпадках магчымы і звычайныя моўныя памылкі акцэраў.

Зрэдку сустракаюцца макаранічныя адзінкі. Звычайна гэта вядомыя ветлівыя словы: *бай* < англ. *bye* ‘пакуль’, *бонжур*, *салам*, *се ву пле* < фр. *s’il vous plait* ‘калі ласка’. У адным эпізодзе сустракаецца ўжыванне трасянке і макаранізма: *Але ў ваішых разборках участваваць – бальшое мерсі* (будаўнік М. Шышко, «Дзед»). У спектаклі «Містэр розыгрыш» мужчыны, якія прыкінуліся злачынцамі (С. Шымко і І. Сігоў), увесь час устаўляюць у размову іншамоўныя словы і нават цэлыя фрагменты на розных мовах: *А дзе ваш богам дадзены хазбэнд?* (І. Сігоў) < англ. *husband* ‘муж’.

Такім чынам, драматургія XXI ст. імкнецца прывабіць глядача праз творчы эксперымент, асвятленне актуальных тэм зразумелыя вобразы і даступнае маўленне. Розныя групы размоўнай лексікі характэрны для стварэння вобразаў як маладых, так і пажылых персанажаў, прадстаўнікоў розных заняткаў, у тым ліку офісных работнікаў, вяскоўцаў (у большай ступені) і гараджан, для адлюстравання эмацыянальнага стану і міжасабовага кантактавання. Заўважана, што «трасянка» можа выкарыстоўвацца для палярызацыі персанажаў, а таксама для камічнага эфекту.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Лепішева, Е. М. Эксперыментальная драматургія Беларусі канца ХХ – пачатку ХХІ стагоддзя в прастранстве культурнага «пограніччя» / Е. М. Лепішева // *Studia wschodniosłowiańskie*. – 2019. – Т. 19. – С. 115–129.
2. Барычэўская, Т. Г. Эксперыментальныя тэндэнцыі ў драматургіі Аўстрыі другой паловы ХХ – пачатку ХХІ стагоддзя (у параўнанні з драматургіяй Беларусі) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.01.03 / Т. Г. Барычэўская ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2016. – 28 с.
3. Яроміна, К. П. Пастаноўкі для дзяцей і падлеткаў у сучасным беларускім тэатры лялек: драматургія, тэматыка, адметнасці сцэнічнага ўвасаблення / К. П. Яроміна // *Дзяржава і творчая асоба : Х Рэсп. навук.-практ. канф.*, Мінск, 22 крас. 2019 г. / Беларус. дзярж. акад. маст.; рэдкал.: С. П. Вінакурава [і інш.]. – Мінск : БДАМ, 2019. – С. 139–144.
4. Кацяловіч, І. Аляксандр Гарцуеў: Я бачыў, як публіка сыходзіла са спектакляў эстэтычна пакрыўджанай / І. Кацяловіч // *Звязда*. – 2020. – 1 лют. – С. 9.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. – 968 с.
6. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. / рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : Навука і тэхніка. – 1979–1986. – 5 т.

А. Я. Леванюк (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

АСАБЛІВАСЦІ ІДЫЯЭТНІЗМАЎ ЯК ТРАНСЛЯТАРА ЭТНАКУЛЬТУРНАЙ ІНФАРМАЦЫІ

Культура чалавецтва рэалізуецца ў канкрэтных культурах розных супольнасцяў, у тым ліку этнічных груп або этнасаў. Да этнічнай культуры адносяць матэрыяльную (ежу, вопратку, пабудовы, сродкі перамяшчэння, начынне, прылады працы, тып гаспадаркі і г. д.) і духоўную культуру (звычай і абрады, вераванні і рэлігію, этыкет, міфы, фальклор, мову і інш.). Мова з'яўляецца істотнай і найважнейшай часткай паняцця *культура*, менавіта мова дазваляе асобным чалавечым індывідам ўтвараць групы – этнічныя, узроставыя, сацыяльныя, таму ў нашым вызначэнні культуры праз пералік яе складовых частак згадана мова.

У сувязі з тым, што кожная мова мае асаблівую ўнутраную форму, яна накіроўвае пазнавальную дзейнасць яго носьбітаў па асабліваму, нацыянальнаму шляху, тым самым ствараючы ім межы, у рамках якіх яны і спазнаюць свет. Кожная мова ў такім выпадку валодае кагнітыўнай уладай над яго носьбітамі. Яна становіцца прамежкавым светам паміж аб'ектыўнай рэчаіснасцю і суб'ектам, які пазнае. Яна становіцца прызмай, праз якую чалавек бачыць свет. Пазбавіцца ад гэтай прызмы можна толькі памяняўшы прызму сваёй роднай мовы на прызму замежнай мовы. Аднак улада роднай мовы над чалавекам, бяспрэчна, аказваецца па-за канкурэнцыяй з уладай іншых моў.

Калі браць знешнюю форму розных моў, то нацыянальнае тут пераважае над універсальным, паколькі гукавыя адрозненні паміж рознымі мовамі надзвычай вялікія. Калі ж браць унутраную форму розных моў, то нацыянальнае тут відавочна саступае месца ўніверсальнаму. Гэта значыць, што людзі, якія гавораць на розных мовах, у большай меры асэнсоўваюць, спазнаюць свет не па тых напрамках, якія задаюцца ім іх роднымі мовамі, а па тых, якія ім задаюцца самімі пазнавальнымі аб'ектамі. Сапраўдны мысляр мадэлюе ў сваёй свядомасці той ці іншы аб'ект, абстрагуючыся ад адпаведных формаў яго абазначэння ў роднай мове або якой-небудзь іншай.

У лексіка-семантычных адзінках мовы адлюстроўваецца рэчаіснасць народа, які размаўляе на гэтай мове. Дакладна бачна, што навакольны свет кожнага народа і яго духоўны свет адрозніваюцца. Гэта спецыфіка мае сваё выражэнне ў некаторых асаблівасцях лексічнага значэння, семантычнай структуры слова і іншых адзінак. Інакш кажучы, мова замацоўвае ўсё тое, што прынята называць культурай.

Нацыянальна-культурная семантыка прысутнічае на ўсіх моўных узроўнях: у граматыцы, у сінтаксісе, нават у фанетыцы. Аднак найбольш яскрава яна выяўляецца ў ідыяэтнічных адзінках мовы, якія непасрэдна і прама адлюстроўваюць пазамоўную рэчаіснасць, называюць прадметы і з'явы навакольнага свету. Да такіх адзінак належаць фразеалагізмы, афарызмы, прыказкі, прымаўкі, крылатыя выразы і іншыя ўстойлівыя ўтварэнні – выслоўі.

Ідыятнізмы любой мовы валодаюць як бы падвоенай індывідуальнасцю. Яны індывідуальныя як з’ява сучаснай літаратурнай мовы, таму што кожны зварот з’яўляецца самастойнай часткай некалі актыўнай маўленчай мадэлі, якая з часам страціла сваю актуальнасць. Яны індывідуальныя і як адлюстраванне якіх-небудзь нацыянальных рэалій, што складалі ў свой час самабытнасць культуры таго ці іншага народа. А індывідуальнае – як гэта ні парадаксальна – з’яўляецца асабліва трывалай сувяззю пры ўзаемадзеянні народаў і іх культур, таму што менавіта індывідуальнае і з’яўляецца нацыянальнай «валютай» пры культурным узаемаабмене народаў. «Менавіта індывідуальныя асаблівасці народаў звязваюць іх адзін з адным, прымушаюць нас любіць народ, да якога мы нават не належым, але з якім сутыкнуў нас лёс, – падкрэсліваў Д. С. Ліхачоў. – Значыць, выяўленне нацыянальных асаблівасцей характару, веданне іх, роздум над гістарычнымі абставінамі, якія садзейнічаюць іх стварэнню, дапамагаюць нам зразумець іншыя народы. Роздум над гэтымі нацыянальнымі асаблівасцямі мае агульнае значэнне. Ён вельмі важны» [1, с. 65]. Кожнае слова ў кожнай мове ў вызначаны момант яго развіцця ўваходзіць у абмежаваную колькасць больш ці менш устойлівых спалучэнняў слоў, і ў кожнай мове ў вызначаны момант знаходзіцца абмежаваная колькасць спалучэнняў. Агульная лічба гэтых застылых ці ўстойлівых спалучэнняў для кожнай мовы адносна невялікая. У той жа час любая фраза, вымаўленая ці ўзятая з любога тэксту, поўнасцю з іх складаецца. Гэтыя выразы ў большасці сваёй не супадаюць літаральна з адпаведнымі выразамі ў іншых мовах: часцей за ўсё яны адрозніваюцца па сваёй граматычнай структуры; часам яны не маюць карэлятываў у іншых мовах і таму іх нельга перакласці.

Адметныя рысы мовы таго ці іншага народа выразна адлюстроўваюцца ў ідыятнізмах. У беларускай мове гэта звароты з асаблівасцямі кіравання і дапамагання (*смяяцца з кагосьці, пайсці ў грыбы, хварэць на грып* і інш.), розныя фразеалагізаваныя формулы маўленчага этыкету для выражэння прывітанняў, пажаданняў, падзякі і г. д. (*Спажывайце на здароўе! Добра гадуйся! Каб быў здаровы, як дуб скарбовы! Гладкай дарогі! Да пабачэння! Дзіўная рэч!* і інш.), фразеалагічныя звароты (*біць бібікі, сам-насам, за рубель жабу ў Вільню пагоніць, як кату пад’есці з жабінай прыгаршчы* і інш.). Вядомыя таксама шматлікія прыказкі і прымаўкі, на якія асабліва багаты беларускі народ. Усім знаёмыя наступныя выразы: *Які музыка, такое гране; Добры чалавек і сабакі дражніць не будзе* і інш. Апрача ўсіх вышэйпералічаных моўных з’яў, што ўваходзяць у ідыяматыку асобнай мовы, асаблівае месца займаюць аўтарскія выслоўі. Яны належаць адначасова і сістэме мовы, і сістэме культуры.

Кожная мова захоўвае ў адзінках, якія набылі вобразна-метафарычнае, сімвалічнае значэнне, культурна-значную для носьбітаў гэтай мовы інфармацыю, зберагае культуру як гістарычную памяць народа. Менавіта да такіх адзінак належаць аўтарскія выслоўі. Яны могуць накіраваць чалавека на жыццёвы шлях, заспакоіць у бядзе, падштурнуць да барацьбы з перашкодамі. Таксама трэба сказаць і пра выхаваўчую ролю такіх выказаў: яны пашыраюць духоўны свет чалавека, фарміруюць маральныя якасці. Значная эканамічнасць

слоў, глыбіня семантыкі, яркая вобразнасць робяць выслоўі стылістычнымі шэдэўрамі, што вельмі ўзбагачае маўленне. У лінгвістычным плане выслоўі валодаюць шэрагам рыс, якія дазваляюць адносіць іх да моўных з’яў. Гэта ўстойлівасць, узнаўляльнасць, наяўнасць шэрагу мастацка-стылістычных сродкаў, маўленчая варыятыўнасць. Сведчаннем жа таго, што выслоўі адносяцца і да сістэмы культуры, з’яўляюцца такія ўласцівасці, як сэнсавая завершанасць, вобразнасць і лаканізм выражэння, прыналежнасць пэўнаму аўтару, уваходжанне ў культурную «спадчыну» асобы. Да культурнай традыцыі многіх народаў належыць збіранне выслоўяў вядомых дзеячаў культуры. Доказам таго, што яны адносяцца менавіта да сферы культуры, з’яўляюцца зборы выказванняў і афарызмаў аўтараў самых розных часоў і краін.

Нацыянальна-культурная каштоўнасць афрыстычных выслоўяў праяўляецца ў тым, што яны адлюстроўваюць нацыянальную культуру непадзельна, комплексна, усімі сваімі элементамі, усімі адзінкамі свайго складу: *Не адрокся Бог ад Беларусі* (В. Аколава); *Беларускія звеку паэты. / Над хлуснёю і подласцю над!* (В. Аколава); *Беларусь адродзіцца Вераю* (Р. Барадулін); *Белай Краіне не згінуць парожняй – абарані ад бяспамяцтва, Божа!* (А. Хатэнка); *Калі легчы – Дык легчы брусам, Тым, што ў хаты кладуць беларусы* (М. Арочка); *Толькі праз родную мову чалавек можа стаць беларусам, бо ў ёй хімія і фізіка, гісторыя і батаніка, эканоміка і культура таго, што называецца нацыяй, народам* (Я. Сіпакоў); *А душа наша – ўся са спагады* (Я. Сіпакоў); *А вось чуласць, чалавечнасць – Ім дарога проста ў вечнасць – Больш за ўсё нам даражэй* (Я. Колас); *О Беларусь! Ты – сэрца і душа, Нутра зямлі багаты клунак* (Я. Колас); *А мне мой кут – навечна Мекка, Ды і Галгофа разам з тым* (П. Броўка); *Пазнаюць людзей ці па гаворцы, ці па адзежы: хто якую носе; ото ж гаворка, язык і ёсць адзежа душы* (Ф. Багушэвіч) і інш.

Такім чынам, ідыятнізмы вызначаюцца спецыфікай формы маўлення, абумоўленай этнакультурнымі асаблівасцямі прадстаўлення дэнатата ў знаках. У такім вызначэнні маецца на ўвазе ўнутраная, а не знешняя форма маўлення, г. зн. тая частка яе формы, якая звязана з матывіроўкай і структураваннем зместу, з яго выразам і малюнкам. Ідыятнізмы ў значнай меры абумоўленыя нацыянальнай спецыфікай базавай кагнітыўнай схемы – культурнага сцэнарыя, які ляжыць у аснове маўлення.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Лихачёв, Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачёв. – М.: Совет. Россия, 1981. – 72 с.

І. В. Піваварчык (г. Гродна, Рэспубліка Беларусь)

**ЖАНР *ВІНШАВАННЕ* Ў КАНФЕСІЙНЫМ ДЫСКУРСЕ
(НА ПРЫКЛАДЗЕ ПЕРЫЯДЫЧНЫХ ВЫДАННЯЎ
ГРОДЗЕНШЧЫНЫ)**

Актыўнае даследаванне маўленчага этыкету ў розных сферах камунікацыі паспрыяла фарміраванню інтарэсу да вывучэння этыкетных маўленчых жанраў, прычым розныя даследчыкі тлумачаць прыроду гэтага паняцця па-рознаму. Гэта замацаваныя ўстойлівыя моўныя рэакцыі на стандартныя сітуацыі зносін, камунікатыўная мэта якіх – устанаўленне, падтрымка і перапыненне зносін паміж удзельнікамі камунікацыі ў адпаведнасці з прынятымі ў грамадстве традыцыямі і нормамі маўленчага этыкету [1, с. 110]; сістэма спецыфічных моўных знакаў і правіл іх ужывання, прынятых у дадзеным грамадстве і ў дадзены час з мэтай устанаўлення моўнага кантакту паміж суразмоўцамі і падтрымання ветлівых, сяброўскіх ці афіцыйных адносін у адпаведнасці з маўленчай сітуацыяй [2, с. 3]. У апошні час у медыядыскурсе шырокае распаўсюджанне атрымалі маўленчыя жанры, прыналежнасць якіх даследчыкі вызначалі як жанры размоўна-бытавога дыскурсу. Гаворка ідзе пра этыкетныя маўленчыя жанры, якія поўнасьцю належаць фатычнай камунікацыі, заваёўваюць усё большую папулярнасць, становяцца самадастатковымі і, трапіўшы ў медыядыкурс, яны пераўтвараюцца і атрымліваюць новую стылістычную функцыю – устанаўленне і ўмацаванне кантакту з аўдыторыяй [3, с. 58]. Сродкі масавай камунікацыі знаходзяцца ў пастаянным пошуку спосабаў узаемадзеяння з чытачом, таму этыкетныя маўленчыя жанры становяцца запатрабаванымі найперш у рэгіянальных, карпаратыўных друкаваных выданнях, бо якраз ім уласціва цеснае ўзаемадзеянне са сваёй аўдыторыяй. Заканамерна, што этыкетныя жанры будуць запатрабаваны канфесійнымі выданнямі, так як яны арыентаваны на канкрэтнага чытача – вернікаў, а таксама людзей, якія проста цікавяцца верай ці якія не вызначыліся ў сваіх рэлігійных устаноўках.

У дадзеным артыкуле прадставім асаблівасці функцыянавання жанру *віншаванне* ў канфесійных выданнях Гродзенскай вобласці: штомесячнай газеце праваслаўнага епархіяльнага кіравання «Гродненские епархиальные ведомости» і газеце рымска-каталіцкай дыяцэзіі «Слова жыцця» за перыяд з 2018 па 2021 гг. Адразу падкрэслім, што нормы царкоўнага этыкету, у тым ліку і маўленчага, істотна адрозніваюцца ад свецкага і нават супярэчаць яму (напрыклад, адабрэнне смутку і хваробы як сродку выратавання чалавека), тым не менш этыкетныя жанры дастаткова папулярныя ў рэлігійных выданнях, прыносяць у медыятэкст асаблівую эмацыйную танальнасць.

Жанр *віншаванне* – гэта інстытуцыянальны жанр, мае тэкставую прыроду, жорсткую структуру і набор клішаваных моўных сродкаў (падрабязна пра дыскурсіўныя характарыстыкі жанра *віншаванне* ў царкоўна-рэлігійным і палітычных тыпах дыскурса пісала М. І. Канюшкевіч [4]).

На аснове абагульнення прааналізаваных матэрыялаў мы можам гаварыць, што на старонках газетных выданняў інстытуцыянальны жанр *віншаванне* прадстаўлены двума відамі: а) віншаванне першай асобы Царквы, царкоўных іерархаў сваёй паствы, вернікаў іншых канфесій і ўсіх грамадзян краіны, якое мае назву *пасланне*, і б) віншаванні вернікаў, адрасаваныя святарам. Адрасантам жанру пасланьня могуць быць толькі асобы, якія займаюць вышэйшыя пасады ў рэлігійнай іерархіі – епіскап/біскуп, архірэй, якія выступаюць як кіраўнікі і займаюць высокае становішча. Пасланне епіскапаў сваім вернікам і грамадзянам краіны з’яўляецца, несумненна, інстытуцыянальным жанрам і ўяўляе сабой статусна-індэксальныя зносіны на ўзроўні «святар – вернікі – усе грамадзяне краіны». На думку даследчыкаў, у змест рэлігійных пасланьняў уваходзяць два кампаненты: дыктумны (звязаны з падзеямі) і модусны змест [5, с. 84]. У сукупнасці дыктумны кампанент і модусны змест утвараюць складаны маўленчы жанр пасланьня.

Сярод камунікатыўных падзей, якія патрабуюць рэалізацыі этыкетнага жанру пастырскага пасланьня, найперш вылучым галоўныя рэлігійныя святы – Пасху і Нараджэнне Хрыстова (ілюстрацыйны матэрыял падаецца з захаваннем арфаграфіі і пунктуацыі арыгіналу): *Пастырскае слова на Божжае нараджэнне; Пажаданні Ксёндза Біскупа А. К. на свята Божжага Нараджэння; Пастырскае слова на Свята Уваскрасення Пана; Слова дапаможнага біскупа на Святы Уваскрасення Пана; Пасхальное поздравление архиепископа Гродненского и Волковысского А.; Поздравление архиепископа А. с праздником Рождества Христова; Пасхальнае віншаванне архіепіскапа Гродзенскага і Ваўкавыскага А.; Віншаванне высокапраасвяшчэннейшага А., архіепіскапа Гродзенскага і Ваўкавыскага, з нагоды свята Нараджэння Хрыстова.*

Аналіз царкоўных пасланьняў паказаў расшырэне рэфэрэнцыйнай асновы жанра: пасланні могуць прысвячацца іншым рэлігійным святам, значным падзеям з жыцця царквы і грамадска значным падзеям, напр.: *Поздравление Патриаршего Экзарха С. Н. Румасу с назначением на должность Премьер-министра Республики Беларусь (21 августа 2018 года); Поздравление Почетного Патриаршего Экзарха всея Беларуси по случаю 550-летия обретения Жировичской иконы Божией Матери и 500-летия основания Успенского Жировичского монастыря; Пастырскі ліст кс. біскупа А. К. на пачатак новага навучальнага года; Пастырскае пасланне Канферэнцыі Каталіцкіх Біскупаў у Беларусі на ўрачыстасць Звеставання Пана; Пастарскі ліст кс. біскупа А. К. на вялікі пост 2021 г.; Прывітальнае слова Патрыяршага Экзарха ўсяе Беларусі удзельнікам урачыстасцяў, прысвечаных Дню беларускага пісьменства; Приветственное слово архиепископа Гродненского и Волковысского А. участникам форума «Quo vadis?». Прыведзеныя прыклады дазваляюць гаварыць пра тое, што жанр пасланьня ў розных канфесійных выданнях мае свае кагнітыўныя і лінгвапрагматычныя адрозненні: у каталіцкім выданні дыктумная кампанента больш разнастайная.*

Такім чынам, дыктумны бок пасланьня абумоўлены тэмай, а модусны кампанент зместу рэалізуецца праз віншаванне, пажаданне, настаўленне, якія

супадаюць з асноўнымі інтэнцыямі паслання і ствараюць святочны настрой, эмацыйна ўздзейнічаюць на чытачоў.

У камунікатыўным плане некалькі па-іншаму прадстаўлена віншаванне кліра вернікамі, чытачамі выданняў. На апошняй паласе выданняў змешчаны рубрыкі «Поздравляем» («Гродненские епархиальные ведомости») і «Ад шчырага сэрца» («Слова жыцця»), якія ўтрымліваюць віншаванні і пажаданні, а таксама спачуванні. У каталіцкім выданні гэты матэрыял мае актыўную, не нейтральную графіку: ён абрамлены вяночкамі з кветкамі, прозвішчы адрасатаў выдзелены чырвоным колерам, выкарыстоўваецца каляровы друк. Верагодна, што такое афармленне газетнай паласы рэдакцыя палічыла занадта вычурным, і з 2020 г. матэрыял падаецца ў аднастайнай каляровай гаме – чорны колер і тлусты чорны курсіў. Цікавыя таксама подпісы пад гэтымі віншаваннямі, якія вар’іруюцца ў залежнасці ад афіцыйнасці звароту: *рэдакцыя «Слова Жыцця», Касцёльны камітэт і парафіяне з касцёла, Ружанцовае кола НППМ, былыя парафіяне, малітоўная група, сям’я С... і нават любячыя бацькі, Аліцыя В. са Смаргоні*. Апошняя старонка адлюстроўвае камунікатыўную ўстаноўку выдання ў цэлым – кантактаўстанаўленне, узаемадзеянне з аўдыторыяй, тым самым падтрымлівае атмасферу свята і дапамагае стварыць добразычлівую атмасферу ў пісьмовай камунікацыі.

Т. В. Тарасенка пры даследаванні свецкіх віншаванняў выдзеліла дзве групы падзей па адносінах да адрасата: 1) падзеі, звязаныя з адрасатам непасрэдна (напрыклад, дзень нараджэння) і 2) падзеі, звязаныя з адрасатам апасродкавана (напрыклад, Дзень маці) [6, с. 285]. Паколькі свецкія і рэлігійныя святы не супадаюць, то не супадаюць і віншаванні, звязаныя з імі.

Першую групу складаюць віншаванні з днём нараджэння. Віншаванні ў каталіцкім выданні змяшчаюцца ў кожным нумары газеты, а ў адным нумары можа быць да 30 віншаванняў: *Паважанаму Ксяндзу Пробашчу Ю. Ё. з нагоды Дня нараджэння; Вялебны Ксёндз В. Б.! Прыміце шчырыя віншаванні з нагоды Дня нараджэння!; Паважаны Ксёндз К. М.! З нагоды 55-годдзя...* У праваслаўнай газеце «Гродненские епархиальные ведомости» ў рубрыцы «Поздравляем» жанр віншавання з’яўляецца дастаткова рэдка: *С 6 января 1999 года настоятелем храма Преображения Господня в г. п. Острино Щучинского благочиния служит протоиерей А. Т. 30 марта нашему батюшке исполнилось 48 лет со дня рождения. Мы, прихожане Преображенского храма и духовные чада о. А., хотим поздравить его с Днем Рождения!*

Сярод духавенства прынята святкаваць не столькі дні нараджэння, як імяніны, г. зн. дзень памяці знакамітага святога: *Яго Эксцэленцыі Ксяндзу Біскупу А. Дз. з нагоды надыходзячых Імянін; Паважанаму Ксяндзу Пробашчу Ч. П. з нагоды Імянін.*

Трэцяя падзея, з якой віншуюць святара, – віншаванне з хіратаніяй, г. зн. прыняццем святарскага ці манаскага сану: *Яго Эксцэленцыі Ксяндзу Біскупу А. Я. з нагоды атрымання біскупскай сакры складаем самыя шчырыя пажаданні; Яго Эксцэленцыі Ксяндзу Біскупу А. К. з нагоды чарговай гадавіны біскупскіх пасвячэнняў; Яго Эксцэленцыі Ксяндзу Біскупу Ю. С. з нагоды гадавіны*

біскупскіх пасвячэнняў перасылаем сардэчныя пажаданні. Паважанаму Ксяндзу Рэдактару П. С. з нагоды 11-й гадавіны святарскіх пасвячэнняў і надыходзячых Імянін.

Другую групу складаюць віншаванні, матываваныя падзеямі, звязанымі з адрасатам апасродкавана. Дыктумны змест віншавання можа быць прадстаўлены рэлігійнымі святамі і «прафесійным» святам – Днём святара: *Яго Эксцэленцыі Ксяндзу Біскупу А. К. з нагоды Дня святара і свят Уваскрасення Пана; Дарагім Сёстрам Агнешцы, Аліцы і Караліне з нагоды свят Божага Нараджэння; Паважанаму Ксяндзу В. С., Шаноўным Сёстрам Ганне, Агнешцы і Удаве Сабіне з нагоды свята Маці Божай Грамнічнай перасылаем...*

Мы лічым, што віншаванне, надрукаванае ў газеце, набывае асаблівую вагу і значнасць. Невыпадкова гэты жанр рэлігійнай камунікацыі карыстаецца вялікай папулярнасцю, падчас у адным нумары друкуюцца віншаванні аднаму царкоўнаслужыцелю, але падпісаныя вернікамі розных парафій. Праведзены аналіз сведчыць, што ў канфесійных выданнях Гродзеншчыны этыкетны маўленчы жанр віншаванне прадстаўлены нераўназначна. У каталіцкім выданні «Слова жыцця» жанр віншаванне хоць і характарызуецца абмежаванасцю тэматыкі, тым не менш палітра нагод для віншавання больш разнастайная. Маўленчыя этыкетныя жанры ў газеце павінны ўстанаўляць кантакты, ствараць цеснае ўзаемадзеянне з чытачом. Газета «Слова жыцця» паспяхова вырашае гэтую задачу, захоўваючы ва ўсіх сваіх нумарах жанравую разнастайнасць і падтрымліваючы цікавасць чытачоў да перыядычнага выдання.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Седов, К. Ф. Жанр и коммуникативная компетенция / К. Ф. Седов // Хорошая речь. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – С. 107–118.
2. Балакай, А. Г. Толковый словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. – М. : АСТ, 2004. – 681 с.
3. Корнилова, Н. А. Антиномия фатических и информативных речевых жанров в массмедиа / Н. А. Корнилова // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа : сб. ст. / под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журналистики и массовых коммуникаций», 2014. – С. 55–59.
4. Конюшкевич, М. И. Об одной разновидности речевого жанра «поздравление» / М. И. Конюшкевич // Медиалингвистика. Вып. 3. Речевые жанры в массмедиа : сб. ст. / под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журналистики и массовых коммуникаций», 2014. – С. 73–77.
5. Орехова, Д. В. Церковно-религиозный и политический типы дискурса сквозь призму диалогичности (на материале жанра послания) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Д. В. Орехова ; Рос. ун-т Дружбы народов. – М., 2015. – 251 л.
6. Тарасенко, Т. В. Этикетные речевые жанры: опыт описания (на примере описания жанра поздравления) / Т. В. Тарасенко // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2002. – Вып. 3. – С. 282–289.

А. А. Посохин (г. Брест, Республика Беларусь)

ВЛИЯНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА НА СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ РУССКОГО ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА

Понимание дискурса «как речевого потока, языка в его постоянном движении, вбирающего в себя многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение, широко распространено в лингвистике. Считается, что «в дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [1]. Поэтому «дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [2] Такое определение дискурса является основой для многочисленных лингвистических исследований текста современного периода.

При любом понимании дискурса обычно исследуют существование языка в пределах культуры, его породившей. А по каким законам начинает жить конкретный язык, если он попадает в конкурентные условия, когда он перестает быть единственным способом коммуникации и мышления? Многочисленные наблюдения свидетельствуют о том, что языковая система, находящаяся в определенной зависимости от другой, социально доминирующей языковой системы, начинает тем или иным образом приспособливаться к новым условиям функционирования, встраиваться в иноязычный дискурс. Возникает вопрос, какая часть языка наиболее подвержена таким изменениям?

Наблюдения за русской устной речью ютуберов-эмигрантов из США позволяют сделать вывод, что наиболее заметные, бросающиеся в глаза изменения отмечаются в лексике: английские слова достаточно легко непосредственно включаются в русский текст, нередко с сохранением исходного звучания, без адаптации к фонетическим закономерностям русского языка. Изменения в области грамматики не так очевидны. Практически не встречаются искажения или более-менее системные изменения морфологического уровня языка у людей, мигрировавших в зрелом возрасте с полностью сформированными речевыми навыками. На синтаксическом уровне, на первый взгляд, видимых изменений также не обнаруживается: трансформация компонентов в пределах синтаксических моделей не происходит, отмечаются все те же, наиболее распространенные в устной речи синтаксические конструкции. Однако художественный письменный текст дает обширный материал для анализа изменений как раз в области синтаксиса. Особенно интересны в этом отношении тексты авторов, которые были созданы в разные периоды – до эмиграции и спустя некоторое время после эмиграции.

Творчество С. Довлатова, безусловно, дает достаточный материал для анализа изменений синтаксического уровня. Чтобы понять, насколько существ-

венны изменения и в каком направлении они происходили, было решено использовать приемы синтаксического анализа структурных схем использованных конструкций в сочетании со статистическим методом. Это позволило определить количественное соотношение использованных синтаксических конструкций в текстах, принадлежащих к разным творческим периодам.

Для анализа были взяты приблизительно равные по объему фрагменты из четырех рассказов С. Довлатова: ранних рассказов «Солдаты на Невском» (1980) [3], «Интервью» (1974) [4] и поздних «Ариэль» (1990) [5], «Третий поворот налево» (1990) [6].

Приведем наиболее значимую статистику. При сопоставлении фрагментов объемом около 800 слов, содержащих как авторскую, так и чужую речь из рассказов «Солдаты на Невском» и «Ариэль» получены данные, обобщенные в таблице 1.

Таблица 1 – Структурно-семантические типы предложений рассказов «Солдаты на Невском» и «Ариэль»

Тип предложения	«Солдаты на Невском»	«Ариэль»
Всего слов	756	829
Всего предложений	55	150
Простое двусоставное	8	73
Простое односоставное	9	25
Осложненное простое	12	24
Неполные простые	2	21
Сложноподчиненные	6	6
Сложносочиненные	5	нет
Многочленные СПП	1	нет
Бессоюзные	6	1
Сложные синтаксические конструкции	6	нет

Есть различия в структурах осложненных простых предложений (таблица 2).

Таблица 2 – Характер осложняющего компонента в рассказах «Солдаты на Невском» и «Ариэль»

Характер осложняющего компонента	«Солдаты на Невском»	«Ариэль»
Однородность	5	9
Обособленные обстоятельства (деепричастные обороты)	3	5
Обособленные определения	1	нет
Обособленные приложения	2	1
Присоединительные конструкции	2	1
Вводные конструкции	3	7
Обращение	1	5

В более раннем тексте в сложных предложениях устанавливаются разнообразные синтаксические отношения: перечислительные, противительные, сопоставительно-противительные, соединительные, изъяснительные, условные, определительные, пространственные, причинные. Строение частей нередко сопровождается осложнением как однородностью, так и обособленностью членов.

В более позднем тексте в СПП находим только временные, условно-следственные, изъяснительные и определительные отношения. Однако нередко можно наблюдать случаи явной парцелляции как осложненных простых предложений с однородными сказуемыми, что дает прирост простых предложений с неполнотой по подлежащему.

Из текстов рассказов «Интервью» и «Третий поворот налево» были взяты фрагменты объемом около 550 слов, содержащих преимущественно авторский текст. Анализ этих фрагментов дал сходную картину (таблица 3).

Таблица 3 – Структурно-семантические типы предложений рассказов «Интервью» и «Третий поворот налево»

Тип предложения	«Интервью»	«Третий поворот налево»
Всего слов	546	547
Всего предложений	34	94
Простое двусоставное	9	48
Простое односоставное	1	8
Осложненное простое	9	18
Неполные простые	нет	10
Сложноподчиненные	5	8
Сложносочиненные	4	2
Многочленные СПП	1	нет
Бессоюзные	3	нет
Сложные синтаксические конструкции	2	нет

Различия в структурах осложненных простых предложений рассказов «Интервью» и «Третий поворот налево» показаны в таблице 4.

Таблица 4 – Характер осложняющего компонента в рассказах «Интервью» и «Третий поворот налево»

Характер осложняющего компонента	«Интервью»	«Третий поворот налево»
Однородность	7	11
Обособленные обстоятельства (деепричастные обороты)	2	1
Обособленные определения	2	Нет
Уточняющее обстоятельство	1	Нет
Присоединительные конструкции	нет	Нет
Вводные конструкции	нет	4
Обращение	нет	Нет

Так же, как и в предыдущей паре, в сложных предложениях в более раннем тексте находим более разнообразные синтаксические отношения: противительные, соединительные, определительные, изъяснительные, заместительные, временные. В ССП встречается детерминант и осложнение частей, как и в СПП. В многочленном СПП последовательное подчинение сочетается с однородным. В более позднем тексте в сложном предложении встречаем только изъяснительные (преимущественно), следственные и степенные. Интересно, что в обоих поздних текстах следственные отношения выражены через парцелляцию придаточной частью, присоединяемой союзом *так что*.

Проведенный анализ позволяет с уверенностью сказать, что иноязычный дискурс оказывает существенное влияние как на количественный, так и качественный состав синтаксических конструкций письменного текста. Мы видим, что увеличение количества предложений относительно количества слов неизбежно приводит к сужению разнообразия синтаксических конструкций, а это в значительной степени упрощает синтаксис текста. Подобная простота в целом облегчает восприятие текста, делает его содержание более одномерным, вопрос же об изобразительной силе остается открытым: кто-то сочтет это признаком примитивности, кто-то видит в этом отточенность стиля. Отчасти причину такой трансформации С. Довлатов объясняет сам: «Чтобы я ни сочинял, вечно думаю о переводе. Даже в этих, например, записках избегаю трудных слов. Вы заметили?» Очевидно, стремление избегать сложного распространяется не только на «трудные слова», но и на синтаксис – автор сознательно готовит свой текст к жизни в другом, иноязычном дискурсе.

Список использованной литературы

1. Дейк, Т. А. ван. Язык, познание, коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
2. Довлатов, С. Д. Ариэль [Электронный ресурс] / С. Д. Довлатов. – Режим доступа: <http://www.sergeidovlatov.com/books/ariel.html>. – Дата доступа: 10.09.2021.
3. Довлатов, С. Д. Интервью [Электронный ресурс] / С. Д. Довлатов. – Режим доступа: <http://www.sergeidovlatov.com/books/interview.html>. – Дата доступа: 10.09.2021.
4. Довлатов, С. Д. Солдаты на Невском [Электронный ресурс] / С. Д. Довлатов. – Режим доступа: http://www.sergeidovlatov.com/books/sold_nev.htm. – Дата доступа: 11.09.2021.
5. Довлатов, С. Д. Третий поворот налево [Электронный ресурс] / С. Д. Довлатов. – Режим доступа: <http://www.sergeidovlatov.com/books/left.html>. – Дата доступа: 10.09.2021.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.

М. А. Салаўёва (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

**РОЛЯ КАНЦЭПТАЎ, ЯКІЯ ВЫРАЖАЮЦЬ ЗНАЧЭННЕ
АДЗІНСТВА СОЦЫУМУ Ў ФАРМІРАВАННІ
КАНЦЭПТУАЛЬНЫХ МЕТАФАР БЕЛАРУСКАМОЎНАГА
ДЫСКУРСУ**

З пункту гледжання сучаснай кагнітыўнай лінгвістыкі, канцэпты мовы і фрэмы, у якія яны ўваходзяць, функцыянуюць удачынэнні да пэўных канцэптуальных метафар [1; 2]. Пад канцэптуальнай метафарай маецца на ўвазе кагнітыўны механізм канцэптуалізацыі рэчаіснасці праз фарміраванне меркавання пра суб'ектыўны досвед на аснове сэнсаматорнай дзейнасці і дзіцячых уражанняў [1, с. 45]. Канцэптуальная метафара задае і арганізоўвае іерархію канцэптаў у пэўнай лінгвакультуры і накіроўвае культурны наратыў [2]. Найперш выдзяляецца метафара «нацыя – гэта сям'я», якая пазначаецца як універсальная для ўсіх лінгвакультур, а не толькі англа-амерыканскай [2].

Важна высветліць, ці з'яўляецца гэта метафара сапраўды ўніверсальнай, ці нейкія іншыя канцэпты, якія выражаюць адзінства соцыуму, могуць удзельнічаць у працэсе канцэптуалізацыі, як, напрыклад, «community» ('супольнасць, згуртаванне, грамадства') для брытанскай лінгвакультуры. На аснове аналізу ядра такіх канцэптаў і перыферыйнай зоны, якая, сярод іншага, утвараецца пры дапамозе элементаў мастацкага дыскурсу, даследуецца, якую ролю гэтыя канцэпты граюць у фарміраванні канцэптуальных метафар беларускамоўнага дыскурсу.

Аналіз сацыяльна-палітычнага і мастацкага брытанскага дыскурсу дазваляе зрабіць заключэнне, што згаданы вышэй канцэпт «community» з'яўляецца значным для брытанскай лінгвакультуры, што пацвярджаецца і сучаснымі сацыялінгвістычнымі даследаваннямі [3]. Моўная супольнасць Вялікабрытаніі разглядаецца метафарычна не як сям'я, а як згуртаванне індывідаў, грамадства, садружнасць, суполка, аб'яднаныя агульным месцам жыхарства, інтарэсамі, паходжаннем, агульнымі поглядамі, прыналежнасцю да той ці іншай арганізацыі [4].

Наколькі дазваляе меркаваць напаўненне ядра канцэпту, «community» падразумявае ўсвядомленае пачуццё супольнасці і падзеленасці інтарэсаў, што робіць лексему *community* адрознай ад *society* 'грамадства'. Апошняе слова трактуецца як група індывідаў, якія знаходзяцца ў пастаянным сацыяльным узаемадзеянні, альбо вялікая сацыяльная група, якая падзяляе адну і тую ж сацыяльную і прасторавую тэрыторыю і падпарадкоўваецца аднолькавым палітычным аўтарытэтам, дамінантным культурным нормам [5]. Як і канцэпт «community», «society» суадносіцца з метафарай «кантэйнер» (размяшчэнне на адной тэрыторыі, катэгарызацыя праз далучанасць да пэўнай групы людзей), але «society» выражае і фактар вертыкальных сувязяў, знешняга ўздзеяння, падпарадкавання, што часткова тлумачыць перавагу ў сучасным дыскурсе канцэпту «community», бо ён падразумявае гарызантальныя сацыяльныя сувязі,

а гэта больш адпавядае ідэям дэмакратыі і працэсам інтэграцыі ў брытанскім грамадстве.

Трэба адзначыць, што Дж. Лакаф лічыць канцэпт «community» разнавіднасцю кампаненту «сям'я» ў згаданай канцэптуальнай метафары [2, с. 81]. На яго погляд, «a nation is a community» 'нацыя – гэта супольнасць' – трактоўка асноўнай канцэптуальнай метафары з пункту гледжання адной з кагнітыўных мадэляў, якія выдзяляюцца ў ёй. У дадзеным выпадку – мадэль «nurturant parent» 'клапатлівая бацькі', якая супрацьпастаўляецца мадэлі «strict father» 'строгі бацька'. Відавочна, што канцэпт «society» больш пасуе апошняй мадэлі, але яна не характэрная для сучаснага брытанскага дыскурсу.

Звернемся цяпер да аналізу беларускамоўнага дыскурсу, каб прасачыць, ці назіраюцца ў ім тыя ж тэндэнцыі, што і ў англамоўным. Дэфініцыі лексем *community* і *society* маюць у перакладзе агульны кампанент «грамадства». У беларускай мове *грамадства* – гэта 1) сукупнасць людзей, аб'яднаных пэўнымі адносінамі, якія абумоўлены спосабам вытворчасці матэрыяльных і духоўных каштоўнасцей; 2) эканамічны лад і адпаведная яго надбудова; 3) кола людзей, аб'яднаных чым-небудзь агульным (паходжаннем, інтарэсамі і г. д.) [6]. У двух з прыведзеных тлумачэнняў (1, 3) *грамадства* адпавядае англійскаму *community*, а значэнне 2 – англійскаму *society*. Такім чынам паўстаюць пытанні: ці грае канцэпт «грамадства» важную ролю ў пабудове беларускага дыскурсу і ці з'яўляецца гэты канцэпт адпаведнікам англа-брытанскага «community»? Адказаць на гэтая пытанні дазволіць аналіз перыферыі канцэпту, якая складаецца з элементаў мастацкіх тэкстаў.

Аналіз беларускамоўнага дыскурсу, як сацыяльна-палітычнага, так і мастацкага, паказвае, што канцэпт «грамадства» з'яўляецца адным з асноўных, хаця і не галоўным, у пабудове іерархіі канцэптаў лінгвакультуры і вектары культурнага наратыву. Трэба прызнаць, што гэта, найперш, справядліва ў дачыненні да сацыяльна-палітычнага дыскурсу, але адпаведныя тэндэнцыі назіраюцца і ў мастацкім дыскурсе, асабліва ў пэўныя перыяды развіцця беларускай моўнай супольнасці.

З аналізу выбраных намі 100 кантэкстаў, прыведзеных у беларускім нацыянальным корпусе, выцякае, што *грамадства* ў 40 прыкладах адпавядае менавіта англійскаму *society* [7]. Асабліва гэта датычыцца твораў савецкага перыяду, выяўна, праз панаванне марксісцкай ідэалогіі, сацыяльную і палітычную накіраванасць твораў. Напрыклад: *Бачу аднаго прадстаўніка будучага грамадства*. (Іван Шамякін. Сэрца на далоні); *Калі-небудзь у дасканалым людскім грамадстве яно стане катэгорыяй-абсалютам* (Васіль Быкаў. Сотнікаў); *сумленна жадае будаваць бяскласавы сацыялістычнае грамадства* (Васіль Быкаў. Кар'ер); *Законы жыцця і законы грамадства – не зусім адно і тое ж* (Таіса Бондар. Час, калі нас любілі). Часта трактоўка разглядаемага паняцця палягчаецца, дзякуючы прыметнікам, якія выражаюць сацыяльнае значэнне, элементам калакацыі слова альбо агульнай прапазіцыі.

У некаторых выпадках разглядаемую лексему можна было б перакласці англійскім *public* 'народ, грамадства, грамадскасць': *такое, што, па-мойму,*

не цікава для грамадства (Максім Гарэцкі. Рунь); *Не кліч на спрэчкі думнае грамадства* (Уладзімір Дубоўка. Штурмуйце будучыні аванпосты!); *Панове і грамадства! Я запрасіў вас на вучоны дыспут...* (Віталь Вольскі. Несцерка); *Або захапляцца высокай адукацыяй грамадства* (Уладзімір Караткевіч. Каласы пад сярпом тваім). Сінонімам у такіх прыкладах могуць быць «людзі», «спадарства», «публіка» і г. д. Спрыяе такой інтэрпрэтацыі наяўнасць у некаторых прапазіцыях элементаў, якія звязаныя з інтэлектуальнымі, кагнітыўнымі працэсамі.

Вельмі часта цяжка дакладна размежаваць, што маецца на ўвазе аўтарам: сацыяльны тэрмін, супольнасць людзей, аб'яднаных агульнымі інтарэсамі, бліжэйшае атачэнне ці усё разам. Трактоўка можа залежыць ад інтэрпрэтатара і часу прачытання тэксту. У такіх выпадках эквівалентам грамадства могуць выступаць і *community*, і *society*, і *public*, што дазваляюць і тыповыя калакацыі лексем: *наўрад ці гэта будзе ў інтарэсах грамадства* (Кандрат Крапіва. Брама неўміручасці); *Жыццё маё сапраўды, а не з трыбуны належыць грамадству* (Уладзімір Караткевіч. Чорны замак Альшанскі); *Мы ўжылі мэтад сацыяльнай прафілактыкі, каб адгарадзіць вас ад грамадства* (Масей Сяднёў. Раман Корзюк).

У некаторых кантэкстах тыповыя калакацыі і прапазіцыі, у якіх ужываецца лексема, дазваляюць трактаваць слова і як *society*, і як *community*: *думаць, што на даносах льга ўгрунтоўваць грамадства* (Кузьма Чорны. Заўтрашні дзень); *ўвялі ў прыцып усяго нашага грамадства* (Кузьма Чорны. Трэцяе пакаленне); *З тваім тэмпераментам небяспека для грамадства невялікая* (Іван Навуменка. Да звыздаў).

Ёсць выпадкі (6 адзінак), калі грамадства ўжываецца як *вышэйшы свет* і мае эквівалент *society*, але і колькасна і з пункту гледжання аксіялагічнай нагрукі гэтае значэнне наўрад ці выступае ў фарміраванні кагнітыўных асноў дыскурсу: *Шляхетнае грамадства збіралася на чацвяргах* (Янка Нёманскі. Драпежнікі); *Будзем прымаць мясцовае грамадства* (там жа).

Кантэксты (11 адзінак), у якіх грамадства можна трактаваць як супольнасць (*community*), могуць мець спалучэнні з прыметнікамі, якія азначаюць склад, лакальную ці этнічную прыналежнасць. Напрыклад: *Разышлося, разляцелася і распаўзлося балотнае грамадства* (Якуб Колас. На ўсё ёсць прычына); *лясное грамадства лічыла гэты лад за выяўленне пэўнай гармоніі* (Якуб Колас. Залаты прамень); *Здарэнне гэта, кажуць, вельмі ўзрушыла і некаторыя колы курынага грамадства* (Кандрат Крапіва. Певень); *Ксяндзы і польскае грамадства скромна апусцілі вочы* (Якуб Колас. Дрыгва); *спраў, якія цікавяць грамадства польскае і беларускае* (Піліп Пестрак. Сустрэнемся на барыкадах). Іншыя прыклады патрабуюць для інтэрпрэтацыі звароту да папярэдняга кантэксту, магчымага свету тэксту, падключэння ведаў пра перыяд напісання твора і дзеяння ў ім: *Значэнне клуба для членаў грамадства* (Ул. Караткевіч. Каласы пад сярпом тваім); *Адзін выпадак трапіўся ў гісторыі чалавецтва, калі курэц мог быць карысным для грамадства, ды і то...* (Янка Маўр. Палескія рабінзоны).

У заключэнне можна зрабіць выснову, што «грамадства» як супольнасць, адпаведнік англійскага канцэпту «community», не мае такой жа самай каштоўнаснай вагі ў беларускамоўным мастацкім дыскурсе. Краевугольным значэннем *грамадства* будзе ‘сацыяльная група, якая падзяляе адну і тую ж прастору, падпарадкоўваецца аднаму палітычнаму аўтарытэту і культурным нормам’ (эквівалент *society*), і менавіта ў такой трактоўцы ўступае ў адносіны ўтварэння кагнітыўных асноў дыскурсу, у прыватнасці, канцэптэуальнай метафары «нацыя – гэта грамадства». Уяўляецца, што ў такой інтэрпрэтацыі канцэпт «грамадства» адносіцца да мадэлі «строгі бацька» і ўваходзіць у фрэйм сацыяльна-палітычных дачыненняў паміж людзьмі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Lakoff, G. *Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought* / G. Lakoff, M. Johnson. – New York : Basic Books, 1999. – 312 p.
2. Lakoff, G. *The political mind: why you can't understand 21st-century politics with an 18th-century brain* / G. Lakoff. – New York : Penguin Books, 2008. – 292 p.
3. *Keywords in the Social Studies: Concepts and Conversations* / ed. Daniel G. Krutka [et al.]. – New York, 2018. – 382 p.
4. *British Dictionary* [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.dictionary.com/browse/community>. – Date of access: 17.11.2021.
5. *British Dictionary* [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.dictionary.com/browse/society>. – Date of access: 17.11.2021.
6. *Глумачальны слоўнік беларускай мовы* [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://www.skarnik.by/tsbm/17896>. – Дата доступу: 17.11.2021.
7. *Беларускі нацыянальны корпус* [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://bnkorporus.info/korporus.html>. – Дата доступу: 17.11.2021.

Ся Чжэньчжун (г. Минск, Республика Беларусь)

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ОТРИЦАНИЯ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ

Воздействующая функция аналитического дискурса, в том числе представленного газетными текстами, предполагает «доказательную интерпретацию совершающихся в обществе событий, процессов, ситуаций» [1, с. 46], т. е. аргументативность речи. Аргументация в аналитическом медиатексте направлена на «обоснование некоторого положения с целью принятия его адресатом как истинного (вероятного, правдоподобного, целесообразного)» [2, с. 53]. В процессе аргументативного (убеждающего) воздействия на читателя журналист использует разноуровневые средства языка. Интерес в этом контексте представляет анализ вербальных единиц, выражающих отрицание. Цель работы состоит в том, чтобы раскрыть прагматический потенциал языковых средств отрицания в русскоязычных аналитических медиатекстах.

Источником эмпирического материала послужили газетные статьи на темы политики, экономики и культуры, опубликованные в 2018–2021 гг. в газетах «Рэспубліка» (Рэсп.), «СБ. Беларусь сегодня» (СБ).

В результате проведенного анализа было выявлено несколько видов вербальных единиц отрицания, широко используемых в газетных публикациях. Наиболее употребительной является частица *не*. По нашим наблюдениям, данная частица преимущественно используется для выражения своего основного значения в том случае, если она употребляется в высказывании однократно. Этот вывод соответствует мнению М. П. Котюровой и Е. А. Баженовой, исследовавших поведение отрицательной частицы *не* как дискурсивного слова в аспекте критичности мышления журналиста: «При одиночном употреблении частица *не* реализует свое основное лексико-грамматическое значение отрицания и не придает высказыванию дополнительного дискурсивного смысла» [3, с. 66]. Мы также полагаем, что в аналитическом аргументативном дискурсе одиночное употребление отрицательной частицы *не* проявляет «констатирующее, довольно индифферентное отношение журналиста к описываемым событиям» [3, с. 66]. Это подтверждается многочисленными примерами: (1) *В век стремительных изменений не всегда к лучшему нам нужны якоря, что-то, привязывающее к земле, соединяющее с предками* (Почему мы любим символы. СБ, 20.01.2018); (2) *Надо быть объективным: даже самые крупные предприятия белорусской пищевой отрасли в одиночку не могут претендовать на значительную рыночную силу на внешних рынках* (Создание госкорпораций в пищевой отрасли усилит ее экспортный потенциал. Рэсп., 31.08.2021). В приведенных текстовых фрагментах, как видно, отрицательная частица *не* включается в описание явлений окружающей действительности, выполняя таким образом свою основную смысловую функцию.

Иное прагматическое значение частица *не* приобретает в дискурсивном контексте. Установлено, что при повторном использовании в аргументирующем рассуждении отрицательная частица *не* реализует прагматическую функцию, связанную с усилением эмоционального воздействия обоснования. Именно благодаря повтору *не* приобретает, по выражению М. П. Котюровой и Е. А. Баженовой, «дискурсивный смысл». Согласно мнению названных ученых, доминанта критического отношения журналиста к явлениям действительности (эмоциональная или рациональная) «проявляется на фоне нейтрального (констатирующего, индифферентного) отношения к описываемым событиям» [3, с. 65].

Проиллюстрируем сказанное примером из статьи, в которой автор придерживается мнения о том, что финансовый контроль государства необходим для предприятий. Чтобы доказать свою точку зрения, он возражает против предложения бизнес-союза о сокращении государственного вмешательства в предпринимательскую деятельность: (3) *И все это знают, и тут вопросов нет, и решать их надо. Но вот, скажем, зарплата в конвертах – о такой проблеме что, в бизнес-союзе не слышат? Разрыва между очень богатыми и очень бедными – не замечают? Протестную деятельность отдельных своих членов (не мнения, не настроения, не слова – реальные дела!) – не видят?* (Если

слова – мимо, пора поправлять делами. СБ, 12.02.2021). Многократное повторение частицы *не* в (3) в составе параллельных риторических вопросов, а также во вставной уточняющей конструкции не только способствует развитию критического мышления читателей, но и усиливает эмоциональное восприятие замысла, лежащего в основе порождения текста. Очевидно, что риторические вопросы, включающие отрицательную частицу *не*, ставятся не с целью получить на них ответ, а чтобы усилить утверждение, и передают небезразличное, заинтересованное отношение автора статьи к ситуации, его стремление убедить аудиторию в правильности своей точки зрения.

Интенсифицирующая функция отрицательной частицы *не* в аналитическом дискурсе наиболее отчетливо проявляется в тех случаях, когда в процессе аргументации противопоставляются положительные и отрицательные факты. Это можно продемонстрировать на примере статьи о реформировании образовательной системы Республики Беларусь: (4) *Безусловно, чем меньше бюджету будет стоить система образования, тем лучше – в абстрактно-теоретическом смысле. Но не ценой общедоступности. Не* размытием государственной идеологии. *Не* заменой патриотизма и независимости на «эурапейские ценности» (Всех учителей и педагогов – с 1 сентября! СБ, 1.09.2021). В (4) журналист пытается опровергнуть мнение о необходимости сократить бюджетные расходы на образование. Для выражения критики привлекается отрицательная частица *не*, которая включается в особый аргументативный прием – «мнимое согласие» («да... но»), воплощающий тактику «акцентирования альтернативных аспектов» (указанная тактика выделена и описана Т. Н. Савчук в монографии «Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе» [2, с. 155]). Журналист сначала якобы соглашается с альтернативной точкой зрения (безусловно...), а потом устанавливает ее недостаточную обоснованность, выражая свою интенцию с помощью противительного союза *но* и следующих за ним парцелированных конструкций с отрицанием. Повтор отрицательной частицы *не* сигнализирует о высокой интенсивности эмоции автора, которая передается и адресату сообщения.

Приведем еще один пример использования отрицательной частицы *не* для репрезентации аргументативной тактики «акцентирования альтернативных аспектов»: (5) Газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала большую статью Нелли Боулерз, которая утверждает: *цифровизация, о тотальном приходе которой мы так много говорили, которой так ждали и которой так сильно радовались, – для бедных. Богатые теперь – это те, кто ходит в настоящие, а не в интернет-магазины, кто учит своих детей у живых преподавателей, а не на удаленных курсах и вебинарах, кто видит картины Леонардо да Винчи... живьем, а не на виртуальной экскурсии, кто заказывает еду у живого официанта в настоящем кафе и ресторане, а не ждет курьера с пиццей с картинки...* (Самая большая роскошь – это роскошь человеческого общения. СБ, 2.07.2020). В (5) мнение о преимуществе «живого» общения на фоне цифровой коммуникации обосновывается с помощью приема «замещения»

(«не... а») [2, с. 156]. Четырехкратное повторение параллельных конструкций с отрицанием придает фрагменту выразительность и усиливает эмоциональную связь между автором и читателем.

Наряду с отрицательной единицей *не*, в аналитическом газетном дискурсе часто встречается отрицательная единица *ни*. Она усиливает эмоциональное воздействие (особенно в сочетании с другими средствами отрицания – частицей *не*, словом *нет*) и придает всему высказыванию категоричный характер. В этом плане весьма показателен следующий фрагмент возражающей аргументации, объектом которой выступает мнение, высказанное Денисом Мартиновичем на ресурсе «Тут.бай»: (6) *Причиной Мартинович называет «пакт Молотова – Риббентропа... где фактически речь шла об аннексии соседних государств». Это не так. Брежня □ 2. Нет в Договоре о ненападении между Германией и СССР ни слова об аннексии. Ни фактически, ни «мартиновичско □ публицистически», ни «правдиво □ тутбаевски», никак* (В Академии наук говорят: не соответствует действительности. А в народе выражаются короче – брежня. СБ, 12.10.2019). Как видим, единица *ни* выступает в тексте не только в качестве частицы, но и в роли союза. В данной ситуации «насыщенность аргументирующего рассуждения средствами негации, создавая экспрессивный фон общения, реализует расчет на эмоциональный отклик реципиента» [2, с. 182].

Кроме отрицаний *не* и *ни* в проанализированных медиатекстах зафиксированы отрицательные местоимения и наречия: *никто, ни один, никакой, никогда, никуда, нигде* и др. (см. пример (6)). Такого рода слова относятся к разряду «кванторов общности», прагматика которых связывается с психологическим акцентированием – выделением эмоционально значимых фрагментов высказывания с целью интенсификации воздействия на адресата [2, с. 181]. Эта функция языковых единиц, выступающих в качестве кванторов общности, проявляется в следующем дискурсивном фрагменте: (7) *За что воевали? За свою страну и свое – родное! – «государство рабочих и крестьян»... За право не быть ни у кого холопом, строить жизнь по своему разумению, жить на своей земле* (День Победы – поистине Великий день. СБ, 5.05.2021). В (7) отрицательные вербальные единицы наделяют высказывание экспрессией, передают категорическую уверенность журналиста и позволяют акцентировать мнение о ценности Дня Победы в современном обществе.

Предпринятое исследование дало возможность установить, что в аналитических текстах русскоязычных газет средства отрицания используются журналистом для целенаправленного – аргументативного – воздействия на адресата. Характер воздействия (рациональное/эмоциональное) обусловлен спецификой включения приемов негации в дискурс (одиночное/повторное употребление, частотность, контекстное окружение, совмещение с риторическими приемами). Можно сделать вывод, что основная прагматическая функция языковых средств отрицания заключается в усилении убеждающего воздействия на читателя.

Список использованной литературы

1. Тертычный, А. А. Модели аргументации в современных медиатекстах / А. А. Тертычный // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2016. – № 6. – С. 46–69.
2. Савчук, Т. Н. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе : монография / Т. Н. Савчук. – Минск : БГУ, 2018. – 279 с.
3. Котюрова, М. П. Частицы-дискурсивы в аспекте критичности мышления журналиста / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2020. – № 64. – С. 63–75.

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В НОМИНАТИВНОМ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

С. Ф. Бут-Гусаім (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

ЖАНРАЎТВАРАЛЬНАЯ РОЛЯ ПАЭТОНІМАЎ У КАНТЭКСЦЕ ГІСТАРЫЧНАЙ АПОВЕСЦІ ВОЛЬГІ ІПАТАВАЙ «ЧОРНАЯ КНЯГІНЯ»

Творчым асэнсаваннем вечнай тэмы прызначэння жанчыны, яе ролі ў гісторыі можна лічыць аповесць Вольгі Іпатавай «Чорная княгіня». Гэта твор пра суровае XVI ст., пра жанчын, якія ў складаных варунках палацавых інтрыг, рэлігійных войнаў шукаюць шчасця, што заключаецца «ў дзеях і добрым мужу, у каханні адзін да аднаго, у павазе ды шчырасці» [2, с. 232]. Даследчыца творчасці Вольгі Іпатавай Лідзія Савік слухна адзначае: «Гістарычная проза пішацца Вольгай Іпатавай не дзеля белетрызаванага занатоўвання фактаў і звестак, узятых з дакументальных, архіўных крыніц той або іншай эпохі, а дзеля спасціжэння далёкіх стагоддзяў у іх ісцінна чалавечых праяўленнях, дзеля набліжэння да асобы чалавека ў варунках часу» [1, с. 10].

Мэта прадстаўленай працы – сістэматызацыя структуры анамастычнай прасторы аповесці Вольгі Іпатавай з улікам гістарычных традыцый беларускага іменаслову XVI ст.

Галоўным імем мастацкага тэксту з’яўляецца загаловак. Назва аповесці «*Чорная княгіня*» належыць да *ідэйна-характарыстычнага* тыпу, бо змяшчае аўтарскую ацэнку галоўнай гераіні твора. Такое празванне-мянушку атрымала спадчынніца аднаго з найбагацейшых родаў Рэчы Паспалітай Гальшка Астрожская. Як усякая жанчына, князеўна марыла пра сапраўднае каханне, мужа, сям’ю, дзяцей, але стала ахвярай у барацьбе за яе багаты пасаг: «*Грахі майго роду адгукнуліся на мне. Мы жылі, не думаючы, што вакол нас людзі, можа, і праўда такія ж, як мы... Нават наша агародніца шчаслівейшая за мяне. У яе дзеці. Яе муж глядзеў на яе, і каханне свяцілася ў вачах. А на мяне... глядзяць толькі з пажадлівасцю... Хто я? Чорная княгіня*» [2, с. 322–323]. Чорны колер сімвалізуе жалобу, смерць, адрачэнне ад зямнога жыцця. Болей і горыччу прасякнуты старонкі твора пра ліхвярскія падманы і прагу нажывы, якія зламалі лёс прыгажуні.

Перадаючы дух мінуўшчыны, Вольга Іпатава раскрывае нацыянальна-культурную інфармацыю паэтонімаў. Галоўнае месца ў анамастычнай прасторы твора В. Іпатавай займаюць *антрапонімы* – імёны, патронімы, мянушкі людзей. У ліку персанажаў твора найперш рэальныя гістарычныя асобы. У аповесці сустракаюцца *онімы-сучаснікі* – найменні гістарычных дзеячаў, жыццё якіх прыпадае на час разгортвання дзеяння твора: імёны асветнікаў *Міколы Гусоўскага, Васіля Цяпінскага*, ваяводы *Марціна Збароўскага*, гетмана *Яна Тарноўскага*, каралевы *Боны*, біскупа пазнанскага *Яна*, караля *Сігізмунда Аўгуста*, магнатаў *Астрожскіх, Радзівілаў, Касцялецкіх, Вайніцкіх*.

У разважаннях герояў твора Евы і Марціна пра мінулае Айчыны і свету ўжыты **онімы-рэтраспекцыі**: імёны першадрукара **Францыска Скарыны**, святой **Еўфрасінні Полацкай**, вучонага **Мігеля Сервета**, рэлігійнага дзеяча **Кальвіна**, караля Угар **Івана Залолі**, польскіх каралёў **Ягайлы-Уладыслава**, **Казіміра**, каралевы **Барбары Радзівіл** і інш.: «*Марціну хацелася напісаць пра ўсё, што адбывалася некалі ў Вялікім Княстве Літоўскім. І пра тое, што быў у ім некалі слаўны горад Полацк з **Рагнедаю** і **Усяславам**, і пра тое, што ўнукі **Гедымінавы**, **Андрэй Полацкі** і **Глеб Друцкі**, храбра змагаліся з татарамі на Куліковым полі. Зусім нядаўна жыў тут славуты **Канстанцін Астрожскі**, якога паставілі першым у гаспадарскай радзе Рэчы Паспалітай, хаця ён не быў католікам*» [2, с. 312].

Імёны персанажаў – хрысціянскія онімы іншамоўнага паходжання, запазычаныя з **грэчаскай**: **Мікалай** (грэч. ‘пераможца народа’ [3, с. 34]); **Марта** (грэч. ‘гаспадыня, пані, настаўніца’ [3, с. 64]); **Юрый** (ад Георгій – грэч. ‘земляроб’ [3, с. 50]); **Пётр** (грэч. ‘камень’ [3, с. 38]), **лацінскай**: **Францыск** (лац. ‘той, хто адносіцца да франкаў’ [3, с. 47]), **Марцін** (лац. ‘той, хто належыць богу Марсу’ [3, с. 33]), **Беата** (лац. ‘шчаслівая’ [3, с. 56]), **старажытнаўрэйскай** моў: **Іван** (ст.-яўр. ‘Боская ласка’ [3, с. 28]), **Ева** (ст.-яўр. ‘жыццё’ [3, с. 58]); **Марыя** (ст.-яўр. ‘пані, каханая, жаданая’ [3, с. 64]). Заўважым, што імя ў старажытным грамадстве было паказчыкам сацыяльнага статусу асобы. Так, для называння прадстаўнікоў вышэйшых саслоўяў выкарыстоўваюцца поўныя формы імёнаў **Юрый**, **Беата**, **Мікалай** і інш., а для іменавання ніжэйшых саслоўяў – размоўныя формы **Еўка**, **Марыська**, **Пятрок**: «*Помню нашу вялікую хату, дзе на відным месцы вісела шабля, падораная панам **Юрыем**, а таксама кунтуш з ягонага пляча*» [2, с. 233]; «*Тут жа з важным выглядам стаяў **Пятрок** – лоўчы князя, сачыў адным вокам за тым, як непадалёк, у ачагу, скварчэлі патэльні са смажанінай*» [2, с. 246]; «*Еўка ведала – да **Марылькі** надоечы сватаўся сын скарбніка, малады **Яська**, і лекар даў згоду*» [2, с. 246].

Заўважым, што ў кантэксце аповесці актуалізуецца этымалагічная семантыка асабовых імёнаў. Так, невыпадковым, на нашу думку, з’яўляецца выбар пісьменніцай імені адной з галоўных гераінь твора. Гэта імя першай жанчыны, жонкі першага чалавека ў свеце – **Евы** (ст.-яўр. ‘жыццё’ [3, с. 58]). Жыццё **Евы** Касцевіч – прыклад вернасці і ахвярнага служэння мужчыну – мудраму вучонаму, настаўніку Марціну. Хоць бязлітасны лёс не даў каханым аб’яднацца, але **Ева** застаецца вернай абранніку («*Мне, нягледзячы ні на што, пашанцавала, бо кахаю **Марціна** і зараз, і сёння*» [2, с. 324]) і працягвае яго асветніцкую справу, адпраўляючы за мяжу ў Гейдэльберг яго пляменніка, каб той выканаў высакародную місію развіцця навукі ў Вялікім Княстве Літоўскім.

У XVI ст. у Рэчы Паспалітай выкарыстоўваліся **імёны па бацьку**. Так, для іменавання гераіні аповесці, прадстаўніцы дробнай шляхты, выкарыстаны **патронім**: «*Сёння, генвара дванацатага дня, року тысяча пяцьсот восемдзсят восьмага, пачала я, раба божая **Ева Ваяраўна Касцевічуўна***» [2, с. 232].

Складнік антрапанімікону аповесці – мянушкі. Напрыклад, адзін з прадстаўнікоў славутага роду Радзівілаў атрымаў мянушку *Руды*, якая паказвала на колер валасоў і барады. Жанчыны, нават прадстаўніцы знакамітых родаў, атрымліваюць празванні-**андронімы**, утвораныя ад імёнаў і прозвішчаў мужоў: «*Бацька вохнуў, маці кінулася разам з кухарам за вадою, а я выскачыла на ганак, каб падзівіцца на пані Беату Іллёву*» [2, с. 235]; «*Маладая князеўна Гальшка ў суправаджэнні любімай нянькі Баркулабіхі*» [2, с. 238]. Гальшка Астрожская пасля няпростых выпрабаванняў лёсу, што не падарыў ёй радасць кахання, стала звацца **Чорнай Княгіняй**. Кароль Сігізмунд Аўгуст і яго жонка Барбара, якая трагічна загінула, праз стагоддзі іх гісторыі кахання атрымалі празванні **Рамэа і Джулія**.

У XVI ст. знатныя роды ўжо мелі **прозвішчы** – афіцыйныя іменаванні, што перадаюцца ў спадчыну і ўказваюць на прыналежнасць чалавека да пэўнай сям’і. Частка прозвішчаў герояў гістарычнай аповесці ўтворана ад формаў кананічных асабовых імёнаў, напрыклад: **Касцевіч** (ад размоўнай формы імені **Канстанцін** (лац. ‘цвёрды, пастаянны’ [3, с. 30]), **Фларыянчык** – ад імені **Фларыян** (лац. ‘пышны, раскошны, квітнеючы’ [3, с. 12]). Асобныя прозвішчы ўтвораны ад мірскіх празванняў-мянушак адапелятыўнага паходжання (**Кулік**). На старонках аповесці выкарыстана найменне беларускага першадрукара Францыска **Скарыны**. В. П. Лемцюгова піша: «У спалучэнні з імем Францыск **Скарына** не з’яўляецца яшчэ прозвішчам у сучасным паняцці і статусе. Гэта толькі другое імя, запазычанае самім Францыскам у дзёда ці прадзеда. Адны ўтвараюць яго ад прыметніка **скорый** ‘хуткі, спрытны’, другія – ад слова **скора** ‘скура, сырая скура’, на падставе чаго выказвалася меркаванне, што продкі Францыска Скарыны былі кушнерамі. А яшчэ існуе меркаванне, што імя Скарына паходзіць ад слова **скарына, скарынка** (пра хлеб). Польскі анатомалаг М. Малец у працэсе навуковага даследавання прыйшла да высновы, што **Скарына** – скарочаны варыянт старажытнаславянскіх (дахрысціянскіх) састаўных імён з кампанентам **скар-**: **Скарамір, Скараслаў, Скарагост, Скаралюб**. У хрысціянскім іменаслове ёсць асабовае імя **Скарыян**, якое таксама дапускае магчымае скарачэнне **Скарына**. Адсюль вынікае, што прозвішча **Скарына** паходзіць ад старажытнаславянскага ці старажытнага хрысціянскага імені **Скарына**» [4, с. 499]. Сустрэкаюцца ў творы прозвішчы адтапанімічнага паходжання (**Цяпінскі, Астрожскі, Гусоўскі**).

Значнае месца ў анамастыконе твораў займаюць так званыя «**перыферычныя**» **онімы**. Атмасферу XVI ст. дапамагаюць перадаць **бібліённыя** («*Аповесць аб Троі*», «*Александрыя*», «*Кніга Смарагд*», «*Дзве кнігі абедзве Маргарыты*», «*Кніга вялікая Дыянісія Арэапагіцкага*»), **дакументонімы** (**Статут Вялікага Княцтва Літоўскага**).

Сродкам увасаблення прасторава-часавых адносін у творы Вольгі Іпатавай з’яўляюцца **тапонімы**. Частка з іх захавалася ў сучаснай мове, напрыклад: **Чэхія, Італія, Кракаў, Падуя, Бары, Варшава, Польшча** і інш. Стварэнню гістарычнага каларыту спрыяюць ужытыя ў кантэксте аповесці **ўстарэлыя тапонімы** – **гістарыёнімы**, якія з’яўляюцца найменнямі дзяржаў, што зніклі

з палітычнай і геаграфічнай карты, напрыклад: *Рэч Паспалітая* ‘аб’яднаная польска-літоўская дзяржава з часу Люблінскай уніі’, *Вялікае Княства Літоўскае* ‘беларуска-літоўская дзяржава ва Усходняй Еўропе’, *Падляшша* ‘гістарычная вобласць на захадзе этнічнай тэрыторыі беларусаў у басейне Заходняга Буга і Наравы (у XIII–XIV стст.). Цалкам увайшла ў Вялікае Княства Літоўскае’. Словаўтваральны археонім *Вільня* адрозніваецца ад сучаснай геаграфічнай назвы словаўтваральным афіксам. Уласналексічныя археонімы цалкам адрозніваюцца ад сучасных назваў фонамарфалагічным складам: *Влохія* (сучасн. *Італія*), *Уласажэлец* (сучасная *Вялікая Мядзведзіца*).

Паэтычная анамастыка гістарычнай аповесці Вольгі Іпатавай – своеасаблівы пласт лексічнай структуры мастацкага твора. Антрапанімікон твора заснаваны на рэальным іменніку XVI стагоддзя. Хранатоп гістарычнай прозы В. Іпатавай як зліццё прасторавых і часавых прыкмет у мастацкім цэлым фарміруецца пры непасрэдным удзеле літаратурнай анамастыкі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Савік, Л. Беларусь! Твая дачка я... / Л. Савік // Прадыслава : аповесць / В. Іпатава. – Мінск : Сталія, 2003. – С. 3–11.
2. Іпатава, В. Чорная княгіня / В. Іпатава // За морам Хвалынскім : аповесці і апавяданні. – Мінск : Маст. літ., 1989. – С. 232–324.
3. Барыс, С. Як у нас клічуць?: Беларускія імёны / С. Барыс. – Мінск : Медысонт, 2010. – 124 с.
4. Лемтюгова, В. П. Корні нашых фамилий = Карані нашых прозвішчаў / В. П. Лемтюгова, И. О. Гапоненко. – Минск : Звезда, 2018. – 672 с.

Е. Е. Вертейко (г. Брест, Республика Беларусь)

ПОЛЬСКИЕ ИМЕНА В СОВРЕМЕННОМ ИМЕННИКЕ БРЕСТА

Современной белорусской антропонимике свойственна ориентация как на универсальные явления, так и на национально- и регионально-специфические, последние из которых направлены, прежде всего, на выявление именных ареалов и решение задач типологического характера. В нашей статье выбор Бреста в качестве региона для проведения ономастических исследований обусловлен геополитической, исторической и культурной значимостью данной территории в общенациональном контексте. Особенностью региона является его пограничное положение как в географическом, так и в этническом отношении, поскольку Брестчина расположена на стыке белорусского, польского и украинского ареалов.

Личные имена собственные являются своеобразными знаками этнической, социальной, возрастной и региональной принадлежности своего носителя. Чтобы охарактеризовать состояние современного именника Бреста и выявить тенденции его развития, мы проанализировали исторический антропонимикон данной территории.

С XIV в. характерной чертой брестского именника было сосуществование двух систем имянаречения – православной, т. е. византийско-греческой,

и римско-католической. Популярными мужскими именами на Брестчине в XIV–XVIII вв., согласно исследованиям А. К. Устинович, были следующие: *Иоанн/Ян, Андрей, Николай/Миколай, Петр, Павел, Станислав, Мартин, Михаил, Феодор/Теодор, Василий/Базыль* и др. Среди женских были популярны следующие: *Анна, Марина, Евдокия, София/Зофия, Дорофея/Дорота, Варвара/Барбара, Екатерина/Катарына, Елена, Анастасия, Апполинария, Богдана, Ядвига* и др. [1, с. 15]. Подобное мирное сосуществование и взаимодействие двух именных традиций, по мнению Б. Тихонюка, были во многом обусловлены подписанием в Бресте в 1596 г. церковной унии, подразумевавшей принятие католического вероучения, подчинение римскому папе с сохранением богослужения на церковнославянском языке. Данное событие не могло не сказаться на пограничном именнике, поскольку появление униатской церкви, ее организация, позже латинизация сделали возможным имянаречение крещенных в ней детей именами католического календаря [3, с. 6].

Современное состояние и тенденции развития брестского именника было исследовано на основе списков русскоязычных имен новорожденных, предоставленных работниками Дома гражданских обрядов Брестского горисполкома за 2008–2018 гг. В силу различных исторических причин город Брест в настоящее время является практически мононациональным белорусским городом. По состоянию на 2006 г. польское этническое население в Брестской области составляло лишь 0,9 %.

Популярные в начале XXI в. на пограничье мужские имена являются христианскими греческими, латинскими и древнееврейскими антропонимами: *Артем, Максим, Иван, Даниил, Александр, Никита, Кирилл, Михаил, Дмитрий, Матвей*. Замыкает десятку популярных имен оним славянской этимологии *Владислав* (628 человек, 3,4 % имяносителей). Другой славянский оним *Станислав* в Бресте в исследуемый период получили 128 мальчиков, т. е. 0,7 % имяносителей. Первые фиксации этих имен среди православных в Бресте имелись лишь в 1941–1944 гг. и составляли менее одного процента. На пограничье славянские имена *Владислав* и *Станислав*, не канонизированные православной церковью, всегда были маркированы как «типично польские».

Оним *Stanisław* (образован путем сложения глагольной и именной основ: *stani-* (<*stanać*) и *-sław* (<*sława*) – ‘украшение Польши, имя первого поляка, причисленного к лику католических святых’ [2, с. 319]. Древний славянский оним *Stanisław* – это одно из немногих славянских имен, канонизированных костелом. Популярность его обусловлена в первую очередь культом польских святых: *św. Stanisława ze Szczepanowa* и *św. Stanisława Kostki*. В XVIII в. имя обрело наивысший социальный статус, став именем двух польских королей – *Stanisława Leszczyńskiego* и *Stanisława Augusta Poniatowskiego*. В православном именнике данный оним отсутствовал, имянаречение им стало возможным лишь после революции в связи с отделением церкви от государства.

Антропоним *Władysław* образован от *włodzi-* (под влиянием чешского *władzi-* либо *włady-*) ‘пановаć, władać’ (‘властвовать, владеть’) и *-sław* [2, с. 252]. Данное имя также является княжеским, а с XIII в. – королевским. Оно

принадлежало следующим польским королям: *Władysław Łokietek*, *Władysław II Jagiello* (1351–1434), получивший свое имя при крещении в 1386 г., его сын *Władysław III Warneńczyk* и *Władysław IV Waza* (1595–1648). Имя стало особенно популярным в Польше в начале XIX в. в связи с резко возросшей модой на исторические имена времен первой польской княжеской династии Пястов.

Ядро женской подсистемы современного брестского именника составляют календарные антропонимы, заимствованные из греческого, латинского и древнееврейского языков: *София*, *Анастасия*, *Анна*, *Дарья*, *Мария*, *Ксения*, *Полина*, *Александра*, *Екатерина*, *Елизавета*.

Однако в периферийной части как мужского, так и женского именников в Бресте можно отметить следующие типично польские имена: *Бронислав*, *Казимир*, *Марек*, *Мирослав*, *Михал*, *Стах* (произв. < *Станислав*), *Тадеуш*, *Ян*, *Януш*; *Агата*, *Агнешка*, *Божена*, *Богуслава*, *Владислава*, *Каролина*, *Мирослава*, *Михалина*, *Регина*, *Станислава*, *Тереза*, *Юстина*, *Янина*, *Яна*, которыми названы 2 % новорожденных Бреста. Рассмотрим некоторые из них.

Древнее славянское имя *Бронислав/Bronisław* содержит два корня *broni-* (от *bronić*) и *-sław* (от *sława*), обозначало человека, который должен «оборонять славу» или «бороться за славу» [2, с. 65]. В Польше имя известно еще со средневековья.

Имя *Казимир/Kazimierz* образовано путем сложения основ: *kazi-* <*kazić* ‘niszczyć’ (‘разрушать’) и *-mir* ‘rokój’ (‘мир’), форма корня *mierz* возникла под влиянием немецких имен, оканчивающихся на *-mar*, *-mer* (например, *Dietmar*) [2, с. 151]. Первые фиксации имени в польских источниках датированы XII в.: *Kazimir*, *Kazemir*. Современная форма закрепилась в XVI в. В средневековье давалось исключительно князьям, позже стало широко распространенным. Также было распространено среди польских князей и королей, вследствие чего всегда пользовались особой популярностью у поляков, особенно у представителей шляхетского сословия.

Происхождение онима *Тадеуш/Tadeusz*, согласно одной версии, выводится из арамейского *thad-daj* – ‘человек с широкой грудью’, согласно иной, из древнееврейского *taddai*, что означало ‘шустрый, мудрый’ либо ‘смелый, отважный’. В польский именослов оним пришел непосредственно из латыни, в которой звучал как *Thaddaeus*. В средневековых источниках фиксировался в формах *Thaddaeus*, *Tadej*, *Tadzik* и *Tadaj*. Вплоть до XIX в. имя пользовалось популярностью лишь на северо-востоке Польши, где был широко распространен культ św. Tadeusza (св. Иуда Фаддей). В XIX в. имя стало частым во всей Польше, скорее всего, благодаря военным и политическим деятелям. Имя *Tadeusz* носили *Tadeusz Kościuszko* (Тадеуш Костюшко) и *Tadeusz Rejtan* (Тадеуш Рейтан). Эпопея А. Мицкевича «*Ran Tadeusz*» также сыграла большую роль в распространении данного онима среди населения. *Tadeusz* считается типично польским именем, за пределами страны встречается довольно редко [2, с. 235].

Женский антропоним *Янина/Janina* является поздним образованием от соответствующего мужского онима *Jan*, входит преимущественно в польский именослов, однако имеется в белорусском, литовском и латвийском. Начало его

распространения приходится на вторую половину XIX в., и первоначально оно употреблялось лишь в кругу интеллигенции. Пик популярности в Польше приходится на 30-е гг. XX в. [2, с. 130].

Оним *Регина/Regina* (лат. *regina* ‘королева’) – аллюзия к антифону *Regina Coeli*, которым именуется Богородица в молитвах. Впервые в польских средневековых источниках он отмечен в 1386 г. Однако популярным стал лишь в начале XX в., а начиная с 50-х гг. XX в., продуктивность его уменьшается [2, с. 215].

Оним греческой этимологии *Тереза/Teresa* в польском именовании закрепился лишь в XVII в. Значительное влияние на скорость его распространения оказал культ испанской монахини-кармелитки, католической святой *św. Teresy z Avili* (Тереза Авильская) [2, с. 237]. В конце XIX в. популярность имени ослабла, однако после канонизации св. Терезы Авильской в 1925 г. снова возросла.

Таким образом, современный брестский именьник является отражением социальных, политических и культурных процессов, происходящих в нашей стране. Безусловно, в нем преобладают общенациональные тенденции развития, свойственные белорусскому именьнику в целом. Но в то же время наличие в нем имен, которые жителями региона отчетливо дифференцируются как типично польские, свидетельствует о его уникальности, которая обусловлена этническими и религиозными факторами: соседством белорусов и поляков, православных и католиков.

Список использованной литературы

1. Усціновіч, А. К. Слоўнік асабовых уласных імён / А. К. Усціновіч. – Мінск : Літ. і мастацтва, 2011. – 240 с.
2. Grzenia, J. Nasze imiona / J. Grzenia. – Warszawa : Świat książki, 2002. – 334 s.
3. Tichoniuk, B. Imiona i ich formy na pograniczu polsko-białoruskim od XIV wieku do roku 1839 / B. Tichoniuk. – Zielona Góra : WSP, 2000. – 206 s.

С. С. Коцевич (г. Минск, Республика Беларусь)

РУССКИЕ ИМЕНА ДЛЯ КИТАЙЦЕВ

В последние десятилетия китайская молодежь все чаще выбирает для получения высшего образования белорусские вузы. Так, в БГУ в настоящее время учится около двух тысяч китайских студентов. Коммуникативная адаптация китайцев в условиях русскоязычной среды достаточно сложная. Одним из аспектов этой адаптации является презентация своего собственного имени.

Собственные имена (антропонимы, персоналии), как известно, чрезвычайно важны для общения и взаимопонимания людей. Личные имена становятся важным звеном в межъязыковой коммуникации, особенно в процессе изучения иностранного языка в среде носителей этого языка. Они как бы исполняют функцию межъязыкового, межкультурного «мостика», помогают преодолеть языковые барьеры.

Личные имена обладают сложными формальными, содержательными и ассоциативными характеристиками, знание которых совершенно необходимо людям в процессе преодоления языковых и межкультурных барьеров.

Имя прежде всего идентифицирует лицо в любой ситуации и любом языковом коллективе.

Антропоним – это имя собственное (или набор имен, включая все возможные варианты), официально присвоенное отдельному человеку как его опознавательный знак. Антропоним называет, но не приписывает никаких свойств. В речевой практике антропоним постепенно обретает способность к более точной идентификации человека. Как правило, имя обладает национально-языковой принадлежностью.

Китайская ономастика – явление уникальное. Система собственных имен китайцев практически не подвергалась влиянию извне, сохранила свою специфику и индивидуальность, мифологический и философский смысл. Звуковая сторона китайского языка является важным фактором, который обязательно учитывается при выборе имени. Эстетика китайского антропонима выражается не только в приятном на слух сочетании звуков, но и в мелодичности тонального рисунка [1, с. 42]. Часто фонетическая оболочка имени может вызывать дополнительные смысловые ассоциации. Таким образом, при восприятии внешней звуковой формы имени у китайцев на первый план выходит принцип семиозиса, т. е. процесса порождения значений при интерпретации знака [2, с. 104].

Сами китайцы очень трепетно относятся к своим именам, которые, по их мнению, являются выражением некоего сакрального значения, оберегами для их обладателя. Имя каждого китайца связано со многими поколениями предков, что свято для рожденного в Поднебесной.

Пребывая в русскоязычной среде, большинство китайских обучающихся выбирают себе имена, которые распространены у русскоговорящих. Опрос китайских студентов филологического факультета выявил несколько причин выбора нового имени: 1) китайское имя трудно произносить русскоговорящим (44 %); 2) имя неправильно произносят преподаватели, студенты и др., что оскорбляет слух носителя имени (22 %); 3) нравятся благозвучные имена русских и белорусов (31 %); 4) желание приобрести европейский имидж (3 %).

Некоторые китайские юноши и девушки уже приезжают в Беларусь, имея распространенное у русских имя. Это жители тех городов, где налажены прочные связи с регионами России, есть школы и вузы, в которых преподается русский язык (Харбин, Чэн Ду). Наиболее популярными именами у таких студентов являются следующие: *Владимир, Александр, Максим, Виктория, Татьяна, Мария*.

Если студент не имел европейского имени, в течение первой недели пребывания в Беларуси оно у него появляется. К выбору нового имени китайцы подходят очень осмысленно, руководствуясь определенными принципами, важнейший из которых – созвучие выбранного имени собственным китайским имени или фамилии, например: *Ван Пэйюй – Ваня; Ян Кунь – Ян; Ян Линь –*

Лина; Ван Жань – Жанна; Ли Нинь – Нина; Лю Цзюнькай – Люба; Ван Яньмяо – Яна и т. п.

Благозвучие и краткость – также важный, по мнению китайцев, критерий для выбора имени. В русском языке, как известно, существует обилие уменьшительных и оценочных форм личных имен, которыми человека именуют в зависимости от обстановки общения, отношения говорящего, степени знакомства и т. д. Как бы ни варьировалось имя, говорящие знают, что оно указывает на одного и того же носителя, то есть в этой главной для имени собственной функции – функции указания на определённое лицо – разные варианты имени тождественны друг другу. Для китайцев же полные, краткие, уменьшительно-ласкательные, оценочные варианты имён воспринимаются как различные имена. Популярностью пользуются прежде всего краткие имена, которые легко произносятся: *Оля, Валя, Галя, Аня, Соня, Юля, Даша, Коля, Вася, Витя, Лёня, Паша, Леша, Миша, Яша, Саша, Гена*. При этом *Ольга, Валентина, Софья, Леонид* и т. д. воспринимаются как совершенно другие имена, поэтому в одной группе могут учиться *Паша и Павел, Соня и Софья*.

Особенно приятными для слуха китайцев оказываются имена *Анастасия, Анжелика, Анна, Диана, София, Майя, Полина, Илья, Евгений, Олег, Денис*.

Знатоки русской истории и литературы выбирают значимые имена: *Петр, Павел, Екатерина, Елизавета* (царские); *Лев, Антон* (имена русских писателей).

Китайцы склонны выбирать традиционные имена, которые ассоциируются с русским миром: *Маша, Наташа, Катя (Катюша), Алёнка (Алёнушка), Саша, Иван (Иванушка), Митя*. Однако есть и любители редких имен или их вариантов: *Мира, Ника, Лика, Ася, Аля, Тома, Феня, Ной, Фадей*.

Некоторые студенты выбирают европейское имя на основе общей с китайским именем семантики. Например, семантика иероглифа в названии имени обозначает растение, цветок: девушка с именем 玉兰 ‘магнолия’ называет себя *Розой*; 菊 ‘хризантема’ – *Лилией*; 桃 ‘цветок персика’ – *Маргаритой*.

Семантика китайского имени-иероглифа и европейского имени может быть эквивалентна: 金 *‘золото’ – Злата*; 宠 *‘любовь’ – Любовь*; 贞 *‘вера’ – Вера*.

Некоторые студенты (единичные случаи) принципиально предпочитают отнюдь не «русские» имена: *Аделина, Саманта, Флора, Крис, Гай, Лукас, Алекс, Лео*.

Не имеют популярности среди китайцев имена, в составе которых есть звуки [p], [p’]. Это связано с трудностями артикуляции данных звуков. Поэтому имена *Сергей, Варя (Варвара), Григорий, Роман* выбирают и произносят с гордостью и удовольствием только те студенты, которые освоили трудные звуки.

По отзывам студентов-китайцев, распространённые у носителей русского языка имена в основном благозвучны в их восприятии и не вызывают каких-либо неприятных ассоциаций. Студенты проявляют интерес к этимологии и вариативности в разговорной речи своих новых имен. Возможность представляться в неофициальном общении традиционным в условиях

русскоязычной среды именем, с одной стороны, воспринимается как игра, но с другой – значительно упрощает общение и способствует коммуникационной адаптации. Такие имена надолго остаются как память об учебе и жизни в Беларуси.

Список использованной литературы

1. Ратникова, И. Э. Антропонимия русского и китайского языков: типологические сходства в ономастологии собственных имен // Весн. Бел. дзярж. ун-та. – Сер., 4. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. – 2014. – № 2. – С. 41–46.

2. Хамаева, Е. А. Китайские антропонимы [Электронный ресурс] : монография / Е. А. Хамаева. – Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – 305 с. – Режим доступа: <https://rucont.ru/file.ashx?guid=320eff9c-7bb6-4563-b8fc-920c83e2e629>. – Дата доступа: 14.10.2021.

А. Э. Моисейчик (г. Брест, Республика Беларусь)

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ В ГЕОРТОНИМИИ БЕЛАРУСИ ПРИНЦИПА НОМИНАЦИИ ПРАЗДНИКА ПО СВЯЗИ СО ВРЕМЕНЕМ (ВРЕМЕННЫМ ПРОМЕЖУТКОМ)

С древнейших времен праздник существует как неотъемлемый элемент культуры [1, с. 3]. Он и по сей день продолжает играть важную роль в жизни социума. Феномен праздника интересует исследователей различных областей знания, в том числе ономастики. Последняя, в свою очередь, занимается изучением имен собственных (ИС) различных по масштабу, задачам, периодичности, участникам, сферам деятельности и т. д. торжеств. Обзор научной литературы демонстрирует многообразие терминов для обозначения ИС праздников («эортоним», «фестоним», «инвентоним» и др.), но наиболее емким представляется термин «геортоним». Наше исследование обращено к практически не изученному сегменту современной геортонимии Беларуси – к названиям студенческих праздников (всего нами зафиксировано 492 подобных названия).

Становление праздника как особого явления культуры тесно связано с развитием представления о времени. Известный польский ученый К. М. Жигульский отмечает, что «счет времени, одно из величайших достижений человеческой культуры – календарь – везде в своих истоках выступает как форма упорядочения, закрепления, заблаговременного исчисления праздничных дней и периодов» [2, с. 58]. Неотделимость торжества от определенной точки на ленте времени закономерно обусловила активность принципа номинации праздника по связи со временем (временным промежутком): его вербализуют 96 ИС, или 19,51 % от общего числа зафиксированных единиц. В геортонимах указание на время (временной промежуток) может осуществляться с помощью следующих языковых единиц: 1) хрононимов (в широком понимании этого термина, т. е. ИС отрезков времени, праздников, памятных дат); 2) нарицательных существительных с темпоральным значением; 3) мотиви-

рованных ими имен прилагательных с темпоральным значением; 4) наречий с темпоральным значением.

Лексемы с темпоральным значением в составе геортонима могут обозначать: 1) время проведения праздника: *фестивали «Студенческая весна ГГТУ», «Зимние каникулы»*; *вечер отдыха «А у нас под Новый год...»*; *представление «На праздник новогодний пришел к нам Дедушка Мороз!»* и др.; 2) длительность массового торжества: *акции «День безопасности. Внимание всем!»*, *«День знаний»*; *форум «Студенческая неделя»* и др.; 3) неопределенные временные промежутки: *открытый диалог «Молодежь Беларуси: традиции и будущее»*; *интеллектуальный турнир «Университет: вчера, сегодня, завтра»* и др.

Мотивирующей базой для ряда геортонимов явились **хрононимы** (13 ИС; 13,5 % от числа геортонимов в рассматриваемом номинативном типе), т. е. названия отрезков времени, праздников, памятных дат.

Так, исходными для рассматриваемых ИС выступили названия одних из самых важных для белорусов праздников – *Рождества* и *Нового года*. Первый связан с воспоминанием о рождении Иисуса Христа. Рождество – это колядки, чтение рождественских и святочных рассказов, особая сервировка праздничного стола, на котором должны стоять 12 блюд, и иные волшебные традиции: *выставка «Магия Рождества»*; *праздничная программа «Чудеса на Рождество»*. Новый год – первый праздник в календарном цикле, который собирает всю семью за столом, вселяет чувство надежды и веры в будущее: *встреча «А у нас под Новый год...»*; *смотр-конкурс «Лучшее оформление комнаты к Новому году»*; *акция «Новый год к нам мчится»* (отсылка к песне «Новогодняя» группы «Дискоотека Авария»); *акция «С добрым сердцем в Новый год»* и др.

Название исторического события, столь значимого для советского народа, народов постсоветского пространства – *Победа в Великой Отечественной войне*, – нашло отражение в геортониме *смотр-конкурса «Подвиг народа в Великой Отечественной войне в благодарной памяти потомков»*. Эта война, страшная, разрушительная, разделила историю нашей страны на «до» и «после», но она обеспечила разгром фашизма. Теперь очень важно помнить о тех ужасных годах, чтить память героев фронта и тыла, чтобы не допустить повторения трагических событий...

Продуктивность при создании названий праздников демонстрируют **нарицательные существительные** с темпоральным значением (59 ИС; 61,5 %), которые могут обозначать:

1) единицы измерения времени (28): *акции «Библиотекарь на час»*, *«День некурения в БарГУ»*, *«Неделя леса»* (главная цель праздника – привлечь внимание к необходимости бережно относиться к лесному фонду; особый акцент при этом делается на работе с подрастающим поколением), *«Наш год – наш выбор»*; *единый кураторский час «День белорусской письменности 2020»* (праздник письменности и печати проводится в нашей стране ежегодно в первое воскресенье сентября); *фестиваль «Неделя спорта и здоровья»*; *смотр-конкурс «Комната года»* и др.;

2) времена года (24): ярмарка «Агроосень 2020» (субстантив *агроосень* является авторским новообразованием и создан сложением: компонент *агро-* указывает на специфику праздника, *-осень* – на время его проведения); фестивали «АРТ-осень ВГУ», «Золотая мелодия осени»; фотоконкурс «Краски осени»; праздник «Проводы зимы 2015» и др.

Целую группу формируют геортонимы, мотивированные существительным *весна*. Это время года – символ обновления жизни и надежды на будущее, а также метафорическое обозначение молодости в жизненном цикле человека, что сближает эту пору года со студенчеством: акция «**Весна ONLINE**» (заимствование *online* отражает языковую тенденцию к интернационализации; организатором праздника являются БелГИСС совместно с Национальным центром правовой информации Республики Беларусь, и в рамках акции можно было со скидкой приобрести доступ к информационно-поисковой онлайн-системе «ЭТАЛОН-СТАНДАРТ»); конкурсы «**Весна, здоровье, молодость**», «**Весна. Любовь. Студент**»; концерт «Если в сердце живет **весна**» (номинаторы переосмыслили название песни Ю. Савичевой «Если в сердце живет любовь» из сериала «Не родись красивой» и заменили компонент *любовь* на *весна*) и др.;

3) этапы жизни (человека) (3): конкурс «**Весна, здоровье, молодость**»; акция «**Детство должно быть у каждого**»; выставка «**Молодость**»;

4) приблизительное время совершения действия (4): акция «**Будущее под угрозой**» (торжество состоялось в рамках Всемирного дня борьбы со СПИДом); конкурс «**Медиация будущего**» (инновационная форма образовательного соревнования в виде деловой игры, в рамках которой студенческим командам предоставляется возможность посредством *медиации* разрешить конкретные конфликты и приобрести навыки ведения переговоров в сложных ситуациях); форум «**Молодежь – надежда и будущее Беларуси**»; открытый диалог «**Молодежь Беларуси: традиции и будущее**». Данные ИС вербализуют, актуализируют идею, что будущее страны зависит от молодого поколения, т. е. от нынешних студентов УВО.

К предыдущим номинативным подтипам закономерно примыкают геортонимы, восходящие к **прилагательным** с темпоральным значением (28 ИС; 29,2 %). Адъективы в составе зафиксированных геортонимов могут быть мотивированы:

1) темпоральными нарицательными существительными (в нашей картотеке такие субстантивы называют времена года) (13): праздник «**Осенние забавы**»; спартакиада «**Осенний спринт 2019**»; акции «**Зимние беговые игры: #velcombegom**» (организатором акции является оператор связи «Velcom» (сейчас А1); вторая часть она оформлена в виде хештега, и представляет собой интеграцию слов *velcom* и *begom*; написание латиницей русского наречия *бегом* также отражает интернационализацию современной коммуникации), «**Весенние комплименты**», «**Летний патруль**» (проект направлен на профилактику несчастных случаев на воде и при эксплуатации водного транспорта; на организаторов праздника (среди них – МЧС и ОСВОД Республики Беларусь), на специфику их работы указывает компонент геортонима *патруль* ‘небольшой

отряд воинского подразделения для наблюдения за порядком и безопасностью в определенном районе'); фестиваль «**Зимние каникулы**»; концерт «**Просто летние танцы**»; конкурсы «**Зимний подарок любимой столице**»; «**Весенние фантазии**» и др.;

2) хрононимами (15): акции «**Новогодние сюрпризы**», «**Новогодняя елка желаний**», «**Пасхальные дни милосердия**» (Пасха – древнейший и самый важный христианский праздник); конкурс «**Новогоднее чудо своими руками**» (на лучшую новогоднюю поделку); ярмарка-продажа «**Новогодние чудеса**» (на ярмарке были представлены изделия ручной работы, которые номинаторы метафорически называют чудесами); конкурс-развлекательная программа «**Новогодний киноляп**»; интеллектуально-развлекательная игра «**Рождественская головоломка**» и др.

Геортонимы, мотивированные **наречиями** с темпоральным значением, представлены единичными примерами (2 ИС; 2,1 %): *дискуссионная площадка «БЕЛАРУСЬ: вчера, сегодня, завтра. Просто о сложном»*; *интеллектуальный турнир «Университет: вчера, сегодня, завтра»*. Отметим, что компонент *вчера, сегодня, завтра* удачно отражает линейную модель представления человека о времени, о его разных фрагментах – прошлом, настоящем, будущем. Более того, данная клишированная конструкция активно используется в разных дискурсах: в названиях фильмов (комедия «*Вчера, сегодня, завтра*» режиссера В. де Сико), ИС медиаорганов (журнал «*Экономика: вчера, сегодня, завтра*»), заголовках научных работ (статья «*Русский язык: вчера, сегодня, завтра*») и др.

Итак, принцип номинации по связи со временем демонстрирует неотделимость праздника от какого-либо временного отрезка. Языковые единицы с темпоральным значением, выступающие в качестве исходных для геортонимов данного номинативного типа, могут обозначать конкретное время либо определенный/неопределенный временной промежуток, с которым связано проводимое массовое торжество, и вербализуют представления человека о течении жизни, цикличности/линейности времени.

Список использованной литературы

1. Гужова, И. Г. Праздник как феномен культуры в контексте целостного подхода : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 09.00.13 / И. Г. Гужова. – Томск, 2006. – 18 с.
2. Жигульский, К. Праздник и культура: праздники старые и новые. Размышления социолога / К. Жигульский. – М. : Прогресс, 1985. – 336 с.

Н. Е. Никитина (г. Брест, Республика Беларусь)

ПРИНЦИПЫ И ПРИЕМЫ КРЕАТИВНОЙ НОМИНАЦИИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ В РОССИИ И США

Сфера городской номинации характеризуется повышенной лингвокреативностью. Исследование урбанонимов обычно проводится в региональном аспекте и учитывает особенности конкретной языковой системы

в комплексе с экстралингвистическими факторами [1, с. 10]. Исследование принципов и приемов номинации на материале названий книжных магазинов в России и США позволит определить общие черты и индивидуальные особенности креативной речевой деятельности в разных странах.

В результате лингвистического анализа названий книжных магазинов были выявлены следующие принципы креативной номинации: информативный, топографический, ассоциативно-информативный, ассоциативно-концептуальный, эстетический, развлекательный [1].

Названия, в основе которых лежит **информативный принцип**, целенаправленно сообщают потенциальному посетителю о специализации заведения. И русскоязычные, и англоязычные наименования этого типа, как правило, включают лексемы *книга* (*Добрая книга, Доступная книга, Живая книга, Интересная книга, Любимая книга* и др.), *книжный* (*Книжный дом, Книжная башня, Книжная гавань, Книжная полка, Книжный бульвар; Book Emporium (Книжный магазин), The Book House (Книжный дом), Book Warehouse (Книжный склад)* и др.).

Для американских названий характерно использование притяжательной конструкции, включающей имя владельца: *Catherine's Book Corner (Книжный уголок Катерины), Connie's Bookshelf (Книжная полка Конни), Donna's Book Stop (Книжная остановка Донны), Miss Juliet's Books (Книги мисс Джульетты), Laurel's Library (Библиотека Лорел)* и др. В названиях российских магазинов также используются имена собственные, однако не в составе притяжательной конструкции, а самостоятельно, вследствие чего название теряет информативность: *Анжелика, Валери, Даяна, Елена, Нина, У Максима* и др.

Разновидностью информативного принципа номинации является **топографический принцип**, позволяющий прямо или косвенно указать на месторасположение заведения. Для российских книжных магазинов такой принцип не типичен и представлен одним названием (*Цоколь*). Зато американцы активно используют топографический принцип номинации: *Canterbury Book Store (Книжный магазин Кентербери), The Bookstore in the West (Книжный магазин на Западе), Bookshop on The Main Street (Книжный магазин на главной улице), Story On The Square (История на площади), Where the Sidewalk Ends Books (Где кончается тротуар), The Attic Bookstore (Книжный магазин на чердаке), Subterranean Books (Подземные книги)* и др.

В основе **ассоциативно-информативного принципа** номинации лежит метонимический или метафорический перенос. Этот принцип является наиболее распространенным как в России, так и в США. К этому принципу относятся следующие лексические группы слов.

1. Слова, ассоциирующиеся с книгами, литературой и чтением: *Азбука, Алфавит, Буква, Глагол, Грамота, Кириллица, Лексика, Лексикон, Манускрипт, Новелла, Папирус, Свиток, Слово, Фолиант; Between the Covers (Между обложками), Pretty Pages (Красивые страницы), The Last Chapter (Последняя*

глава), *The Next Chapter* (Следующая глава), *The Bookmark* (Закладка), *The Muse Bookshop* (Муза) и др.

2. Слова, обозначающие потенциального потребителя: *Букинист*, *Чтец*, *Бакалавр*, *Ботаник*, *Грамотей*, *Магистр*, *Профессионал*, *Учитель*, *Эрудит*; *The Voracious Reader* (Ненасытный читатель), *The Happy Reader* (Счастливый читатель), *Constant Reader* (Постоянный читатель) и др.

3. Слова, вызывающие ассоциацию с образованием и повышением уровня интеллекта: *Знание*, *Кругозор*, *Мысль*, *Просвещение*, *Эврика*. Подобные примеры характерны только для русского языка.

4. Имена и фамилии известных писателей, ученых, философов, первопечатников и т. д.: *Andersen*, *Аристотель*, *Галилео*, *Иван Федоров*, *Кирилл и Мефодий*, *Леонардо*, *Ходасевич*; *Hemingway Home Bookstore* (Дом Хемингуэя), *Shakespeare & Co.* (*Шекспир и компания*) и др.

5. Имена литературных персонажей: *Гулливер*, *Дон Кихот*, *Ученый кот*, *Винни-бук* (от *Винни Пух*); *Pinnocchio's Bookshop* (Книжный магазин *Пиноккио*), *Gulliver's Bookstore* (Книжный магазин *Гулливера*) и др.

6. Теонимы и мифонимы: *Прометей*, *У Кентавра*; *Poseidon Books* (*Посейдон*) и др.

7. Названия литературных произведений: *Улисс*, *Фаренгейт 451*; *Pied Piper* (*Крысолов*) и др.

Ассоциативно-концептуальный принцип номинации направлен на формирование ассоциаций, связанных не только со специализацией заведения, но и с его концепцией: *Порядок слов*, *Пятерка за знания*, *Шаг к пятерке*; *Escape Through Books* (*Побег через книги*), *Born in the Bookshelf* (*Рожден на книжной полке*), *Up All Night Bookstore* (*Всю ночь*), *One More Page Bookshop* (*Еще одна страница*), *A Room of One's Own* (*Собственная комната*), *Rainy Day Books* (*Дождливый день*), *The To-Be-Read List* (*Список для чтения*) и др.

Распространенная в США система избавления от зависимости с помощью анонимных обществ нашла отражение в номинации американских книжных магазинов: *The Bookaholics Anonymous* (*Анонимные книгоголики*), *Daily Dose of Reading* (*Суточная доза чтения*), *Book Addicts* (*Книжные наркоманы*). Такая номинация основана на ассоциациях «чтение как зависимость», «книга как источник получения удовольствия», однако, в отличие от алкоголизма или наркомании, не вызывает отрицательных коннотаций.

Эстетический принцип номинации связан с намерением номинатора сделать название не столько информативным, сколько эстетически привлекательным, что выражается в стремлении к благозвучности, использованию слов с ярко выраженными положительными коннотациями: *Вошебный мир*, *Доброе слово*; *Adventures In Literature* (*Приключения в литературе*), *Amazing Books* (*Удивительные книги*), *Spellbound Children's Bookshop* (*Зачарованный детский книжный магазин*), *Where Magic Happens* (*Где происходит волшебство*), *The Clandestine Library* (*Тайная библиотека*) и др.

Часто подобные названия направлены на повышение социального статуса потребителя, указывают на его избранность: *Диамант*, *Изумруд*, *Книжная*

находка, *Parimet*, *Элита*; *Literary Delights* (Литературные *изыски*), *Books A Million* (Книги на миллион), *The Reader's Spoils* (Читательские *трофеи*) и др.

В некоторых случаях используется **развлекательный принцип** номинации. Креативность таких названий проявляется в их ярком игровом характере, основанном на нарушении логических связей в словосочетании: *Книжный Барс* (вместо *снежный*), *Переплётные птицы* (вместо *перелётные*); *The Flying Pig Bookstore* (Летающая свинья), *Four-Eyed Frog Books* (Четырехглазая лягушка), *Reading Reptile* (Читающая рептилия), *The Well-read Moose Bookshop* (Начитанный лось) и др.

Созданию креативных наименований книжных магазинов способствуют некоторые приемы вторичной номинации.

Функциональная транспозиция фразеологизма. В ходе онимизации фразеологизмы сохраняют свой переносный, метафорический смысл. В названии *От а до я* семантика фразеологизма ('от начала до конца; все целиком') выступает в роли образной характеристики магазина и придает названию яркую эмоциональную окраску. Устойчивое терминологическое выражение. Порядок слов воспринимается буквально: в книге все слова стоят в определенном порядке, чтобы произведение имело смысл. *Once Upon A Book* (Однажды в книге) – от *once upon a time* (однажды), с этой фразы начинаются англоязычные сказки, *A Book by it's Cover* (Книга по обложке) – от выражения (*не*) *судить книгу по обложке*.

Использование формы **повелительного наклонения** позволяет реализовать прагматические интенции номинатора в форме призыва: *Пиши-читай*, *Узнай-ка*, *Читай-город*; *Discover Books* (**Откройте** для себя книги), *Read More Books* (**Читайте** больше книг), *Turn The Page* (**Переверните** страницу), *Read Between the Lines* (**Читайте** между строк), *Read and Return* (**Прочтите и верните**), *Let's Get Lost in the Pages* (**Давайте заблудимся** на страницах), *Read or Die Bookstore* (**Прочти или умри**), *Bookmark The World* (**Добавьте** в закладки мир) и др.

Использование в качестве названия книжного магазина **законченного предложения** более характерно для США, это позволяет вовлечь потенциального потребителя в диалог и тем самым вызвать у него живой интерес: *Все свободны*, *Читать модно*, *Я люблю читать*; *I Love Books* (Я люблю книги), *Books Are Us* (Книги – это мы), *Hooray for Books!* (Ура книгам!), *There's A Book For That!* (Для этого есть книга!), *Your Books or Mine?* (Ваши книги или мои?) и др.

Отличительной особенностью русскоязычных названий является использование диминутивов и сложных слов.

Диминутивы, как правило, являются названиями книжных магазинов для детей: *Азбукварик*, *Букваренок*, *Букварик*, *Буквоежка*, *Читарик*, *Родничок*, *Книжица*.

Мотивирующей основой для абсолютного большинства названий, представленных **сложными словами**, выступают основы *книг-(а)* и *букв-(а)*, что позволяет покупателям по названию магазина определить его специфику: *Книгоград*, *Книголенд*, *Книгомания*, *Книгомир*, *Звенибуква* (от слов *Звенигород*

и буква); *Буквоед*Ø, *Книговоз*Ø, *Книголюб*Ø, *Книгочей*Ø; *Букбери*, *Лидеркниг*. Название *Букбери* образовано путем сращения слов *бук* (англ. *book* ‘книга’) и формы повелительного наклонения глагола *брать*, т. е. дословно – ‘бери книгу’. Кроме того, название созвучно наименованиям ягод в английском языке (*blueberry* – голубика, *blackberry* – ежевика, *cranberry* – клюква, *raspberry* – малина, *strawberry* – клубника и др.), что содействует возникновению положительных ассоциаций у покупателей.

Таким образом, выбранная сфера онимов демонстрирует разнообразие возможностей для креативной номинации. Анализ показал, что в основе названий книжных магазинов как в России, так и в США лежат одинаковые принципы и приемы. Тем не менее, для американских названий более характерен ассоциативно-концептуальный принцип номинации, а также использование многословных названий и законченных предложений. Русскоязычные названия, как правило, однословны и информативны. Их особенностью является использование диминутивов и сложных слов.

Список использованной литературы

1. Замалетдинова, Л. Р. Современные русские урбанонимы в аспекте креативной речевой деятельности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л. Р. Замалетдинова; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2016. – 25 с.

О. Б. Переход (г. Брест, Республика Беларусь)

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИНФОРМИРОВАНИЯ И САМОПРЕЗЕНТАЦИИ И РЕАЛИЗУЮЩИЕ ИХ ТАКТИКИ В ГЕМЕРОНИМИИ БРЕСТСКОЙ, ГРОДНЕНСКОЙ И ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

Гемеронимы (номинации печатных и сетевых изданий, электронных СМИ, теле-, радиопередач) включены в коммуникативное пространство медиаоргана и ориентированы на внешнее коммуникативное пространство. Они представляют собой номинативную дескрипцию, описательное утверждение, сообщение, в значительной степени выражающее коммуникативную стратегию адресанта сообщения, его ценности, идеологические установки, т. е. миссию, направленную на получателя информации. Специфика коммуникативной ситуации, формируемой наименованием, заключается в том, что она ограничена одним сообщением, преимущественно констативом, реализуемым на постоянной основе [1].

Каждой коммуникативной ситуации соответствует своя стратегия. Стратегия номинации – это осознание условий, в которых происходит присвоение имени собственного в целом, определение направления развития и организация воздействия в интересах достижения цели [2]. Тактика номинации (далее Т.) – это способ/прием реализации стратегии.

Анализ имен собственных – печатных, электронных, теле- и радиониминаций западных и южных областей Беларуси (Брестской, Гродненской и Гомельской) – позволил установить ряд коммуникативных стратегий, актуальных при

создании номинативных версий: стратегии информирования, самопрезентации, определения целевой аудитории, эмоционально-чувственного воздействия.

Одной из ведущих является **стратегия информирования**. Она заключается в том, что именуемый субъект посредством искусственных номинаций передает целевой аудитории информацию об именуемом объекте: сущностное содержание контента, место дислокации, время, информационную тематику. Репрезентантом стратегии является лексика, в том числе онимическая, в значении или внутренней форме которой содержится информативный компонент (медийный, локативный, темпоральный, тематический). Языковыми средствами выражения медийности в гемеронимах выступает широкий круг слов с информативной семантикой: *навіны, веснік, новости, курьер, правда, газета, голос, события, репортаж*, заимствованные медийные элементы *инфо-, информ, пресс, media, news, радио*, аббревиатуры *ТВ, TV, FM, ФМ* (обиходное обозначение радиовещательного поддиапазона). Стратегия реализуется с помощью ряда коммуникативных тактик.

Т. 1 Указание на медийный (информационный) характер именуемого объекта: «Кобрынскі веснік», «Бераставіцкая газета»; «Гомельская праўда», «Голас Веткаўшчыны», «Интекс-пресс», «Калінкавіцкія навіны»; телекомпания «Буг Информ», УП «Лидское телерадиообъединение», телепрограмма «НОВО-ТВ», телеканал «Речица ТВ»; «*media-polesye.by*», «Брест. Сити Новости Бреста и Брестской области», «Кобрин-информ»; «*lidanews.by*», «Гомель. Сильные новости»; «Нелли-Инфо» (Мозырь), «Правда радио» (Светлогорск); «Телеприемная», «Телемаркет» (ТРК «Брест»), «Специальный репортаж» (ТРК «Пинск») и др. Тактика отражает сущностную характеристику СМИ, специфику деятельности медиаоргана.

Т. 2 Указание на местоположение (локацию) именуемого объекта: «Заря над Бугом», «Янаўскі край», «Навіны Камянеччыны»; «Гродзенская праўда», «Слоні́мскі веснік», «Астравецкая праўда», «Бераставіцкая газета»; «Гомельская праўда», «Маяк Палесся», «Голас Веткаўшчыны», «Добрушскі край»; радио «Брест», «Барановичи FM»; радиостанция «Гродно», «Гомельское городское радио», радиостанция «Гомель+» и др.; КИУП «Телекомпания “Пинск”», ТК «Буг ТВ» и др. В гемерониме закрепляется местонахождение адресанта (медийного органа), подчеркивается региональность, привязанность к территории. Цель тактики – определить и сохранить основной контингент потребителей данной информационной продукции. Языковые средства выражения: существительные-локативы общей семантики (*край, город*), астионимы и хоронимы (*Брест, Гродно, Гомель, Полесье* и др.) и производные от них (*Камянеччына, Веткаўшчына, Бераставіцкая, Брестский, Лидское, Кобрынскі* и др.), астионимы-сокращения (телепрограмма «НОВО-ТВ», где *Ново* – сокращение от Новогрудок), гидронимы (*Буг, Сож, Нёман, Нірэя* – древнее название *Сожа*); паралингвистическое средство – телефонный код региона («152.by», где 152 – код г. Гродно).

Т. 3 Указание на временные параметры именуемого объекта.

В медианоминациях демонстрируется временная специфика изданий, информирующих о преходящей сущности явлений, динамике изменений, обусловленных социокультурной спецификой человеческого существования: «Главное за неделю», «Утренний эспрессо» (ТРК «Брест»), «Бодрое утро!», «Лучший день», «Еще не вечер» («Барановичи FM»), «Первое утреннее шоу», «Будни – это легко» (радио «Брест»); «Дзянніца» (денница – утренняя звезда), «Сезон удачи» (ТРК «Гродно»), «Дневной розыгрыш» («Лидер FM»); «Наши радиобудни» («Гомельское городское радио»), радио «Ранак», «Вековой рубеж», «Хроника победы» (ТРК «Гомель»). Языковыми средствами выражения времени в гемеронимах является широкий круг слов с темпоральной семантикой (выделены жирным курсивом). Наблюдается объединение двух тактик Т. 2 и Т. 3, формирующих региональный хронотоп, таким образом, «ономастикон регионального медиополя бытует в пространстве и времени»: «Вечерний Брест», «The Baranovich Times» (городская информационная газета на английском языке), «Вечерний Гродно» и др.

Т. 4 Обозначение тематики печатных изданий, телерадиопередач.

Коммуникативная тактика обусловлена иллюкутивными намерениями номинаторов и взаимодействием в процессе создания имени собственного совокупного автора и субъекта коммуникации (целевой аудитории). Наблюдается дифференциация номинаций в зависимости от жанра продукции и интересов читательской и зрительской аудитории. Среди исследованных медианоминаций выделено 25 тематических сфер (новости, культура, здоровье, спорт, автодело, религия, музыка, бизнес, погода, астрология, юмор и др.), например: «культура»: «День в музее» (ТРК «Гродно плюс»), «Русские традиции» («Гомельское городское радио»), «Улицы и достопримечательности Гомеля» (сетевое СМИ) и др.; «здоровье»: журнал «Целитель» (Гродно), газета «Навигатор здоровья»; телепередачи «Инсульт. Скрытая опасность?!», «Просто о здоровье» (ТРК «Гродно»); «Радиотерапия» («Нелли-Инфо», Мозырь), «Диалог о здоровье» (ТРК «Гомель») и др.; «кулинария»: «Вкусное утро» (ТК «Варяг», Пинск), «Смак папараці» (ТК «Интекс», Барановичи), «Сладкий пирог» (ТК «Речица ТВ»), «Звездная кухня» (ТК «Нюанс», Жлобин), «Нормальный борщ» («Нелли-инфо», Мозырь) и др.

Не менее значимой в номинациях СМИ видится стратегия самопрезентации, которая заключается в направленности коммуникативного акта на создание благоприятного впечатления о себе у адресата, это своего рода стратегия управления впечатлением [3]. Для реализации указанной стратегии используются следующие коммуникативные тактики:

Т. 1 Апелляция к авторитету. Заключается в апелляции к личности, названной общим референтным именем, представляющей интерес и являющейся авторитетной с точки зрения адресанта в каком-либо плане («Гость студии» (ТРК «Брест»), «Постаці», «Портреты» (ТРК «Гомель»), «Ветеран труда», «Человек дела» «Гомель ТВ») «Люди» (радио «Ранак», Светлогорск), «Званный гость» («Лидское телерадиообъединение»), «Звездный бренд» («Свое радио 106,1 FM», ТК «Варяг», Пинск), «Биография кумиров» («Гомель ТВ»));

в обращении к имени известного человека («Шаги к Победе. Зинаида Судакова», «Стихи. Ирина Степаненко», «Портрет. Бондаренко. 2016», «Звездная кухня. Александр Гаврик»); к популярным ведущим телерадиопрограмм («Спорт с Евгением Монарховичем», «Добрый день с Татьяной Ушаковой», «Доброе утро с Катей Календо» («Гомель FM») и др.). Делается ставка на «эффект имени».

Т. 2 Формирование положительной оценки, имиджа медиаоргана/медиапродукции осуществляется через присвоение оценочных значений: «**Объективно**», «**Интересный факт**», радиопередачи «**Лёгкое падарожжа**», «**Честная игра**», «**Модный город**», «**Нормальный борщ**», «**Здоровый интерес**», «**Познавательный Забиран**», «**Свежая идея**», «**Клуб Суперкниги**», «Гомель. **Сильные новости**» – интернет газета, «**Барановичи: Энциклопедия брендов**», «**Верхние строчки мировых хит-парадов**», «**Вот это кадр!**» и др. Положительная оценка формируется за счет использования оценочных прилагательных и существительных в составе имени собственного. Наиболее продуктивна данная тактика в номинациях теле- и радиопередач.

Т. 3 Использование имени собственного. Суть тактики заключается в использовании в номинации прецедентного имени собственного («**Iwie. Małe Jerusalem/Ивье. Малый Иерусалим**»), «**По заветам Баха**» («Гомельское городское радио»), «**Гародня**» – региональный портал. В этой функции употребляются в составе нескольких номинаций прецедентные гидронимы **Буг** («**Заря над Бугом**»), **Нёман** («**Зара над Нёманам**») – зона пересечения с тактикой «указание на местоположение (локацию) именуемого объекта».

Т. 4 Использование количественных параметров (количество, объем, скорость, очередность, процент и др.) для повышения имиджа именуемого объекта. Цель тактики – воздействие на выбор потенциальным потребителем в пользу печатной или медиапродукции путем апеллирования к сведениям о количестве предлагаемых услуг или информации, их важности, объеме в единицу времени: «**Царство сканвордов**», «**Мир интересов**», региональная деловая газета «**100 %**» (Гомель), «**500 песен**» (радио «**Лидер FM**»), «**100 причин, почему я люблю Беларусь**» (ТРК «Гомель»), «**Неделя за 60 секунд**» (ТК «**Интекс**»), «**Хиты первой линии**», «**Всё кино**» («**Лидер FM**») и др. Языковые репрезентанты – номинации с компонентами-нумеративами: числительные, количественно-именные словосочетания, существительные с неопределенно-количественным значением, неопределенные местоимения (все, всё).

Т. 5 Выгода для адресата медиапродукции. Номинации подчеркивают пользу или выгоду для адресата и презентуют, делают более привлекательной медиапродукцию путем использования положительно маркированной лексики: газета «**Копейка**», «**Суперсканворд**», «**Просто вкусно**», «**Радиотерапия**», «**Пенсия Плюс**», «**Бонус-трек**», «**С пользой для дел**».

Таким образом, использование определенной коммуникативной стратегии или тактики в процессе искусственной номинации СМИ обусловлено рядом факторов: спецификой именуемого СМИ, мотивами, намерениями, коммуни-

кативным опытом, языковым вкусом номинатора, с одной стороны, и интересами, потребностями, ценностями пользователя медиапродукции, с другой стороны.

Список использованной литературы

1. Шилей, Е. В. Наименование организации как стратегическое сообщение [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Шилей / Минск. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2019. – 24 с.. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.by/view/>. – Дата доступа: 22.01.2022.

2. Коммуникативные стратегии и тактики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studopedia.net/6_107632_kommunikativnie-strategiy-differentsiatsii.html. – Дата доступа. – 20.01.2022.

3. Волошина, С. В. Коммуникативная стратегия самопрезентации в автобиографическом дискурсе [Электронный ресурс] / С. В. Волошина. – Режим доступа: samoprezentatsii-v-avtobiograficheskom-diskurse/viewer. – Дата доступа: 20.01.2022.

Т. У. Скрабнёва (г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь)

КІРУНКІ РАЗВІЦЦЯ КАНЦЭПЦЫІ АСАБОВАГА ІМЯ НА СУЧАСНЫМ ЭТАПЕ

Канцэпцыя асабовага імя – гэта сістэма поглядаў на асабовыя імёны, якая вызначае стратэгію дзеянняў у практыцы намінацыі і трансфармуецца пад уплывам сацыяльнага кантэксту. Актуальнасць яе даследавання абумоўлена неабходнасцю асэнсаваць, як уздзеіваюць сучасныя грамадскія і культурныя працэсы на актуальную і патэнцыйную антрапанімію.

У дакладзе мы ставім мэтай акрэсліць асноўныя кірункі развіцця канцэпцыі асабовага імя ў пачатку XXI ст. Безумоўна, пытанне яшчэ чакае дасканалы вывучэння, прыведзеныя папярэднія вынікі грунтоўца на матэрыялах анкетавання 177 рэспандэнтаў, праведзенага ў студзені 2021 г., даследаванні дынамікі антрапанімікону Віцебшчыны ў 2-й палове XX – пачатку XXI ст., а таксама на анамастычных фактах, апісаных у навуковай літаратуры.

Разгляд антрапаніміі як дынамічнай сістэмы немагчымы без характарыстыкі асноўных этапаў яе эвалюцыі. Пытанні перыядызацыі антрапаніміі распрацоўваліся У. А. Ніканавым, А. В. Суперанскай і Г. У. Суславай, В. Д. Бандалетавым, А. Варфаламеевым і інш. Шырока распаўсюджанай была перыядызацыя іменаў, прапанаваная ў кнізе «Аб рускіх імёнах» А. В. Суперанскай і Г. У. Суславай. Гісторыя асабовых найменняў падзяляецца там на тры этапы: дахрысціянскі, перыяд пасля ўвядзення хрысціянства на Русі і так званы «новы этап», які распачаўся пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. [1, с. 41] Кожнаму з гэтых перыядаў адпавядае свая канцэпцыя асабовага імя. У дахрысціянскія часы імя асэнсоўвалася як неад’емная частка чалавека, магло паказваць на асаблівасці характару і паводзін дзіцяці (*Бессон, Забава, Молчан, Неулыба*), час яго нараджэння (*Вешняк, Зима, Мороз*), выконваць апатрапеічную функцыю (*Немил, Нелюба, Старой*), адлюстроўваць татэмістычныя ўяўленні

славян (*Волк, Кот, Щавей, Пырей*) і інш. Пасля ўвядзення хрысціянства ў X ст. у намінацьную практыку ўвайшлі каляндарныя імёны з грэчаскай, лацінскай, старажытнаўрэйскай і іншых моў, незразумелыя і чужыя людзям; «барацьба» славянскіх імёнаў з хрысціянскімі працягвалася да XVII ст. Большая частка насельніцтва і пасля абраду хрышчэння выкарыстоўвала звыклія паганскія антрапанімы. У пісьмовых помніках Віцебшчыны XVI – пач. XVII ст., па даных В. М. Ляшкевіч, найбольш ужывальнымі язычніцкімі імёнамі, якія захоўваліся і ў складзе формулы называння ў якасці імён па бацьку, былі *Hanczar, Kowal, Koryta, Krawiec, Piechonka, Wolk, Wisloych, Zub, Boroda, Сорока, Чижь, Полякъ* і інш. [2, с. 66]. Да пачатку XVIII ст. хрысціянізацыя іменніка завяршылася, перыяд панавання кананічных імёнаў працягваўся да Кастрычніцкага перавароту. Апошні стымуляваў новыя тэндэнцыі ў развіцці антрапанімікону: пашырэнне рэпертуару жаночых найменняў і запазычанняў, імятворчую актыўнасць (так званы «антрапанімічны выбух»). Рэгістрацыяй нованароджаных сталі займацца загсы, царкоўныя абмежаванні на выбар імя былі знятыя, антрапанімічная сітуацыя ў краіне ў першыя паслярэвалюцыйныя гады практычна не кантралявалася. Савецкі перыяд у развіцці антрапанімікону А. Варфаламееў падзяліў на два этапы: 1) стыхійна-рэкамендацыйны (1917 – 30-я гг. XX ст.); 2) дзяржаўна-бюракратычная рэгламентацыя выбару імёнаў (да 90-х гг. XX ст.) [3, с. 199–200].

Постсавецкі перыяд адзначаўся зменамі ў канцэпцыі асабовага імя. Актыўнымі працэсамі дынамікі рэгіянальных антрапаніміконаў, у прыватнасці на Віцебшчыне, напрыканцы XX ст. былі наступныя: колькасны рост запазычаных, аказіянальных, старажытнарускіх (некаляндарных) імёнаў; з’яўленне новых жаночых адпаведнікаў традыцыйным мужчынскім імёнам; рэстаўрацыя кананічных імёнаў, якія выйшлі з ужытку, і іх рэдкіх мадыфікатаў (смаленскі даследчык І. В. Данілава ў дачыненні да апошняй тэндэнцыі выкарыстоўвае паняцце «новая хрысціянізацыя» антрапанімікону). Прааналізаваўшы намінацьную практыку ў Віцебску на працягу 70-ці гадоў (1941–44 – 2010 гг.), мы прыйшлі да высновы, што новым напрамкам развіцця іменніка ў канцы XX – пачатку XXI ст. стаў брэндывг, галоўная прыкмета якога – павышаная ўвага моўнага калектыву да рэсурсаў антрапанімнай перыферыі.

Сацыякультурныя змены ў XXI ст. натуральна адбіліся на развіцці антрапанімікону. Пачынаючы з двухтысячных гадоў, спачатку на Захадзе, а пасля і ў постсавецкіх краінах істотная ўвага пачынае надавацца эмбрыянальнаму этапу развіцця чалавека. На новы ўзровень выходзіць развіццё дапаможных рэпрадуктыўных тэхналогій. З’яўляюцца ініцыятыўныя групы падтрымкі цяжарных жанчын, якія знаходзяцца на мяжы абарту, а таксама бацькоў, якія перажылі страту цяжарнасці. Адным з найважнейшых у міжнародным праве становіцца пытанне пра статус эмбрыёна: выступае ён суб’ектам праваадносін, прыраўнаваным да чалавека (і з якога перыяду унутрычэраўнага развіцця), альбо аб’ектам права як частка мацярынскага арганізма. Артыкул 24 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь абвясчае: «Кожны мае

права на жыццё. Дзяржава абараняе жыццё чалавека ад любых супрацьпраўных замахаў», – але праваздольнасць грамадзяніна прызнаецца толькі з моманту нараджэння (арт. 16 Грамадзянскага Кодэкса Рэспублікі Беларусь). Такім чынам, узнікненне новага жыцця як біялагічнага факту і момант атрымання ім шэрагу юрыдычных правоў не супадаюць. Права на імя ўзнікае ў кожнай фізічнай асобы з моманту нараджэння і рэалізуецца шляхам занясення дадзеных у запіс акта аб нараджэнні (ст. 69 ч. 2 Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб шлюбе і сям’і, арт. 18 Грамадзянскага Кодэкса Рэспублікі Беларусь).

Праведзенае намі анкетаванне 177 рэспандэнтаў, пераважна гарадскіх жыхароў (90,4 %) жаночага полу (94,9 %) розных узростаў (ад 1961 да 1999 года нараджэння), утрымлівала сярод іншых пытанне: *«На якім тэрміне цяжарнасці Вы падрыхтавалі імя для свайго першынца?»*

Адказы размеркаваліся наступным чынам:

– імя для дзіцяці было падрыхтавана яшчэ да наступлення цяжарнасці – **13,5 %**;

– у 1-м трыместры цяжарнасці (1–13 тыдняў) – **16,4 %**;

– у 2-м трыместры цяжарнасці (14–27 тыдняў) – **19,2 %**;

– у 3-м трыместры (пасля 27 тыдняў) – **26,6 %**;

– я не рыхтаваў(-ла) імя загадзя, а выбіраў(-ла) пасля нараджэння дзіцяці – **24,3 %**.

Відавочна, што асноўная частка апытаных (**75,7 %**) фактычна ажыццяўляла выбар імя да нараджэння дзіцяці, а не пасля яго.

123 рэспандэнты (**69,5 %**) адказамі на пытанне *«Пасля нараджэння дзіця/дзяцей Вы выкарыстоўвалі загадзя падрыхтаванае імя ці іншае? Калі іншае, растлумачце чаму»* сцвердзілі, што выкарыстоўвалі загадзя падрыхтаванае асабовае імя.

117 апытаных выходзяць у сям’і некалькі дзяцей, **78** з іх (**66,6 %**) выбіралі імя другому і наступным дзецям у той жа тэрмін, як і першыincu.

Сярод прычын, па якіх патэнцыйнае імя дзіцяці не супала з актуальным, прысвоеным пасля нараджэння, былі названы наступныя:

– *«таму што імя не падышло», «не падышло па знешнасці»;*

– *«загадзя падрыхтаванае імя не спадабалася мужу»* (у якасці аўтарытэтных асоб, чыё меркаванне паўплывала на намінацыюны выбар, зафіксаваны таксама акушэрка, бабуля, свякроў);

– *«вырашылі назваць па царкоўным календары», «дача нарадзілася ў дзень свята іконы Казанскай Божай Маці, таму назвалі Марыя»;*

– *«змяніліся перавагі», «імя перастала падабацца», «здалося, што загадзя назвала спантанна», «проста перадумалі»;*

– *«дзіця назвалі і мяне не спыталі»* (маюцца на ўвазе сваякі);

– *«было некалькі варыянтаў, выбралі адзін з іх».*

Несупадзенне юрыдычна замацаванага імя з меркаваным абумоўлена сацыялінгвістычнымі фактарамі (уздзеяннем на бацькоў аўтарытэтных для іх людзей, рэлігійным уплывам, уласным эстэтычным густам, персанальнымі ўяўленнямі пра адпаведнасць імя знешнім характарыстыкам нованароджанага).

У такім выпадку патэнцыйны антрапонім выконвае своеасаблівую функцыю часовага «ўнутрычэраўнага» імя.

Паказальныя для цяперашняга часу ўнікальныя сацыянамастычныя дадзеныя прадстаўлены ў даследаванні Лінды Лэйн (Linda Layne) «Тваё дзіця заслугоўвае мець імя» [4, с. 32–50]. Яно грунтуецца на вывучэнні дзейнасці арганізацый, якія аказваюць дапамогу бацькам, страціўшым цяжарнасць. Аўтар падкрэслівае, што прысваенне імёнаў адбываецца на працягу цяжарнасці, пасля нараджэння і пасля смерці / трагічнага завяршэння цяжарнасці. У прыватнасці, задакументаваныя (у выглядзе лістоў) выпадкі, калі дзіця было названа праз шэсць месяцаў пасля яго страты, а максімальна – нават праз 10 гадоў. Некаторыя ўдзельнікі груп падтрымкі сцвярджалі, што надавалі імя падчас анэмбрыянальнай цяжарнасці (blighted ovum, «сапсаваная» яйцаклетка). Істотная колькасць страты цяжарнасцяў адбываецца на ранніх тэрмінах, калі пол малога яшчэ не дыягнаставаны. Тады імя выбіраецца гендэрна-нейтральнае (напрыклад, *Robin, Sammy*) ці ў залежнасці ад унутранага інтуітыўнага адчування бацькоў. На жаль, аб'ём дакладу не дазваляе спыніцца на гэтых пытаннях дэталёва, зазначым толькі, што іх спектр у даследаванні Л. Лэйн шырокі: прысвоіць ненароджанаму дзіцяці падрыхтаванае імя ці захаваць яго на будучыню для іншых дзяцей, семантыка імёнаў (у тлумачэнні бацькоў) і іх выкарыстанне ў паўсядзённым маўленні, найменне акардыяльных блізнят і інш.

З 88 рэспандэнтак, якія перажылі вопыт страты цяжарнасці, толькі адна паведаміла, што ўжывае падрыхтаванае для малыша імя ў побытавых сітуацыях, у асяродку сям'і і блізкіх людзей. Безумоўна, гэта надта далікатная праблематыка, але ігнараваць яе немагчыма.

Несупадзенне біялагічнага і «сацыяльнага» нараджэння чалавека дае падставы меркаваць, што адным з кірункаў развіцця тэорыі асабовага імя на сучасным этапе будзе выяўленне ўзаемасувязі патэнцыйнага імя, як правіла, выбіраемага да нараджэння дзіцяці, і імя рэальнага, юрыдычна зафіксаванага.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Сулова, А. В. О русских именах / А. В. Сулова, А. В. Суперанская. – 2-е изд. – Л. : Лениздат, 1985. – 222 с.
2. Мезенка, Г. М. Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць : манаграфія / Г. М. Мезенка, В. М. Ляшкевіч, Г. К. Семянькова. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2006. – 238 с.
3. Варфоломеев, А. В. Имена калининградцев вчера и сегодня / А. В. Варфоломеев // Балт. филол. курьер. – 2000. – № 1. – С. 194–206.
4. Layne, L. Your Child Deserves a Name: Possessive Individualism and the Politics of Memory in Pregnancy Loss / L. Layne // The Anthropology of Names and Naming / Gabriele Vom Bruck, Barbara Bodenhorn. – Cambridge University Press, 2006. – 290 p.

Н. Р. Якубук (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

**НАЗВЫ ЛІНЕЙНЫХ АБ'ЕКТАЎ Г. БРЭСТА
ЯК РЭПРЭЗЕНТАНТЫ КОДАЎ КУЛЬТУРЫ**

Найменні геаграфічных аб'ектаў як частка моўнай прасторы фарміруюць асаблівы фрагмент моўнай карціны свету, у якой спецыфічным чынам адбіваюцца светабачанне і светаразуменне народа, яго гісторыя і культура. Для разумення моўнай прасторы неабходна шматбаковае веданне спецыфікі ўсіх яе элементаў. Таму цалкам відавочна, што неабходнасць даследавання рэгіянальнага матэрыялу, у тым ліку анамастычнага, працягвае заставацца актуальнай задачай лінгвістыкі, у прыватнасці тапанімікі.

Тапонімы, з'яўляючыся словамі натуральнай мовы, выступаючы як універсальная мова культуры, у большасці выпадкаў адсылаюць да канкрэтных культурных рэалій, якія ў сваю чаргу ўтвараюць спецыфічныя «мовы» культуры – коды. У гэтым аспекце ўрбанонімы канкрэтнага населенага пункта ўяўляюць сабой спосаб моўнага ўвасаблення разнастайных кодаў культуры, выступаюць захавальнікамі і эксплікатарамі культурнага зместу, што дазваляе аднавіць цэласную карціну ментальнай сферы носьбітаў тапонімаў і вызначыць спецыфіку ўрбаноніма як фрагмента моўнай карціны свету.

Аналіз фактычнага матэрыялу дазволіў устанавіць комплекс кодаў культуры, аб'ектывацыі якіх служаць назвы лінейных аб'ектаў г. Брэста: тапаморфны, антрапаморфны, ландшафтны, сацыяльна-ідэалагічны, эмацыянальна-характаралагічны, часавы, фларыстычны, фаўністычны. Падрабязна тапаморфны і антрапаморфны коды былі разгледжаны намі ў папярэдніх даследаваннях [1; 2]. У артыкуле спынімся на характарыстыцы астатніх.

Ландшафтны код культуры рэалізуецца ў сістэме назваў, якія заключаюць у сабе ўказанне на лакалізацыю аб'екта каля адпаведных ландшафтных рэалій, і звязаны з уяўленнямі чалавека пра акаляючыя яго геаграфічныя аб'екты. У асновах урбанонімаў, што служаць эксплікацыі данага кода культуры, звычайна фіксуюцца геаграфічныя тэрміны, якія называюць розныя асаблівасці ландшафту. Колькасць і характар геаграфічнай тэрміналогіі, што служыць базай для фарміравання такіх назваў, залежаць як ад прыродных умоў, так і ад «тапанімічнага мыслення» насельніцтва. Народ ніколі не называў аб'екты, што знаходзяцца навокал, выпадкова. Тапонімы ўзнікаюць у пэўных гістарычных умовах і адлюстроўваюць розныя бакі жыцця і дзейнасці чалавека.

Ландшафтныя тапонімы, як выразнікі адпаведнага кода культуры, маюць пэўныя асаблівасці: валодаюць высокай інфармацыйнай насычанасцю, таму што адлюстроўваюць асаблівасці рэгіянальнага ландшафту, якія вызначаюць лад жыцця насельніцтва рэгіёна, светабачанне і светаўспрыманне, а значыць, адлюстроўваюць асаблівасці матэрыяльнай і духоўнай культуры народа; разам з намінацыйнай выконваюць указальную функцыю (не толькі называюць, але і ўказваюць на сукупнасць геаграфічных прыкмет аб'екта); вылучаюць

ландшафтны аб'ект як своеасаблівы цэнтр арыентацыі чалавека ў акаляючай прасторы.

У залежнасці ад віду аб'екта, які вылучаецца ў ландшафце і адносна якога развіваецца тапанімізацыя, урбананімы г. Брэста, што рэпрэзентуюць ландшафтны код, можна падзяліць на групы.

У сістэме ўрбананіміі г. Брэста намі выяўлены найменні, сфарміраваныя на базе назваў гідраграфічных і араграфічных аб'ектаў, якія апісваюць месцазнаходжанне ўнутрыгарадскога аб'екта адносна прыродных аб'ектаў: *вул. Азёрная, Баравая, Берагавая, Гаёвая, Запрудная, Зарэчная, Кар'ерная, Крынічная, Лугавая, Лясная, Набярэжная, Паркавая, Прыазёрная, Рачная, Чыстапрудная.*

Таксама да найменняў, што рэпрэзентуюць ландшафтны код культуры, аднесены ўрбананімы, матываваныя назвамі частак гарызонту: *вул. Заходняя, 1-ы–2-і Заходні тупік, вул. Паўднёвая, Паўночная, Усходняя.*

Ландшафтны код культуры знаходзіць рэалізацыю ў назвах, якія характарызуюць унутрыгарадскі аб'ект з пункту гледжання памеру, канфігурацыі, фізіка-геаграфічных асаблівасцей узнікнення (ступені забудовы, прасторавых параметраў, характарыстыкі глебы і інш.): *вул. Абхадная, Вуглавая, Вузкая, Высокая, Глінная, Далёкая, Кальцавая, Каменная, Кароткая, Касая, Ключавая, Крайняя, Кругавая, Ландшафтная, Лінейная, Малая, Межавая, Нізкі зав., вул. Памежная, Прасторная, Прахадная, Пясчаная, Радыяльная, Сярэдняя, Тарфяная, Цэнтральная, Шырокая.*

Выразнікамі сацыяльна-ідэалагічнага кода культуры «з'яўляюцца ўнутрыгарадскія назвы, асновай намінацыі якіх сталі сімвалы эпохі, характарыстыка з боку сацыяльнай прыналежнасці асоб як прадстаўнікоў пэўнай супольнасці людзей» [3, с. 98]. Сацыяльна-ідэалагічны код культуры ў г. Брэсце эксплікуецца назвамі лінейных аб'ектаў, матываванымі найменнямі асоб, што прадстаўляюць пэўную супольнасць па прафесіі, занятку, роду дзейнасці насельніцтва (*вул. Абаронцаў Айчыны, Аўтааматараў, Аўтамабілістаў, Воінаў-інтэрнацыяналістаў, Герояў абароны Брэскай крэпасці, Дзекабрыстаў, Дэсантнікаў, Домабудаўнікоў, Інжынерная, бульвар Касманаўтаў, вул. Настаўніцкая, Савецкіх пагранічнікаў, Студэнцкі зав., вул. Энергетыкаў*); гадонімамі, асновай намінацыі якіх сталі сімвалы сацыялістычнай эпохі (*вул. Камсамольская, Камуністычная, Кааператыўная, Маладагвардзейская, Піянерская, Пралетарская, Савецкая, Савецкай Канстытуцыі*), назвы арганізацый (*вул. МОПРа – Міжнародная арганізацыя дапамогі змагарам рэвалюцыі, РУПС – Раённы вузел паштовай сувязі*), назвы ваеннай тэматыкі (роду войскаў, злучэнняў): *вул. Брэсцкіх дывізій, Вайсковая, Чырвонаармейская, Чырвонагвардзейская, Чырванафлоцкая, Стралковы зав.*). Гэтыя ўрбананімы ў асноўным маюць сімвалічны характар.

Гадоміны, якія прадстаўляюць эмацыянальна-характаралагічны код культуры, «з'яўляюцца вынікам метафарычнага асэнсавання ўнутраных адрозных прыкмет вуліцы, завулка і адлюстроўваюць сувязь унутрыгарадскога лінейнага аб'екта з эмацыянальным уздзеяннем, якое лінейныя аб'екты

выклікаюць асаблівасцямі і ўласцівасцямі сваіх дэталеў» [4, с. 107–108]. Выразнікамі данага кода культуры ва ўрбананіміі нашага горада з’яўляюцца эмацыйна-характаралагічныя назвы: *вул. Адраджэння, Вольная, Вясёлая, Добрая, Дружная, Запаветная, Звонкая, Казачная, Крыштальная, Лірычная, Малахітавая, Мірная, Надзеі, Прамяністая, Радасная, Сардэчная, Спакойная, Сяброўская.*

Да гэтага тыпу намі аднесены таксама гадонімы, матываваныя назвамі месяцаў, пор года, часу сутак і прыродных з’яў (вул. *Жнівеньская, Ліпеньская, Кастрычніцкая; вул. Восеньская, Вясновая, Зімовая, Летняя; вул. Вячэрняя, Зоркавая, Ранішняя, Світанкавая, Снежная*), і найменні, якія маюць у сваім складзе словы са значэннем колеру (вул. *Алая, Блакітная, Зялёная, Изумрудная, Ліловая, Ружовая, Чырвоная, Шэрая, Шафранавая*). Трэба адзначыць, што некаторыя навукоўцы вылучаюць як асобны колеравы культурны код, які рэалізуецца ў найменнях унутрыгарадскіх аб’ектаў, метафарычна суадносных з назвамі колеру.

Часавы код культуры, які праяўляецца ў адносінах чалавека да часу, не знайшоў шырокага ўвасаблення ва ўрбананіміі г. Брэста. Да эксплікатараў данага кода намі аднесены назвы, якія прыблізна ўказваюць на час з’яўлення ўнутрыгарадскога аб’екта: вул. *Новая, Новая Аркадзія, Старадарожная, Старажытная, Старазадворскі зав.* Гэта могуць быць найменні бінарнай апазіцыі *нов-/стар-*: вул. *Навасельская/Старасельская, Новазадворская/Старазадворская.*

Парадкавы нумар акрамя таго, што з’яўляецца асноўным распазнавальным элементам назваў, у той жа час таксама ўказвае на храналогію з’яўлення гадонімаў і вызначае месца размяшчэння гэтага аб’екта сярод іншых, якія паўтараюць назву вуліцы або завулка. Таму нумарныя назвы намі таксама аднесены да выразнікаў часовага кода культуры: *Беларуская 1-я–2-я вул., Верасовая 1-я -10-я вул., Вясёлы 1-ы зав., Віленскі 1-ы–3-і зав., Вішнёвы – Вішнёвы 1-ы зав., Чыгуначны 1-ы–4-ы зав., Заводскі 1-ы–3-і зав., Заходні 1-ы–2-і тупік, Калінавы 1-ы–9-ы зав., Кедровая 1-я–5-я вул., Кіеўскі 1-ы–2-і зав., Першамайская 1-я–4-я вул., Пагранічны 1-ы–4-ы зав., Прахадная 1-я–2-я вул., Жытні 1-ы–2-і зав., Садовы 1-ы–3-і зав., Працоўная 1-я–3-я вул., Хлебная 1-я–4-я вул.*

«Умоўна з гэтым кодам можна звязаць і ўрбананімы, што ўключаюць у свой склад фіксацыю пэўнага часу – даты... і ператвараюцца ў своеасаблівыя сімвалы пэўных часавых адрэзкаў. Напрыклад, 17 верасня – проста дата, але ў назвах вуліц, завулкаў і плошчаў Беларусі яна сімвалізуе часавы перыяд аб’яднанага існавання Заходняй і Усходняй частак рэспублікі, які пачаўся 17 верасня 1939 г.» [3, с. 101]. Падобныя найменні зафіксаваны ва ўрбананіміі г. Брэста: *1 Мая зав., вул.17-Верасня, 28-га ліпеня, 9-га студзеня.*

Фаўністычны код культуры рэалізуецца ў нешматлікай колькасці назваў: *Варання, Галубіная, Жураўліная, Лебядзіная, Салаўіны зав.*

«Фларыстычны (або батанічны) код культуры эксплікуецца пры дапамозе назваў, што ўказваюць на характар расліннасці або на асобныя віды расліннасці»

[3, с. 99]. Назвы лінейных аб'ектаў – выразнікі фларыстычнага кода культуры – даволі шырока прадстаўлены ва ўрбананіміі г. Брэста: *вул. Абыркавая, Альховая, Бруснічная, Бэзавая, Бярозавая, Васільковая, Верасовая, Вербавая, Вінаградная, Вішнёвая, Грушавая, Журавіная, Каштанавая, Кляновая, Ландышавая, Ліпава, Лазовая, Малінавая, Півоневая, Піхтавая, Платанавая, Пралескавая, зав. Руж, вул. Рабінавая, Рамонкавая, Самшытавая, Сасновая, Таполевая, Трысняговая, Цісавая, Цюльпанавая, Чаромхавая, Чаротавая, Яблыневая, Ядоўцавая, Язмінавая, Яловая, Ясенева*.

Такім чынам, ва ўрбананіміі, як частцы моўнай рэчаіснасці, коды культуры «ўтвараюць сістэму каардынат, якая ўтрымлівае і задае эталоны культуры» [5, с. 257].

Даследаванне ажыццяўлялася ў межах рэалізацыі НДР “Лінгвакультуралагічны кампанент у змесце асноўных этнаканцэптаў і ўласных найменняў Брэска-Пінскага моўнага рэгіёна” (№ ДР 20211558 ад 24.05.2021) пры фінансавай падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь.

Спіс выкарыстанай літаратуры:

1. Якубук, Н. Р. Рэалізацыя антрапаморфнага кода культуры ва ўрбананіміконе г. Брэста // Нацыянальна-культурны кампанент у літаратурнай і дыялектнай мове : зб. навук. арт. / Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна ; рэдкал.: С. Ф. Бут-Гусаім [і інш.]. – Брэст : БрДУ, 2019. – С. 284–287.

2. Якубук, Н. Р. Культурознаўчы патэнцыял урбананіміі (на прыкладзе назваў лінейных аб'ектаў г. Брэста) // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб. науч. тр. IX Междунар. науч. конф., Брест, 22–23 нояб. 2019 г. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; под. общ. ред. О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2020. – Ч. 1. – С. 196–199.

3. Мезенка, Г. М. Гісторыя беларускай зямлі ва ўласных імёнах: па слядах Дзён пісьменства : манаграфія / Г. М. Мезенка, І. Л. Капылоў. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2015. – 140 с.

4. Мезенко, А. М. Белорусская ономастика. Топонимия : учеб. пособие / А. М. Мезенко. – Минск : Элайда, 2012. – 260 с.

5. Красных, В. В. Этнопсихолінгвістыка і лінгвокультуралогія / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.

ДИНАМИКА И ТИПОЛОГИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В РАЗВИТИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

И. А. Ворон (г. Брест, Республика Беларусь)

ФОРМАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ БЕЛОРУССКОГО АВАНГАРДА В МАЛОЙ ПРОЗЕ 1920-Х ГГ. XX В.

Авангарду XX в., развивающемуся в русле модернизма, как никакому другому литературному явлению, свойственна многоликость, пестрота и неопределенность, отразившаяся в его формальном воплощении. Трудности, связанные с терминологическим, эстетическим определением авангарда, вызваны изначально метафорическим обозначением данным термином целого ряда художественных явлений начала XX в., связанных с радикальным отрицанием традиций и художественных достижений прошлого, классической картины мира ради создания новой модели лучшего мира в будущем, основанном на приоритете коллективности. Поэтому слово «авангард», по меткому замечанию Ю. Н. Гирина, «является одновременно и термином, и метафорой» [2, с. 18].

Авангард представляет собой сложный полимодальный феномен, которому свойственно сочетание разноуровневых проявлений – художественных, философских, научных, социальных, политических, идеологических и др., создающих в своей сумме единый культурный текст эпохи. «Элементы, составляющие этот текст, несмотря на свою соотнесенность или принадлежность самым разным стратам, сферам, пластам жизненного континуума, выдают явную структурную взаимосоотнесенность и даже изоморфность, что позволяет предположить наличие общей идеосферы (или концептосферы) и единого синтаксиса, управляющего данным культурным текстом» [2, с. 7]. Это позволяет рассматривать авангардный текст как способ переживания, моделирования (или экстраполирования) новой действительности, что определяет особое отношение художников слова к форме, материальная природа которой и стала новым средством выражения внелитературных уровней в литературе.

Формальные стратегии авангарда складывались в сложных взаимоотношениях устоявшейся «нашенивской» традиции и формирующейся нетрадиционной эстетики под влиянием новообразованных общественно-политических, идеологических условий. Белорусская послеоктябрьская действительность инспирировала значительные перестройки в сфере общественного сознания, повлекшие за собой изменения как в социально-политической, так и в культурной сфере. Заметная интенсификация общественной жизни, оживление национально-культурного движения, обусловленное запустившимся процессом белорусизации, положительно отразились на развитии отечественной литературы и потребовало новых художественных средств и способов для отражения новой действительности.

В начале 20-х гг. XX в. в среде белорусской интеллигенции зарождается идея объединения литераторов в сообщество единомышленников, которое

должно было способствовать формированию новой литературы, генерирующей нетрадиционный подход к отражению действительности и созданию художественных текстов, руководствуясь при этом заданным революционно-идеологическим вектором. Вера в созидательное начало коммунистической власти способствовало оптимистичным нотам в произведениях поэтов и писателей, полных иллюзий о начале восхождения белорусской творческой интеллигенции и литературы.

Так, в конце 1923 г. была создана литературная организация «Маладняк», в которую вошли М. Чарот, А. Бабарека, А. Дудар, А. Вольны, Я. Пуца, А. Александрович и др. «Маладняк» вводит в белорусскую литературу новые темы и мотивы: воспевание пути к светлому будущему и коммунистической действительности, подчинение природы человеку и строительство нового мира, увлечение индустриализацией, техническим прогрессом и урбанизацией. В некотором смысле становится периферийной деревенская эстетика «нашенцев», что отразилось в отграничении критиком и теоретиком «Маладняка» А. Бабареккой понятий «адраджанізм» и «маладнякізм», коррелирующих с понятиями «консерватизм» и «прогрессивность».

Но несмотря на «юношеский задор» и максимализм художников в попытке осуществления революционных перемен в сфере литературы, нельзя говорить об окончательном и категоричном отрицании крестьянских корней молодняковцами. Многие исследователи (В. Жибуль [4], Н. Мищенчук [6], И. Богданович [1]) подчеркивают объединение поэтического эксперимента литераторов с «возрожденческим» вектором предыдущего поколения, преемственность нового искусства вопреки заявленной антитрадиционной позиции. Так, общественный деятель и литературный критик В. Кнорин в 1922 г. про М. Чарота писал: «Он ни к кому не примкнул, никакой школы не признал. Его притягивает Есенин, этот первый поэт Советской России с его имажинизмом. Он недалек от стилистических исканий футуристов Маяковского и Василия Каменского. Но он не похоронил еще и народнической формы и стиля народника Купалы, и своего вчерашнего дня» [4, с. 10]. «Народнический стиль» и «вчерашний день» нашел свое проявление в особых чертах «возрожденческой» эстетики произведений молодых литераторов, которая парадоксально соединялась с авангардистским отрицанием традиций и склонностью к формальному эксперименту.

В литературном наследии молодняковцев очевидно доминирование поэзии над прозой, поэтому большинство литературно-критических работ посвящено исследованию именно поэтических стратегий данного периода. При этом многие поэты (М. Чарот, А. Вольны, А. Бабарека) пробовали свои силы в прозе, что обусловило ее жанровую и стилистическую специфику. Несмотря на то, что история «молодняковского» рассказа была «всего моментом в процессе становления и развития белорусской прозы» (перев. наш) [3, с. 72], ее достижения определили неповторимый облик литературы этого периода. Как заметил В. Наумович, «эта проза – явление отдельное, эстетически самоценное и в некоторой степени феноменальное. Это было искусство, рожденное временем

и обстоятельствами, искусство революции и первых лет Советской власти» (перев. наш) [7, с. 16], которые потребовали от художников одических песен о Партии и Комсомоле и выявили стремление последних «превратить “Маладняк” в своего рода ремесленный цех» (перев. наш) [5, с. 264]. Идеологическая заангажированность созданного сообщества предопределила пафос ранней молодняковской прозы, романтизацию революционных событий, а также гиперэмоциональность в отражении магистральной идеи строительства нового мира и нового человека.

В ранней молодняковской прозе выделяются две основные линии: субъективное течение, склонное к лиризации повествования, эмоциональной передаче состояния героя, созвучного авторскому настроению, и революционно-героическая, отразившаяся в драматизации «буропенной» действительности через авангардные средства выражения. Обе линии не исключали друг друга, но проявлялись в рассказах писателей в разной концентрации: первая линия, например, заметно проявилась в созидательной, лиричной прозе А. Бабареки, в то время как другая линия превалирует в рассказах М. Чарота. Прозаики-молодняковцы выражали восторг от красоты революционной действительности («Да сонца» М. Чарота), восхищались героическими свершениями человека, коллективизацией («Новая мясціна», «Максім Трапкач» А. Бабареки), стремились углубиться в революционное прошлое своего народа («Пасля буры» М. Чарота) и высказать надежду на достижение целей революции («То толькі сон» А. Бабареки), славилы технический прогресс («Самалёт» М. Чарота). Романтическая приподнятость, создание условных образов-символов, заимствованные из поэзии эмоциональность, метафоризация и ритмизация переносились в прозу молодых писателей.

Восхищением революцией и масштабами ее преобразований проникнуто творчество М. Чарота, лидера литературного сообщества «Маладняк», талант которого высоко оценивал М. Горький. Своеобразие малой прозы М. Чарота обусловлено авангардистской эстетикой футуризма: политическая заостренность, служение коммунистической партии, фетишизация будущего, ориентация на строительство нового мира стали определяющими темами его произведений. Так, сборник рассказов «Веснаход» (1924) пронизан устремленностью автора в будущее, утопическим жизнестроительным пафосом и идеологизированным мировоззрением. Революция разделила мир на «старый» и «новый», противопоставление которых стало симптоматичным явлением в новой авангардной литературе. Топосом новой счастливой жизни в рассказах М. Чарота чаще становится образ солнца, который побеждает ночь, темноту, тучи и «вечный гроб» ушедшего политического строя. Образные оппозиции явно демонстрируют отрицание старого устройства и поэтизацию бурной современности.

В рассказах М. Чарота звучит восторженная агитация за новый социалистический строй. Агитация приводит к плакатности и лозунгу как самоцели, к образной трафаретности. Так, в ряде рассказов М. Чарота финальным аккордом становится появление солнца как символа новой жизни и

победы коммунистических идеалов над анахроничными традиционными (политическими, религиозными и т. п.) взглядами и образом жизни: «*А яскравае сонца са сваіх праменняў саткала бліскуча залацісты арэол над Пасекамі*» [8, с. 48] («Над Пасекамі»); «*Сонца маніла яго з вечнай дамавіны к жыццю. Ён пачуў магутную сілу праменняў*» [8, с. 56] («Бацюшка»); «*Мне вось, часам, здаецца, калі я думкамі аблятаю ўвесь свет, што нават сонца <...> як толькі туды, на тыя абшары спаўзае, зараз жа перастае блішчаць... Не можа яно там сеяць залатыя праменні... А без сонечнага цяпла і свету няма жыцця*» [8, с. 65] («Пасля буры»); «*І сонца яскравей засвяціла над вольным горадам...*» [8, с. 155] («Свінапас»).

Еще одним образом-клише становится веселая песня, которая неизменно свидетельствует о наступлении «новой вольной жизни». Как верно заметила И. Богданович, «пафос вечного обновления и радости последовательно и целенаправленно воплощали молодняковцы, создавая символику и своеобразную топику своего направления» [1, с. 251], что и объясняет оптимистический заряд рассказов М. Чарота.

В соответствии с радикальными взглядами и методами большевистского строя в малой прозе М. Чарота появляются характерные для молодняковского творчества образы бури («Пасля буры»), пожара («На Пасеках») как воплощения анархичного, бунтарского мировоззрения футуризма и настроений народных масс.

В модернистской эстетике «нашенивского» периода распространен прием сна как акта озарения, прорыва подсознания к истине (в рассказах «Прысяга над крывавамі разорамі» Цётки, «Роднае карэнне» М. Горецкого и др.). Использует этот прием и М. Чарот в рассказе «Сон Габруся», где герой отказывается сдавать часть урожая в пользу голодающих, но под влиянием жуткого сна-предупреждения первым вносит «пожертвование». Поэтика сна писателя приобретает гротескный характер, тяготеет к усилению напряжения повествования, нарастанию драматизма, проявляющиеся в динамике калейдоскопических картин, обрывистых фразах, многоточиях, градационном сгущении красок, гиперболизации образов («голодной смерти», простирающей свои «холодные черные пальцы» к детям и самому Габрусю). А. Бабарека в статье «Лірыка Міхася Чарота» (Маладняк, 1925, № 9) отметил гиперболичность как один из любимейших приемов поэта, создающих неповторимый стиль повествовательной манеры автора. Утрированная образность писателя соответствует футуристической концепции творчества, склонной к эпатажности и экспрессивности.

В июне 1924 г. известный московский поэт и прозаик М. Ройзман в статье «Белорусский имажинизм» (журнал «Гостиница для путешествующих в прекрасном», № 4) отнес М. Чарота к начинателям белорусского имажинизма. В. Жибуль отметил, что «репрезентация в июне 1924 г. “Маладняка” как “группы имажинистых” была в некотором смысле своеобразным стратегическим ходом, стремлением подчеркнуть, что “Маладняк” не оторван от авангардных тенденций, которые имели место в соседних литературах, а, наоборот,

присоединен к ним» (перев. наш) [3, с. 11]. Подобное стремление к включению в мировой литературный процесс также соответствовало идее создания универсального искусства нового времени, которое становится частью глобального социалистического строительства.

Таким образом, формальные стратегии белорусского авангарда в малой прозе 20-х г. определяются взаимодействием «нашенивской» традиции и эстетики футуризма, что обусловило его противоречивый характер. Классово-идеологический вектор, лежащий в основе данной литературы, способствовал формированию особого художественно-эстетического комплекса, включившего агитку, лозунг и плакат в литературный текст. Использование трафаретного принципа как в образно-символическом (повторяющихся образов-символов), так и в структурном (повторяющегося финала) плане, гиперболизации и контраста в создании художественных образов, а также утрированно оптимистического пафоса определили специфику авангардного текста белорусской прозы.

Список использованной литературы

1. Багдановіч, І. Э. Авангард і традыцыя: Беларуская паэзія на хвалі нацыянальнага адраджэння / І. Э. Багдановіч. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – 387 с.
2. Гирин, Ю. Н. Картина мира эпохи авангарда. Авангард как системная целостность / Ю. Н. Гирин. – М. : ИМЛИ РАН, 2013. – 400 с.
3. Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы. – 2-е выд. – Мінск : Беларус. навука, 2002. – Т. 2. – 903 с.
4. Жыбуль, В. «...Паклаў пачатак беларускаму імажынізму». Пра Міхася Чарота і адну маскоўскую публікацыю / В. Жыбуль // Род. слова. – 2011. – № 11. – С. 9–11.
5. Луцкевіч, А. Выбраныя творы: праблемы культуры, літаратуры і мастацтва / А. Луцкевіч ; уклад., камент., індэкс імёнаў, пер. з пол. і ням. А. Сідарэвіча. – Мінск : Кнігазбор, 2006. – 460 с.
6. Мішчанчук, М. Чарот Міхась. Паэзія Міхася Чарота з пазіцыі сучаснасці «Лепш вольным птахам рэзаць шыр нябёсаў» // Як жыць – дык жыць для Беларусі... : вучэб. дапам. па беларус. літ. для вучняў ст. кл. агульнаадукац. шк. – Мінск : Нар. асвета, 1995. – С. 68–85.
7. Навумовіч, У. А. Шляхамі арлянят (проза «Маладняка») / У. А. Навумовіч. – Мінск : Універсітэцкае, 1984. – 176 с.
8. Чарот, М. Збор твораў : апавяданні, п'есы : у 2 т. / М. Чарот. – Мінск : Рэд. маст. літ., 1958. – Т. 2. – 202 с.

И. Т. Георгиева (г. София, Республика Болгария)

ПРАЗДНИЧНО-АЛКОГОЛЬНЫЙ АРХЕТИП КАК ЧАСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Праздники в традиционном обществе всегда сопровождалась употреблением алкогольных напитков, которые везде имели сакральный статус, а состояние опьянения воспринималось как священное. В этом состоянии люди, по их предположению, вступали в контакт с потусторонними предками, духами, божествами и т. д. Как отмечает русский антрополог В. Н. Топоров: «Во многих

религиозно-мифологических и ритуальных традициях алкогольный напиток являлся важным атрибутом мифологических персонажей, средством для достижения особого сакрального состояния» [1, с. 256–258]. В античной мифологии опьяняющие вещества делают богов бессмертными. У греков это *нектар* («преодолевающий смерть»), а бог вина и виноделов Дионисий – сын самого Зевса. В скандинавских сагах злые карлики, убивающие странствующего певца, приготавливают из его крови божественный напиток – *квас*, вдохновляющий поэтов. Алхимики Средневековья назвали полученный опьяняющий напиток *спиртом*, что значит ‘дух’ или ‘жизнь’ (от лат. *spiro* ‘дышу, живу’).

Если в мифологии алкогольные напитки связывали с богами, то в традиционных культурах ими распоряжались руководившие праздничными действиями лидеры племени (знахари, шаманы, колдуны). Они обладали особой психикой, позволяющей им относительно легко впадать в транс (экстаз). Это уникальная способность и исключительный талант к танцам, музыке, ораторскому искусству, к сочинению песен и гимнов. Состояние экстаза (транса) помогало освобождению сознания, рождало фантастические образы и идеологии, из которых формировалась первичная картина мира. Важную роль здесь, судя по повсеместному их присутствию в качестве сакрального статуса, играли опьяняющие вещества. Они являлись биохимическим стимулятором для мобилизации творческой энергии.

О сакрализации алкоголя в русской праздничной культуре свидетельствуют как фольклорные, так и этно-исторические источники. Сосуд, в который обычно наливали спиртной напиток, назывался *чарой* или *чаркой*. А *чары* означают ‘волшебство, магия, колдовство’. *Чаровать* – это ‘умение околдовывать, творить чудеса’.

В пословицах и поговорках алкоголь несет в себе жизнеутверждающее начало и, следовательно, противопоставлен смерти: *смертный час – неминуемый путь, а чарочку винца обойти нельзя*. В исследованиях этнографа-фольклориста XIX в. А. Н. Афанасьева наблюдаем ассоциативные связи между алкоголем и дождем, который всегда обожествляется в сельскохозяйственных культурах. Дождь метафорически связан с *медом, вином, медовиной*. Чудодейная сила вина проявляется в сказочных сюжетах, связанных с царицей, которую закрыли в бочку и бросили в море. Там она родила «чудо-богатыря», который «рос не по дням, а по часам». Заколдованный, живший в неволе, молодец горюет, так как «некому его накормить и напоить досыта». И только после того как он выпивает божественный напиток – *медовину*, которая изгоняет демонов и дарит красоту, молодость и здоровье, он обретает свободу [2, с. 139–146].

Праздник в русской культуре отождествляется со счастливой жизнью, предполагающей обильное употребление алкогольных напитков. В литературных памятниках XVII в. находим образ страны мечты: «Там есть пруд, не слишком большой, но полный *вина*. И кто захочет – пьет без страха, даже и по два стакана. Неподалеку находится озеро, полное *меда*. И каждый кто придет: хоть с ведром, хоть с миской, хоть хворой, хоть с горя, господи помилуй, наливает» [3, с. 591–593].

Об употреблении алкоголя в качестве богоугодного дела говорится и в «Повести о бражнике», являющейся противовесом церковной догме, что *пьяниц не пускают в Царство Божие* [4].

В народном сознании в этот период употребление алкогольных напитков связано с культом к предкам: *водку пили наши отцы и деды, пьем и мы, мы не первые и не последние; рюмка водки, да хвост селедки – что еще нужно русскому человеку* (т. е. для полного счастья) и т. д.

Подобное наблюдалось и в советскую эпоху, в которую своеобразная сакрализация алкоголя зафиксирована в тостах (они являются неизменным атрибутом всех, даже неформальных, пирушек): *с Богом!; ну, будем!; поехали!* и нек. др. Эти сакральные формулы призваны обеспечить жизненное благополучие участников застолья.

Алкогольным веществам в русской культуре приписываются чудодейственные целебные свойства. В Древней Руси существовали специальные исцеляющие *чаши*. Знаменита чаша Черниговского князя Владимира Давидовича середины XII в. с пожеланием *«за здравие всем, кто из нее пьет»*. В русских былинах (сказаниях) Илья Муромец выздоравливает, обретает богатырскую силу только после того, как *«выпивает одним духом большой глоток медовины»* [2, с. 89].

Застольные тосты в честь власти являются важной частью русской праздничной культуры: *«Во время царской трапезы всегда поднимался бокал за государя, т. е. пили за его здоровье, причем царь сам подавал бокал боярам и они поочередно по старшинству пили из нее...»* [5, с. 17].

В рамках русской праздничной культуры лидерство определялось умением много пить, но при этом контролировать свое поведение: *пьян, но с головой, значит два умения имеет; пьян да умен – два уголья в нем*. Именно так ведут себя русские богатыри. Например, Добрыня Никитич, выпивая одним духом поднесенный ему князем Владимиром *бокал вина, а также медовину и сладкий мед*, с честью совершает богатырский подвиг, побеждая Змея [6, с. 119]. В то же время алкоголь, который приводит к потере самоконтроля, расценивается в русской культуре как вредный и опасный, что зафиксировано в многочисленных пословицах и поговорках: *не виновато вино – виновато пьянство; пей, да не опохмеляйся; пей, да дело разумей* и т. д.

Историки, оценивая управление того или другого царя, не забывают отметить его манеру пить. Н. Костомаров пишет о Петре Великом: *«Лефорт вводит Петра в иностранное общество в немецкой части города... Там господствует разгульная жизнь: пьют до безобразия, танцуют до упаду... Петр пил без меры, но... быстро трезвел и брался за дело, в то время как другие, после такой попойки, долго не могли прийти в себя»* [7, с. 543–544].

Русские самодержцы сами оценивали себя сквозь призму «кодекса»: *пить много, но не напиваться*. В дневнике императора Николая II существует запись, свидетельствующая о том, как он гордится тем, что *вел себя достойно* во время войсковой пирушки (количество выпитого подчеркнуто специально) и что это не помешало ему *выполнить свой служебный долг* [8, с. 28].

Одной из причин того, почему празднично-алкогольная культура играет такую важную роль в России, является доминантность молодежных ценностей в русском обществе. Их разделяет большинство членов вне зависимости от биологического возраста, считает В. Бочаров в своей статье «Россия: молодость против старости? Антропологический аспект». В молодежной субкультуре главными ценностями являются смелость, мужество, пренебрежение опасностью. Ее важный компонент – *хмельное* дерзкое веселие, воспетое в былинах: *по усам текло, а в рот не попало*. Ценность алкоголя выше ценности денег, выше их накопления.

Реализация празднично-алкогольного архетипа в русской культуре недвусмысленно демонстрирует устойчивость в процессе исторической динамики социума. Для этого существуют две причины. Во-первых, доминантой в исследуемой культуре являются молодежные ценности, которые повсеместно связаны с употреблением алкогольных напитков. Второй причиной является консерватизм культуры русского общества, в результате чего лидеры укрепляют свой статус, пользуясь традиционной, празднично-алкогольной культурой.

Все эти идеологемы являются универсальными в русской праздничной культуре. Они глубоко вошли в сознание русского народа и стали истиной, которая уже не требует доказательств.

Список использованной литературы

1. Топоров, В. Н. Опьяняющий напиток / В. Н. Топоров // Мифы народов мира : энциклопедия. – Т. 2. – М. : Совет. энцикл., 1980. – С. 256–258.
2. Афанасьев, А. Н. Древо жизни. Избранные статьи / А. Н. Афанасьев. – М. : Современник, 1983. – 464 с.
3. О роскошном житии и веселии // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). – М. : Худож. лит., 1969. – С. 591–593.
4. Аксаков, К. С. Повесть о бражнике / К. С. Аксаков // Литературная критика / К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. – М. : Современник, 1981. – С. 47–49.
5. Пыляев, М. И. Старое житие / М. И. Пыляев. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1897. – 320 с.
6. Былины / ред. Б. И. Богомолов. – Л. : Совет. писатель, 1954. – 329 с.
7. Костомаров, Н. И. Русская история : в 3 т. / Н. И. Костомаров. – Ростов н/Д : Феникс, 1995. – Т. 3 : Господство дома Романовых: Петр Великий. – 726 с.
8. Радзинский, Э. С. Господи, спаси и умири Россию...: Николай II: жизнь и смерть / Э. С. Радзинский. – М. : Вагриус, 1996. – 479 с.

Е. А. Зуева (г. Брест, Республика Беларусь)

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ КАК ПРОИЗВОДЯЩИЕ ОСНОВЫ УНИВЕРБОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Основы имен прилагательных активно используются в словообразовательном процессе, являются базой для образования универбов. По замечанию Е. Калишана, «сочетание прилагательного с существительным составляет идеальную базу процесса суффиксальной универбации» [4, с. 23], т. е. суффиксальные универбы восходят к наименованиям структуры типа:

N (универб) ← [*A* + (*N*)] (универбант) + *suf* (универбатор), где универбатор является «морфологическим показателем понятийного элемента субъекта» [2, с. 235], а основа прилагательного, входящего в универбант – «показателем перцепционного элемента» [2, с. 235].

Цель статьи заключается в рассмотрении прилагательных как производящих основ универбов русского языка. Материалом послужили 93 суффиксальных универба, извлеченных из «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова, где указано, что «в квадратные скобки взяты <...> словосочетания, на базе которых образуются слова путем суффиксации» [ССРЯ, т. 1, с. 6].

Анализ фактического материала показывает, что универбы образуются при помощи следующих универбаторов: **-к(а)** (78 универбов), **-ловк(а)** (4 универба), **-ик** (2 универба), по 1 универбу образовано при помощи универбаторов **-ушк(а)**, **-лк(а)**, **-овк(а)**, **-ик(а)**, **-ашк(и)**, **-к(и)**, **-ач**, **-як**, **-н(я)**.

Компонентом универбанта являются прилагательные следующих разрядов: 1) самые частотные – относительные прилагательные: *неонка* ← [**неон(овая лампа)-к-а**] (ССРЯ, т. 1, с. 662), *канатка* ← [**канат(ная дорога)-к-а**] (ССРЯ, т. 1, с. 410), *спальник* ← [**спальн(ый мешок)-ик**] (ССРЯ, т. 2, с. 151) и др.; 2) единичны качественные прилагательные: *строгач* ← [**строг(ий выговор)-ач**] (ССРЯ, т. 2, с. 182) и др.; 3) встретился случай, где притяжательное прилагательное выступает в роли относительного: *енотка* ← [**енот(овая шуба)-к-а**] (ССРЯ, т. 1, с. 329).

По структуре прилагательные, входящие в универбант, бывают: 1) простыми, состоящими из одной основы: *военка* ← [**воен(ная служба)-к-а**] (ССРЯ, т. 1, с. 185), *легковушка* ← [**легков(ой автомобиль)-ушк-а**] (ССРЯ, т. 1, с. 525), *кредитка* ← [**кредит(ный билет)-к-а**] (ССРЯ, т. 1, с. 491) и др.; 2) сложными, включающие две основы: *высоковольтка* ← [**высоковольт(ная линия)-к-а**] (ССРЯ, т. 1, с. 202), *дальнобойка* ← [**дальнобой(ное орудие)-к-а**] (ССРЯ, т. 1, с. 99, с. 267), *мореходка* ← [**мореход(ное училище)-к-а**] (ССРЯ, т. 1, с. 628; т. 2, с. 337) и др.

Прилагательные, входящие в универбант, мотивируются существительными, прилагательными и глаголами, соответственно выделяются следующие группы: 1) отсубстантивные: *кремневка* ← [**кремнев(ое ружье)-к-а**] (ССРЯ, т. 1, с. 492), *пожарка* ← [**пожар(ная команда)-к-а**] (ССРЯ, т. 1, с. 779), *хлорка* ← [**хлор(ная известь)-к-а**] (ССРЯ, т. 2, с. 332) и др.; 2) отадективные: *нейтралка* ← [**нейтрал(ьная территория, зона)-к-а**] (ССРЯ, т. 1, с. 661), *салицилка* ← [**салицил(овый натрий)-к-а**] (ССРЯ, т. 2, с. 66), *шпанка* ← [**шпан(ская мушка)-к-а**] (ССРЯ, т. 2, с. 404) и др.; 3) отглагольные: *косилка* ← [**косил(ьная машина)-к-а**] (ССРЯ, т. 1, с. 481), *корчевалка* ← [**корчевал(ьная машина)-к-а**] (ССРЯ, т. 1, с. 479), *плюсовка* ← [**плюсов(альная машинка)-к-а**] (ССРЯ, т. 1, с. 771) и др.

М. А. Бакина отмечает, что «суффикс производящих прилагательных» при образовании универба «обычно выпадает» [1, с. 58–59], наблюдается «усечение суффиксальной части или финали мотивирующей основы» [3, с. 31] прилагательных, входящих в универбант. Регулярно усекаются следующие

аффиксы: 1) **-н-**: *бетонка* ← [*бетон(ная дорога)-к-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 94), *дивизионка* ← [*дивизион(ная газета)-к-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 297), *донка* ← [*дон(ная удочка)-к-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 301), *зверобойка* ← [*зверобой(ный промысел)-к-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 99, с. 365), *подсобка* ← [*подсоб(ное помещение)-к-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 778) и др.; 2) **-ов-**: *карболка* ← [*карбол(овая кислота)-к-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 414), *керосинка* ← [*керосин(овый прибор)-к-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 426), *неонка* ← [*неон(овая лампа)-к-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 662), *салицилка* ← [*салицил(овый натрий)-к-а*] (ССРЯ, т. 2, с. 66) и др.; 3) **-тельн-**: *принудиловка* ← [*принуди(тельные работы)-л/овк-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 818), *заградилровка* ← [*загради(тельный отряд)-л/овк-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 355), *сопроводиловка* ← [*сопроводи(тельное письмо)-л/овк-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 158) и др.; 4) **-еск-**: *ботаничка* ← [*ботанич(еский сад)-к-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 113), *методичка* ← [*методич(еское пособие)-к-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 603) и др.; 5) **-ющ-**: *водоплавка* ← [*водоплав(ающая птица)-к-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 181) и др.; 6) **-овальн-**: *копирка* ← [*копир(овальная бумага)-к-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 471) и др.; 7) **-альн-**: например, *плюсовка* ← [*плюсов(альная машинка)-к-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 771) и др.; 8) **-ист-**: *микрорка* ← [*микрор(истая резина)-к-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 797) и др.; 9) **-ск-**: *султанка* ← [*султан(ская курица)-к-а*] (ССРЯ, т. 2, с. 194); *шпанка* ← [*шпан(ская мушка)-к-а*] (ССРЯ, т. 2, с. 404); *казанки* ← [*казан(ские сани)-к-и*] (ССРЯ, т. 1, с. 404) и др.; 10) **-ованн-**: *меблирашки* ← [*меблир(ованные комнаты)-ашк-и*] (ССРЯ, т. 1, с. 583) и др.; 11) **-иальн-**: *спецовка* ← [*специ(альная) одежда)-овк-а*] (ССРЯ, т. 2, с. 153, с. 691) и др.; 12) **-ическ-**: *органика* ← [*орган(ическая химия)-ик-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 700) и др.; 13) **-енн-**: *кожевня* ← [*кожев(енный завод)-н-я*] (ССРЯ, т. 1, с. 448) и др. Усечение финали: *кремневка* ← [*кремнев(ое ружье)-к-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 492), *толкучка* ← [*толкуч(ий рынок)-к-а*] (ССРЯ, т. 2, с. 236), *трехдюймовка* ← [*трехдюймов(ое орудие)-к-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 327; т. 2, с. 260), *шестидюймовка* ← [*шестидюймов(ое орудие)-к-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 327; т. 2, с. 393), *легковушка* ← [*легков(ой автомобиль)-ушк-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 525), *строгач* ← [*строг(ий выговор)-ач*] (ССРЯ, т. 2, с. 182), *сыпняк* ← [*сыпн(ой тиф)-як*] (ССРЯ, т. 2, с. 203), *спальник* ← [*спальн(ый мешок)-ик*] (ССРЯ, т. 2, с. 151) и др.

Встретился случай, где у сложного прилагательного усекается начальная часть и суффикс: *динамик* ← [*(электро)динам(ический громкоговоритель)-ик*] (ССРЯ, т. 1, с. 421). Части одного и того же прилагательного могут усекаются по-разному: например, *копирка* ← [*копир(овальная бумага)-к-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 471), *копировка* ← [*копиров(альная бумага)-к-а*] (ССРЯ, т. 1, с. 471). К одному прилагательному могут добавляться разные универбаторы: например, *учредиловка* ← [*учреди(тельное собрание)-л/овк-а*] (ССРЯ, т. 2, с. 300), *учредилка* ← [*учреди(тельное собрание)-л/к-а*] (ССРЯ, т. 2, с. 300).

Таким образом, прилагательные являются постоянным компонентом универбанта. Определено, что в универбант входят относительные и качественные, простые и сложные, отсубстантивные, отадеъективные и отглагольные прилагательные. При образовании универбов усекаются аффиксы прилагательных.

Можно утверждать, что именно основы прилагательных участвуют в образовании универбов.

Список сокращений и условных обозначений

ССРЯ – Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., – 1990. – 2 т.; **(N)** – существительное, входящее в универбант (утрачивается при образовании универба); **A** – прилагательное; **N** – универб; **suf** – суффикс.

Список использованной литературы

1. Бакина, М. А. Имена прилагательные как производящие основы современного словообразования / М. А. Бакина // Развитие словообразования современного русского языка. – М. : Наука, 1966. – С. 55–73.
2. Дорошевский, В. Элементы лексикологии и семиотики / В. Дорошевский ; авт. пер. с пол. В. Ф. Конновой. – М. : Прогресс, 1973. – 287 с.
3. Осипова, Л. И. Активные процессы в современном русском словообразовании: (суффиксальная универбация и усечение) : пособие к спецкурсу / Л. И. Осипова ; Моск. пед. гос. ун-т. – М. : Прометей, 1994. – 116 с.
4. Kaliszan, J. Семантико-конденсационная универбация составных наименований в современном русском языке / J. Kaliszan. – Poznań : Uniw. im. Adama Mickiewicza, 1986. – 148 s.

А. А. Кірду́н (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

ПРАБЛЕМНЫЯ АСПЕКТЫ ВЫКАРЫСТАННЯ БЕЛАРУСКАМОЎНАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ Ў ГАЛІНЕ ЛЯСНОЙ ПРАМЫСЛОВАСЦІ

Лясная прамысловасць Беларусі ўключае сукупнасць вытворчасцей, якія займаюцца нарыхтоўкай і апрацоўкай драўніны, вырабам з драўнянай сыравіны прадукцыі шляхам хімічнай і механічнай апрацоўкі рознай ступені тэхналагічнай складанасці, і адносіцца да ліку стратэгічна важных галін, якія характарызуюцца ўстойлівымі тэмпамі развіцця і, адпаведна, дынамічным павелічэннем колькасці тэрмінаў і тэрміналагізаваных слоў. Аднак працэс тэрмінаўтварэння ў гэтай галіне на сучасным этапе адбываецца фактычна толькі на рускай мове. Пры гэтым *спецыялізаваныя* перакладныя руска-беларускія ці беларуска-рускія слоўнікі і беларускамоўныя даведнікі, якія маглі б служыць для розных груп карыстальнікаў арыенцірам пры атрыманні інфармацыі аб сучасных стандарызаваных і гарманізаваных тэрмінах лясной прамысловасці (далей – ТЛП) пакуль адсутнічаюць. Гэта дае падставы сцвярджаць, што для выкарыстання беларускай мовы ў галіне лясной прамысловасці існуюць пэўныя бар'еры, зняцце якіх – надзвычай актуальная задача для беларусістыкі, і першым крокам на шляху яе вырашэння павінна быць мэтанакіраваная дзейнасць навукоўцаў па дасягненні эквівалентнасці перакладу адпаведнай тэрміналогіі з рускай мовы на беларускую.

Зробім невялікае адступленне і ахарактарызуем ТЛП як сістэму.

Аналіз зместу спецыялізаваных рускамоўных слоўнікаў [1–4], у якіх адлюстравана тэрміналогія лясной прамысловасці, паказвае, што яна, як і любая іншая, уключае:

– агульнанавуковыя тэрміны, якія прызначаны выражаць катэгорыі і паняцці, прынцыпова і прадуктыўна прымяняльныя ва ўсіх галінах навуковых ведаў. Напрыклад: *система, элемент, функция, коэффициент, метод, технология* і інш.;

– міжнавуковыя тэрміны, якія падзяляюцца на дзве групы. У першую групу ўваходзяць тэрміны, межы распаўсюджвання якіх вызначаюцца комплексам навук і якія ўяўляюць сабой пэўным чынам арганізаваныя аб'яднанні назваў паняццяў, агульных для ўсяго комплексу ці для большасці навук, што ўваходзяць у гэты комплекс. Часцей за ўсё гэта такія тэрміны, якія з'яўляюцца структурнай базай для афармлення іншых, відавых, тэрмінаў. Інакш кажучы, міжнавуковыя тэрміны першай групы і вытворныя ад іх канкрэтна-спецыяльныя тэрміны знаходзяцца ў адносінах семантычнай іерархіі. Напрыклад: у згаданых вышэй лексікаграфічных крыніцах фіксуюцца як родавыя тэрміны *аренда, арендная плата, аукцион*, якія абазначаюць тое ж паняцце, што і ў эканамічных навуках, так і відавныя тэрміны *аренда лесных участков, арендная плата за использование лесов, лесной аукцион*. У другую групу ўваходзяць тэрміны, якія ў некалькіх тэрміналогіях суадносяцца з рознымі паняццямі. Сувязь жа заснавана на падабенстве характарыстык асобных з'яў, працэсаў, што маюць месца ў розных галінах ведаў. Напрыклад, тэрмін *балансы* ў межах лесапрамысловай тэрміналогіі ўжываецца ў множным ліку з дэфініцыяй 'круглые или колотые сортименты, предназначенные для производства древесноволокнистых полуфабрикатов в целлюлозно-бумажной промышленности' [4], якая не супадае з дэфініцыяй тэрміна *баланс* у эканамічнай навуцы: 'количественное соотношение, состоящее из двух частей, которые должны быть равны друг другу, так как представляют поступление и расходование одного и того же количества денег, товара' [5]. Заўважым, што пытанне аб тым, як павінны кваліфікавацца падобныя тэрміны (як полісеманты ці як амонімы), патрабуе асобнага разгляду, заснаванага на складаным семантычным аналізе;

– вузкаспецыяльныя тэрміны, якія абазначаюць спецыфічныя для лесапрамысловай галіны рэаліі, паняцці, катэгорыі і падзяляюцца на такія тэматычныя групы, як «лясная інфраструктура», «лесаэксплуатацыйныя працэсы», «працэсы нарыхтоўкі лесамацэрыялаў», «драўнінная сыравіна», «піламацэрыялы», «будова драўніны», «фізічныя ўласцівасці драўніны», «механічныя ўласцівасці драўніны», «хіміка-механічная апрацоўка драўніны», «дрэваапрацоўчае абсталяванне», «машыны лясной прамысловасці», «прадукты лесахімічнай вытворчасці», «тэхналогіі вытворчасці піламацэрыялаў», «цэлюлозна-папяровыя прадукты» і інш.

Вяртаючыся да праблемы рэпрэзентацыі апісанай тэрміналогіі на беларускай мове, адзначым, што большая частка агульнанавуковых, міжнавуковых і невялікая частка вузкаспецыяльных ТЛП прадстаўлены ў акадэмічных тлумачальных слоўніках агульнаўжывальнай беларускай лексікі,

у агульных перакладных руска-беларускіх і беларуска-рускіх слоўніках. Аднак кадыфікаваныя лексікаграфічныя крыніцы апрыйёры рэтраспектыўныя, у іх не адлюстраваны тыя змяненні ў значэннях лексічных адзінак літаратурнай мовы, што адбыліся і абываюцца апошнім часам, у тым ліку і ў сувязі з тэрміналагізацыяй у працэсе развіцця сферы лясной прамысловасці. Напрыклад, у тлумачальным слоўніку беларускай мовы, размешчаным на рэсурсе <https://www.skarnik.by/>, слова *пліта* суадносіцца толькі з каменем або металам, а значэнне, якое б звязвала гэтае слова з драўнянымі матэрыяламі, не прыводзіцца. Шэраг ТЛП, якія ўзніклі на рускай мове і атрымалі шырокую распаўсюджанасць у сучасным паўсядзённым маўленні, пакуль застаюцца без афіцыйна ўзаконеных беларускамоўных эквівалентаў. У прыватнасці, такія тэрмінаадзінкі, як *блок-хаус, вагонка, фальш-брус, пеллет, оцилиндровка, пилопродукция, долготье, коротье, погонажное изделие, форвардер, харвестер, скиддер, чокер, валочно-пакетирующие машины, импортозамещение, биорефайнинг* і інш. не прадстаўлены нават у анлайн-версіях слоўнікаў беларускай літаратурнай мовы (гл., напрыклад, рэсурсы <https://www.skarnik.by/> і <http://www.slounik.org/>).

Зварот да беларускамоўных навуковых і публіцыстычных тэкстаў, прысвечаных праблемам ляснога комплексу (у тым ліку і лясной прамысловасці), паказвае, што шэраг паняццяў маюць варыянтнасць і полінайменнасць назвы. Напрыклад, для тэрміна *неустойчивое лесопользование*, якім абазначаецца плануемае або ажыццяўляемае карыстанне лесам у такіх аб'ёмах і такімі спосабамі, якія забяспечваюць яго стабільнае бясконцае прадаўжэнне [4, с. 53], і які з'яўляецца апорным кампанентам у іншых састаўных тэрмінаадзінках, знаходзім наступныя адпаведнікі: 1) *устойлівае лесакарыстанне*: «**Эканамічна ўстойлівае лесакарыстанне** азначае, што лесакарыстанне пабудавана і ажыццяўляецца такім чынам, што забяспечвае дастатковую эканамічную выгаду без страт для лясных рэсурсаў, якасці экасістэмы і без шкоды для мясцовага насельніцтва» (<https://www.npp.by/by-new/sertificat/>); 2) *неспушташальнае карыстанне лесам*: «**У той жа час лесавод павінен забяспечыць безупыннае, неспушташальнае карыстанне лесам**» (https://elib.belstu.by/bitstream/123456789/19599/1/lesazn.-lesavodstva_praktikum.-razhko-laboha.-2009.pdf); 3) *невычарпальнае лесакарыстанне*: «**Усё гэта непасрэдна паказвае на захаванне аднаго з асноўных крытэрыяў невычарпальнага лесакарыстання – прыярытэту ўзнаўлення лясоў над лесакарыстаннем**» (<http://miloles.by/новости/426>); 4) *невычэрпнае лесакарыстанне*: «**...сёння палітыка ў галіне вядзення лясной гаспадаркі скіравана на невычэрпнае рацыянальнае лесакарыстанне**» (https://studylib.ru/doc/809387/chast._1---ministerstvo-lesnogo-hozyajstva-respubliki-belarus); і інш. Прычыны ўзнікнення варыянтнасці і полінайменнасці ў навуковым дыскурсе самыя розныя: ад моўных густаў аўтараў і іх маўленчай кампетэнтнасці да нявырашаных навуковых праблем, звязаных з дэнататыўнай суаднесенасцю тых ці іншых тэрміналагічных адзінак у абедзвюх мовах.

Асобны блок праблем звязаны са спробамі перакладу ТЛП з рускай мовы на беларускую пры дапамозе сістэм машыннага перакладу (далей – СМП).

Нягледзячы на тое, што СМП зараз удасканальваюцца на бесперапыннай аснове, якасць перакладу навуковых тэкстаў і дакументаў, насычаных спецыяльнымі тэрмінамі, па-ранейшаму застаецца нездавальняючай [6, с. 46]. У прыватнасці, анлайн-перакладчык у браўзеры «Яндекс» прапаноўвае ў некаторых выпадках у якасці беларускамоўных эквівалентаў тэрмінаў адзінкі размоўнага стылю, напрыклад: рус. *лиственная порода* – бел. «Яндекс» *лісцяная парода* (правільна: *ліставая парода*); словы без уліку лексічнай спалучальнасці, напрыклад: рус. *лушение древесины, ложное ядро, сердцевиная доска, капиллярно-пористая структура* – бел. «Яндекс» *лусканне драўніны, ілжывае ядро, асяродак дошка, капілярна-сітаватая структура* (правільна: *лушчэнне драўніны, несапраўднае ядро, стрыжнёвая дошка, капілярна-порыстая структура*); гібрыдных руска-беларускія адзінкі, напрыклад: рус. *устройство сучкорезное, устройство бревносбрасывающее, древесно-стружечная плита* – бел. «Яндекс» *прылада сучкорезной, прылада бярвеносбрасывающее, дрэвесностружечная пліта* (правільна: *устройства сукарэзнае, бярвёнаскідальнік, драўнянастружкавая пліта*) і інш.

Такім чынам, нягледзячы на тое, што лясная прамысловасць з’яўляецца адной са старэйшых галін прамысловасці Беларусі, яе тэрміналогія на беларускай мове пакуль не можа быць ахарактарызавана як абсалютна ўпарадкаваная і стандартызаваная. Інавацыйныя працэсы, якія адбываюцца на сучасным этапе ў лесапрамысловай сферы, абумоўліваюць міждысцыплінарнасць і імклівую зменлівасць прадметнай вобласці, перманентнае пашырэнне яе паняццёвай базы, што патрабуе асаблівага падыходу да выпрацоўваемых тэрмінаў. Пераадоленне апісаных праблемных аспектаў магчыма праз арганізацыю мэтанакіраванай сумеснай працы лінгвістаў і спецыялістаў у галіне лясной прамысловасці.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Шегельман, И. Р. Бизнес-словарь лесной промышленности / И. Р. Шегельман. – СПб. : Профи-Информ, 2005. – 509 с.
2. Шегельман, И. Р. Лесная промышленность и лесное хозяйство : словарь / И. Р. Шегельман. – Изд. 5-е, перераб. и доп. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2011. – 327 с.
3. Шутов, В. В. Словарь-справочник лесного инженера : учеб. пособие для студентов специальности 250401 «Лесоинженерное дело» / В. В. Шутов, С. И. Кожурин. – Кострома : Изд-во КГТУ, 2011. – 123 с.
4. Уразова, А. Ф. Лесной комплекс. Термины, понятия и определения : учеб. пособие / А. Ф. Уразова, Э. Ф. Герц. – Екатеринбург : УГЛТУ, 2020. – 158 с.
5. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 2-е изд., испр. – М. : ИНФРА-М., 1999. – 479 с.
6. Кірду́н, А. А. Машынны пераклад: гісторыя, сучасны стан і якасць тэкстаў на беларускай мове [Электронны рэсурс] / А. А. Кірду́н // Скориновские чтения – 2019: современные тенденции развития издательского дела : матэрыялы IV Междунар. форума, Минск, 24–25 сент. 2019 г. – Минск : БГТУ, 2019. – С. 44–47. – Рэжым доступу: <http://elib.belstu.by/handle/123456789/31954>. – Дата доступу: 01.11.2021.

С. А. Королевич (г. Брест, Республика Беларусь)

ОБРАЗНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «БИТВА» В ЛЕТОПИСНОМ ТЕКСТЕ

Летописный текст – особый феномен, обладающий и собственным конкретным смыслом, и обширным экстралингвистическим содержанием. Будучи документальным в своей основе, он обязательно содержит познавательные сведения об описываемых событиях. Вместе с тем он несет информацию о древнем авторе, о его этических и эстетических ориентирах, об адресатах его произведения, о языке его времени, об арсенале выразительных средств и т. д. Такая разнородная информация в каждом случае реализуется в текстовом пространстве благодаря языковой личности летописца.

Летописец как языковая личность – это человек, живущий в конкретном языковом пространстве и выступающий носителем языка своей эпохи. Он подлежит характеристике с позиции языкового сознания и речевого поведения, характерных для этой эпохи. Такое представление об авторе летописного текста вполне соответствует разработанному в современной лингвистике учению об обобщенном типе языковой личности как структурном образовании, в котором необходимо выделять вербальный, когнитивный и мотивационно-прагматический уровни [1, с. 36–37]. Названные уровни не существуют автономно, они тесно связаны и взаимно обусловлены.

В повести под названием «О побоищи иже на Дону и о томъ, что князь великий бился съ Ордою», содержащейся в летописном своде 1408 г., представлена Куликовская битва 1380 г. В тексте повести [2] находит выражение когнитивный уровень языковой личности летописца, вербализуется его видение событий и их участников, а также оценочные суждения автора и его современников об этом знаменательном сражении. Концепт «Битва» здесь представлен в мыслительной сфере древнерусского автора, или его концептосфере, как основной, потому что победа на Куликовом поле стала важным историческим событием в жизни Руси.

В семантическом пространстве языка, т. е. в языковой картине мира, концепты могут выражаться с помощью языковых знаков и их комплексов. К ним относятся: 1) номинативные средства языка (лексемы, устойчивые номинации, фразеологизмы); 2) функциональные средства языка (наиболее частотные средства лексики и фразеологии для общения); 3) образные средства языка (национально-специфическая образность, метафорика, внутренняя форма языковых единиц и др.) [3, с. 45]. В тексте летописи представлены все названные составляющие.

Номинативное поле концепта «Битва» в тексте образуют однословные и описательные номинации участников битвы (*русь, москвичи, дружина, пълци, ратници* – и *татары, сила татарская и половецкая, врази, супостати, иноплеменници, рати бесермены армени, фрязи, черкасы* и др.), собственные и нарицательные обозначения предводителей битвы (*Дмитрий Иванович,*

воеводы – и Мамай, темные князи), их союзников (Володимер Андреевич, Андрей Полоцкий, Дмитрий Брянский – и Олег Рязанский, Ягаило), вооружения (мечь, сулица, копие, лукъ, стрелы). Есть номинации непосредственного столкновения (*сступъ* ‘схватка’), самой битвы (*сеча, брань, рать, бой*), ее последствий (*смерть, убийство, побоище, пагуба* ‘погибель’), отдельных эпизодов: *сступъ* ‘столкновение’, *суйм* ‘схватка’, *погона* ‘преследование’. Слово *битва*, известное древнерусскому языку с середины XII в. [4, с. 186], в тексте отсутствует.

При описании военных событий автор широко использует также типичные для летописей устойчивые формулы: *събра вои; прииде сила татарская; поиде на великого князя; поидемь противу Мамаа; изрядити пълкы, сступишиася обоя силы; [Мамай], ...вдав плещи* (‘повернув назад’), *иноплеменники... на бѣгъ устремииася* и др. Обращаясь к разным источникам своего времени, он включает в текст сведения о времени и месте битвы, о численном составе войск, о реальных участниках битвы, ее жертвах и др. Так в тексте реализуется информационная потребность личности летописца, связанная «с получением (восполнением/уточнением), передачей, обменом, изменением информации» [5, с. 51].

Однако автор не ограничивается сухой информацией, а стремится оценить событие, донести мысль о значимости битвы и величии подвига русских воинов. С этой целью для вербализации концепта «Битва» активно привлекаются образные и выразительные средства из арсенала средневековой древнерусской книжности. Они обеспечивают реализацию воздействующей коммуникативно-прагматической потребности языковой личности летописца. В тексте четко выступает интенция автора представить события, их динамику, итог как свершение воли бога, как победу христианства над язычеством, добра над злом. Так отражаются идейные установки современного летописцу общества.

Вера, религия, христианство – важнейшие составляющие духовной жизни человека Древней Руси, и поэтому оценка через призму религии православия ведет к сопоставлению обыденного, земного, конкретного с вечным, небесным, абстрактным. Летописец последовательно включает в контекст сакральные обозначения причин несчастья (*Се же бысть грѣхъ ради нашихъ въоружаются на ны иноплеменници* [2, с. 126]), характерные перифрастические, метонимические и метафорические средства представления битвы и ее участников. Нападение войск Мамаа на Русь автор обозначает возвышенно и отвлеченно: *Въздвизается на христианы измаилтъский родъ*; воины-татары именуется фигурально: *сыны агаряны, агаряне, измайловичи* (библейский персонаж Измаил был сыном Авраама и его наложницы Агари и считался родоначальником восточных народов). Номинации врагов-басурман обязательно сопровождаются определениями с общим значением ‘языческий, нехристианский’: *поганый, безбожный, зловѣрный, беззаконный* и т. п. (*идут на него [Дмитрия Ивановича. – С. К.] вся царства, творящеи безаконие* [2, с. 114]) или же ассоциируются с силами зла, с дьяволом. Царь Теляк – *плотный дьяволъ Мамаа* (дьявол во плоти); изменник Олег Рязанский, воюющий на стороне Мамаа, –

дьяволь совѣтникъ, льстивый сътонщик (от слова *сатана*), *кровопивецъ христьянский*. Автор постоянно клеймит Олега не только экспрессивными перифразами, но и эпитетами, характеризующими его как отступника христианства: *не снабдѣвший своего христианства, отпадший сана своего от бога, отлученный сына божия, отступивший от свѣта* (символ христианства) *во тму* (символ язычества). Как *антихристовъ предтеча* обозначен в тексте пособник Олега, воевода Епифанъ Корѣевъ. Номинации русских князей, наоборот, неизменно включают определения *благовѣрный, христолюбивый*, подчеркивающие глубину их веры. В этой связи примечательна афористическая оценка исхода битвы, вложенная летописцем в уста князя: *Аже оживемъ – господеви есмы, аще умремъ за миръ сей – господеви есмы* [2, с. 114].

Образному выражению концепта «Битва» в летописной повести служат и другие эмоционально-оценочные и экспрессивные номинации событий и лиц, косвенно обеспечивающие реализацию в летописном дискурсе не только воздействующей, но и контактоустанавливающей потребности языковой личности автора. Стремясь быть понятным читателю и вызвать у адресата адекватное эмоциональное восприятие событий, автор, во-первых, демонстрирует арсенал выразительных средств и возможностей древнерусского языка, а во-вторых, выявляет вербально-смысловой уровень как индивидуальная языковая личность. Он использует изобразительно-выразительные средства, соответствующие эпическому стилю и стилю монументального историзма, существовавшим в средневековой древнерусской литературе. Так, постоянные эпитеты (*невеселая година, туга велика, плач горекъ*), приложение *старый злодей Мамай*, сравнения (*Пролься кровь аки дождева тучя* [2, с. 122]), гиперболы (*Земля тутняше, горы и холми трясахуся* [2, с. 122]), тавтологические выражения (*Въздай же ему, господи, седьм седмерицею; зло ко злу прикладати* [2, с. 116]) и подобные средства попали в поле образного выражения концепта «Битва» из фольклора. Экспрессивные синонимы, описывающие движение войск (*сверѣно, напрасно, съ яростию, люто*), градационные синонимические ряды (*Мамай възьярися зраком и смутися умом, и распалися лютою яростию* [2, с. 120]); плеонастические выражения типа *да постыдятся и посрамляются; бояхутся и трепетаху*; книжные сравнения: *наплънися аки аспида нѣкаа, гнѣвомъ дышуще; приходяще, аки змии къ гнѣзду* и т. п. – это характерные приметы монументально-исторического стиля, призванного в летописи представить значимость, мощь события. В тексте постоянно подчеркивается исключительность и грандиозность явлений, связанных с битвой: *От начала миру не бывала такова сила рускаа; От начала миру сеча такова не бывала; ...Основанию земному подвизатися от великихъ силъ; ...Трусъ же бѣ страшень и ужасъ* и т. п.

Специфическим способом образной интерпретации действительности в тексте выступают и прецедентные имена – знаки не только языкового, но и когнитивного плана, одновременно характеризующие летописца как книжного, образованного человека. Изменника Олега Рязанского он называет *новым Иудой-предателем, Святополкъ новым*, обращаясь к текстам Священного писания и

к древнерусской истории. Аллюзией на сказочные образы Чуда-юда многоголового является выражение *треглавные звери сыроядци*. Значима для выражения рассматриваемого концепта на вербальном уровне в тексте также авторская организация образных и номинативных средств. Летописец использует сопоставления (*наде труп на трупѣ, наде тѣло татарское на телеси христианскомѣ*); антонимические построения (князь великий *одолѣ*, а Мамай *побѣже*; *Ягайло иде татаромѣ поганым на помощь, а христианамѣ на пакость* [2, с. 126] и др.

Выразительные средства древнерусского языка, отобранные летописцем для воплощения концепта «Битва», обладали глубокой системой устойчивых подтекстов, особых образных компонентов, отражающих ценностные критерии средневекового общества. Они были доступны восприятию средневекового читателя, понятны и знакомы ему и не только позволили создать текст, способный затронуть сердца и души адресатов, но и помогли передать масштаб, грандиозность описываемого события, впервые вошедшего в русскую историю именно как битва.

Список использованной литературы

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
2. Летописная повесть о Куликовской битве // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. – М. : Худож. лит., 1981. – С. 112–131.
3. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 226 с.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1975. – Вып. 1 (А–Б). – 372 с.
5. Иванова, Е. Н. Принципы анализа мотивационного уровня языковой личности [Электронный ресурс] / Е. Н. Иванова. – Режим доступа: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/14429/1/pla-2020-01-05.pdf>. – Дата доступа: 08.10.2021.

Н. Ю. Перавалава (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

СКЛАДАНАЗАЛЕЖНЫЯ СКАЗЫ З ДАДАНЫМІ МЭТЫ Ў СТАРАБЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Вывучэнне сінтаксісу, як спосабу аб’яднання форм слоў і словазлучэнняў у сказы, дапамагае паказаць адметнасць пэўнай мовы, бо адзінкі яе сінтаксічнага ўзроўню непасрэдна звязаныя з працэсамі мыслення і моўных зносінаў. Сінтаксіс любой мовы звязаны таксама з яе гукавым ладам, марфемікай, словаўтварэннем, лексіка-семантычнай спалучальнасцю, семантыкай у цэлым.

Складаны сказ – гэта «поліпрэдыкатыўная сінтаксічная адзінка, прызначаная для паведамлення і арганізаваная з двух ці больш простых сказаў, аб’яднаных у структурнае, сэнсавае і інтанацыйнае адзінства. У складаным сказе простыя сказы страчваюць самастойнасць і ператвараюцца ў адпаведныя прэдыкатыўныя часткі, якія ўзаемна звязаны і дапаўняюць або характарызуюць

адна адну. Сінтаксічная сувязь прэдыкатыўных частак рэалізуецца злучнікавым або бяззлучнікавым спосабам» [1, с. 499].

Пры злучнікавым спосабе сувязі кампанентаў складанага сказа вылучаюцца складаназлучаныя і складаназалежныя сказы. У складаназлучаных сказах сінтаксічныя часткі раўнапраўныя, а ў складаназалежных выдзяляецца галоўная і даданая(ыя) часткі, якія аб'яднаны падпарадкавальнымі злучнікамі і выражаюць розныя віды адносінаў.

Складаназалежныя сказы адносяцца да ліку тых граматычных катэгорый, якія на працягу гісторыі існавання беларускай мовы зазналі істотныя змены. Задачай гэтага артыкулу з'яўляецца апісанне складаназалежных сказаў з даданымі мэты ў старабеларускай мове. Сувязь галоўнай і даданай частак у іх ажыццяўляецца пры дапамозе разнастайных злучнікаў.

У якасці крыніц фактычнага матэрыялу былі выкарыстаны «Гістарычны слоўнік беларускай мовы» (Мінск, 1982–2017; далей ГСБМ), «Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы» (Мінск, 1961; далей хрэст.), «Арыстоцэлевы вароты альбо Тайная тайных» (рукапіс Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі 096/276К; далей Арыст.).

Часціца *бы* (*бѣ*) у якасці падпарадкавальнага злучніка, пры дапамозе якога даданы мэты далучаецца да галоўнага сказа, сустракаецца ў тэкстах, розных па жанры і часе напісання: *исусъ, рекъ имъ сътерезитесе бы никто васъ не зъвель* (Цяп., 33 б. ГСБМ, т. 2, с. 261); *даемъ ведомо оусе^м хто коли сюю грамоту видить а любо слышитъ прочитая бѣ даль намъ всего много* (Грамата караля Уладзіслава князю Скіргайлу 1387 г., хрэст., с. 49); *мы хочемъ без оураза бы того хто тыи светкы веде жебы видя свидечство их пріял. а ихъ свидечство моцно* (Висл., 20. ГСБМ, 2–261); *они ему радили бы такъ учинил яко ему през сонъ объявлено* (Алекс., 17 б. ГСБМ, т. 2, с. 262); *Казал метат его межи свинями и межи пси голодные бы его зъели* (Стрыйк., 538. ГСБМ, т. 2, с. 262); *пенези... которыи есте нашли в мехах отнесете, бы съ то омылкою якъ не стало* (Библия, 95. ГСБМ, т. 2, с. 262); *реклем е^с бы ми дала воды и налила велблюдом* (Бельск., 19 б. ГСБМ, т. 2, с. 262). «Часціца *бы* ў значэнні злучніка мэты вядома польскай і чэшскай мовам» [2, с. 221].

Пры складванні сінтаксічных канструкцый, якія выражаюць значэнне мэты, сказ з дзеяслоўнай формай на *-л* і часціцай *бы* ў выказніку мог далучыцца да папярэдняга пры дапамозе злучнікаў *а*, *аж*, *что*. Шляхам «аб'яднання іх з часціцай *бы*, што стала магчыма ў выніку перамяшчэння яе ў пачатак даданага сказа... і страчвання ёю сувязі з былым дзеепрыметнікам на *-л*, утварыліся мэтавыя злучнікі *абы*, *ажъбы*, *чтобы* (*штобы*)» [2, с. 222]. У такіх сінтаксічных канструкцыях выказнік даданага мэты звычайна выражаецца дзеясловам прошлага часу.

Злучнік *абы* быў вельмі ўжывальным у тэкстах старабеларускай пісьменнасці. Даданы мэты звычайна займаў постпазіцыйнае становішча. Сустракаўся таксама і злучнік *абыхъ*, што ўяўляў сабой спалучэнне злучніка *абы* з канчаткамі 1-й асобы адзіночнага і множнага лікаў аорыста ад дзеяслова *быти*: *не открываю ти ея на^о ты^м абы еси никого не вчи^л* (Арыст., 20); *А для того*

*Царь Навходносоръ или Камвизеи, его же Ездра называетъ во книгахъ свои^x Арътаксерсось. Заповедалъ Евреомъ Абы не будовали храму г^cдня Въ ерусалиме (Юдзіф, хрѣст., с. 109); И всегда была на пути Абы навратилася до земли Иудины (Руф, хрѣст., с. 115); Абых сына мела, **штобы** насене братнее воскресил (Бельск., 76 б. ГСБМ, т. 37, с. 190); и просила мене Абыхъ ей дозволил сбирати класы падающие опосле женцев (Руф, хрѣст., с. 117).*

У помніках старабеларускай пісьменнасці пераважна старэйшай пары для сувязі састаўных частак мэтавых канструкцый ужываўся злучнік *что* (*што*). У выніку аб'яднання яго з часціцай *бы* як састаўной часткай умоўнага ладу дзеяслова ўтварыўся злучнік *чтобы* (*штобы*, *штоб*) [2, с. 26]. Як і ў выпадку са злучнікамі *абы*, даданыя мэты са злучнікамі *чтобы* (*штобы*) займаюць постпазіцыю ў складаназалежным сказе. Такія канструкцыі сустракаюцца ў старабеларускіх тэкстах пачынаючы з XV ст.: *Кня^з великыи витовтъ литовскии, на^м оспдрь доконча^л промежи на^c и смирилъ на^c вечно, межии полоцко^c горо^d, ризько^c города, **штобы** полочяно^m доброволно еха^m к ризе, такъже рижяно^m к полоцку безъ всяко^a завады* (Дагавор Полацка з Рыгай 1407 г., хрѣст., с. 53); *такъ же по^{do}баеть тебе **чтобы** еси выбра^{om} писаревъ хто бы сказа^л вещь твою исполна* (Арыст., 12); *пенези давають на записы, а лихвы не дають два годы, **штобы** ся ихъ лихва множила* (Висл., 13. ГСБМ, т. 37, с. 190); *Тогда Александер посреди египта, города чотыри столпы велми великих^s, и высоких, велель поставити, **штобы** на все стороны, и на мори было видети* (Алекс., 1697, 30. ГСБМ, т. 37, с. 190).

Спарадычна у старабеларускіх тэкстах сустракалася форма *штобаб*. У ГСБМ прадстаўлена адзінкавае ўжыванне гэтай часціцы ў помніку XVII ст., напісаным лацінкай: *starye knihi, lezat u nowym kutie. Zawsiody ia tam mnoho wuczytaiu zanockoy psoty, jak iany z uma zводиut ludey mudryh, a **sztobab** nas hrsznych k lichu ne pryweli* (Абух., 440. ГСБМ, т. 37, с. 189).

Злучнік *ажъбы* ўтварыўся па той жа мадэлі, што і апісанія *абы* і *штобы*. Як і ў разгледжаных вышэй сінтаксічных канструкцыях, выказнік даданага мэты звычайна выражаецца дзеясловам прошлага часу: *на семъ на всемъ даль есмь правду крепкую брату своему кнзю скирикгаилу **ажъбы** то было не измешано* (Укладная грамата князя Анофрыя Полацкаму манастыру, хрѣст., с. 52); *писаль есами до его млсти пана воеводы **ажъбы** еще имъ к тому датъку придалъ две и три копы* (КВЗС, 16 б, 1537. ГСБМ, т. 1, с. 74); *Назавтрее Александер... до гетмана приехал, поневаж до угоды пришло и примире се стало, **ажъбы** з во^sском яко могль, напруже^s оттягнул* (Стрыйк., 596 б. ГСБМ, т. 1, с. 74).

Часам пры выражэнні мэтавых адносінаў злучнік *ажъ* спалучаецца з формай 1-й асобы множнага ліку аорыста ад дзеяслова *быть*: *коли шол есми до райскихъ варот почал есми бга просити **штобы** ми дал олею млсрдіа **ажъбых** помазал тело отца своего адама* (Пак. Хр., 26 б. ГСБМ, т. 1, с. 74).

У помніках старабеларускай пісьмовай мовы ў складаназалежных сказах з даданымі мэты фіксуюцца таксама злучнікі *жебы*, *ижъбы* (*ижебы*), *дабы*. Выказнік даданага мэты таксама выражаецца дзеясловам у форме прошлага часу: *на семъ на всемъ даль есмь правду крепкую брату своему кнзю скирикгаилу*

ажбы то было не измешиано (Укладная грамата князя Анофрыя Полацкаму манастыру, хрэст., с. 52); *писаль есами до его млсти пана воеводы ажбы еше имь к тому датьку придаль две и три копы* (КВЗС, 16 б, 1537. ГСБМ, т. 1, с. 74); *Назавтрее Александер... до гетмана приехал, поневаж до угоды пришло и примире се стало, ажбы з во^сском яко могль, напруже^с оттягнул* (Стрыйк., 596 б. ГСБМ, т. 1, с. 74).

Што датычыцца самага пашыранага ў сучаснай беларускай мове злучніка *каб*, у пісьмовых крыніцах старабеларускай мовы XIV–XVII стст. ён адзначаецца ў ГСБМ толькі аднойчы: *Да коли жь бы я гетого чорта кулакомъ въ морду, или по лицамъ, по хрипте, такъ кобы король іего милость не слыхаль?* (Мял., 317. ГСБМ, т. 14, с. 213). Як адзначаюць даследчыкі, «гэта дае падставу лічыць, што ён, а таксама ўтвораныя шляхам ускладнення яго за кошт выконваўшых ролю суадносных слоў спалучэнняў *для таго, дзеля таго, на тое, з тым* складаныя мэтавыя злучнікі *для таго каб, дзеля таго каб, на тое каб, з тым каб* развіліся пазней, у перыяд складвання мовы беларускай нацыі» [2, с. 239]. Ужо ў XVIII ст. сустракаем злучнік *каб* у камедыі са зборніку К. Марашэўскага: *Jdzi procz kazi, kap ty skros ziemi pashou* (камедыя ў зборніку К. Марашэўскага XVIII ст., хрэст., с. 450).

Як паказвае фактычны матэрыял, у старабеларускай мове ў складаназалежных сказах з даданымі мэты выкарыстоўваліся разнастайныя злучнікі, якія з цягам часу выйшлі з ужытку.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Беларуская мова : энцыклапедыя / Беларус. Энцыкл. ; пад рэд. А. Я. Міхневіча ; рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1994. – 655 с.
2. Груца, А. П. Развіццё складаназалежнага сказа ў беларускай мове (на матэрыяле помнікаў беларускай пісьменнасці XIV–XVII стст. і сучасных беларускіх гаворак) / А. П. Груца. – Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 272 с.
3. Гістарычны слоўнік беларускай мовы : у 37 вып. / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; пад рэд. А. М. Булыкі. – Мінск : Беларус. навука, 1982–2017. – 37 вып.
4. Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы :: вучэб. дапам. для студэнтаў філал. фак. выш. навуч. устаноў : у 2 ч. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа ; склад.: У. В. Анічэнка [і інш.] ; рэд. Р. І. Аванесаў. – Мінск : Выд-ва Акад. навук БССР, 1961. – Ч. 1. – 540 с.
5. Аристотелевы врата, или Тайная тайных [рукопись белорусского письма]. – [конец XV – начало XVI в.]. – [89] л. ; 2° (32,5 x 21,5). – Рукапіс Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі, 096/276К.

Н. В. Соловьёва (г. Минск, Республика Беларусь)

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМОВЛИЯНИИ СТАРОРУССКОГО
И СТАРОБЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ
В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ КОНЦА XVI В.
(НА МАТЕРИАЛЕ «МЕТРИКИ ВКЛ 1585–1600 ГГ.»)**

Последние десятилетия XVI в. в отношениях между Польско-Литовским и Московским государствами были ознаменованы интенсификацией дипломатических отношений на фоне перманентной политической конфронтации на протяжении 2-й пол. XVI в. Документы этого периода – дипломатическая переписка государей и польско-литовской знати с думными боярами, записи посольских речей, верительные и охранные грамоты – сохранились в составе «Метрики ВКЛ 1585–1600 гг. (Книга 594)» [1]: 44 документа на старобелорусском и 46 на старорусском языке. Тексты эти представляют интерес не только с исторической, но и с лингвистической точки зрения, поскольку позволяют выявить и сопоставить особенности старорусского и старобелорусского дипломатического дискурса.

К числу таких особенностей относится, в частности, функционирование предикативных конструкций с Л-причастиями, восходящих к формам древнерусского перфекта. Как известно, преобразование древних перфектных форм, которые в связи с исчезновением претеритов становятся основным обозначением действия в прошлом, состояло в утрате связки – личных форм настоящего времени от *быти*. Но если в 3 л. утрата связки происходила рано и последовательно, то в формах 1 и 2 л. этот процесс как в старорусском, так и в старобелорусском языках продолжался вплоть до XVII в. и по-разному отразился в различных типах письменных памятников [2, с. 239–252; 3, с. 189–200].

В дипломатических текстах «Метрики ВКЛ 1585–1600 гг.» для обозначения прошедшего действия в формах 1 и 2 л. представлены, в основном, двучленные предикативные конструкции, где грамматическое значение лица может быть выражено связкой (тип *писали есте*) либо личным местоимением (тип *мы велели*). При этом соотношение между обозначенными типами двучленных конструкций в старорусских и старобелорусских посольских документах существенно различается.

В дипломатических текстах московской канцелярии количество конструкций обоих типов примерно одинаково («связка + Л-форма» – 133, «местоимение 1 / 2 л. + Л-форма – 132»), при этом выбор конструкции не обусловлен контекстом, что вполне соответствует общеязыковой тенденции эпохи, отмеченной А. А. Зализняком: «связки и личные местоимения (в И. падеже), например, *есмь* и *□азь*, *еси* и *ты* оказываются в ряде контекстов в роли функциональных синонимов. <...> Поскольку связки – это в нормальном случае энклитики, а личные местоимения – акцентно самостоятельные словоформы, противопоставление связок и местоимений в парах *есмь* – *□азь*, *еси* – *ты* и т. д. получает характер просодического противопоставления

энклитических и полноударных вариантов одних и тех же функциональных единиц» [2, с. 240]. Ср.: *мы послали в Литву ку Стефану, королю полскому, <...> послов своих (1590)* [1, с. 129]; *послали есмо пословъ своих великихъ (1590)* [1, с. 129].

В отличие от старорусской посольской документации, в старобелорусских дипломатических текстах конструкции типа *есте писали* в значительной степени преобладают над конструкциями типа *вы писали* и составляют почти половину проанализированных старобелорусских контекстов (61 из 130). Предикативные синтагмы, где значение лица выражено личным местоимением-подлежащим, в старобелорусской посольской документации, напротив, немногочисленны и составляют лишь 13 % от общей выборки. При этом интересно заметить, что тип «местоимение 1/2 л. + Л-форма» встречается в основном в текстах официальных документов – перемирных листов и «докончаний» (договоров), которые, по традиции, установившейся с конца XV в., заключались в Москве, а в Речь Посполитую доставлялся противень – текст договора, который должен был быть заменен ратификационной грамотой короля [4]. «Считалось, что эти ратификационные грамоты должны были просто воспроизводить выработанный в Москве текст («слово в слово»), на котором «целовали» крест московские государи и который вручался отбывающим польско-литовским послам» [4, с. 15]. С этих позиций логично предполагать, что в текстах официальных договоров употребление конструкций типа *вы писали* во многом обусловлено влиянием дипломатического языка московской канцелярии.

Вместе с тем в старорусских посольских документах также прослеживается старобелорусское влияние. Так, в текстах московской канцелярии в качестве связки при Л-причастии в 1 л. мн. ч. используются варианты формы *есмя* и *есмо*, которые являются вторичными по отношению к вышедшей из употребления исконной форме *есмь*. Ср.: *И посланникомъ своимъ <...> своих великихъ пословъ велели есмо дожидати ся (1587)* [1, с. 66]; *И нашим бояром <...> велели есмя обослати ся (1590)* [1, с. 114].

Происхождение этих форм не вполне понятно, однако в старорусском языке закрепились форма *есмя* [5, с. 233], тогда как в старобелорусском наибольшее распространение получила форма *есмо* [3, с. 193]. Действительно, в представленных в «Метрике ВКЛ 1585–1600 гг.» старобелорусских дипломатических текстах в качестве связки при Л-причастии отмечена исключительно *есмо*. В то же время в дипломатической переписке с другими государствами московская канцелярия использует только *есмя* (например, в [6]). С этих позиций употребление *есмо* в старорусских посольских документах, представленных в «Метрике ВКЛ 1585–1600 гг.», следует рассматривать как влияние старобелорусского языка, однако вряд ли в этом случае речь идет о спонтанном влиянии.

Безусловно, логично думать, что *есмо* в старорусских посольских документах появляется как отражение речевых особенностей выходцев из Литвы, которые, вне всякого сомнения, были в канцелярии московского государя и которым поручалось составление посольских документов

в отношениях с ВКЛ. Однако специфика употребления связки *есмо* в рассматриваемых старорусских текстах позволяет усмотреть здесь попытку намеренного коммуникативного сближения, своего рода «реверанс» в сторону политических визави, демонстрирующий готовность Москвы к диалогу. В этой связи следует заметить, что использование «западнорусизмов» с целью привлечения сторонников из числа литовской знати широко использовалось в Московской канцелярии начиная с сер. XV в. [7].

Употребление *есмо* широко представлено в старорусской дипломатической переписке с польско-литовской знатью во время правления Стефана Батория и позже – в период «безгосподарствия» до избрания польско-литовским королем Сигизмунда III, когда все надежды Москвы на благоприятное разрешение затянувшегося конфликта, связанного с разделом «ливонского наследства», и на обладание польской короной рухнули окончательно.

Этот период, самый сложный для Московского государства в отношениях с соседними странами, стал во много ключевым для формирования русского дипломатического языка и внешнеполитического образа русского правителя, прежде всего через оформление официальной царской титулатуры (подробней об этом в [8]). Установление дипломатических контактов Москвы с избранным польско-литовским монархом Сигизмундом III является переломным моментом и в употреблении формы *есмо*, которая после 1590 г. крайне редко употребляется в старорусских текстах, представленных в «Метрике ВКЛ 1585–1600 гг.», к 1600 г. окончательно уступая место исконной связке *есмя*.

Таким образом, в употреблении двучленных предикативных конструкций с Л-причастиями в дипломатических текстах «Метрики ВКЛ 1585–1600 гг.» прослеживается взаимовлияние старорусского и старобелорусского языков, обусловленное, с одной стороны, сложившейся к концу XVI в. традицией установления договорных отношений между Москвой и Польско-Литовским государством, которая предполагала полное соответствие между текстами двусторонних договоров. С другой стороны, есть основания предполагать, что проникновение в дипломатический текст «чужеродных» элементов не было случайным и являлось своеобразным индикатором внешнеполитических отношений Московского государства и Речи Посполитой.

Список использованной литературы

1. Lietuvos Metrika. – Vilnius: Mokslo ir enciklopediju leidykla. – Knyga 594: (1585–1600) / Lietuvos istorijos institutas ; parengė Algirdas Baliulis. – Vilnius : Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2006. – 300 p.
2. Зализняк, А. А. Древнерусские энклитики / А. А. Зализняк. – М. : Яз. славян. культур, 2008. – 280 с.
3. Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст. / А. М. Булыка [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1988. – 319 с.
4. От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века. – М. ; СПб. : Ин-т рос. истории РАН : Центр гуманитар. инициатив, 2015. – 440 с.
5. Алексеев, А. В. Историческая грамматика русского языка : учеб. и практикум для акад. бакалавриата / А. В. Алексеев. – М. : Юрайт, 2015. – 314 с.

6. Толстой, Ю. В. Первые 40 лет сношений между Россией и Англией (1553–1593 гг.) / Ю. В. Толстой. – СПб., 1875. – 562 с.

7. Золтан, А. К предистории русского «государь» / А. Золтан // Из истории русской культуры / сост.: А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М.: Яз. славян. культуры, 2002. – Т. 2: Киевская и Московская Русь. – С. 554–591.

8. Соловьёва, Н. Титулатура монарха в контексте внешнеполитического дискурса Великого княжества Литовского и Московского царства в конце XVI века (на материале «Метрики Великого княжества Литовского» 1585–1600 гг.) / Н. Соловьёва // *Slavica Slovaca*. – 2019. – Vol. 54. – P. 103–111.

О. А. Фелькина (г. Брест, Республика Беларусь)

АКЦЕНТУАЦИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIX–XXI ВВ.

Процессы заимствования лексики в русский язык наблюдались во все периоды его развития, сменялись лишь источники. Заимствованные слова подвергаются освоению, часто их фонетический состав довольно заметно трансформируется, в ряде случаев место ударения в русском варианте не совпадает с акцентуацией в языке-источнике. Место ударения может измениться в заимствованном слове и после нескольких десятилетий его функционирования в русском языке. Т. е., став частью лексической системы языка-реципиента, слово подпадает под действие его внутренних законов. Как указывает Н. С. Валгина, «Причины акцентных изменений в основном внутрисистемные. Это столкновение действия законов аналогии и традиции, а также закона антиномий, в частности, антиномии узуса и возможностей языка» [1].

Мы сопоставили акцентуацию заимствованных слов в «Словаре церковнославянского и русского языка» Второго отделения Императорской Академии Наук 1847 г. [2] с их современными вариантами и выявили изменения, вызванные различными причинами.

Одна из причин смещения ударения – влияние других языков. Так, ударение в слове *мессия* середины XIX в. связано с латинским *messias* (ударение на первом слоге, поскольку в предпоследнем краткий гласный). В словаре И. И. Срезневского слово не зафиксировано [3]. В Национальном корпусе русского языка первая фиксация данного существительного относится к 1717 г., оно употреблено Феофаном Прокоповичем (выпускником иезуитской коллегии св. Афанасия в Риме) в торжественной речи [4]. И русское, и латинское слова восходят к др.-греч. *μεσσίας*, поэтому позже акцентуация слова была «исправлена» по греческому образцу – *мессия́*.

Похожее изменение произошло со словом *миопия* (др.-греч. *μωπία* ‘щурение глаз, близорукость’), ведь медицинская терминология заимствовалась через латинский язык, но современный вариант – *миопия* – акцентуирован по греческому образцу. Аналогичным образом переместилось на предпоследний слог ударение в слове *полиграфия* (греч. *πολυγραφία*), вариант с ударением на середине слова считается устаревшим. Правда, в этом случае

возможно влияние не только греческого, но и французского языка (фр. *polygraphie*). Французское влияние очевидно для существительного *периферия* (сейчас *периферія*), поскольку и в латинском *periphēria*, и в исходном греческом *περιφέρεια* ударение было именно на третьем слоге, а на четвертый ударный слог можно найти во фр. *périphérie*.

Перемещение ударения в существительных *миопия* и *полиграфия* можно объяснить и несколько иначе. Как считает А. А. Зализняк, для «суффикса *-иј-а* не в составе *-ациј-а*, *-ициј-а*, *-циј-а*, *-сиј-а* <...> конкурируют две маркировки: ←D и ↓D», распределение которых определяется главным образом семантическим фактором» [5, с. 69]. Т. е. данный суффикс либо требует, чтобы ударение было на слог левее, либо сам является ударным, причем второй вариант встречается гораздо реже. Именно этот вариант характерен для названий «состояний (в частности, биологических, в том числе болезней) и свойств» (*миопія* – ср. *невралгія*, *аллергія*, *анемія*, *гіпертонія*, *истерія*, *эйфорія*, *атрофія*, *дистрофія* и др.), а также для «областей практической деятельности (в частности, врачебной) – при их употреблении в профессиональной речи» (*полиграфія* – ср. *телефонія*, *телеграфія*, колебание – *металлургія*, *кулінарія*, *індустрія*) [5, с. 69].

А. А. Зализняк отмечает: «В непрофессиональной речи в этих же семантических группах представлено ударение по классу ←D; ср. такие общеупотребительные слова, как *меланхолия*, *ма́ния*, *апа́тия*, *эне́ргия*, *фанта́зия*, *гармо́ния*, *иро́ния*, *мизантро́пия*, *фила́нтропия*, *антипа́тия*, *симпа́тия*, *демократія*, *ана́рхия*, *ине́рция*, *гастроно́мия*, *фотогра́фия* (как род занятия)» [5, с. 69]. Акцентуация 1847 г. *симпатія* явно вызвана французским влиянием (фр. *sympathie*), поскольку это слово впервые зафиксировано в переводе книги Грациана «Придворный человек» [4]. При этом и в лат. *sympathia*, и в исходном греч. *συμπάθεια* ‘сочувствие, сострадание’ ударение было на втором слоге от начала слова, т. е. в данном случае перемещение ударения в заимствованном слове можно объяснить не только его общим употреблением, но и «исправлением» по греческому образцу. Общеупотребительностью объясняется, вероятно, смещение ударения в слове *симметрия*. Словарь 1847 г. фиксирует вариант с ударением на предпоследнем слоге (видимо, по образцу греч. *συμμετρί α*, хотя наиболее вероятный путь заимствования – через лат. *symmetria* и польск. *symetria*). Академический орфоэпический словарь 1987 г. еще дает два варианта ударения – *симме́трия* и *симметрія* [6], однако в более новых словарях присутствует только первый вариант [7–9].

Еще одна группа слов с самоударным суффиксом *-иј-а* – «Слова церковной сферы (сохраняющие церковнославянское ударение) *панагія*, *литургія*, *хиротонія*, *мессія*, *патріархія*» [5, с. 69]. О слове *мессія* см. выше, изменило место ударения еще одно существительное – *еписко́пия* (греч. *ἐπισκοπή*, лат. *episcopium*, сейчас *епископія*), так что не во всех случаях исходное церковнославянское ударение сохраняется. В древнерусских памятниках *епископия* встречается обычно со стяженным [и] – *въ епископью* и под. [3, т. 1, с. 827]. По данным древнерусского подкорпуса НКРЯ, только в 4 из

31 вхождения в суффиксе есть буква *и* или *і* [4]. В списке XVI в. «Хождения игумена Данила», в котором расставлены знаки ударения, в обоих вхождениях ударение на окончании: *еп(с□)кпїи́*, *еп(с□)кпїа̀* [4]. Таким образом, первоначальным вариантом был стяженный *епископья*, затем в суффиксе начинает произноситься гласный, слово становится пятисложным, и ударение переходит на срединный слог (кроме *еписко́пя*, встречался и вариант *епі́скопья* – в Минее 1893 г. [4]). Ударение на третьем слоге может быть связано с влиянием латинского *episcopium*, а на втором – с производящим словом *епископ*. Переход же ударения на предпоследний слог в современном русском языке вызван аналогией с другими словами церковной сферы.

Похожие изменения происходили с существительным *паремія́*, для которого часть орфоэпических словарей еще приводит вариант *паремья́* [7]. В словаре 1847 г. ударение на последнем слоге – *паремія́* (не соответствует др.-греч. *paroimia*); слово зафиксировано в значениях ‘нравоучительное изречение’, ‘места из священного писания, читаемые на вечерне по входе’. Как и для предыдущего слова, чаще использовался стяженный вариант – *паремья́*, который со временем стал заменяться нестяженным. С одной стороны, это существительное относится к церковной сфере, так что перенос ударения может быть вызван аналогией. С другой стороны, термин *паремия* стал активно употребляться в значении ‘нравоучительное изречение, пословица, поговорка’, и, поскольку слово четырехсложное, ударение на предпоследнем слоге соответствует тенденции к гармоническому равновесию.

Ударение по классу ←D представлено в русском языке гораздо шире, в частности в группе слов «События, единичные акты: *аварія́*, *церемонія́*, *амни́стия*, *эпидемія́*» [5, с. 70]. Так, в словаре 1847 г. зафиксирован вариант *аварія́* (заимств. из французского или итальянского языка), однако ударение в современном слове на слог левее. В слове *эпидемія́* ударение соответствовало греческому *ἐπιδημία* ‘имеющая всенародное распространение’, но в форме мужского рода *ἐπιδήμιος* и латинском соответствии *epidemia* ударение такое же, как в современном русском варианте. Таким образом, и для этого слова возможна как корректировка (скорее по латинскому образцу, поскольку это медицинский термин), так и перенос ударения в связи с лексическим значением и общеупотребительностью.

Перенос ударения может затронуть не все грамматические формы. Как заметил А. А. Зализняк, «неосвоенное слово обнаруживает (в речи соответствующего носителя языка) тенденцию к тривиальному акцентному типу, освоенное – к нетривиальному» [5, с. 23]. Т. е. в освоенных заимствованных словах ударение становится подвижным. Поскольку словарь 1847 г. указывает место ударения только в начальных формах, нам удалось найти только один пример данного явления – существительное pl. t. *стелáжи* (так!) от нидерл. *stellige* ‘этажерка’. Позже у данного существительного возникли формы единственного числа, и ударение на последнем слоге основы осталось только в форме с нулевым окончанием, во всех остальных формах ударение переходит на окончание.

«В современном русском языке круг факторов, от которых хотя бы в некоторых случаях может зависеть акцентуация слова, весьма значителен. Помимо фактора традиции (т. е. прямого наследования установившегося в прошлом ударения), сюда прежде всего относятся: морфемный состав слова, его словообразовательная история, его значение, длина (число слогов) его основы, характер конечной фонемы его основы, а также степень его освоенности (для данного говорящего)» [5, с. 9]. Как показало наше исследование, на акцентологию заимствованных слов в значительной степени влияет аналогия с семантически сходными словами, а также переход в категорию общеупотребительных.

Список использованной литературы

1. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина; Моск. гос. ун-т печати. – Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01>. – Дата доступа: 12.11.2021.
2. Словарь церковнославянского и русского языка / Второе отделение Императорской Академии Наук. – СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1847. – 4 т.
3. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – СПб.: Тип. Император. Акад. Наук, 1893. – 3 т.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 11.11.2021.
5. Зализняк, А. А. Труды по акцентологии. Т. 1 / А. А. Зализняк. – М.: Яз. славян. культур, 2010. – 848 с.
6. Борунова, С. Н. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. – 3-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1987. – 704 с.
7. Зарва, М. В. Русское словесное ударение. Словарь нарицательных имен [Электронный ресурс] / М. В. Зарва // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/zarva>. – Дата доступа: 12.11.2021.
8. Резниченко, И. Л. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение: ок. 25 000 слов / И. Л. Резниченко. – М.: Астрель: Аст, 2009. – 1182 с.
9. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С. А. Кузнецов // Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts>. – Дата доступа: 12.11.2021.

А. Ю. Яницкая (г. Брест, Республика Беларусь)

МИР ПОСЛОВИЦ: НЕВОСТРЕБОВАННАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ

Пословица – устойчивое в речевом обиходе, ритмически и грамматически организованное изречение, в котором зафиксированы практический опыт народа и его оценка определенных жизненных явлений. Выступает в речи, в отличие от поговорки, как самостоятельное суждение [1, с. 355]. Пословицами называются краткие изречения, в которых выражаются мысли и суждения, верования и суеверия, а также правила житейской мудрости народа (народная философия),

его история, педагогика и психология: *Порядок время бережет. К любящему и страх не идет. Своих друзей наживай, а отцовских не утрачивай. И на старости не без радости.* Пословицы являют собой образец самой оптимальной связи содержания и формы. Пословица – одно из первых блистательных проявлений творчества народа. Длительный период времени человек благоговел перед мудростью и красотой, живописной изобразительной силой пословиц. Народ создал несметное количество пословиц, в которых мудро и точно отразилась его жизнь. Сам народ дал пословицам яркую и точную характеристику. Он отметил правдивость пословиц: *Пословица правду всем говорит, их мудрость; Пень не околица, глупая речь не пословица.* В пословице видели доброго советчика: *Пословица – все делам помощница;* отмечали долголетие пословиц: *Пословица век не сломится.*

Темы пословиц бесчисленны и безграничны. Самым большим сборником пословиц является труд В. И. Даля «Пословицы русского народа», в котором более 30 000 пословиц и поговорок. В данном сборнике лексикограф дал 25 пословиц, которые определяют эти языковые единицы, отмечают их значение в жизни каждого человека, учат, воспитывают: *Пословица – краткое изрѣченье, поученье, болѣе въ видѣ притчи, иносказанья, или въ видѣ житейскаго приговора; пословица есть собѣ языка, народной рѣчи, не сочиняется, а рождается сама; это ходячий умъ народа. Безъ пословицы не проживешь. Пословица ведется – какъ изба вѣникомъ метется* [3, с. 438].

Талантливый знаток народного языка, Владимир Даль выделил для своих пословиц 179 рубрик: пословицы о предметах веры (бог, грех, набожность, раскол и пр.), о судьбе (терпенье, надежды и др.), о счастье (удаче), о богатстве и бедности, о достатке, тороватости, скупости, о бережливости и мотовстве и др. Эта тематика столь же обширна, как жизнь народа [2, с. 3]. На титульный лист своего труда «Пословицы русского народа» В. И. Даль вынес народное изречение «Пословица несудима».

Задача профессионального филолога – работа с огромным пластом пословиц, которая заключается в «перемешивании» этих словесных жемчужин, в обновлении пословичного фонда, в подъеме на поверхность, т. е. в речь сегодняшнего человека, свежих, на данный момент пассивных пословичных изречений. Заботой филологов является противодействие процессу унификации речи в условиях современного социума. Языковым глубинам нужна своеобразная вертикальная циркуляция с целью найти оригинальные смыслы и экспрессивнейшие формы, какими видятся пословицы.

Позитивное отношение к пословице, как к кладовой народной мудрости, несомненно, свойственно абсолютному большинству носителей языка. Поэтому люди испытывают удовольствие, когда их собственные мысли можно уместно, точно подтвердить пословицей.

Но меняются времена, меняется отношение человека к жизни, меняются жизненные ценности, претерпевает изменение и отношение к пословицам. XXI в. – век постоянно расширяющегося информационного пространства, которое дает ответ на любой вопрос. В XXI в. и статус пословицы изменился.

Востребованность пословиц ослабевает. Молодое поколение всегда пытается отрицать опыт старшего поколения. Представляется интересным узнать отношение к пословицам наших современников, людей, разных по возрасту, социальному статусу, профессиональной принадлежности.

«Пословицы – кладезь, только с их помощью можно выразить глубину мысли. Иностранцы их не понимают и не поймут» (мужчина, 72 года). «Знаю их большое количество и с удовольствием употребляю в подходящих ситуациях, хотя для некоторых моих знакомых это повод для шуток, по их мнению, сыпать народными мудростями уместнее людям взрослого возраста» (молодой преподаватель, 27 лет). «В активе у меня пословиц и поговорок не очень много. Думаю, причиной этому является их отсутствие или редкое употребление окружающими меня людьми. Вспоминать пословицы пассивного запаса, узнавать новые, а также изучать их происхождение мне весьма любопытно» (SEO-специалист, 29 лет). «Пословицы в моей жизни занимают достаточно значимое место, так как я журналист и моя профессия предполагает обширное знание культурно-исторического фона, устойчивых выражений. Все это помогает мне сделать речь более интересной и привлекательной для целевой аудитории. Если говорить о современности, то пословицы нельзя считать самым актуальным средством выражения мыслей. Многие из них забыты, некоторые остались в сокращенном смысле, какие-то приобрели новое значение. Тем более что современный человек стремится к максимальному сокращению своих слов» (журналист).

Интересным видится отношение к пословицам студентов филологического факультета. «Пословицы многому нас учат, но я не использую их в повседневной жизни. В современном обществе все реже стали употреблять пословицы, но мои бабушки и дедушки все же используют их» (1). «Пословицы всегда были и будут актуальны. Люди и сегодня используют их в своей повседневной речи, порой даже не замечая этого. Далеко не каждый сейчас знает большое количество пословиц, однако следует признать, что, изучая их, можно повысить свой интеллектуальный уровень и увеличить активный словарный запас. Я использую их в своей речи. Это происходит практически ежедневно. Пословицы помогают буквально в нескольких словах передать эмоции и отношение к чему-либо, потому они так удобны в употреблении» (2) «Живу в семье, где пословицы актуальны, как и крылатые выражения, фразеологизмы. Они окрашивают речь, наполняют ее национальным колоритом. Однако не уверена, что они могут быть использованы в деловом, официальном общении» (3). «К пословицам отношусь нейтрально, никогда не думала о них. Считаю их актуальными. В последнее время все чаще замечаю их в речи других людей (особенно в интервью россиян). Я, наверное, тоже их использую, но не обращаю на это внимание» (4). «Я люблю пословицы и поговорки, но в меру. Есть люди, которые ими просто говорят. Я считаю, что они актуальны не так, как раньше. Но в речи старшего поколения еще остались. Использую их в своей речи, но в последнее время все реже и реже» (5). «Пословицы – дело нужное, часто помогают в беседе, особенно, когда закончились аргументы. У меня

мамулик пословицами кидается, когда я говорю что-то умное» (6). «Мы живем в современном мире. Век информационных технологий. Все общение проходит в социальных сетях. Сокращаются слова, фразы, предложения. Пропадает и потребность в пословицах и поговорках. Люди предпочитают выражать свои мысли четко и понятным всем языком. Пословицами пользуются теперь лишь ученики при необходимости, на уроках или при написании сочинения. А также учителя, преподающие какой-либо язык. Однако если родители будут в домашней обстановке употреблять как можно больше пословиц и поговорок, то дети не забудут их, пополнят свой словарный запас. Впоследствии их речь будет звучать намного приятнее и красивее» (7). «Пословицы я люблю. В них заключена вековая мудрость народа. Достаточно часто слышу их от других людей, особенно в ситуациях, когда мне нужны совет, помощь или поддержка. В повседневном общении использую пословицы нечасто. Чаще всего употребляю их, когда нужно воодушевить собеседника или успокоить» (8).

Анализ данных высказываний позволяет сделать некоторые выводы. Все знают о существовании богатого пословичного фонда русского языка. К сожалению, ни один человек не привел примера пословиц, даже хорошо известные, модельные пословицы не явились иллюстративным материалом в данной ситуации. Отмечено, что знанием пословиц обладают люди старшего поколения, но и молодые люди имеют желание лучше познать клад пословиц, пополнить свои активные знания новыми паремиями, интересуются происхождением пословиц. В ответах указывается роль пословиц, их функция: пословица может успокоить, воодушевить, используется для шуток, дает возможность «поумничать», учит, развивает интеллект, выражает эмоции. Признается национальная особенность пословиц, что является гордостью носителей русского языка. Высказывается желание слышать пословицы чаще.

Сохранить пословичный фонд в целом, продлить жизнь любимым пословицам, «вдохнуть» жизнь в ранее неизвестные паремии могут и должны специалисты-филологи. В перечне учебных дисциплин филологического факультета находим такие, которые дают возможность изучать пословичный фонд русского языка разновекторно. К таким предметам относятся: «Современный русский язык (Лексикология. Фразеология. Лексикография)», «Диалектология», «Устное народное творчество». Пословицы активно включаются в содержание учебников по русскому языку как иностранному. Тематика курсовых и дипломных работ также может быть связана с изучением паремий. Профессиональные филологи обеспечат пословицам жизнь на века.

Список использованной литературы

1. Прохоров, Ю. Е. Пословица / Ю. Е. Прохоров // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Большая Рос. энцикл. : Дрофа, 1997. – С. 355–356.
2. Русские пословицы и поговорки / под ред. В. Аникина ; предисл. В. Аникина ; сост. Ф. Селиванов, Б. Кидран, В. Аникин. – М. : Худож. лит., 1988. – 431 с.
3. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в IV т. / В. Даль ; под ред. И. А. Бодуэна-де Куртене. – СПб ; – М. : Изд. т-ва М. О. Вольф, 1907. – Т. III : П–Р. – 893 с.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА И КОНТЕКСТА

Е. И. Абрамова (г. Минск, Республика Беларусь)

ФИГУРЫ ИНТЕРТЕКСТА В ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ М. ВЕЛЛЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «НАШ КНЯЗЬ И ХАН»)

Результатом технологического прогресса последних 2–3 десятилетий стало увеличение скорости получаемых человечеством знаний. Этот процесс открывает все новые горизонты науки (в широком понимании этого слова), но также, к сожалению, часто приводит и к тому, что человек XXI в. смотрит на предшествующую историю (социума, цивилизации, культуры) несколько пренебрежительно, свысока. Такое отношение к истории неприемлемо для Михаила Веллера, который считает, что осмысление пути, который пройден предшествующими поколениями, позволяет понять ту ситуацию, которую мы сегодня переживаем. В исторической повести-детективе «Наш князь и хан» (так сам автор определяет жанр своей книги) М. Веллер размышляет о том, как, когда и вследствие чего возникли и закрепились навсегда психологические и социальные скрепы русской жизни, сформировался социотип русского народа, откуда пошли формы правления и система государственной власти в современной России.

В центре внимания автора – Куликовская битва 1380 г., в результате которой, как сообщается в официальной историографии, произошло объединение русских земель вокруг Москвы в одно государство. В повести Веллер излагает свое видение, свою оценку этого события, при этом автор не навязывает читателю свою точку зрения, а предлагает провести совместное историческое расследование путем выделения основных компонентов социальной реальности (социальной системы того времени (XIV в.), системы культуры и системы личности), воссоздания внутреннего смысла событий, их причинно-следственных связей и т. д., а также их системного анализа и определения взаимосвязи и взаимообусловленности прошлого и настоящего.

По мнению автора, образ реальности напрямую зависит от того, как его воспринимает сознание человека. Реальность без прошлого – иная реальность. Настоящее, получая прошлое, становится богаче, сложнее и понятнее. Хаос настоящего упорядочивается в том числе и путем введения в него прошлого, так как человеку становится ясным происхождение тех или иных вещей, явлений и процессов. Любое прошлое, созданное человеком, если он верит в его истинность, может влиять на настоящее и будущее. Прошлое мы видим разным в зависимости от того, под углом каких мировоззренческих идей мы его создаем.

Такая авторская интенция находит отражение в композиционной организации повести, которой свойственны следующие особенности: а) методичность и системность в изложении фактов, что находит выражение в стремлении автора вычленить в описываемом явлении функции, виды,

элементы и их взаимосвязи, классифицировать их; б) повышенное внимание к причинно-следственным связям внутри текста; в) четкое обозначение тезисов и аргументов путем нумерации их в тексте или выделения в отдельные подглавы; г) обязательное наличие вывода (нередко в форме афоризма: «*А история – это смысл происшедшего, а не его оболочка*» [1, с. 78]).

Поскольку Веллер стремится рассмотреть Куликовскую битву в различных аспектах культурно-историческом, социально-психологическом, акцентологическом, мировоззренческом, идеологическом, философском, морально-этическом и др.), а историю России в связи прошлого с настоящим в глобальном историческом контексте, постольку в повести присутствуют многочисленные отсылки к другим текстам культуры. Цель, которую при этом преследует писатель, – при минимальном объеме текста передать максимум информации, ориентируясь на читателя – носителя среднелитературного и разговорного типа речевой культуры. Поэтому обычно эти отсылки существуют в виде цитат, аллюзий, реминисценций и других (в терминологии В. П. Москвина) «фигурах интертекста».

Аллюзия – ассоциативная отсылка к известному для адресата факту виртуальной или реальной действительности, намек. Автор не говорит о каком-либо «факте» прямо, он указывает на него, намекает, при помощи другого, имеющего прямое отношение к исходному. В соответствии с источником аллюзии подразделяются на текстовые (литературные, библейские, мифологические), исторические и бытовые. Из текстовых аллюзий автор чаще использует литературные и мифологические: «*И вот сегодня, когда я пишу эти строки, преодолевая видимый миру смех и невидимые миру слезы, – на дворе у нас 2015 год*» [1, с. 260] («*Не было на Мамае Шекспира, так ведь и Гомера не нашлось*» [1, с. 14]; «*Так что ко времени Куликовской битвы народ был идеологически отмотобилизован и к бранному делу привычен. Модус вивенди, так сказать. Образ жизни, то есть*» [1, с. 26]; «*Грабеж и контрибуция сменились разумным налогом. Не режьте курицу – пусть несет яйца*» [1, с. 36] (отсылка к басне Эзопа «Курица и золотые яйца»); «*Потери русских были огромны. По пересчету после битвы – уцелел один из шести. Пиррова победа. Страна лишилась войска и большой части мужчин*» [1, с. 116]; «*Ну ладно, послал так послал. Дело житейское*» [1, с. 194] (отсылка к книге А. Линдгрена «Малыш и Карлсон, который живет на крыше»); «*Короче, чтоб ты жил в эпоху реформ*» [1, с. 153] («*Чтоб ты жил в эпоху перемен*» – проклятие, приписываемое Конфуцию); «*...вместо гомункулюса восстанавливается ужасный Франкеништейн с нарушением координации*» [1, с. 203] (отсылка к одноименному роману М. Шели); «*Милльон терзаний в сумасшедшем доме*» [1, с. 26] (отсылка к статье И. А. Гончарова «Милльон терзаний») и др.

Библейские аллюзии используются М. Веллером реже, но поскольку, кроме фактической отсылки, они имеют еще и философский оттенок, их присутствие всегда особенно выделяется: «*Кровь и железо, и мера в руке его! Вот что стоит за позитивно окрашенным в тона прогресса словом “централизация”*» [1, с. 133] (Откровение Иоанна Богослова, гл. 6, с. 5);

«И вспомнишь ты Библейское о том, что покарает Господь не тебя за грехи твои, но тебя через кару потомкам твоим покарает. И проклят будет род твой, и пресечется в проклятии» [1, с. 231] (отсылка к Книге пророка Иеремии) и др.

Много в тексте Веллера и исторических аллюзий: *«Да это вернулся просто отец отечества! Реальный правитель. Эдакий кардинал Ришелье, только куда более крутой и сложной эпохи»* [1, с. 91]; *«Истории всех великих народов берут начало от славных побед в серьезных битвах. Греки и Марафон, римляне и Ганнибал, испанцы и Реконкиста, французы и Столетняя война, турки и Константинополь: длинный список... Где у русских этот момент истины, этот узел на нити Истории, когда звездный час народа определяет его дальнейший взлет?»* [1, с. 132]; *«То есть. Да они были просто воины-интернационалисты!»* [1, с. 38]; *«А ведь немцы еще сильны. “Дранг нах Остен” так и прет»* [1, с. 56]; *«За подобное был убит Калигула – начальником своей охраны...»* [1, с. 237] и др.

Бытовые аллюзии довольно сложно распознаются в тексте, поскольку основой для их построения являются наши фоновые знания об окружающем мире. Этот вид аллюзии очень близок к широкому пониманию интертекстуальности, при котором любая ранее известная информация определяется как интертекст: *«Любая история – это кубик Рубика, который надо собрать. Предварительно найдя недостающие квадратики»* [1, с. 203]; *«Он позвонил Тохтамышу..., нет, А. Г. Белл запатентует телефон через пятьсот лет. Дать телеграмму тоже было нельзя. Можно было только послать гонца с письмом»* [1, с. 163]; *«Не люди, а помесь Васнецова с Псалтырью»* [1, с. 29] *«Обложим купца новыми налогами. Соберем да выжмем новые подати... Короче, бизнес был недоволен, что его кошмарят»* [1, с. 150]; *«То есть. Князь должен взвесить, чья крыша надежнее. В чьи силовые услуги надо инвестировать. Если вообще надо»* [1, с. 19] и др.

Однако наиболее частотными фигурами интертекста в повести М. Веллера являются парафраз и аппликация. Объединяет аппликацию и парафраз их ироническая, а иногда и сатирическая, окрашенность. Признаком, характеризующим парафраз, является изменение ключевого элемента фразы при сохранении всех других композиционных элементов высказывания: *«Нельзя сказать, чтобы все русские княжества вот так объединились для борьбы с проклятой силой темною, татарскою ордой. И лично лидером ее товарищем Мамаем»* [1, с. 50]; *«Шапка горит – на ком надо шапка горит»* [1, с. 175]; *«Еще одно, последнее сказание – и интермедия закончена моя»* [1, с. 37]; *«Так или иначе, на белую кошму воссел новый хан – а его зять шагнул во власть»* [1, с. 14]; *«Время тоталитаризму – и время демократии, ибо всему свое время под солнцем»* [1, с. 248] и др.

Аппликация – это прием, состоящий в использовании в качестве «строительных блоков» для текста устойчивых выражений, а также фрагментов текста без указания на источник. Источники аппликации в публицистических текстах М. Веллера самые разнообразные: от пословиц и анекдотов до религиозных песнопений: *«То есть что ни год шла такая борьба за мир, что камня на*

камне не оставалось» [1, с. 23]; «Да они выжидали в таких условиях, где нынешних лидеров XXI века обвели бы вокруг пальца, перехитрили сто раз и сожрали живьем, предварительно обобрав до нитки! [1, с. 60]; «Беда в том, что заваленный фактами историк, не держась за путеводную нить версии, почему это все стряслось, перестает видеть лес за деревьями» [1, с. 27]; «Народ безмолвствует, но если скажет – так скажет. Пипла хаваает. Но если подавится – сплюнет много» [1, с. 153]; «Не зацкливаясь на точных датах (а их множество), возьмем и мы – как Пушкин! наше все! – Прошло сто лет. И юный град, полночных стран краса и диво... Нет, это еще нескоро город вознесется из топи блат. Через сто лет после Куликова поля другие вершились дела. Но – в верном направлении!.. Назло надменному соседу» [1, с. 233]; «Поэтому – сарынь на кичку! Наше дело правое – а там Бог поможет, свинья не съест!» [1, с. 188]; «Церковь встала с колен на дыбы. На тебя, княже, митрополитов не напасешься!» [1, с. 223]; «Генеалогическое древо исторических подвигов до ужаса напоминает развесистую клюкву» [1, с. 13]; «Но мы с презрением отвернемся от этой продажной девки всех режимов. И обратимся к историкам честным и непредвзятым. И что же мы имеем? Не понос – так золотуха. Не нравится чумы на оба ваших дома? – холера ясная вам в бок» [1, с. 27] и др.

Перифраз и аппликация могут причудливо переплетаться в тексте, формируя экспрессивно-оценочную характеристику тезиса (текста): «Ослабление морали как оппозиции земному набитому брюху. Кто платит, тот заказывает музыку. И не блаженны нищие. И если ты такой умный, то отчего не богатый: сугубо материальный успех наделяется умственными и моральными достоинствами. И богатые сквозь золотое ушко шире Триумфальной арки первыми въезжают в Царствие Небесное на лимузинах. Золотой телец» [1, с. 138].

Очень значимой и функционально нагруженной фигурой интертекста в повести Веллера является цитата. Она дополняет и усиливает аргументацию, так как отсылает читателя к опыту и авторитетам прошлого. Оформление цитаты в тексте может быть различным: заключением в кавычки с указанием на источник, при помощи вводных слов, придаточных предложений, наконец, с использованием авторской пунктуации: «Можно почитать Блока: “Работай, работай, работай”... Можно процитировать Кестнера: “Оптимизм – наш долг, сказал государственный канцлер”... Можно вспомнить, что “жизнь есть борьба” Последнее. Что хорошо для улья – хорошо для пчелы. Платон» [1, с. 359]; «Тимур-ленг любил повторять: “Этот мир слишком мал, чтобы иметь больше одного повелителя”» [1, с. 244] и др.

Цитата может быть точной: «И вышвырните быстро за дверь Брехта с его воплем: “Еще способно плодоносить чрево, которое вынашивало гада!”» [1, с. 261] и неточной: «Непобедимых армий не бывает, заверил летом сорок первого года разгромленный товарищ Сталин, и в данном случае был совершенно прав» [1, с. 22] (История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. И. В. Сталин). Наконец, писатель использует нетривиальный прием псевдоцитации, сопряженной с аллюзией: «Разгромив захватчиков огнем своей

артиллерии, мирный советский трактор развернулся и улетел пахать родное поле» [1, с. 147]. Псевдоцитата строится из клише языка газет советского периода, а ее смысловой абсурд подчеркивает абсурдность междуусобных войн русских князей (о чем в тексте предварительно велась речь) и в целом абсурдность милитаристского мышления.

Фигуры интертекста нередко используются автором в качестве исходных данных для построения умозаключения, оформленного в виде афоризма: «Ты собираешься разобраться лишь в одном историческом событии – и вскоре оказывается, что влез в дебри хитросплетений той эпохи, клубок разматывается и сплетается в паутину, твои мозги опутаны безумством связей и дат – и чем дальше в лес, тем наглее и бесчисленнее мельтешат в глазах партизаны.

Что можно сказать о средневековой истории, если сегодня мы так и не знаем, кто убил Кеннеди? Если советские архивы Второй мировой войны частично засекречены, частично уничтожены, а частично перевираются с особенным цинизмом? Если сто лет подряд каждый лидер страны приказывает лить деготь на предыдущего?...

Историю пишут победители – это внешнеполитическую историю, когда война кончилась. А вообще историю пишут власти. Ставят задачу историкам – и историки оформляют желаемую власти точку зрения в монографии и диссертации. Чем авторитарнее строй – тем управляемее история.

И журналисты пишут историю – опосредованно. Журналисты создают идеологическую атмосферу в обществе. И историки, надышавшись этой идеологизированной атмосферой, пишут историю. Глаза у них от искреннего патриотического угара встают поперек лба, и вот под таким углом зрения они и рассматривают историю. Особенно родную. Мама не горюй.

То есть. История – это политика, обращенная в прошлое. Пardon за банальность» [1, с. 26–27] и др.

Таким образом, аллюзии, аппликации, парафразы, цитаты реализуются в тексте повести как по отдельности, так и в сочетании друг с другом. «Заимствования» основываются на богатом и разностороннем материале. М. Веллер не ограничивает себя ни географическими, ни литературными рамками, используя бесконечно многообразное культурное наследие. Фигуры интертекста в повести М. Веллера выполняют не только образную, сатирическую, оценочную и комментирующую функции, но и являются доказательной базой умозаключений, основой для сравнений, аналогий, оценки, рефлексии. Добавочность, контрастность информации, представленной «заимствованиями», позволяет взглянуть на ситуацию под другим углом зрения, в другом освещении.

Список использованной литературы

1. Веллер, М. Наш князь и хан / М. Веллер. – М. : АСТ, 2015. – 288 с.

Н. М. Борсук (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

НЕКАТОРЫЯ СТАРОНКІ З ТВОРЧАСЦІ А. С. ПУШКІНА ВА ЎЗНАЎЛЕННІ БЕЛАРУСКІХ АЎТАРАЎ

Быць паэтам-перакладчыкам – гэта не толькі прафесія, але і стан душы. Каб пераканацца ў гэтым, звернемся непасрэдна да перакладаў П. Глебкі, М. Багдановіча, Ю. Свіркі, В. Зуёнка, А. Куляшова, Ю. Гаўрука, М. Стральцова, Х. Жычкі, Р. Барадуліна, А. Вярцінскага [3], якія спрычыніліся да пушкінскіх шэдэўраў. Беларускія творцы здаўна многа і добра перакладаюць з рускага паэта. Работа над перакладамі твораў А. С. Пушкіна – гэта не толькі выражэнне павагі да мастака слова, але і сур’ёзная школа паэтычнага майстэрства кожнага творцы. Невыпадкова, што на сённяшні дзень існуе па 3–7 версій перакладу таго ці іншага твора рускага генія на беларускую мову.

А. С. Пушкін – адзін з тых таленавітых людзей, хто сваёй творчасцю надаваў высакароднасць жыццю: «Мой друг, айчыне аддадзім / Душы прыгожыя імкненні!». На наш погляд, перакладчыку Пятру Глебку ўдалося паглыбіць пазіцыю аўтара верша «Да Чаадаева» за кошт слова *аддадзім* (рускі варыянт – *посвятим*). Спатрэбіцца час, каб кожны ўдумлівы чытач змог адчуць сілу пушкінскага слова, напоўненага мудрасцю, самаахвярнасцю: «І на абломках самаўладства / Напішуць нашых рад імён!» Думаецца, слова *рад* спрашчае значэнне паэтычнага радка. А. С. Пушкін злучэннем *наши имена* імкнуўся сканцэнтраваным увагу чытача на тых постацях, у душы якіх «кіпяць яшчэ жаданні, / І пад ярмом улады злой / ...нецярпліваю душой / Айчыны чуюць заклінанні». Узнаўленне радка («Но в нас горит еще желанье, / под гнетом власти роковой / Нетерпеливою душой / Отчизны внемлем призыванье») – яскравы узор таго, як паступова разгараюцца пачуцці лірычнага героя. На жаль, кульмінацыйны акорд у гэтым ланцужку напалу пачуццяў у перакладзе гучыць цьмяна («Таварыш, вер: настане ён, / Шчаслівы дзень святла і брацтва»). І як вынік, Пётр Глебкі здолеў перадаць толькі сутнасць пушкінскага геніяльнага радка «... взойдёт она, / Звезда пленительного счастья», але стварыць паэтычны вобраз, годны рускага паэта, не ўдалося.

Як адзначаюць літаратуразнаўцы, у адрозненні ад М. Лермантава альбо Байрана, духоўны ідэал якіх характарызаваўся пастаянствам, А. С. Пушкін знаходзіўся на шляху духоўнага ўзнаўлення. Лірычны герой А. С. Пушкіна (вершы перыяду 1820–1824 гг.) прадстае перад чытачом то ў вобразе «добраахвотнага выгнанніка» («Мы – вольныя пціцы; пара, брат, пара! / Туды, дзе за хмарай бялее гара»), то ў вобразе ўцекача, вязня («Сяджу я ў турме за рашоткай гады. / Узросшы на волі арол малады»). Праблему свабоды і М. Багдановіч, і А. Пушкін раскрываюць кожны па-свойму. Створаны беларускім перакладчыкам вобраз арла «ўзросшага на волі» у супрацьлегласць пушкінскай птушцы «вскормленной в неволе» ўзмацняе сэнс эпітэта «арол малады». Думка, што ніякія перашкоды, якія асацыіруюцца ў вершы з «темницей

сырой» (*турма* – беларускі варыянт), не здольны скаваць свабоду мыслі, зразумела кожнаму чытачу.

Лірычны герой А. С. Пушкіна заўсёды ў дарозе. Шкада, што падарожжа часам уяўляецца яму замкнутым светам цывілізацыі: «Сядаем раннем мы з ахвотай; / Гатовы галаву зламаць / І, пагарджаючы лянтай, / Крычым: пайшоў!.. <...> / А ў поўдзень нам не да забавы; / Парастрасала, ледзь сядзім; / Нас страшаць спадзіны, канавы; / Гані цішэй, дзівак! – крычым» (верш «Калымага жыцця», перакладчык Юрась Свірка). Цяжка пагадзіцца са словам *дзівак*, якое ўжывае перакладчык (аўтарскі варыянт – *дуралей*): «Полегче, дуралей!». На наш погляд, Юрась Свірка не праводзіць тонкую мяжу паміж пэўнымі адрэзкамі часу ў жыцці чалавека: дзяцінства, маладосць, сталасць... Адсюль неапраўданая замена паняцця *отвага* (рускі варыянт) словам *забава* (беларускі варыянт). У пэўныя перыяды жыцця чалавек па-рознаму ставіцца да такой катэгорыі, як час. У сталым узросце асабліва востра адчуваецца імклівасць жыцця, у прыярытэце – надзейнасць і стабільнасць. Таму лірычны герой спрабуе прытармазіць ямшчыка.

«Движение вперед мыслится Пушкиным как возвращение» [1, с. 118], – на такую важную адметнасць у творчасці рускага паэта звяртае ўвагу літаратуразнаўца Ю. М. Лотман. Гэтая думка выразна прасочваецца ў вершы «Я помню чудное мгновенье...»: першапачатковы чысты стан душы («Узнікла ты перада мной, / Як прыгажосці чыстай геній, / Лятунак мроі незямной») – духоўнае зацьменне («Быў у глушы няволі ценем / Азмрочан дзён маіх працяг, / Без святасці і без натхнення, / Без слёз, кахання і жыцця») – адраджэнне як вяртанне да светлага пачатку («Ды наступіла абуджэнне. / І вось ты зноў перада мной, / Як прыгажосці чыстай геній, / Лятунак мроі незямной»). Безумоўна, Васіль Зуёнак тонка перадаў тугу героя па каханай, пачуццё адзіноты і пакуты лірычнага героя, вяртанне яго да жыцця дзякуючы сіле кахання. Невыпадкова пераклад «Я помню дзіўнае імгненне...» належыць да ліку ўдалых. Галоўнае – перакладчыку ўдалося захаваць дух твора. Як тут не ўзгадаць словы Вальтэра, які ў свой час выступаў супраць літаральнага перакладу: «Гора тым, хто перакладае літаральна і, перадаючы кожнае слова, робіць бяскроўным сэнс. Якраз тут можна сказаць, што літара забівае, а дух жыватворыць» [2, с. 92].

Твор быў напісаны ў Міхайлаўскім, куды паэт прыехаў падчас восені, любімай пары года: «Скідае лес барвовы свой убор, / Заслаў мароз дыван бялюткі ў полі, / Дзень выгляне як быццам мімаволі / І знікне зноў за край вакольных гор». Разлука з сябрамі, мілы сэрцу пейзаж Міхайлаўскага прадыхавалі радкі верша «19 кастрычніка». Колер срэбра, выкарыстаны А. С. Пушкіным у першых радках твора («Роняет лес багряный свой убор, / Сребрит мороз увянувшее поле»), убірае ў сябе пакуты, боль і адначасова надзею – тыя пачуцці, якія перажывае чытач разам з лірычным героем па ходу чытання верша. А вось радок «Заслаў мароз дыван бялюткі ў полі» настройвае чытача на мінорны лад, узмацняе самоту героя. У перакладзе А. Куляшова няма нават намёка на здзяйсненне мар. А як вядома, менавіта сустрэчы з сябрамі, якія наведвалі ссыльнага Пушкіна, размовы, спрэчкі, ліставанне прыводзяць паэта да

філасофскай высновы: «Служенье муз не терпит суеты; / Прекрасное должно быть величаво» – «Служэнне муз не любіць мітусні; / Спакоем дыхаюць мастацтва чары». Мастацтва – гэта менавіта і ёсць тая прыгажосць, што ратуе чалавека, дазваляе яму хаця бы адзін дзень правесці ў гармоніі з жорсткім светам «без горя и забот» – «без гора и турбот». Менавіта да гэтай думкі падводзіць чытача рускі паэт.

Верш «У глыбіні сібірскіх руд» (перакладчык Юрка Гаўрук) – сведчанне таго, што А. С. Пушкін неаб'якава ставіўся да лёсу сяброў, прыкладваў намаганні палегчыць іх пакуты. Спадзяванні паэта на рэформы з прыходам да ўлады цара Мікалая I не спраўдзіліся: («И милость к падшим призывал» – «I літасць да нябог гукаў»).

На наш погляд, перакладчыку верша «У глыбіні сібірскіх руд» удалося перадаць настрой лірычнага героя, паказаць, як плаўна ён мяняецца ад сумнага, змрочнага да ўзвышанага. Мноства эпітэтаў, якія захавалі Юрка Гаўрук (*гордае цярпенне – гордае терпенье, высокае імкненне – высокое стремление, капальня мглистая – мрачное подземелье*), метафар (*вольны наказ – свободный глас, не згіне плён цяжкіх пакут – не пропадёт ваш скорбный труд*), увасабленняў («Вас воля стрэне ля парога» – «свобода Вас примет радостно у входа», «Як вашы катаржныя норы / Знаходзіць вольны мой наказ» – «Как в ваши каторжные норы, / Доходит мой свободный глас», «надзея будзе зоркай прамяністай» – «надежда разбудит») надаюць паэтычным радкам эмацыянальную афарбоўку, апісваюць нягоды, якія вымушаны былі штодзённа перажываць выгнаннікі. Прыём алітэрацыі (паўтарэнне гука *p*) дазваляе і аўтару, і перакладчыку перадаць цвёрдасць, непахісную надзею і любоў дзекабрыстаў да сваёй Айчыны. Захаванне рыфмоўкі: АВАВ (першае чатырохрадкоўе), АВВА (астатнія строфы) надае паэтычнаму твору кампазіцыйную завершанасць, тым самым сцвярджаецца ўрачыстасць розуму і справядлівасці.

Прадчуванне буры («Снова тучи надо мною / Собралися в тишине» – «Аблачыны нада мною / Спахмурнелі – гром імкне») не пакідае паэта. Найчасцей лірычны герой А. С. Пушкіна ставіцца да яе аб'якава («Равнодушно бури жду»). Аналіз творчасці паказвае, што адна з прычын такіх адносін мастака слова да жыццёвых праблем крыецца ў яго самаадданасці творчасці, таму аб'екту, які, па перакананні А. С. Пушкіна, патрабуе высільванняў да рэшты, да канца. Шкада, што жыццёвае крэда рускага паэта ў перакладзе М. Стральцова недастаткова выразна акрэслена («Сустрэкаць прывык бяду»).

Глядзец у твар небяспецы для А. С. Пушкіна было духоўнай патрэбай. Жыццё паэта водзіць па крузе, не дазваляе выбрацца на свабоду: «Незлічоныя іх твары / Засланілі далягляд; / Закружыліся, пачвары, / Нібы лісце ў лістапад... / Ад каго яны ўцякаюць? / Што так жаласна пяюць? / Ведзьмака, ці што, хаваюць, / Ведзьму замуж выдаюць?». Містычны вобраз чарцей, якіх убачылі падарожныя ў прыроднай каламуці з верша «Чэрці», не пакідае надзею на будучае шчасце. Паэтычныя радкі і верша-арыгінала, і яго перакладу на беларускую мову Хведарам Жычкай выклікаюць мінорна-меланхалічны настрой. Душа паэта не знаходзіць пакоя ні ў Пецяярбургу, ні ў Маскве, ні на Каўказе, ні нават мара

аб стварэнні сям'і, дома, наяўнасць якога робіць чалавека моцным роднай зямлі, гісторыі, народу, не радуе. Да годнасці перакладчыка неабходна дадаць, што Хведар Жычка ўзнавіў пушкінскі верш па-беларуску так, што паэтычны твор нічога не страціў, застаўся самім сабой і адначасова верш «Черти» гучыць як найлепш. Тонкім густам, высокім прафесійным майстэрствам вызначаюцца створаныя перакладчыкам вобразы, пры дапамозе якіх перадаецца разгул стыхіі (*хмары ўроссып – мчатыся тучы, хмары ў кучу – вьютыся тучы, невідзёнак-веташок – невидимкою луна, мутны мрок – ночь мутна, каламуць – все дороги занесло, завіруха вые, плача – вьюга злітыся, вьюга плачет, коні чуйныя храпуць – кони чуткие храпят*). Надрываюць душу лірычнага героя гукі балабончыка «дзінь-дзінь-дзінь», узмацняе адчуванне трывогі, напружанасці, стомленасці чатырохрадкоўе («Хмары ўроссып, хмары ў кучу; / Невідзёнак-веташок / Асвятляе снег лятучы; / Мутна ў небе, мутны мрок»), што тройчы паўтараецца і кампазіцыйна яднае верш.

А. С. Пушкін удзячны Богу, што і яму давалося дачакацца сямейнага шчасця: «Мае жаданні з'ясніліся. Творца зор / І мне цябе паслаў, цябе, мая Мадонна, / Найчыстае чароўнасці найчысты ўзор». Верш «Мадонна» (перакладчык Рыгор Барадулін) быў напісаны за паўгода да вячання паэта з Наталляй Ганчаровай. «Сваёй Мадоннай» любіў называць А. Пушкін каханую. Дасканалая форма санета, якую абраў паэт, увасабляе заповітную мару мастака слова – вечна глядзець на карціну, на якой адлюстраваны прачыстая і выратоўца боскай згоды. Але ж размова ідзе не пра ікону, так Аляксандр Сяргеевіч уяўляў ідэальную сям'ю: «Яна ўся з веліччу, ён з мудрасцю ў вачах» – «Она с величием, он с разумом в очах». Заўважым, што паэт ні слова не гаворыць пра знешнасць жанчыны, але падкрэслівае яе нявіннасць: «Чистойшей прелести чистойший образец» («найчыстае чароўнасці найчысты ўзор»).

Вершы А. С. Пушкіна на тэму кахання напоўнены сумам і жарсцю, боллю і высакародствам. Санет «Мадонна» стаіць асобна. Магчыма таму, што ў ім сканцэнтраваны стан душэўнага пакоя, у якім меў патрэбу паэт.

Па жыцці чалавека павінна весці каханне, якое не падуладна смерці. Гэтая думка сцвярджаецца ў вершы «Заклён». Ліхаманкавыя воклічы («О, калі праўда», «З'явіся, дарагі мой сень»; «Сюды, мой друг»), тужлівыя шматкроп'і, паўторы («сюды, сюды!») узмацняюць пачуццё змрочнага адчаю: «О, калі праўда, ...сюды, сюды!» Лірычны герой выклікае замагільны цень, каб пазбавіцца віны перед каханай, заверыць яе, што яна была, ёсць у яго сэрцы. Лірычны герой з нецярпеннем чакае нейкі знак з іншасвету: лёгкі гук, подых ветру... Ён марыць сустрэцца з «прывідам прарочым» («ужасным виденьем»), каб сказаць: «Люблю я, я твой» – «Хачу сказаць: люблю такую, / Якой была. Сюды! Я твой...». Метафары («Когда покоятся живые... / Пустеют могилы» – «Як лягуць на спачын жывыя... / Пусцеюць ціхія магілы»), параўнанні: (*как дальняя звезда, звук, виденье – як зімовы дзень, як ценькі гук, як подых нocy*), эпітэты (*тихие могилы – ціхія магілы, камни гробовые – могілкі сівыя, ужасное виденье – прывід прарочы*) дапамагаюць мастаку слова перадаць апантанасць лірычнага героя А. С. Пушкіна каханай Жанчынай, ператварыць яго маналог

у сапраўдны заклён (адсюль і назва верша – «Заклён», пераклад Міхася Стральцова).

Тэма кахання і смерці цесна параплятаецца ў творчасці рускага паэта з тэмай жыцця і дэградацыі асобы (верш «Калі за горадам прыстану ад хады», пераклад Рыгора Барадуліна). Лірычны герой А. С. Пушкіна з пагардаю ставіцца да людзей, якія страцілі асновы духоўнасці. Няма ў яго спачування ні «мерцвякам сталіцы», ні іх сем'ям. Праз супрацьпастаўленне тут «мусяць дагнісці ўсе мерцвякі сталіцы» – там «дрэмлюць мёртвыя ў спакоі ўрачыстым» А. С. Пушкін праводзіць думку аб жыцці пасля смерці. Быццё асобнага чалавека – гэта звяно ў ланцужку паміж продкамі і нашчадкамі – ланцужку, абодва канцы якога адыходзяць у бясконцасць. Вобраз-сімвал магутнага дуба, спакойнага і велічнага, што раскінуўся на вясковых могілках, з'яўляецца працягам жыцця пахаваных тут людзей. Пагадзіцеся, неапраўдана ўжыванне перакладчыкам словазлучэння «над трунамі глухімі» замест «над важнымі гробамі». Людзі ходзяць на вясковыя могілкі дзеля таго, каб загаіць душэўныя раны, параіцца з тымі, каго ўжо няма на свеце. І выраз *глухія труны* не мае нічога агульнага з тымі, хто ляжыць пад надпісамі ў прозе, вершах «Пра дабрачыннасці, пра службу, пра чыны» («О добродетелях, о службе и чинах»). Перакананы, што А. С. Пушкін хваляваўся, каб яго не пахавалі на такіх гарадскіх могілках, тым больш, што верш быў напісаны за год да гібелі паэта.

Праведзены аналіз дае права сцвярджаць, што лірыка А. С. Пушкіна атрымала паўнацэннае жыццё на беларускай глебе. Перакладчыцкая дзейнасць дае нашым сучаснікам імпульс да паўнейшага раскрыцця індывідуальнага пачатку ў творчасці, паглыбляе філасафічнасць як агульную форму светаўспрымання і светапазнання, спрыяе духоўнаму самаўдасканаленню асобы як паэта, так і чытача, фарміраванню іх эстэтычнага густу і пашырэнню сапраўдных уяўленняў аб прыгожым.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Лотман, Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя : пособие для учащихся / Ю. М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1983. – 255 с.
2. Мастера афоризма: от Возрождения до наших дней / сост. К. Душенко. – Изд. 3-е, испр. – М. : Эксмо, 2008. – 894 с.
3. Пушкин, А. С. Нет, весь я не умру.... Лирика : на рус. и белорус. языках / А. С. Пушкин ; сост. Вадим Спринчан. – Минск : Маст. літ., 1993. – 205 с.

Л. Н. Грицук (г. Брест, Республика Беларусь)

ЛАТИНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. В. ВЕРЕСАЕВА

Интересны лексические единицы в произведениях В. В. Вересаева на латинском языке. Латинский язык он освоил достаточно глубоко, потому что учился в классической гимназии. В своем дневнике даже сделал запись на латинском языке – «*Sed fugit interea, fugit irreparabile tempus...*» (Но бежит

между тем, бежит безвозвратное время) [1]. Латинский язык он считал языком медиков. В эпоху Возрождения латынь как язык натурфилософских и математических трактатов стала уступать место новым языкам. Это коснулось и медицины: А. Паре писал свои сочинения по-французски, Парацельс читал лекции по-немецки. Однако в целом медицина была в этом отношении весьма консервативной. В. Вересаев в Предисловии к первому изданию «Записок врача» упоминает о том, что «в средние века один вормский врач, Реслин, издал свой медицинский труд не на латинском языке, как тогда было в обычае, а на немецком; вполне сознавая всю возмутительность такой «профанации» своей науки, он в предисловии извинялся в этом перед читателями и убедительно просил их получше прятать его книгу, «чтоб она не попала в руки непосвященным, и чтоб таким образом бисер не метался перед свиньями» [2].

В. В. Вересаев в своих произведениях употребляет большое количество медицинских терминов как на русском языке, так и на латинском. Точность в описаниях симптомов болезней возмутила многих читателей. Вот что пишет автор в Предисловии к первому изданию «Записок врача»: «Предлагаемые “Записки” вызвали против меня среди некоторой части читателей бурю негодования: как мог я решиться в общей печати, перед профанами, с полной откровенностью рассказывать все, что переживает врач, – какую цель я при этом преследовал? Я должен был знать, что в публике и без того распространено сильное недоверие к медицине и врачам, разоблачения же, подобные моим “Запискам”, могут только усилить это недоверие... Автор, будучи сам врачом, должен бы понимать, что он делает, подрывая в публике доверие к врачам и медицине» [2]. В. Вересаев считает, что его истории без точных медицинских названий не смогут быть правдоподобными. Их употребление же даст возможность реально воспроизвести ту социальную среду, к которой принадлежат действующие лица и придать диалогам врача с больным достоверность, определяя персонажей как представителей определенных социальных и профессиональных групп. Таким образом, медицинская терминология выполняет в художественных произведениях важную характерологическую функцию.

Описывая медицинские истории, Вересаев использует довольно большое количество медицинских терминов на латыни, которые функционируют, главным образом, в номинативной функции. Это вызвано необходимостью приведения научных фактов и эпизодов из профессиональной деятельности врачей для убедительности в изложении своих мыслей. Латинский язык становится компонентом его изложения. На нем он записывал анатомические термины (*glutaeus maximus* (большая ягодичная мышца), *quadriceps femoris* (четырёхглавая мышца бедра), *sternocleidomastoideus* (грудино-ключично-сосцевидная мышца), *musculi recti abdominis* (прямая мышца живота)); названия болезней (*pemphigo foliaceo* (буллезный пемфигоид – заболевание кожи)); *diabetes insipidus* (несахарное мочеизнурение); *pyo-pneumothorax* (инфицированный гидронефроторакс); симптомы болезней (*roseola* (признак сифилиса), *globus hystericus* (признак истерии).

В. Вересаев не просто использует, но и разъясняет читателю специальные медицинские фразеологизмы: «Фармакология познакомила нас с целым рядом средств, заведомо совершенно недействительных, и тем не менее рекомендовала нам употреблять их. Положим, нам неясна болезнь пациента, и нужно выждать ее выяснения, или болезнь неизлечима, а симптоматических показаний нет; “но ведь вы не можете оставить больного без лекарства”, – и вот в этих случаях и следовало назначать “безразличные” средства, для подобных назначений, в медицине существует даже специальный термин – “прописать лекарство *ut aliquod fiat*” (сокращенное вместо “*ut aliquid fieri videatur*”), – чтобы больному казалось, будто для него что-то делают» [3].

«Вообще, как я видел, в медицине существует немало довольно-таки поучительных “специальных терминов”; есть, например, термин, “ставить диагноз *ex juvantibus*, – на основании того, что помогает”: больному назначается известное лечение, и, если данное средство помогает, значит, больной болен такою-то болезнью; второй шаг делается раньше первого, и вся медицина ставится вверх ногами: не зная болезни, больного лечат, чтобы на основании результатов лечения определить, от этой ли болезни следовало его лечить!» [3].

С целью усиления достоверности описания, а также для яркого представления читателю сложности изучения медицины писатель охотно цитирует своих учителей и экспериментаторов, – «...знаменитый трактат Гарвея о кровообращении почти сплошь состоит из описаний опытов, произведенных Гарвеем над живыми животными; вот заглавия нескольких глав трактата: «*Ex vivorum dissectione qualis sit cordis motus*» – «Движение сердца по данным, добытым путем живосечений»; «*Arteriarum motus qualis ex vivorum dissectione*» – «Движение артерий по данным, добытым путем живосечений»; «*Motus cordis et auricularum qualis ex vivorum dissectione*» – «Движение сердца и клапанов по данным, добытым путем живосечений» [3].

Писатель приводит описания опытов, иногда перечисляет показания к применению лекарственных препаратов, а также афоризмы известных авторов: *Sed fugit interea, fugit irreparabile tempus* (Vergilius). (Однако бежит между тем, бежит невозстановимое время! Вергилий (лат.) *Beatus sum!* (Я счастлив! (лат.) «... каждый факт, каждое объяснение факта как будто сами собою твердили золотые слова Бэкона “*non fingendum aut excogitandum, sed inveniendum, quid natura faciat aut ferat*, – не выдумывать, не измышлять, а искать, что делает и несет с собою природа”» [3].

В произведении занимают свое место рецептурные прописи и даже комментарии к ним: «Подписывая свой рецепт, я невольно остановился, – так поразил он меня своей необычностью. На нем стояло:

Rp Inf. fol. Digitalis ex 8,0 (!) 200,0 DS. Через час (!) по столовой ложке.

Это значит: настой двухсот граммов воды на восьми граммах наперстянки, а восклицательные знаки, по требованию закона, предназначены для аптекаря: высшее количество листьев наперстянки, которое можно в течение суток без вреда дать человеку, определяется в 0,6 грамма; так вот, восклицательные знаки и уведомляют аптекаря, что, прописав мою чудовищную

дозу, я не описался, а действовал вполне сознательно... Да, наука дает мне не так много, как я ждал, и я не талант. Но прав ли я, отказываясь от своего диплома? Если в искусстве в данный момент нет Толстого или Бетховена, то можно обойтись и без них; но больные люди не могут ждать, и для того, чтобы всех их удовлетворить, нужны десятки тысяч медицинских Толстых и Бетховенов. Это невозможно. А в таком случае так ли уж бесполезны мы, ординарные врачи? Все-таки, беря безотносительно, наукою отвоевана от искусства уж очень большая область, которая с каждым годом все увеличивается. Эта область в наших руках. Но и в остальной медицине мы можем быть полезны и делать очень много. Нужно только строго и неуклонно следовать старому правилу: «*primum non nocere*, – прежде всего не вредить». Это должно главенствовать над всем.

Нужно, далее, раз навсегда отказаться от представления, что деятельность наша состоит в спокойном и беззаботном исполнении указаний науки. Понять всю тяжесть и сложность дела, к каждому новому больному относиться с неослабевающим сознанием новизны и неопознанности его болезни, непрерывно и напряженно искать и работать над собою, ничему не доверять, никогда не успокаиваться. Все это страшно тяжело, и под бременем этим можно изнемочь; но, пока я буду честно нести его, я имею право не уходить» [3].

Не обходится без латинского афоризма, когда говорит автор о медицинской этике: «Все наше воспитание направлено к тому, чтоб сделать для нас наше тело позорным и постыдным; на целый ряд самых законных отправлений организма, предуказанных природою, мы приучены смотреть не иначе, как со стыдом; *obscoenum est dicere, facere non obscoenum* (говорить позорно, делать не позорно), – характеризует эти отправления Цицерон» [3].

Склонность писателя к документализму – это очень важная деталь для изучения функционирования медицинских терминов в его прозе. Тема, задача, которые ставил перед собой В. В. Вересаев, его художественный вкус, близость к описываемой профессиональной среде определили и широту использования специальной лексики, и манеру подачи специальных слов. Он не мог обойтись без слов специального языка, называющих объекты и понятия медицины, которые составляют круг занятий его героя.

Медицинские термины входят в вербально-семантический уровень языковой личности писателя, который заключается в отборе терминов, лексическом наполнении тематических групп и в способах семантического преобразования терминов. На лингво-когнитивном уровне термины являются средством раскрытия идейного замысла писателя. Все это обуславливает особое место термина в создании художественной картины мира писателя. Художественно-образное употребление термина служит созданию экспрессивности и эмоциональности, связано с намерением автора выразить свое отношение (положительное или отрицательное) к отображаемым событиям, выделить какие-то определенные свойства или качества у объекта описания. Но если в научном стиле терминологическая лексика является основным элементом и выполняет только номинативную функцию, то в художественной речи термин

употребляется в номинативно-описательной и художественно-образной функции – с целью воссоздания производственного колорита, трудовой деятельности персонажей, создания речевой характеристики героев.

Список использованной литературы

1. Вересаев, В. В. Собрание сочинений [Электронный ресурс]: в 5 т. / В. В. Вересаев. – Т. 5 : Воспоминания. – Режим доступа: <https://litlife.club/books/144273/read?page=44>. – Дата доступа: 20.11.2021.
2. Вересаев, В. В. Записки врача. Предисловие к первому изданию [Электронный ресурс] / В. В. Вересаев. – Режим доступа: <http://veresaev.lit-info.ru/veresaev/proza/zapiski-vracha/zapiski-vracha>. – Дата доступа: 20.11.2021.
3. Вересаев, В. В. Записки врача [Электронный ресурс] / В. В. Вересаев. – Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=88723&p=1. – Дата доступа: 20.11.2021.

Н. М. Гурина (г. Брест, Республика Беларусь)

КОММУНИКАТИВНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СМЫСЛ КОНСТРУКЦИЙ С ЧУЖОЙ РЕЧЬЮ В РАССКАЗЕ В. АСТАФЬЕВА «ЛЮДОЧКА»

Дихотомия прямая – непрямая речь приобретает особую коммуникативную и эстетическую значимость в художественном тексте. В эстетически акцентированном произведении наблюдается использование конструкций чужой речи в поэтической функции: в качестве элементов языковой игры, стилистических противопоставлений в ходе развития повествования, психологической характеристики героя.

Психологичность современной русской прозы дает богатый материал для наблюдений за приемами субъективизации повествования. В данной работе мы обратимся к рассказу классика русской литературы В. Астафьева «Людочка», который был опубликован в 1989 г/ в журнале «Новый мир» [1]. Автор описывает реальное происшествие в небольшом городке где-то в середине 70-х гг.: короткую жизнь и внезапную смерть молодой девушки. Знание городской жизни, боль за погибающую русскую деревню, широта жизненного и писательского опыта позволили В. П. Астафьеву в небольшом произведении поднять те нравственные вопросы, которые волновали его всю жизнь. Благодаря всем вышеперечисленным качествам рассказ приобрел цельность, плотность, обобщенность. Краткое название «Людочка» вбирает в себя и номинативную, и оценочную функции. Людочка – это главная героиня рассказа, и уменьшительно-ласкательный суффикс в имени говорит о нежном отношении к ней автора. Людочка – деревенская девушка, «слабенькая, квёлая от рождения, в своей школе не выходила из троечниц» [2]. «Домаяла» 10 класс – и мать отправила ее в «люди», в город, потому что в деревне ей делать нечего. Скромная (если не сказать забитая) девушка попыталась стать ученицей парикмахера, но мастерство не давалось, а идти было некуда, вот она и осталась в парикмахерской уборщицей. В «людях» жилось ей несладко, как не раз живописали русские классики: насмешки, придирки и беспросветная работа.

На описание тягот бытия В. П. Астафьев тоже красок не жалеет. В городе, в котором поселилась Людочка, нет ничего примечательного, кроме вагонно-паровозного депо. Главное место действия – парк этого самого депо, насаженный в 30-х гг. и погубленный в 50-х. В нем есть решетчатый загон для танцев молодежи – там по вечерам «трещала, гудела, грохотала музыка, помогая стаду в бесовстве и дикости» [2].

Через этот парк Людочке приходилось ходить каждый день. И однажды ее зацепил освобожденный из лагеря уркаган Стрекач. Картина неравной схватки со Стрекачом еще будет предметом нашего внимания. Как и ожидалось, за Людочку никто не заступился, и физически и морально раздавленная девушка решила наложить на себя руки.

Далее проследим, как позиция автора проявляется в градации своего и чужого голоса в рамках одной синтаксической структуры. Мы будем опираться на классификацию конструкций с чужой речью, представленной в [2]. В этой работе мы дополним традиционную триаду *прямая речь* (ПР) – *несобственно-прямая* (НПР) – *косвенная речь* (КР) переходными способами передачи чужой речи.

Словесно-аналитическая модификация косвенной речи (в терминах В. Волошинова) характеризуется минимальным присутствием в авторской речи голоса персонажа, представленного единицами лексического уровня. «Когда Людочка домаяла десятый класс в школе и сделалась девушкой, мать сказала, чтоб она ехала в город – устраиваться» [2, с. 47].

Глагол *устроиваться* является элементом разговорной речи матери и означает поступить на работу, наладить свою жизнь.

Косвенная речь с модальной частицей *мол* указывает на пересказ чужих слов. В русском языке нет специального пересказывательного наклонения, поэтому конструкция с модальной частицей *мол* выполняет сходные функции: «Она хотела еще и волосы покрасить, но старая парикмахерша, сама крашенная под медный самовар, отсоветовала: мол, волосенки у тебя «мя-а-ах-канькия, пушистенкия, головенка, будто одуванчик, – от химии же волосья ломаться, сыпаться станут» [1, с. 48].

Описание сегодняшнего дня Людочки перемежается картинками прошлого. Она вспоминает эпизод, когда в больнице ей встретился умирающий юноша с лесоповала. Он агонизировал не в реанимации, а где-то в углу, в коридоре, и Людочка корила себя, что ничем ему не смогла помочь.

«Он из тех, наверное, думала Людочка, про кого по радио читали: мол, недолубив, недоработав и недочитав последнюю строку, иль недокурив последнюю папироску, или что-то в этом роде – уходили парни в бой, а тут вот – на тяжелую работу» [1, с. 56].

В данном примере внутренний монолог Людочки представляет собой бинарную конструкцию: вводящий компонент с глаголом *читали*, а второй компонент с модальной частицей *мол* содержит приблизительный пересказ строк популярного советского поэта Николая Майорова о людях, «что ушли, не долубив, не докурив последней папиросы».

«С годами к канаве приползло и разрослось, как ему хотелось, всякое дурнолесье и дурнотравье...» [1, с. 58].

В данной конструкции чужие элементы являются единицами лексического уровня. Стилистическая маркированность слов *дурнолесье* и *дурнотравье* по сравнению с позитивной и нейтральной лексикой автора позволяет отнести их к речи персонажей. Незначительное присутствие чужого голоса представлено в следующих конструкциях: «Парк ...выглядел словно бы после бомбежки или нашествия неустрашимой вражеской конницы» [1, с. 54]. Выражение *нашествие неустрашимой вражеской конницы* звучит иронично, так как публицистический штамп включен в бытовой контекст.

«Железнодорожное депо всегда отличала повышенная бдительность, классовое чутье и гражданская принципиальность» [1, с. 57].

Лексико-фразеологические единицы «*повышенная бдительность, классовое чутье и гражданская принципиальность*» являются газетно-журнальными штампами, которые позволяют автору нарисовать картину позднесоветского общества. Людочка словно бы выпала из круга деревенской жизни, но в городе уже не было того, что описывалось в советских газетах.

«Примерли бабы в деревне Вычуган, овдовевшие по причине войны и всенародных побед на всех фронтах сражения за социализм» [1, с. 58].

Всенародные победы, сражение за социализм – также публицистические штампы, привычно рисующие жизнь человека как постоянную битву за социализм. В этой битве за социализм тратились последние силы и жителей деревни, и обитателей маленьких городов.

«Поскольку со всеми своими бедами-напастями и с жизнью своей мать Людочки привыкла справляться одна, то и думать привыкла: на роду бабьем даже как бы записано – терпи» [1, с. 57].

Фразеологизм *на роду написано*, разговорное прилагательное *бабий*, глагол в повелительном наклонении указывает на принадлежность к чужой речи.

В рассказе присутствуют элементы стилизации диалектной речи: «Ну сорвали плонбу, подумашь, экая беда. Нонче это не изъян, нонче замуж какую попало берут, тыфу нонче на эти дела» [1, с. 54].

Знание воровского жаргона позволяет нарисовать образы Людочкиных врагов. На груди Стрекача красовалась наколка: «Верю в Иисуса Христа, Ленина и в опера Наливайко» [1, с. 56].

Блатной мир здесь не главный, но именно оттуда пришла месть Стрекачу за Людочку: отчим Людочки, сам бывший зэк, кинул Стрекача в канаву. Неожиданно в городке появились два трупа, но смерти этих людей никто расследовать не стал, чтобы не портить отчетность. Знание жизни умирающей деревни, тяжелого брежневского быта, внимание к внутреннему миру героев позволили В. П. Астафьеву на материале небольшого рассказа порассуждать о нравственных проблемах советского общества.

Список использованной литературы

1. Астафьев, В. П. Людочка / В. П. Астафьев // Новый мир. – 1989. – № 9. – С. 46–59.
2. Гурина, Н. М. Категория презентации речи в языке и тексте / Н. М. Гурина // Весн. БрДУ. – 1998. – № 3. – С. 35–41.

Е. И. Ермалинская, Е. В. Злобина (г. Минск, Республика Беларусь)

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК СПОСОБ
ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА
(НА ПРИМЕРЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА
ПРОИЗВЕДЕНИЯ РОБЕРТА БЕРНСА
(ОРИГИНАЛ: MY HEART'S IN THE HIGHLANDS, 1789)
И ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК С. Я. МАРШАКОМ**

В настоящее время существует множество работ, посвященных переводческим трансформациям, однако специалисты в области теории перевода до сих пор не пришли к общему мнению относительно самой сущности понятия «трансформации» и их классификаций. Авторы данной статьи в своей работе придерживаются определения, предложенного Л. С. Бархударовым, и рассматривают трансформации как отклонение при переводе от словарных соответствий, которое заключается в замене отдельных лексических единиц исходного языка (ИЯ) на лексические единицы переводного языка (ПЯ), не являющиеся их эквивалентами. В своей классификации ученый выделяет такие виды лексических замен, как генерализацию, конкретизацию, причинно-следственное развитие.

Генерализация – замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением (вид – род).

Конкретизация – замена единицы ИЯ, имеющей более широкое значение, единицей ПЯ с более узким значением (род – вид).

Причинно-следственное (смысловое) развитие (модуляция) – замена лексической единицы ИЯ единицей ПЯ, значение которой выводится из значения исходной лексической единицы логически (предмет может быть заменен его признаком, процесс – предметом, признак – предметом или процессом) [1, с. 210].

В работе мы также рассмотрим отдельные случаи лексико-грамматических трансформаций (антонимический перевод и целостное преобразование):

Антонимический перевод – лексико-грамматическая трансформация, при которой осуществляется замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную, которая сопровождается заменой лексической единицы исходного языка на единицу языка перевода с противоположным значением.

Целостное преобразование – полное переосмысление и замена внутренней формы отрезка речевой цепи.

Данные приемы особенно актуальны при переводе поэтических текстов, в связи с чем объектом нашего исследования стало стихотворение. Выбор произведения Роберта Бернса «My heart's in the Highlands» [2, с. 254] также обусловлен его введением в учебно-методический комплекс для учащихся 8-х классов общеобразовательных школ, изучающих английский язык,

в качестве первого аутентичного примера классической литературы страны изучаемого языка в рамках учебной программы. Следовательно, произведение может стать занимательным материалом для использования во внеклассной работе и поводом для обзорного знакомства учащихся с некоторыми допустимыми трансформациями, необходимыми для достижения адекватности перевода, например, при проведении творческого конкурса «Проба пера», когда учащимся предлагается в стихотворной форме перевести оригинал на родной язык.

Стихотворение «My Heart's in the Highlands» является своего рода гимном Шотландии и признанием поэта в его любви к Родине – источнику его вдохновения и надежды. Наиболее талантливые переводы произведений Р. Бернса создавали С. Я. Маршак, К. И. Чуковский, М. Л. Лозинский. Для анализа нами взят перевод С. Я. Маршака [2, с. 255], так как именно благодаря его переводам творчество Р. Бернса было популяризировано в славянской культуре и в 1959 г. Маршак был избран почетным председателем Федерации Бернса в Шотландии.

Следует отметить, что стихотворный размер оригинала – 4-стопный амфибрахий, схема ААВВ. С. Я. Маршак сохранил ритмику и рифмовку оригинала; образность и ее соответствие оригиналу также достаточно высоки, однако в структурных элементах наблюдаются расхождения. В материале исследования различия наблюдаются уже в самом названии. В оригинале речь идет не о «горах» как нарицательном существительном, а об имени собственном, на что указывает его написание с прописной заглавной буквы – «*the Highlands*» – ‘Северо-Шотландское нагорье’. В сознании шотландца «highlands» противопоставлены «lowlands» – южной, равнинной, более развитой части Шотландии. Несмотря на то, что юг открывает большие возможности, север с его Северо-Шотландским нагорьем – родина лирического героя, где навек осталось его сердце, что в достаточно полной мере посредством целостного преобразования удается передать С. Я. Маршаку.

В первой строке первой строфы поэт прощается с горами и переживает, что не может находиться в милом его сердцу крае; и еще пронзительнее его чувство тоски и одиночества прослеживается в последней строчке:

«My heart's in the Highlands, my heart is not here, // My heart's in the Highlands a-chasing the deer – // A-chasing the wild deer, and following the roe; // My heart's in the Highlands, wherever I go.» [2, с. 254] –

«В горах мое сердце... Дольше я там. // По следу оленя лечу по скалам. // Гоню я оленя, пугаю козу. // В горах мое сердце, а сам я внизу» [2, с. 255].

С. Я. Маршак при переводе фразы «*мое сердце не здесь*» использует антонимический перевод, заменяя *не здесь* на *там*, и генерализацию (*мое сердце* на *я*). В переводе С. Я. Маршака лексема *roe* («*косуля*» или «*дикая коза*» – ‘парнокопытное животное семейства оленевых’) не опущена, а заменена лексемой *коза* – ‘домашнее рогатое жвачное животное семейства полорогих’; предложение «*куда бы я не шел*» заменено на «*сам я внизу*»; лексема *chasing* – ‘гнаться, преследовать’ – заменена глаголом *лечу* с добавлением обстоятельства места *по скалам*, что можно отнести к приему целостного преобразования. Последний пример можно также отнести к приему конкретизации, если сравнить

глаголы *преследовать* (по суше, по воде, по воздуху) и *лететь* (только по воздуху), причем в данном контексте в переносном значении – ‘стремиться, спешить’. Посредством модуляции *олень* заменен на *след оленя* (олени оставляют следы), *преследовать* – на *пугать* (в результате преследования можно напугать).

Во второй строфе стихотворения поэт называет север Шотландии местом зарождения бесстрашия и достоинства, раскрывая таким образом внутреннее содержание характера шотландцев в их борьбе против зависимости от английской власти:

«*Farewell to the Highlands, farewell to the North, // The birth place of Valour, the country of Worth; // Wherever I wander, wherever I rove, // The hills of the Highlands for ever I love.*» [2, с. 254] –

«*Прощай, моя родина! Север, прощай, – // Отечество славы и доблести край. // По белому свету судьбою гоним, // Навеки останусь я сыном твоим!*» [2, с. 255].

С. Я. Маршаку удастся сохранить повторение моделей, которые позволяют создать ощущение, что герой не находится в тех местах, а лишь вспоминает горы и леса. В строфе отмечаются следующие виды лексико-семантических трансформаций:

– генерализация: *the Highlands* – ‘Северо-Шотландское нагорье’ – заменено сочетанием *моя родина*, в сознании героя родина ассоциируется с данным географическим объектом;

– конкретизация: *достоинство* заменено на *доблесть* как одно из достоинств, высших добродетелей человека;

– смысловое развитие (модуляция): *бесстрашие* заменено на *славу* (причинно-следственная связь);

– целостное преобразование с частичной модуляцией: дословный перевод «*Где бы я ни странствовал, где бы я ни бродил, я всегда буду любить холмы Северо-Шотландского нагорья*» заменено на «*По белому свету судьбою гоним, навеки останусь я сыном твоим*» с введением ассоциативной связи родины с матерью.

В третьей строфе представлено более подробное описание мест, которые так близки и дороги поэту:

«*Farewell to the mountains high cover'd with snow; // Farewell to the straths and green valleys below; // Farewell to the forests and wild-hanging woods; // Farewell to the torrents and loud-pouring floods*» [2, с. 254] –

«*Прощайте, вершины под кровлей снегов. // Прощайте долины и скаты лугов, // Прощайте поникшие в бездну леса, // Прощайте, потоков лесных голоса*» [2, с. 255].

Переводчику удалось сохранить атмосферу грусти расставания, используя целостное преобразование в олицетворениях *потоков лесных голоса* вместо дословного *потопы и громкие разливы*, *поникшие в бездну леса* вместо *дикие леса*, *скаты лугов* вместо *зеленые долины*; смысловое развитие в метафоре *под кровлей снегов* вместо *высоко засыпанные снегом* (причинно-следственная

связь); конкретизацию при замене *gor* на *вершины*; генерализацию в случае перевода *strath* – шотл. ‘широкая горная долина с протекающей по ней рекой’ – *долиной*, которая не предполагает обязательное наличие в ней реки. В тексте перевода мы также замечаем перенос лексемы *below* – ‘внизу’ – из третьей в первую строфу, что позволяет сохранить образ непреодолимого расстояния между героем и его родиной. Однако четыре опущения лексемы *дикий* в переводе, по нашему мнению, нарушает образность и ассоциативную связь севера с определенной ‘дикостью’ как первозданностью и самобытностью.

Четвертая строфа стихотворения полностью дублирует первую, выступая в роли смыслового рефрена и повторения идеи о том, что автор возвращается мыслями и чувствами на Родину, где бы он ни был.

Считаем, что основная цель переводчика – предложить адекватный перевод произведения в целом, и, несмотря на многочисленные трансформации, описанные в данной работе, С. Я. Маршак достойно решил поставленные перед ним задачи, сохранив символику и образность, стихотворную структуру гимна-признания и производимое им впечатление на читателя. В целом, перевод стиха – это составление нового произведения на основе оригинала при условии сохранения баланса между точностью перевода и образностью впечатлений читателей.

Список использованной литературы

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
2. Бернс, Р. Стихотворения : сборник / Р. Бернс ; сост. И. М. Левидова. – М. : Радуга, 1982. – 705 с.

В. М. Касцючык (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

АЦЭНАЧНЫЯ ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ Ё ТВОРАХ БЕРАСЦЕЙСКІХ ПІСЬМЕННІКАЎ

Мова твораў берасцейскіх пісьменнікаў вылучаецца выразным псіхалагічным аналізам, паглыбленнем ва ўнутраны свет персанажаў, іх думкі, перажыванні, эмоцыі і ацэнкі. Яе адметнай адзнакай выступае характарыстыка не толькі ўчынкаў персанажаў, але і пэўных сітуацый, што прадвызначаюць і абумоўліваюць дзеянні герояў. Для твораў берасцейскіх пісьменнікаў характэрны сінтэз звычайнага і вобразнага, аб’ектыўнага і суб’ектыўнага, рацыянальнага і эмацыянальнага. Апавядальнасць у іх «не толькі суіснуе з характаралагічнасцю, але і вельмі часта выцясняецца апошняй» [1, с. 6] з прычыны ўзмацнення псіхалагічнага аналізу, стварэння завуляванай структуры не толькі вобразаў персанажаў, але і аўтара-апавядальніка, праяўлення аўтарскай пазіцыі ў творы.

Важнае месца ў сучасных літаратурна-мастацкіх тэкстах Берасцейшчыны займаюць фразеалагізмы ў сувязі з іх антрапацэнтрычнасцю, скіраванасцю

найперш на адлюстраванне эмацыйна-псіхічнай і інтэрпрэтацыйна-ацэначнай дзейнасці як персанажаў, так і самога аўтара.

Паколькі фразеалагізмы – адзінкі другаснай намінацыі, то для іх ацэнка рэчаіснасці з’яўляецца адной з асноўных, першасных функцый. У літаратурных творах фраземы маюць дастатковую здольнасць для перадачы разнастайных ацэнак, што выяўляецца па наступных аспектах: адпаведнасць-неадпаведнасць стандарту, маральнасць-амаральнасць, патрэбнасць-непатрэбнасць, карыснасць-шкоднасць, зручнасць-нязручнасць, важнасць-няважнасць. Прычым сістэма крытэрыяў ацэнка фарміруецца за кошт стэрэатыпаў і стандартаў ацэначнай шкалы, «у аснове якіх знаходзяцца ўяўленне аб норме, аб ідэальным, суджэнні аб добрым і дрэнным, паняцці ніжэй нормы і звыш нормы» [2, с. 21].

Частотнымі ў мастацкіх кантэкстах выступаюць фразеалагізмы, што адмоўна ацэньваюць такую загану, як злоўжыванне спіртнымі напоямі. Стан і лад жыцця п’янага чалавека расцэньваюцца персанажамі як шкодныя не толькі для самога носьбіта загану, але і для грамадства, а паводзіны разглядаюцца як амаральныя: – *Залье вочы гарай і не саромеецца ні малога, ні старога – усё яму адзіна* [3, с. 162]; *Намурзаецца, як свіння мулу, і навошта яму сям’я, калгас* [3, с. 115]; *Зрэшты, што мы маглі ёй расказаць. Пра тое, што Мікалай з сынам кожны дзень лыка не вяжуць, а я іх яшчэ і частую* [4, с. 42]; – *Горла заліваў бы меней, то і прэс-падзоршчык быў бы цэлы* [5, с. 257].

Часта фразеалагізмы кваліфікуюць як адмоўную з’яву залішняе, нястрыманае маўленне персанажаў, пустаслоўе: – *Гэй, Антонаў! Зноў язык развязаў? Працаваць! – закрычаў сяржант Халява* [6, с. 238]; – *У мяне такія цікаўныя суседзі, у якіх язык без тармазоў. Усё ім трэба ведаць, усё ім мала* [3, с. 45]; – *Навошта пенсіянер яму, якая выгада, толькі навастрыць язык?* [7, с. 170]; *Жанчыны каля брамы на шум нават не азірнуліся – мянташаць языкамі, як і мянташылі* [5, с. 138]; – *Ты што вярзеіш языком вужовым?* [5, с. 16]; – *Далё-ё-ка пойдзеш! – не сунімаўся Павел. – Мабыць, ніхто не ведае, што ты не варты бота. – Не вельмі тут... Распусціў язык!* [8, с. 201].

Бяздзейнасць, гультайства нярэдка падаюцца праз фразеалагізмы як неадпаведныя чалавечай жыццядзейнасці з’явы, паколькі прызначэнне чалавека іншае – тварыць і плёнам сваёй працы памнажаць здабыткі на зямлі: – *За дзесяць гадоў палец аб палец не стукнуў* [3, с. 167]; *І тут была сапсаваная сігналацыя. Урайпа нават і пальцам не наварушылі, каб наладзіць яе* [7, с. 37]; – *А мой жа палец у палец не стукнуў, каб што ў хату прыдбаць, – у тон сяброўцы азвалася Люба* [5, с. 168].

Многія фразеалагізмы з мастацкіх кантэкстаў Берасцейшчыны адмоўна кваліфікуюць і такія паводзіны персанажаў, вынікам якіх становіцца шкоднае ўздзеянне на аб’екты. Так, асуджаюцца тыя асобы, што дакучаюць, моцна раздражняюць, пазбаўляюць самавалодання, душэўнай раўнавагі, прымушаюць перажываць, мучацца: *З-за гэтай шафы жонка яму, як кажучы, чэрап прадзяўбла* [6, с. 208]; – *Ёсцака, калі замкнуў. Будзе ведаць, як збыткі строіць* [5, с. 233]; – *Ідзі ўжо, не мазоль вачэй, шкадобнік шчарбаты!* [5, с. 119];

– Дзякуй, Міхаіл Мацвеевіч! – жвава падхапіўся з крэсла Косця Арабцаў. – Хоць жонка не будзе **поедам есці** [5, с. 177].

У творах берасцейскіх пісьменнікаў фразеалагізмы кваліфікуюць і іншыя бакі чалавечай дзейнасці. Адмоўную ацэначную характарыстыку за кошт фразем атрымалі паводзіны персанажаў, што вылучаюцца ганарыстасцю, неабачлівасцю, неразважлівасцю, разумовай абмежаванасцю, амаральным ладам жыцця, здрадай, праяўленнем гневу, падману, пляткарства, упартасці, непаслухмянасці, сквапнасці, зладзейства: *На сваю машыну Сцяпа Баландзюк нядаўна паставіў новы матор, памяняў задні мост і з гэтай прычыны **капыліць нос**, звысоку паглядае на тых жа Косцю Арабцава і Колю Вінніка* [5, с. 141]; – *Бедачына памчаўся **як на скрут галавы**, а на дарозе легкавушкай у нейкі жалезны самазвал ударыўся* [5, с. 309]; *Бывае жанчына прыгожая, але **без цара ў галаве**, бывае розуму аж занадта, а на твар і глянуць нецікава* [8, с. 244]; – *Муж у яе ў фінскую загінуў, дык яна перад Апанасам **хвастом заматляла**. Ізнюхаліся* [8, с. 215]; *Папёр да сваёй Настулькі-свістулькі. Яму **рогі** яна штодзень **настаўляе**, валэндаецца, навідавоку ва ўсёй вёскі* [6, с. 127]; *Адна думка выспела ў ім цвёрда: чаму быў мяккацелы, маючы ўладу, чаму не знішчыў Дубеля. Адразу, як той паказаў сябе, калі **выпусціў кіпцюры*** [7, с. 293]; *Калі б ёй палец у рот засунуў, адкусіла б. Здаецца, **дыхае агнём*** [6, с. 52]; *Хопіць хлусіць, хопіць **кідаць цень на ясны дзень**: ці ж мала якой шалахвостцы за доўгія стагоддзі гэты нявінны веснавы падман вылез бокам* [9, с. 92]; – *Антон Аляксеевіч, не трэба **выносіць смецце**. У нас здаровы калектыў, баявая партарганізацыя* [7, с. 183]; – *Упёрся, бы пень: нікуды не пайду! **Хоць кол на галаве чашы*** [6, с. 164]; *На яго сварыся хоць штодня, вынік адзін: **як сядзеш, так і злезеш*** [6, с. 39]; *Падлабуніўся да сяржанта Халявы, які **за капейчыну блыху на вяроўцы ў Маскву пагоніць*** [6, с. 238]; *Амаль усе прыходзілі да думкі, што дыму без агню не бывае. Значыцца, **рукі пагрэў**, калі ім займаецца міліцыя* [8, с. 99].

У кантэкстах берасцейскіх пісьменнікаў станоўчаацэначных фразеалагізмаў налічваецца значна менш, чым фразеалагізмаў з адмоўнай ацэнкай. Станоўчай ацэначнасцю валодаюць фразеалагізмы, што вылучаюць такія рысы паводзін персанажаў, як разважлівасць, працавітасць, бойкасць, удаласць, дабрыня, павага: *А грошы зарабіць не праблема, толькі б **галава была на плячах**. І плечы каб былі дужыя, гэта не пашкодзіць* [7, с. 197]; – *Людзі з раніцы на жніве, людзі працуюць **да сёмага поту**, а пустым хатам якая справа да Сенькавых слёз* [5, с. 60]; – *Старшы мой быў не хлопец – зух, **муху на ляту ўкусіць, падзішвы на бягу рваў*** [10, с. 196]; – *Чым яна насаліла вам? – пытаецца Генадзь і шчыра здзіўляецца, бо Іна Леанідаўна Наскова, іхняя каляжанка, спакойная, інтэлігентная жанчына, якая, здаецца, у жыцці **муху не пакрыўдзіла*** [6, с. 177].

Ацэнку праз фразеалагізмы атрымалі найперш назвы дзеянняў, станаў персанажаў. Аднак ацэначнасць у дзеяслоўных моўных адзінках праяўляецца па-рознаму: адмоўнаацэначныя фразеалагізмы адлюстроўваюць дзеянне ці стан як заганную з’яву, што разгортваецца ў часе, то дзеянне, якое выступае своеасаб-

лівым спосабам «выпраўлення» заганы. Першая група ацэнчаных фразем мае выразную ілюстрацыйна-вобразную аснову, за кошт якой актуалізуецца зместава-фактуальная інфармацыя пра заганны працэс: *Мяне ўражвае тое, што на вачах народа адбываецца недарэчная з'ява: жонка выганяе з кватэры мужа, а муж **турыць у шыю** жонку* [3, с. 125]; – *Бейныя ж халеры вельмі любяць, калі перад імі на пальчыках **выдыгоўваюцца*** [5, с. 157]; *Балота даўно асушылі, на тарфяніках агаровіцкі калгас з сераднякоў выбіўся ў заможнікі, што дало Купцэвічу падставу **высока задзерці нос*** [5, с. 174]; *Васіль Пятровіч **кідае грамы і маланкі*** [5, с. 81].

У другой групе фразеалагізмаў фізічнае пакаранне ці ўшчуванне, выгаворванне падаюцца як прагматычныя сродкі ўздзеяння на «шкодны» аб'ект з мэтай яго выхавання: – *Хай ён, оно, з'явіцца ў Любавічы, мы-тка яму **ўстроім лазню з дзеркачом*** [3, с. 133]; – *П'янтосы спалохаліся, жонкі дома **падсыпалі ім вуголля** – працуюць як усё роўна я, – жанчына падміргнула Фёдару Васільевічу* [3, с. 135]; – *Ого, не так проста **ўзяць гэтага мільянера за жабры**...* [7, с. 128]; – *Я цябе ў **бараноў рог сагну**... Тое-сёе!* [8, с. 33]; *Я рэгулярна **даваў** яму **прачухонца*** [6, с. 19]; – *Але ж багата ты іх напхаў! – засмяўся Калатон. – **Дасць маці пытлю*** [5, с. 58].

Некаторыя дзеяслоўныя фразеалагізмы з семантыкай пакарання ўнутранай формай адлюстроўваюць выніковасць дзеяння, што выступае перавышэннем нормы і згубна ўздзейнічае на персанажа: – *А Глеб за тых каласкі **на горкі яблык сперыў*** [5, с. 49]; – *Ды я табе, патлатая, **гняткі адгяну, гізунты павырываю!*** [5, с. 215].

Станоўчаацэнаны фразеалагізм ***двух зайцоў забіваць*** падкрэслівае сваёй семантыкай выніковасць дзеяння праз паспяховае дасягненне дзвюх мэт: *Гараджане карчуюць хмызоўе, дзяруць копань, аруць, а па свежай навіне якая яшчэ бульба расце! **Двух зайцоў забівае** Купцэвіч: людзі на зіму не застаюцца без добрага прыварку і калгасу кожны год прыбаўляюцца новыя гектары* [5, с. 177].

Яркай адмоўнай ацэнчанасцю ў мастацкіх кантэкстах валодаюць многія назоўнікавыя, прыметнікавыя, а таксама несуданосныя з часцінамі мовы фразеалагізмы, што выступаюць якаснымі характарыстыкамі асобы: *Цяпер, як казаў Алесеў бацька, кожны **жук і жаба** з апошняга пнецца, а набудзе «жыгуля», хоць трэба ён яму ці не, пра гэта не думае* [7, с. 6]; *Ён адчувае сябе каралём бізнесу. Яшчэ паўгода таму быў **Алём з батонам*** [6, с. 39]; *Дахаты ўжо і тады, у той сумятлівы дзень, калі па чарзе давялося кланяцца **і боту і лапцю**, яна вярталася нездараўчаная – з ліхаманкавым бляскам у карых вачах, з хваравітым румянцам на пухнатых шчоках* [5, с. 211]; – *Халеру іх разбярэш, дзе сёння разумнік, дзе дурыла? **Усе рыхтык на адзін капыл*** [5, с. 251]; *Ніне Папішынай на воску адліўся хлопец, падобны на салдата ў пагонах, і з такой прычыны Ніна сядзіць **гордая, без хвігі не да носа*** [5, с. 107]; – *Хацеў папрасіць новыя ў Сяргея... Але ён такі жмінда, **снегу зімой не дасць*** [7, с. 33]; – *Прыгорблены, стары, **парахня сыплецца**, але мяне пазнаў адразу* [5, с. 207]; – *От бо злыдзень! **Шкура на ім гарыць*** [5, с. 114].

Як бачым, фразеалагізмы з твораў берасцейскіх пісьменнікаў у вялікай ступені ацэначныя і здольныя для кваліфікацыі разнастайных праяўленняў жыццядзейнасці персанажаў, іх учынкаў і мадэляў паводзін. У мастацкіх кантэкстах відавочную перавагу выяўляюць фразеалагізмы з адмоўнай ацэначнасцю. Гэта сведчыць, што жыццё многіх персанажаў недасканалае, не адпаведнае нормам паводзін, поўнае міжасобасных канфліктаў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Абабурка, М. В. Станаўленне і развіццё мовы беларускай мастацкай літаратуры: аўтарэф. дыс. ... д-ра філал. навук: 10.02.01 / М. В. Абабурка. – Мінск, 2001. – 39 с.
2. Яхина, А. М. Оценочность как компонент значения фразеологических единиц в русском, английском и татарском языках (на материале глагольных ФЕ, обозначающих поведение человека): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А. М. Яхина. – Казань, 2008. – 24 с.
3. Супрунчук, В. Жывеш толькі раз: раман / В. Супрунчук. – Мінск: Маст. літ., 1988. – 254 с.
4. Супрунчук, В. Дачнікі / В. Супрунчук // Дзеяслоў. – 2014. – № 5. – С. 33–60.
5. Гардзеі, В. Уратуй ад нячыстага: аповесці, апавяданні / В. Гардзеі. – Мінск: Маст. літ., 1992. – 367 с.
6. Супрунчук, В. Цвіў белы-белы бэз: аповесць, апавяданні / В. Супрунчук. – Мінск: Маст. літ., 2013. – 271 с.
7. Супрунчук, В. З плоці і крыві: аповесць, раман, апавяданні / В. Супрунчук. – Мінск: Маст. літ., 1991. – 336 с.
8. Супрунчук, В. Недзе баліць ля сэрца / В. Супрунчук. – Мінск: Маст. літ., 1986. – 247 с.
9. Гардзеі, В. Бедна басота: раман / В. Гардзеі. – Мінск: Маст. літ., 2003. – 189 с.
10. Марчук, Г. Крык на хутары: раманы / Г. Марчук. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2013. – 496 с.

О. Н. Ковальчук (г. Брест, Республика Беларусь)

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОТИВА БИБЛИИ В РАССКАЗЕ «МАЛЬЧИК С БИБЛИЕЙ» Т. БОРОВСКОГО

Тадеуш Новак – представитель польской литературы XX в., переживший военное время и прошедший через Освенцим. Собственный опыт писателя позволил ему с необычайной точностью отразить различные аспекты изменения психологии человека в условиях постоянной угрозы собственной смерти и сосуществования со смертью чужой. Наиболее известен данный автор благодаря сборникам рассказов, которые можно с уверенностью отнести к так называемой военной прозе (термин, устоявшийся в отечественной науке). Тем не менее «военная проза» – традиционное для истории литературы понятие, значение которого может быть довольно широко интерпретировано: от литературы о войне как социальном (или ином) феномене до литературы на тему Второй мировой войны. Чаще всего используют названную категорию в двух

упомянутых значениях, хотя очевидно, что конкретизация тематического объема дефиниции может подразумевать любую другую войну локального или большего масштаба. В польском литературоведении применительно к творчеству некоторых авторов гораздо чаще используют более узкий термин, «лагерная литература», позволяющий конкретизировать направленность довольно репрезентативного ряда текстов.

Библейская образность на уровне сюжетов и мотивов является общепризнанным источником всей европейской культуры и, соответственно, литературы. Интересной представляется реинтерпретация как различных содержащихся в Библии образов в литературе о войне, так и трансформация образа самой Библии. Священное Писание чаще всего предстает в ряду понятий *sacrum*, придавая особое значение в том числе профанной сфере, в которую может быть вписано автором того или иного художественного произведения. Однако военная проза заметно контрастирует в этом плане с прозой, посвященной мирной жизни. В известной мере аксиология военного времени претерпевает ощутимую деформацию и нередко меняет местами характеристики желательные и нежелательные или, как может быть уместно их определить в этом случае, спасительные и губительные (к примеру, герой в военное время может выбрать для ночлега лес, а не попросить ночлега в деревне, поскольку в лесу больше шансов быть незамеченным врагом; в мирное время гораздо вероятнее противоположное решение). Как частное проявление трансформации значения отдельных категорий может быть рассмотрено видоизменение восприятия Библии литературными героями. Если традиционно она воспринималась как гарант приближения к лучшему, будучи воплощением жизнедающего спасительного начала, то в условиях, к примеру, лагерной действительности она нередко обретает черты тотальной профанности, поскольку все христианские ценности попираются на глазах персонажей, причем это ниспровержение обретает черты необратимости в замкнутом пространстве лагеря или тюрьмы. Так происходит в рассказе Т. Боровского «Мальчик с Библией» («Chłopiec z Biblią»), где даже ребенка, вероятнее всего, ждет расстрел, поскольку есть подозрение, что он еврей. И в этом случае Библия не только не воспринимается другими как возможность большей близости Бога к человеку, но даже не осмысливается как доказательство того, что этот человек не еврей.

Показательно то, что об имени героя рассказа читатель узнает ближе к финалу произведения. До этого он предстает перед другими арестантами, ожидающими своей участи, как простой мальчик. Текст с первых строк не дает никаких особенных характеристик героя: «Dozorca otworzył drzwi. Do celi wszedł chłopiec i zatrzymał się u progu. Drzwi zatrzasnęły się za nim» (*Надзиратель открыл двери. В камеру вошел мальчик и остановился на пороге. Двери захлопнулись за ним*) [1, с. 36]. Отвечая на логичный вопрос взрослых о причине его ареста, паренек не дает никаких уточнений, говоря, что его схватили ни за что. Нередко именно так отвечали многие, кого схватили во время периодических облав на улицах. Однако и об этом точно не сказано. Здесь же

появляется несколько косвенных характеристик мальчика: он был гладко острижен и одет в старенький ученический костюмчик, а в руках держал пальто. Мальчик выглядит аккуратно, однако ничто не указывает на его возможное происхождение. Не видно в нем и большого волнения или страха. Пока остальные начинают рассуждать о реальных причинах задержания, паренек устраивается в камере. Но даже когда он говорит, что он сын директора банка, другие его определяют не этим. Единственное, что о нем известно точно, это то, что все видят своими глазами: «Chłopiec siedział pochylony nad książką. Trzymał ją blisko oczu» (*Мальчик сидел, склоненный над книжкой. Он держал ее близко к глазам*) [1, с. 37]. Когда на прозвучавший вопрос он отвечает, что читает Библию, звучит характерная оценка, девальвирующая, казалось бы, незабываемые ценности: «Biblia? Myślisz, że ci tu pomoże? Cholerę w bok ci pomoże ... Tak i tak w szarę» (*Библия? Думаешь, что она тебе тут поможет? Холеру в бок она тебе поможет... И так, и так в макушку*) [1, с. 37]. И хотя нет никакой очевидной вины, за которую могли бы расстрелять ребенка, слова звучат угрожающе. С этого момента герой в рассказе именуется «мальчиком с Библией». Заметим, что остальные персонажи тоже получают стойкие описательные определения, но они, как правило, связаны с тем, в чем их вина (контрабандист, мнимый «гестаповец» и т. д.). Логически продолжая ряд, резонно спросить, воспринимается ли чтение Библии как проступок? Очевидно, так не должно быть. Однако сложно представить, что потертый костюмчик – реальный атрибут сына директора банка. А в свете этого остается открытым и вопрос о том, что из сказанного парнем вообще является правдой. Читатель ведь до конца не знает и то, на самом ли деле мальчик держит в руках Библию. Парень отказывается дать почитать книгу другому заключенному, поэтому о том, что в руках у него Библия, все судят лишь по его словам. Не исключено, что это отчаянная попытка скрыть свое еврейское происхождение, показав себя христианином (ведь еврей, вероятнее всего, окажется иудеем и не будет читать Библию), хотя до конца никто быть уверен не может. Когда через некоторое время мальчика вместе с другим заключенным вызывают и уводят из камеры, все понимают, что их, вероятно, почти сразу ждет смерть. Закольцовывает композицию кардинально изменившееся теперь суждение одного из оставшихся героев, Шраера, о мальчике. В начале он отрицает, что тот похож на еврея, здесь же выражает уверенность в этом: «Wcale chłopak na to nie wygląda» (*Парень совсем не выглядит похоже*) – «Wyglądał na Żyda, to i pewnie był Żyd» (*Он выглядел как еврей, значит и был наверняка еврей*) [1, с. 36, 44]. Мнение героя меняется ввиду необходимости объяснить для себя происходящее, но не соответствует реальным объективным мыслям Шраера, поскольку объективных мыслей будто бы уже не может быть в тех условиях, в которых оказались заключенные.

Сквозным мотивом звучит вторичная девальвация Библии: «Szkoda, że Biblii nie zostawił... Wyłoby co czytać... Na nic mu już Biblia» (*Жаль, что он не оставил Библию... Было бы что почитать... Ему уже ни к чему Библия*) [1, с. 44]. Священное Писание здесь воспринимается не как сакральное Слово

Бога, способное приблизить к Нему и указать путь спасения, а как профанное средство времяпровождения, которое помогает занять себя, как до этого помогали карты.

Таким образом, военная действительность ввиду близости смерти, отчаянной борьбы за выживание или безысходного осознания неизбежности конца постепенно превращает многие традиционные ценности в лишённые для героев смысла номинации. Претерпевает трансформацию и мотив Библии, который из сферы *sacrum* перемещается в сферу *profanum* и занимает обычное место среди простых предметов.

Список использованной литературы

1. Borowski, T. Chłopiec z Biblią / T. Borowski // Pożegnanie z Marią i inne opowiadania. – Warszawa : PIW, 1961. – S. 36–45.

З. П. Мельнікава (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

ФІЛАСОФСКА-АКСІЯЛАГІЧНАЕ АСЭНСАВАННЕ ЛЁСУ АСОБЫ І НАРОДА Ё КАНАТЭКСЦЕ ГІСТАРЫЧНЫХ ПАДЗЕЙ У ПАЭМЕ «ЯНУК СЯЛІБА» МАКСІМА ТАНКА

У творчасці па-сапраўднаму таленавітага мастака ўвасабляюцца важныя для самога творцы, для народа і ўсяго чалавецтва ісціны, маральныя імператывы, якія маюць непераходзячае значэнне. Іх у філасофіі, эстэтыцы і ў літаратуразнаўстве называюць аксіялагічнымі дамінантамі, **вечнымі каштоўнасцямі**. Гэта, звычайна, агульначалавечыя этычныя і духоўна-эстэтычныя катэгорыі – маральнасць, сумленнасць, гуманізм, справядлівасць, подзвіг, ісціна і некаторыя іншыя. Часта канкрэтна-гістарычныя прычыны, якія падштурхнулі аўтара на напісанне твора і сталі яго асноўным зместам, страчваюць сваю актуальнасць для новых пакаленняў рэцыпіентаў. Але твор застаецца запатрабаваным праз многа дзесяцігоддзяў і нават стагоддзяў, бо ў ім увасоблены *вечныя*, хвалюючыя людзей усіх часоў праблемы і ідэі. Сцвярджаннем вечных каштоўнасцей вызначаюцца творы нацыянальнай і сусветнай класікі, што забяспечнае іх актуальнасць і каштоўнасць.

Сучаснае літаратуразнаўства актыўна звяртаецца да філасофска-эстэтычных катэгорый, абнаўляе імі метадалогію даследавання. Так філасофія ўзбагаціла літаратуразнаўства фенаменалагічнымі, рэцэптыўнымі, герменеўтычнымі падыходамі. Рэалізацыя іх дапамагае актуалізаваць значэнне твораў мінулых эпох для сучаснасці, выразней убачыць каштоўнасць беларускай літаратурнай класікі, у тым ліку твораў, напісаных у складаныя і супярэчлівыя 40–50-я гг. XX ст.

Беларуская літаратура сярэдзіны мінулага стагоддзя ўвасабляе многія канкрэтна-гістарычныя падзеі, хвалюючыя грамадскія ідэі і прыватна-чалавечыя праблемы таго часу: гераічныя і трагічныя старонкі народнага змагання з акупантамі і здраднікамі ў час вайны на беларускай зямлі, настойлівую і натхнёную адбудову зруйнаванай Беларусі ў пасляваенны час, смутак па

незлічоных ахвярах, мары людзей аб агульнай шчаслівай будучыні. Творы таго часу маюць рэалістычнае напаўненне і важнае пазнавальнае значэнне для чытачоў нашых дзён, бо тыя эпоха і падзеі здаюцца моладзі 20-х гг. XXI ст. ужо далёкай гісторыяй.

Філасафізм творчасці **Максіма Танка**, вялікага нацыянальнага паэта, стаў адной з вызначальных рыс яго мастацкага свету. У творах 60-х і наступных дзесяцігоддзяў танкаўскі філасафізм будзе сінтэзавацца з інтэлектуальнасцю, лірычнай медытатывнасцю. У 40–50-я гг. у творчасці паэта часта выяўляецца інтуітыўна-народны **філасафізм**, заснаваны на закладзенай у фальклоры народнай маралі, этыцы і іерархіі каштоўнасцей. Творчымі зваротамі да фальклорных вобразаў і сюжэтаў характарызуецца паэтыка і эстэтыка аўтара.

Большасці твораў Максіма Танка, нават напісаных даўно, уласціва роздумная рэфлексія, якая прысутнічае як абавязковы ідэйна-сэнсавы элемент, як сведчанне **філасафізму мастацкага свету аўтара**. Аб гэтым сведчыць і паэма **«Янук Сяліба» (1945)**. Аналіз твора пераконвае, што многія мастацкія вобразы маюць глыбокі сэнс, выяўляючы агульначалавечы вопыт, грамадскія адносіны, у якіх дзейнічаюць героі. Паэта ў той час хвалявалі думкі аб прызначэнні ўласнага жыцця, аб мэтах і сэнсе агульнанароднага быцця: мінулага і будучыні, жыцця і смерці, добра і зла, любові і нянавісці. Важныя духоўныя ісціны аўтар сцвярджае праз тыпалогію герояў, праз сюжэт, пазасюжэтныя элементы паэтыкі тэксту.

Важным сродкам увасаблення філасофска-аксіялагічнага зместу мастацкага твора часта з'яўляецца разгорнутая сістэма вобразаў-сімвалаў, фальклорна-міфалагічных матываўных комплексаў. Яны дамінуюць і сэнсава ёміста рэалізуюцца ў паэтыцы твораў, дзе закранаюцца ўніверсальныя, агульначалавечыя праблемы. Гэта якраз уласціва аналізуемаму твору Максіма Танка. Ідэйны змест і вобразна-матыўная структура паэмы **«Янук Сяліба»** вылучаюцца менавіта **філасофскай універсальнасцю**. Максім Танк звяртаецца да вечных дыскусійных праблем – прызначэнне мастацтва ў жыцці народа, місія творцы, чалавека адоранага талентам, Божым дарам. Аўтар пераканаўча спалучае адлюстраванне часовага, канкрэтна-гістарычнага з філасофскімі роздумаўмі аб вечным, далучае рэцыпіента да асэнсавання ўяўленняў аб фундаментальных прынцыпах чалавечага і грамадскага быцця, да маральна-філасофскіх імператываў высокага і нізкага і іх выяўлення ў жыцці, актыўна звяртаючыся да вобразаў і сюжэтаў народнай паэтыкі.

У паэме **«Янук Сяліба»** цэласна выявілася значнасць таленту тады яшчэ маладога аўтара, які ліра-эпічнымі сродкамі перадаў драматычнае жыццё беларусаў у час акупацыі, панарамна ўславіў гераізм беларускага народа-змагара. І гэта складала актуальны для свайго часу канкрэтна-гістарычны пласт твора. Аўтар знаёміць рэцыпіента з мастацка-рэальным месцам і часам падзей: былая заходнебеларуская вёска Чырвоны Лог, гады акупацыі. Да эпічна-рэалістычных падзей паэт актыўна падключае сюжэты і вобразы сімволіка-алегарычнай семантыкі, якія ўтвараюць **ідэйна-філасофскі пласт** твора. Гэта дасягаецца багатай вобразна-сімвалічнай сістэмай паэмы: *музыка, скрыпка, воўк,*

птушка, роднае гняздо, хрысціянска-біблейскія матывы раю, пекла, здрадніка-юды, д'ябла (чорта) і інш. Аўтар уводзіць у структуру твора сэнсава-важныя паданні і легенды. Так, напрыклад, сталы вясковец Рыгор расказвае пра сваю сустрэчу з чортам, пра тое, як ён перахітрыў нячысціка і не дазволіў завалачы сябе ў пекла. Гэты сюжэт у першай частцы твора ўзмацняе ідэю непераможнасці, нязломнасці духоўнай сілы народа, які адолеў самога д'ябла, а значыць пераможа і акупантаў, адолее ўсе цяжкасці і выпрабаванні.

Максім Танк паэтызуе родны край, месца падзей, сцвярджае, што мірнае жыццё – найвялікшая каштоўнасць для беларусаў. У творы шматгранна, праз багатую тыпалогію герояў увасабляецца канцэпцыя **«чалавек і народ»**. У паэме многа герояў. Асобную сюжэтную лінію складае канфліктнае **супрацьстаянне герояў-антыподаў** Янука і Гарыдаўца. Аўтар апісвае вяскковыя дружны, братэрскі гурт, дзе сямейнікі, родзічы, суседзі, аднавяскоўцы – усе *свае*. Гэта галоўныя героі Янук і Раіна, Васіль, каваль Таўкач, фельчар Заруба, браты Лукаш і Ігнат, інш. *Свае людзі*, як вынікае з праблематыкі твора, – грамадская маральна-каштоўная катэгорыя, якая ўвасабляе кроўную і духоўную блізкасць паміж звычайнымі беларусамі. Гэты гарманічны людскі гурт аўтар «прадстаўляе» ў першых эпізодах твора – на вяселлі Янука і Раіны. Усе веселяцца, віншуюць маладых, і толькі адзін Гарыдавец вылучаецца панурасцю, скрытнасцю, зайздасцю, прыхаванай нянавісцю да шчаслівых людзей, бо яму адмовіла Раіна. Ён – *чужы сваім* аднавяскоўцам, суседзям, прагне смерці Янука і на вяселлі кідаецца на шчасліўца з нажом. Нават кроўныя сваякі Гарыдаўца асуджаюць злосніка, які супрацьпаставіў сябе вясковай сябрыне: яго родзіч Мітрафан, *«На лаве стоячы, крычаў: – Баран! / Пашто на сцены лезеш п'яным лбом? / Ляці, пакуль не позна, уцячы!»* [1, с. 185].

Рэўнасць і крыўда Гарыдаўца прывяла яго ў час вайны да акупантаў, ён стаў здраднікам. Аўтар на вобразе гэтага героя ўвасабляе канцэпцыю *нізкага* ў маральна-этычным абліччы чалавека. Прымітыўны, амаральны чалавек не можа пераадолець уласны эгаізм і выбірае помсту (складае для акупантаў спісы «бальшавікоў», уключаючы туды дзяцей, жанчын, старых і, вядома, Янука Сялібу).

На працягу ўсяго твора аўтар шматгранна рэалізуе аксіялагічны канцэпт «свае і чужынцы», падкрэслівае, што беларускі народ – *як сцяна*, дружна паўстаў супраць чужынцаў і «сваіх» здраднікаў.

Аўтарская канцэпцыя асобы станоўчага героя, як вынікае з твора, увасоблена на вобразе Янука Сялібы, што падмацавана і назвай твора. Максім Танк робіць адступленне для чытачоў і крытыкаў, даводзячы, што герой яго не ідэальны, не прыхарошаны, а самы звычайны вясковы хлопец (такім быў і сам аўтар, сын звычайных працавітых сялян з Мядзельшчыны). Паведамляецца гісторыя жыцця Янука: служыў у паноў падпаскам, рыбачыў, плыты па Нёмане ганяў, быў сярод кобрынскіх паўстанцаў, да 1939-га некалькі год сядзеў у астрозе... Варта падкрэсліць моманты аўтабіяграфізму ў абліччы галоўнага героя, бо і сам паэт змагаўся за правы народа, грамадзянскую сталасць здабываў таксама праз астрожны вопыт: *«Жыццё было настаўнікам ліхім, / Але нішто*

не пагасіла ў ім / душы паэта, / палкую любоў, / Якую ў сэрцы ён збярог, пранёс, / Любоў да бацькаўшчыны, да сяброў, / Да родных ніў, / узгоркаў / і бяроз...» [1, с. 187].

Народную этыку і маральна-філасофскія ідэі аўтар выяўляе рознымі спосабамі і прыёмамі. У мастацкіх творах пісьменнікі часта звяртаюцца да **сімвалікі сноў**. Гэты прыём ужывае і Максім Танк. Галоўнаму герою Януку сніцца сон, што яго антыпод, Гарыдавец, зносіць каменне на Янукова поле і намагаецца перакаціць сонца на свой шнур, каб яно належала толькі яму аднаму. А Янук імкнецца ўзняць сонца высока над зямлёй, каб яно свяціла ўсім і сагравала ўсіх людзей. Сімваліка сну героя пра сонца якое – адзін з прыёмаў аўтарскага ўвасаблення гуманізму, роўнасці ў міжлюдскіх і грамадскіх адносінах.

Літаратуру некаторыя даследчыкі называюць прыкладной філасофіяй, бо яна далучае рэцыпіента праз даступныя мастацкія вобразы да спазнання філасофскіх, быццёвых ісцін. Маральна-філасофскія патэнцыялы утрымліваюць і шэраг эпизодаў паэмы Максіма Танка. Сярод іх – **сюжэт аблавы на ваўка**, якую арганізуе старшыня калгаса Лукаш. Гэты рэалістычны эпизод напоўнены сімвалічным падтэкстам. Варта падкрэсліць **эпічнасць героя**: ён не проста старшыня калгаса і паважаны ўсімі паляўнічы, але яшчэ і лекар-знахар, які ведае сілу зэлак і траў роднай зямлі. Ён – **герой з народа**, як і некаторыя іншыя, вылучаецца менавіта быліннай эпічнасцю: пра яго хадзіла слава як пра добрага чараўніка, які ўмеў сваім свістам склікаць птушыныя выраі. Народнае паляванне на ваўка закончылася няўдачай: параненаму драпежніку ўдалося ўцячы. Такім чынам у аўтар праектуе ёмісты падтэкст твора: сапраўдным драпежнікам успрымаецца Гарыдавец, які на аблаве хоча застрэліць саперніка Янука, а ў час вайны адкрыта пераходзіць на бок чужынцаў; вераломным драпежніцтвам у лёсе герояў твора і ўсяго народа асэнсоўваецца вайна, уварванне якой у мірнае жыццё становіцца зместам наступнага раздзела паэмы.

Мастацка-філасофская прастора твора паглыбляецца праз **пазасюжэтнае паданне пра палескага музыку Куліка**, якое расказвае персанаж-наратар столяр Банадык. Героі твора Бог і чорт спрачаюцца, каму павінна служыць мастацтва. І Бог цэніць Музыку, заве яго ў рай, бо яго дзіўная ігра «*Была святлом, / што азарае дзень, / Была слязой, / якая гасіць гнеў, / Была малітвай / за грахі людзей / І гімнам, праслаўляючым мяне*» [1, с. 189]. І чорт рады даць музыку лепшае месца ў пекле. Нячысцік пярэчыць Богу: Музыка складаў гімны, але не Богу, а зямлі і працы сейбіта, які ўставаў раней за Бога; і сонцу, якое грэе і дае жыццёвыя сілы; а яшчэ Музыка часцей, чым у храм, хадзіў у карчму: «*Дзе хто жаніўся або паміраў, / Дзе хрэсьбіны хто на сяле спраўляў, – / Там з мужыкамі ён гарэлку піў, / Нас лаяў ды іграў ім крыжачка, / Аж лапці хмарай уздымалі пыл. / На што табе гуляка-музыкант?*» [1, с. 189].

Бог і чорт прыйшлі да пагаднення: няхай Музыка сам выбірае – рай ці пекла, бо ўсюды ён будзе ў пашане. Усемагутныя, яны даюць права музыку Куліку самастойна зрабіць выбар. І Музыка адмовіўся ад раю і пекла, а выбраў родны край, бедную Бацькаўшчыну. Так паэт вызначае і акрэслівае прызначэнне

мастацтва, літаратуры, падтрымліваючы годны, высокі выбар героя – быць са сваім народам і службыць яму. Такая маральна-філасофская выснова, увасобленая пры дапамозе міфалагічна-фальклорнага сюжэта, адпавядала разуменню сутнасці і прызначэння мастацтва самім аўтарам.

Нялёгкі маральны выбар – каму службыць? – і ў таталітарны савецкі, і ў ваенны час павінен быў зрабіць кожны чалавек. Такі выбар паўставаў неаднойчы перад сумленнымі беларускімі творцамі, і асабіста перад Максімам Танкам. Штодня ён паўстае і перад сучаснікамі. Гэтая праблема вырашаецца героем твора і аўтарам у гуманістычным рэчышчы, што ўзмацняе надчасовае і вечна актуальнае яго гучанне.

Збянтэжаныя нечаканым выбарам героя-Музыкі, Бог і чорт паслалі за ім смерць, каб вярнуць Куліка і мець над ім уладу. Але Музыка змог дамовіцца і са смерцю, пераканаўшы, што павінен быць са сваім народам, прыносіць радасць і суцяшэнне людзям. І смерць таксама адступае перад Музыкам. Так таленавіта, арыгінальна распрацоўваючы народныя вобразы і сюжэт, Максім Танк у паэме, што належыць да ранняга этапу творчасці, выяўляе ўласны творчы маніфест – службыць свайму народу, радавацца і смуткаваць з ім. Толькі такое мастацтва непадуладнае смерці.

У наступнай паэме Максіма Танка «Люцыян Таполя» (1946) знаходзіць творчы працяг вырашэння праблемы прызначэння мастацтва. Ідэя несмяротнасці сапраўднага мастацтва, якое павінна службыць народу, у гэтым творы паглыбляецца матывам памяці: прайшло многа год, а людзі памятаюць народнага разьбяра Таполю, расказваюць пра яго супрацьстаянне з біскупам Сямашкам і іншымі ўладатрымцамі з пакалення ў пакаленне. Гэты герой становіцца прыкладам духоўнай нязломнасці, свабоды народа, а народная памяць непадуладная разбуральнай сіле часу і абставін.

Як бачна, раннім паэмам Максіма Танка ўласціва аўтарская засяроджанасць на маральных, духоўных праблемах быцця асобы і народа ў кантэксце гістарычных падзей. Творчая распрацоўка і рэалізацыя народнай сімволікі, метафарызацыя звычайных прадметаў і падзей, спалучэнне рэалістычнага і рамантычнага, канкрэтна-гістарычнага і казачна-легендарнага ўзаемадапаўняюцца ў паэтыцы твора «Янук Сяліба».

Аблічча чалавека-беларуса, абагульнены вобраз усяго народа, яго лёсу, маральна-духоўных, ідэйна-сацыяльных пошукаў і здзяйсненняў глыбока асэнсавалася ў пасляваеннай літаратуры і ў творчасці Максіма Танка. Філасофска-этычны змест паэмы «Янук Сяліба» абумоўлены верай аўтара, як і ўсяго народа, у справядлівае ўладкаванне пасляваеннага грамадства, дзе будуць уладарыць справядлівасць і дабрыня. У творы дамінуе ідэя пераўтварэння не толькі грамадска-сацыяльнага жыцця і свету, але і чалавека, які стане высокамаральнай асобай.

Філасофска-аксіялагічныя перакананні аўтара выяўляюцца праз ацэначныя элементы паэтыкі: экзістэнцыйнае ўключэнне героя ў сацыяльна-грамадскія падзеі, якія з'яўляюцца своеасаблівым пазнавальным працэсам; у сюжэтных і пазасюжэтных кампанентах; праз сістэму сімвалічна-

іншасказальных, часта архетыпавых вобразаў; праз ацэначную міфалагічна-фальклорную паэтыку. Творчасць Максіма Танка пераканаўча ілюструе **беларускі тып мыслення**, заснаваны на народных этычных уяўленнях аб справядлівасці і маральнасці, быцці ў працы на зямлі, аб цесным суіснаванні з прыродай, з гістарычнай памяццю продкаў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Танк, М. Збор твораў : у 13 т. / М. Танк ; прадм. М. Мікуліча. – Мінск : Маст. літ., 2010. – 13 т.

А. С. Папоў (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

КУЗЬМА ЧОРНЫ І АЛЕСЬ АДАМОВІЧ: ЭВАЛЮЦЫЯ ПСІХАЛАГІЗМУ БЕЛАРУСКАЙ ВАЕННАЙ ПРОЗЫ

Беларускі псіхалагічны раман узнік як жанр уцяжкі для народа час Вялікай Айчыннай вайны. Найбуйнейшы ў гісторыі ваенны канфлікт патрабаваў ад творцаў глыбокага, пераканаўчага асэнсавання. І прыёмы, якія выкарыстоўваліся раней, паглыбляліся і ўдасканаліваліся ў адпаведнасці са светапоглядам творцы, яго адносінамі да падзей, з асабіста перажытым, пераасэнсаваным. Беларускія пісьменнікі, аўтары антываеннай прозы (К. Чорны, В. Быкаў, А. Адамовіч і інш.), шырока выкарыстоўвалі розныя сродкі псіхалагізму.

Прызнаным майстрам і пачынальнікам жанру псіхалагічнага рамана ў беларускай літаратуры, па меркаванні пісьменніка і літаратуразнаўцы А. Адамовіча, быў К. Чорны, які падчас Вялікай Айчыннай вайны стварыў адразу тры эпічныя творы. Яны сталі класікай беларускай і еўрапейскай псіхалагічнай прозы на антываенную тэму: «Млечны шлях», «Пошукі будучыні» і «Вялікі дзень». У іх аўтар спрабаваў знайсці адказ на фундаментальныя філасофскія пытанні: як з'явіўся фашызм і чаму гэтая чалавеканянавісніцкая ідэалогія змагла знайсці столькі прыхільнікаў і сярод шырокіх народных мас, і сярод адукаванай і дасведчанай інтэлігенцыі. К. Чорны з уласцівым яму аналітызмам і дасведчанасцю ў чалавечай псіхалогіі з пачаткам вайны пачаў ўдумліва асэнсоўваць прычыны страшэнных злачынстваў нацыстаў.

А. Адамовіч лічыў: «У сацыяльна-філасофскіх раманах “Пошукі будучыні”, “Вялікі дзень”, у філасофскім рамане “Млечны шлях” раскрываюцца сацыяльна-гістарычныя вытокі, сацыяльна-псіхалагічныя прадпасылкі самай агіднай з’явы ў гісторыі – фашызму» [2, с. 189]. Беларускі мысляр, працягваючы традыцыі К. Чорнага, таксама шырока выкарыстоўваў у сваіх творах прыёмы псіхалагізму, раскрываючы вобразы герояў і ствараючы надзвычай рэалістычныя псіхалагічна дакладныя характары ў сваёй ваеннай прозе. У гэтай сувязі варта згадаць звышрэалізм апавесці А. Адамовіча «Карнікі», якая была выдадзена ў 1980 г. і стала адным з найбольш жорсткіх і бескампрамісных твораў аб перыядзе нямецкай акупацыі Беларусі 1941–1944 г. Упершыню ў айчыннай літаратуры і адным з першых у еўрапейскай А. Адамовіч удала паспрабаваў раскрыць прыроду нацызму, здрадніцтва не праз успрыманне ахвяр ваенных

злачынстваў, а менавіта сродкамі псіхалагічнага пісьма – праз плынь свядомасці саміх карнікаў. Па меркаванні вядомага беларускага літаратуразнаўцы М. Тычыны, стрычнага брата А. Адамовіча, «Галоўным у новым творы празаіка было пытанне, якое ён неаднаразова чуў у тым ці іншым варыянце ад сваіх апавядальнікаў-відавочцаў хатынскіх трагедый, а менавіта: “Як маглі яны і хто яны, людзі, якія ўсё гэта рабілі?”» [3, с. 19].

Каб прааналізаваць глыбінныя матывы ўчынкаў байцоў карных фарміраванняў і выкрыць сутнасць фашызму, патрэбна было звярнуцца да прыёмаў, якія дазволілі б паказаць унутраны свет персанажаў і знайсці там трыгеры, якія ператварылі іх са звычайных людзей у масавых забойцаў. Таму А. Адамовіч, які ў сваёй літаратуразнаўчай дзейнасці вялікую ўвагу надаваў вывучэнню творчасці К. Чорнага, безумоўна, не без уплыву класіка, вырашыў звярнуцца да чорнаўскіх традыцый псіхалагічнай прозы. Аднак ён творча развіваў іх, задзейнічаў шматлікія дакументальныя факты і асабісты жыццёвы вопыт партызана-антыфашыста. Вынікам такога творчага філасофска-псіхалагічнага эксперыменту і стала аповесць «Карнікі».

Галоўнай задачай стварэння сваіх твораў А. Адамовіч і К. Чорны бачылі выкрыццё фашызму як сацыяльнай і філасофска-псіхалагічнай з’явы. Для абодвух мысляроў было важна паказаць, як станавіліся фашыстамі простыя людзі, што прыводзіла іх да маральнага калецтва. Пры гэтым абодва пісьменнікі вылучалі вобразы здраднікаў-калабарантаў і нямецкіх нацыстаў, ставячы першых у залежнасць ад другіх і выяўляючы паміж імі сувязі па тыпу «гаспадар – раб».

Яркім прыкладам канцэнтраванай «арыйскасці» у творчасці К. Чорнага з’яўляецца малады нямецкі афіцэр Густаў Шрэдэр, герой рамана «Пошукі будучыні». Разважаючы пра акупаваную Беларусь і яе народ, ён агучвае засвоеную ім нацыянал-сацыялістычную заваёўніцкую праграму адносінаў да іншых, неарыйскіх, народаў: *«Тут жывуць не людзі, а казюлі з нявольніцкай псіхалогіяй. Яны створаны, каб быць слугамі. Павесць над іхнімі галовамі меч, дык яны адразу ўверуюць, што гэта не меч над імі, які кожны момант можа загубіць іх, а што гэта вісіць найвялікшая справядлівасць усей светабудовы, і пачнуць з удзячнасцю лізаць боты ў таго, хто павесіў над імі гэты меч»* [5]. Малады Шрэдэр успрымае беларусаў толькі як рабоў, якія павінны выконваць усе загады нямецкай улады. Густаву невядомыя такія базісныя гуманістычныя паняцці, як чалавекалюбства, павага да іншых, спагадлівасць, шчырасць – усё гэта яму, як і мільёнам немцаў, замяніла расавая тэорыя Гітлера і яго папалчнікаў.

Такія ж адносіны да той часткі чалавецтва, якой не давялося нарадзіцца немцамі, дэманструе Оскар Дзірлевангер, герой аповесці «Карнікі». А. Адамовіч падрабязна вывучаў па адкрытых крыніцах рэальную асобу камандзіра карнага фарміравання і на падставе глыбокага псіхалагічнага аналізу змог стварыць запамінальны вобраз «ідэальнага фашыста»: *«Не пулемет не падаваўся Дірлевангеру, а глаза, дерзкая ўвереннасць раба, што он нравіцца немецкаму офіцэру, што он заслуживает одобрения, поощрения. Вот он как выглядит –*

раб, из которого не вышибли уверенность, что он может знать мысли, угадать поступки своего господина! Да он хуже, опаснее тех, кто уже сгорел!..» [1, с. 251]. Заўважым, што А. Адамовіч адыходзіць ад некаторай схематычнасці і залішняй абагуленасці, якая была характэрна вобразам фашыстаў у мастацкай прозе К. Чорнага і стварае дакументальна-праўдзівыя персанажы. Так, напрыклад, Дзірлевангер, які паўстае перад намі ў «Карніках» сапраўдным д’яблам, між тым, не пазбаўлены базавых чалавечых пачуццяў, што ў сукупнасці з яго ўчынкамі дадае вобразу інфернальнасці: *«Нет, у Дирлевангера этот день особенный: день рождения Паулины Херлингер, его добрейшей мутти! Она была очень верующая и пусть поживает спокойно: в этот день сын ее не убьет своей рукой даже мухи. Даже вот этого бунтовщика!»* [1, с. 252]. Гэтым эпізодам аўтар яшчэ і падкрэслівае глыбіню дэканструкцыі класічнага нямецкага грамадства, пра што сам А. Адамовіч пісаў: *«Праз Дзірлевангера я спрабаваў зазірнуць ў гісторыю Германіі 20-х, 30-х, 40-х гг., спрабаваў гэты характар тлумачыць сацыяльнымі падзеямі, якія там адбываліся»*. Такім чынам, беларускі мысляр працягвае традыцыю даследавання нацысцкай псіхалогіі К. Чорнага, мадыфікуючы яе і надаючы героям рысы звычайнага чалавека. Гэта дазваляе чытачу зразумець, што карнікі не з’яўляліся ніадкуль, а за кожным злачынствам цягнулася жыццёвая гісторыя самога забойцы.

Калі Шрэдэр-малодшы і Оскар Дзірлевангер – гэта героі-выканаўцы, якія шмат дзейнічаюць і чытач спасцігае іх псіхалогію праз учынкi, то Цымерман з «Карнікаў» і Тоўхарт з рамана «Вялікі дзень» з’яўляюцца ідэолагамі нацызма, псеўдаінтэлектуаламі, якія выбудоўваюць на першы погляд лагічную схему апраўдання злачынстваў.

Прамова Тоўхарта перад Гальвасам-малодшым – гэта ідэйна-філасофскі цэнтр рамана К. Чорнага. Немец з’яўляецца, па задумцы аўтара, адным з ідэолагаў нацызма і першапачатковым носьбітам гэтай агіднай ідэалогіі. Як даводзіць нам творца, фашысцкія ідэі з’явіліся не на пустым месцы. Халодны разлік, бяздушны эгаізм, страсць да нажывы, пагарда да людзей – усё гэта закладвае аснову для фарміравання далейшых поглядаў Тоўхарта на жыццё: *«Мы сваім нацыянальным пачуццём павінны зрабіць нянавісць да ўсяго, што не наша, а нам павінна быць усё роўна, што пра нас думаюць. Бязлітаснасць павінна стаць нашым сцягам»* [4]. Гэтыя словы становяцца сапраўдным “сімвалам веры” для фашыстаў, які яны неўзабаве пачынаюць рэалізоўваць на практыцы. Базісам для нацысцкага антыгуманізму становіцца рэваншызм і радыкальны нацыяналізм, які змешваецца з прагай да ўлады і багацця.

А. Адамовіч, ствараючы вобраз Цымермана, падыходзіць да выкрыцця фашысцкай ідэалогіі з маральна-філасофскага і рэлігійнага боку, звязваючы яе ўзнікненне з фарміраваннем ідэй ніцшэанства і яго пераўтварэннем у сапраўдную рэлігійна-сацыяльную сістэму светаўспрымання. Пісьменнік паглыбляецца ў псіхалогію обер-шарфюрэра і выяўляе, што германскі нацызм мае трывалую ідэалагічную базу ў антыхрысціянскай ідэалогіі Ф. Ніцшэ, а не толькі будуюцца на рэваншызме і празе да ўлады над людзьмі і тэрыторыямі. Інтэрпрэтуючы Ф. Ніцшэ, Цымерман адзначае, што той даў і немцам, і будучым

пакаленням звышчалавекаў інструкцыю і маральнае апраўданне ўсіх злачынстваў, якія ім давядзецца зрабіць: *«Не в теориях, не в политэкономиях ищите – в себя загляните, да не трусьте, поглубже! Себя выпустите, дайте живому проявиться! Не стыдитесь себя! Отбросьте шелк! Ощутите радость ножа!»* [1, с. 172].

А. Адамовіч, працуючы над «Карнікамі», намагаўся вывесці ўніверсальную формулу з’яўлення нацызму – гэта было патрэбна творцу, каб яго аповесць стала папярэджаннем наступным пакаленням і своеасаблівай інструкцыяй-перасцярогай для тых, хто можа ў будучым сутыкнуцца са спробамі адраджэння фашысцкай ідэалогіі. Адным з такіх універсальных крытэрыяў беларускі мысляр лічыў антыхрысціянства і адыход ад базавых чалавечых каштоўнасцяў. Вобраз адамовічаўскага Цымермана якраз і стаў канцэнтраваным сімвалам ніцшэанскай барацьбы з Богам. Уступаючы ў завочную палеміку з біблейскімі тэкстамі, антыгерой «Карнікаў», дарэчы, сын святара, гуляе на супярэчнасцях Святога Пісання, даводзячы, аднак, тую ж самую думку аб адсутнасці сэнсу ў захаванні маралі: *«И как могут в одной книге рядом стоять: “зуб за зуб!” и “не убий!”, “до седьмого колена мечь” и “прощай врагов”. Он [Ніцшэ] первый, кто так громко и открыто осмелился сказать: а ее и не надо, никакой морали! Не нужна она людям, избравшим себя. Ни старая, ни новая: природа морали не знает!»* [1, с. 171–172]. Такім чынам, А. Адамовіч на падставе асабістага вопыту і глыбокай даследчай працы распрацоўвае традыцыі К. Чорнага ў галіне даследавання нямецкага нацызму і фармулюе сваю версію ўзнікнення гэтай антыгуманістычнай ідэалогіі.

Акрамя вобразаў немцаў-нацыстаў, значную ролю ў філасофска-псіхалагічным даследаванні фашызма адыгрываюць вобразы калабарантаў. Абодва аўтары вельмі падрабязна распрацоўвалі псіхалогію здрадніцтва, выяўляючы матывы, якія сталі асновай для пераходу на бок ворага. Пры гэтым і К. Чорны, і А. Адамовіч праводзілі не толькі псіхалагічны аналіз гэтай з’явы, але і выяўлялі тыя сацыяльныя, палітычныя і гістарычныя з’явы, якія паўплывалі на выбар здраднікаў.

У трох раманах ваеннага часу К. Чорнага і ў аповесці «Карнікі» А. Адамовіча створана шырокая галерэя вобразаў калабарантаў. Аднак мы засяродзім сваю ўвагу на двух антыгероях: Тупіга з «Карнікаў» і Адам Блецька з «Вялікага дня». Абодва персанажы блізкія па сваім інтэлектуальным узроўні, маюць падобныя матывы здрадніцтва і менавіта праз пlynь іх свядомасці мы бачым значную частку сюжэта і рамана, і аповесці.

Вобраз кулямётчыка карнага батальёна Тупігі па-мастацку моцны і завостраны. У яго раскрыцці А. Адамовіч шырока выкарыстоўваў прыём чорнага псіхалагізму – сістэму вобразных і экспрэсіўных мастацкіх сродкаў, накіраваных на стварэнне глыбіннай карціны ўнутранага свету асобы з акцэнтам на змрочнай сутнасці свядомасці. З яго дапамогай аўтар паказвае своеасаблівую «прафесійную» трансфармацыю маралі байца карнага фарміравання: *«Тупига тянул очередь как опытный портной шов – твердо и плавно, внимательно вслушиваясь в работу машины»* [1, с. 43]. Пісьменнік паказвае, як дэфармуецца

псіхіка здрадніка і паказвае, што трыгерам нацызму Тупігі стала ягоная натура – сквапная, пагардлівая і змрочная. Для яго важна не тое, што ён здзяйсняе жудасныя злачынствы, а як пры гэтым выглядае перад іншымі карнікамі: «Узнали бы [другие бойцы], что Тупига поступил как трус и размазня. Как сачок! Вроде того очкарика, что вышел из хаты и обрыгал, работничек, крыльцо. Всю дорогу потом над ним потешались» [1, с. 67].

Вобраз Блецькі-малодшага з рамана «Вялікі дзень» таксама вылучаецца натуралістычнасцю і паглыбленым аўтарскім псіхалагізмам. Карані яго здрадніцтва аўтар бачыць у выхаванні, у атмасферы нянавісці і падману, якія суправаджалі антыгероя і неаднойчы станавіліся прычынай яго негатыўных учынкаў. Важным у гісторыі Адама, на наш погляд, з’яўляецца адчуванне ім «страшэннага смутку», як апісвае гэтае пачуццё сам К. Чорны. Забойца і здраднік, Адам разумее на нейкім глыбінным псіхічным узроўні сваю чалавечую непаўнацэннасць, за якую помсціць усяму свету. Так беларускі творца сцвярджае яшчэ адну гіпотэзу, якая называе фашызм «ідэалогіяй няўдалых». Згодна з ёй, нацызм з’явіўся і атрымаў распаўсюджанне якраз сярод псіхічна пакалечаных людзей, для якіх былыя крыўды сталі нагодай для нянавісці да ўсяго чалавецтва.

Такім чынам, мы можам адзначыць, што і К. Чорны, і А. Адамовіч шырока выкарыстоўвалі прыём псіхалагізму у сваіх творах на ваенную тэматыку для раскрыцця антымаральнай, антыгуманнай сутнасці фашызму. Аўтары па-майстэрску, глыбока, на філасофска-псіхалагічным узроўні аналізавалі персанажаў той эпохі, калі чалавецтва змагалася з нацызмам. Гэта дазволіла абодвум ярка і выразна паказаць антычалавечую сутнасць фашызму. Можна з упэўненасцю адзначыць, што псіхалагічны аналіз А. Адамовіча адрозніваецца ад псіхапэтыкі раманаў яго папярэдніка: А. Адамовіч шырока выкарыстоўвае прыём чорнага псіхалагізму, расрацоўвае ўласную версію ўзнікнення нацызму з антыхрысціянскага ніцшэанства; стварае больш жывыя вобразы немцаў і здраднікаў – апошнія тлумачыцца наяўнасцю ў творцы баявога вопыту і грунтоўнай працай з дакументальнымі матэрыяламі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Адамовіч, А. Каратели: Радость ножа, или Жизнеописание гиперборцев / А. Адамович. – Минск : Попурри, 2014. – 368 с.
2. Адамовіч, А. Беларускі раман. Станаўленне жанру / А. Адамовіч. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1961. – 244 с.
3. Тычына, М. Алесь Адамовіч. Жыццё як творчасць і творчасць як жыццё [Электронны рэсурс] / М. Тычына // RuLit. – Рэжым доступу: <https://www.rulit.me/books/ales-adamovich-zhyccyo-yak-tvorchasc-i-tvorchasc-yak-zhyccyo-download-free-498670.html>. – Дата доступу: 19.03.2022.
4. Чорны, К. Вялікі дзень [Электронны рэсурс] / К. Чорны. – Рэжым доступу: https://knihi.com/Kuzma_Corny/Vialiki_dzien_zbor6.html#chapter5. – Дата доступу: 17.03.2022.
5. Чорны, К. Пошукі будучыні [Электронны рэсурс] / К. Чорны. – Рэжым доступу: https://knihi.com/Kuzma_Corny/Posuki_buducyni.html#chapter9. – Дата доступу: 19.03.2022.

И. А. Посохин (г. Братислава, Словацкая Республика)

**НЕСКОЛЬКО НАБЛЮДЕНИЙ О СЛОВАЦКОМ ПЕРЕВОДЕ
«ЧЕМОДАНА» С. ДОВЛАТОВА**

В 2021 г. в Словакии был опубликован перевод одного из самых известных произведений Сергея Довлатова – сборника рассказов «Чемодан». Это издание стало первым книжным переводом Довлатова в Словакии со времен выхода сборника «Čiasí smrť» («Чья-то смерть») в 2002 г., за составление которого отвечал В. Купко, который также выполнил перевод нескольких рассказов. В настоящий момент книга стала практически библиографической редкостью, ее переизданий не было. В 1990-е гг. Довлатов был представлен только журнальными публикациями. Все журнальные переводы Довлатова выходили в журнале «Revue svetovej literatúry», где они контекстуализировались благодаря кратким статьям, которые их дополняли и тем или иным образом характеризовали писателя. Один из рассказов Довлатова был также представлен в сборнике «Русские цветы зла», словацкий перевод которого вышел в 2006 г. («Ruské kvety zla»). Можно поэтому утверждать, что Довлатов не был в словацком переводном пространстве заметным писателем, в отличие, скажем, от Италии, где переведены все произведения писателя. Поэтому выход словацкого «Чемодана» стал во многом «новым знакомством» словацкого читателя с Довлатовым. Автором перевода стала Силвия Шалатова, известная, среди прочего, переводами романов Светланы Алексиевич (интересно, что в 1980-е Шалатова училась в Минске, где застала начало перестройки и катастрофу на Чернобыльской АЭС [1]). Книга снискала благосклонные отзывы критиков, а один из крупнейших книжных магазинов Словакии, Martinus, даже включил ее в свой список лучших книг 2021 г. В рецензиях на книгу отмечается особый меланхоличный юмор Довлатова и автобиографический характер его творчества. Последний аспект, однако, часто вводит рецензентов в заблуждение, и они «слишком верят» Довлатовским рассказам, воспринимая его автофикционное тройное альтер-эго (автор – рассказчик – писатель) как самого Довлатова, а все события «Чемодана» – как реальные события в биографии писателя: «So ženou, dcérou a matkou preto zo Sovietskeho zväzu utiekol a v New Yorku sa konečne cítil slobodný» (*Поэтому он сбежал из Советского Союза с женой, ребенком и матерью, и в Нью-Йорке почувствовал наконец свободу* [2]; So sebou si priniesol len kufor, do ktorého si zbalil veci, ktoré boli vtedy pre neho istým spôsobom dôležité – napríklad krepsilonové ponožky (*С собой он привез только чемодан, в который сложил вещи, которые были важны для него в тот момент* [3])). Интересно, однако, что в изученных рецензиях не было указаний ни на то, что Довлатовский текст утратил актуальность, ни на то, что рассказанные в нем истории остаются непонятны читателю. При этом, как и практически все рассказы и повести Довлатова, «Чемодан» – во многом продукт своего времени. Здесь очень сильна тематическая и содержательная привязанность к реалиям советской эпохи 1960–1970-х гг., что находит

отражение на многих уровнях текста, но ярче всего, что вполне естественно, на лексическом уровне. На лексическом уровне отражается и внимание Довлатова к «низким» сторонам жизни – отсюда множество жаргонизмов и ненормативной лексики. Оба эти аспекта относятся к числу наиболее сложных для передачи в переводе и являются традиционным объектом рассмотрения в переводоведении. К проблематике перевода реалий обращался, в частности, известный словацкий теоретик художественного перевода Александр Попович, который относил реалии к случаям, которые «тематически противятся» [4, с. 23] переводу, и ссылаясь на подходы к интерпретации перевода реалий, предложенные болгарскими исследователями С. Влаховым и С. Флориным. Последние сводят весь спектр подходов к двум большим группам: транскрипция и перевод, причем «1) перевод стремится ‘чужое’ максимально сделать ‘своим’; 2) транскрипция стремится сохранить ‘чужое’ через средства ‘своего’» [5, с. 87]. Среди средств перевода можно назвать кальку, создание нового слова (неологизма), адаптацию, приблизительный перевод, описательный перевод [4, с. 172]. Также в контексте перевода безэквивалентной лексики принято оперировать понятиями натурализации (одомашнивания) и экзотизации (обиностранивания) [6, с. 64]. Поэтому в связи с «Чемоданом» представляется целесообразным сосредоточиться на особенностях перевода именно этих языковых моментов, как наиболее культурно-специфических и привязанных к языку-источнику. При анализе переводческих концепций и решений в связи с реалиями советского периода будем исходить из предположения о «социалистической близости» русского и словацкого языков как языков стран, которые на протяжении нескольких десятилетий разделяли общий «социалистический дискурс». Целью анализа станет определение степени «переводимости» того или иного специфического элемента, роли «исторической общности» языков при переводе данного фрагмента, а также выявление потенциальных «стилистических сдвигов» [4, с. 97] на лексическом уровне.

Говоря о советских реалиях, можно в первую очередь обратиться к названиям организаций и периодических изданий того времени. С одним из них мы встречаемся в первом же предложении предисловия: «*В **ОВИПе** эта сука мне и говорит*» [4, с. 347]. **ОВИП** (отдел виз и регистрации) – аббревиатура, смысл которой понятен читателю с необходимым лингвокультурологическим фоном, но иностранному читателю ее значение, скорее всего, неизвестно. Поэтому в переводе мы встречаемся с лексической заменой с элементом экспликации: «*A tá mrcha z **vízového** mi vraví*» [7, с. 347]. Схожую стратегию мы находим и при переводе аббревиатуры *обком партии*, которая также «дешифруется»: «*Správnu prečítal druhý tajomník **oblastného výboru strany***» [7, с. 129]. Здесь срабатывает как раз «социалистическая близость» языков, о которой говорилось выше, так как коммунистические партии обеих стран имели схожую региональную структуру, поэтому в распоряжении переводчицы был полный эквивалент. Помимо этого, у Довлатова можно неоднократно встретить аббревиатуру *КГБ*, которая, однако, относится к гораздо более узнаваемым, поэтому и в переводе она транслитерируется как *KGB*, т. е. в этом случае наблюдается

экзотизирующая стратегия, как и, например, в случае с передачей названия журнала «Огонек», которое переводчица также транслитерировала как *Ogoňok*. Но данный подход к передаче названий периодических изданий наблюдается не во всех случаях. Например, в рассказе «Шоферские перчатки» перечисляется целый ряд названий многотиражных газет, причем все они отсылают к профессиональной деятельности организаций, выпускавших данные газеты: «Я представлял газету “Турбостроитель”. Шлиппенбах – ленфильмовскую многотиражку под названием “Кадр”. <...> У нас есть образцовые газеты, например, “Знамя прогресса”. Есть посредственные, типа “Адмиралтейца”. Есть плохие, вроде “Турбостроителя”. И наконец, есть уникальная газета “Кадр”» [4, с. 466]. Для передачи значения названия каждой из этих газет и, соответственно, соблюдения их функции в тексте переводчица использовала прямой перевод названий (тем самым «одомашнив» их), а в случае с «Адмиралтейцем» – лексическое дополнение: «*Zastupoval som vtedy noviny Turbostavbár. Šlippenbach tu bol za lenfilmovské závodné noviny s názvom Záber. <...> Máme tu vzorné noviny, napríklad Vlajka pokroku. Máme aj priemerné, napríklad Admirálsky lodeničiar. Sú aj zlé, ako taký Turbostavbár. A nakoniec tu máme unikátne noviny – Záber*» [7, с. 129].

Несмотря на присутствие натурализирующих элементов (например, замена милиционеров на полицейских), в целом для данного словацкого перевода характерна, скорее, экзотизирующая стратегия, сохраняющая «иностранность» характер текста, в связи с чем переводчице приходится не раз прибегать к такому не столь популярному решению, как «примечания переводчика», в которых она объясняет значение использованных Довлатовым реалий (а также прецедентных имен и выражений). В качестве иллюстрации можно обратиться к переводу слов «чебурек» и «чухонки», которые переводчица решила не заменять названием схожего блюда и национальности, а объяснила их в примечаниях (правда, в случае чебуреков объяснение не совсем точно): «*Archaický názov pre pobaltsko-fínske národy*» (Архаичное название балто-финских народов) [7, с. 22]; «*Ploské vyprázané pirožky s rôznymi plnkami*» (Плоские жареные пирожки с разными начинками) [7, с. 24]. В одном из таких примечаний к названию магазина «Березка», которое в тексте транслитерируется, переводчица обращается к социалистическому прошлому Словакии, в котором находится полный эквивалент, который, однако, в основной текст не включается: «*Sovietska obdoba československých tuzexov*» (Советский эквивалент чехословацких «тузексов») [7, с. 24]. Такого рода объяснение, конечно, тоже имеет свои недостатки, поскольку новому поколению словацких читателей сама лексема *tuzex* может быть тоже неизвестна. Наконец, в связи с примечаниями стоит отметить и примечание редактора к переводу лексемы *отказник*, которую Довлатов использовал, описывая подготовку жены к эмиграции: «*V ZSSR človek židovského pôvodu, ktorému zamietli emigráciu*» (В СССР – человек еврейского происхождения, которому было отказано в эмиграции) [7, с. 108]. Интересно, что в словацком переводе была использована калькированная английская лексема *refusenik*, которая стала

международным эквивалентом данного термина из истории советской эмиграции: *«Prichádzali za ňou akísi drsní bradatí refuseníci»* [7, с. 108]. Как можно видеть, данная лексема была дополнительно «натурализована» переводчицей для образования множественного числа по модели словацких одушевленных существительных.

В заключение можно обратиться к отдельным переводческим решениям, которые использовались для передачи «низкого» языкового пласта «Чемодана» (молодежный жаргон, жаргон фарцовщиков и алкоголиков, ругательства). Среди проанализированных примеров наибольший интерес вызывают случаи экспликации или лексического дополнения. Например, многозначительный и одновременно бессмысленный диалог фарцовщика Фреда с одним из его клиентов содержит вопрос *«Это будет – фирма?»* [4, с. 354], в котором под «фирмой» подразумевается качественный, фирменный товар. Перевод, который содержит экспликацию, можно охарактеризовать как стилистически нивелирующий: *«Bude to značkový tovar?»* [7, с. 17]. В этом же эпизоде упоминаются и *дельбаны с крестом*: *«Что такое – дельбаны с крестом? – Часы, – ответил Фред, – неважно...»* [4, с. 355]. Словацкий перевод передает *дельбаны* как *delbany*, но в объяснении Фреда используется дополнительная парцелляция, отсутствующая в оригинале и имеющая стилистически усиливающий эффект: *«“Hodinky,” odvetil Fred. “Švajčiarske hodinky. To je jedno...”»* [7, с. 18]. В рассказе «Шоферские перчатки» Шлиппенбах, рассказывая о сценарии фильма о Петре, использует слово *чувихи*: *«Фарцовщики хотят купить у царя ботинки. Чувихи принимают его за богатого иностранца»* [4, с. 469]. С позиции современного русскоязычного читателя данная лексема, сохраняя жаргонный характер, утрачивает свою стилистическую выразительность, хотя для времени написания «Чемодана», вероятно, в ее использовании мог сохраняться оттенок значения 'легко доступная, легкомысленная девушка'. И именно к этому оттенку, судя по всему, апеллировала переводчица: *«Lahšie ženštiny ho považujú za bohatého cudzinca»* [7, с. 132]. Однако здесь можно наблюдать стилистическое усиление даже по сравнению с экспрессивным оригиналом, так как словацкое *ženština* имеет помету «ругательное» и обозначает 'женщину с негативными (моральными) качествами' [8], причем это значение дополнительно усиливается эпитетом *легкий*. Таким образом в этой позиции утрачивается жаргонность, но сохраняется стилистическая экспрессивность.

Итак, исходя из небольшого числа примеров, приведенных выше, можно сделать вывод, что исходная гипотеза о том, что ввиду временной смежности исторического развития русского и словацкого языков, последний оказывается приспособленным к передаче особого колорита поздней советской эпохи, по большей части подтвердилась, хотя в целом в словацком тексте присутствует и довольно много экзотизирующих элементов, которые либо дополнительно эксплицируются в самом тексте, либо объясняются в примечаниях к нему. Можно предположить, что с каждым годом потребность в таких объяснениях будет увеличиваться, но сам факт выхода перевода «Чемодана» в 2021 г. лишний раз подтверждает актуальность и общечеловеческую универсальность довлатовских текстов.

Данная статья является одним из результатов реализации проекта VEGA V-21-030-00 «Ruská próza 21. storočia v jej existenciálnych, tematologických a poetologických súradniciach v domácom a slovenskom kultúrnom priestore».

Список использованной литературы

1. Kováčik, J. Prekladateľka knihy Černobyľská modlitba: Pri každom čítaní mi chodil mráz po chrbte [Elektronický zdroj] / J. Kováčik // Denník N. – 20.04.2017. – Režim prístupu: <https://dennikn.sk/732266/prekladatelka-knihy-cernobylska-modlitba-pri-kazdom-citani-mi-chodil-mraz-po-chrbte/?ref=inm>. – Dátum prístupu: 30.12.2021.
2. Ballová, D. Musel sa zbalit' do jedného kufru, potom z neho vytiahol obraz bizarností sovietskeho režimu [Elektronický zdroj] / D. Ballová // Denník N. – 10.06.2021. – Režim prístupu: <https://dennikn.sk/2423223/musel-sa-zbalit-do-jedneho-kufru-potom-z-neho-vytiahol-obraz-bizarnosti-sovietskeho-rezimu>. – Dátum prístupu: 30.12.2021.
3. Strýčková, K. Prekladateľka Štefánková: Vedieť cudzí jazyk nestačí, bez dokonalej znalosti slovenčiny výborný preklad neurobíte [Elektronický zdroj] / K. Strýčková // Denník N. – 19.07.2021. – Režim prístupu: <https://dennikn.sk/2473532/prekladatelka-stefankova-vediet-cudzi-jazyk-destaci-bez-dokonalej-znalosti-slovenčiny-vyborny-preklad-neurobite/?ref=list>. – Dátum prístupu: 30.12.2021.
4. Попович, А. Проблемы художественного перевода / А. Попович; пер. со словац. И. А. Бернштейн и И. С. Чернявской. – М.: Высш. шк., 1980. – 199 с.
5. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Междунар. отношения, 1980. – 351 с.
6. Довлатов, С. Д. Чегодан / С. Д. Довлатов // Собрание сочинений: в 4 т. – СПб.: Азбука, 2011. – Т. 3. – С. 347–484.
7. Dovlatov, S. Kufor / S. Dovlatov. – Bratislava: Absynt, 2021. – 148 с.
8. Krátky slovník slovenského jazyka [Elektronický zdroj] / J. Kačala [et al.]; upr. J. Kačala. – Bratislava: Veda, 2003. – 985 с. – Režim prístupu: http://www.juls.savba.sk/kssj_4.html. – Dátum prístupu: 30.12.2021.

Т. П. Слесарева (г. Витебск, Республика Беларусь)

МАРКЕРЫ РАСПОЗНАВАНИЯ МУЖСКИХ И ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ПОВЕСТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕЛЫЕ НОЧИ»

В последние десятилетия в языкознании сформировалось новое направление, изучающее взаимосвязь пола и языка, получившее название гендерная лингвистика, где под гендером понимают не столько физические различия между мужчиной и женщиной, сколько набор характеристик, которые идентифицируют социальное поведение мужчин и женщин и отношения между ними.

Язык фиксирует различные для мужчин и женщин способы их номинации, внешнюю характеристику, функциональные обязанности.

Особенно это обнаруживается при анализе художественных текстов, главными героями которых выступают Он и Она. Поэтому нам представляется актуальным обращение к повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи», которая вышла в свет в 1848 г. и до сих пор пользуется популярностью у читателей.

Литературоведы выделяют двух центральных персонажей повести – повествователя и Настеньку.

Для изображения своих героев автор использует различные языковые средства, среди которых наибольшую нагрузку несут имена существительные, имена прилагательные и глаголы.

Из текста повести путем сплошной выборки нами были выписаны 201 имя существительное, 146 имен прилагательных и 1510 глаголов, репрезентирующих главных героев повести.

28 имен существительных представляют главного героя и 173 – главную героиню.

Главный герой «Белых ночей» зовет себя *Мечтателем*. Такое имя существительное в качестве обозначения *героя* встретилось нам только один раз. Но молодой человек обобщает себя с такими же мечтателями, поэтому слово *тип* мы встретили семь раз. Мечтателю 26 лет. Он мелкий чиновник. Живет в мире своих фантазий и воображения (*сам себе враг, сам по себе* – так характеризует Ф. М. Достоевский своего героя). Таким способом он убегает от пустой и безрадостной жизни.

Друзей у Мечтателя нет, потому что он не любит поддерживать знакомства (хотя существительное *друг* применительно к герою нами зафиксировано девять раз).

Единственный близкий человек у Мечтателя – служанка Матрена. Именно она обращается к нему *батюшка, касатик* Имя и фамилия Мечтателя в повести не упоминается.

Имя главной героини звучит многократно. Антропоним *Настенька* встретился на страницах повести 137 раз. Имя Анастасия греческого происхождения – «воскрешающая». И действительно, благодаря встрече с Настенькой Мечтатель познает, что такое счастье – реальное, живое и настоящее. Она – наивная, простая мечтательница 17 лет. *Ангельчик, ангел, дружочек, дитя, друг мой, незнакомка, доброе сердце, бедняжка* – так называет Ф. М. Достоевский свою героиню.

К главным героям повести относится практически одинаковое количество имен прилагательных (71 имя прилагательное репрезентирует главного героя, 75 – главную героиню).

Мечтатель – это *добрый* (2 словоупотребления), *бескорыстный* (1 словоупотребление), *невинный* (2 словоупотребления), но одинокий и по-своему *несчастный* (1 словоупотребление) молодой человек.

Он не имеет опыта общения с женщинами (*отвык от женщин* – 1 словоупотребление; *робок с женщинами* – 2 словоупотребления). Он был влюблен лишь в мечтах и никогда – наяву.

Настенька, как и Мечтатель, мало видела в жизни. Она живет с бабушкой, которая припиливает внучку булавкой, чтобы та не убежала. В сочетании с именем героини встречается такой эпитет, как *припиленная* (2 словоупотребления).

Девушку репрезентируют такие прилагательные, как *милая* (8 словоупотреблений), *веселая, достойная, добрая, простая* (по 2 словоупотребления), *гордая, беззащитная, откровенная, робкая, нежная*.

Оба героя повести равны своим несчастьем, одиночеством, бедностью, тоской. Поэтому и встречаются в сочетании с их номинациями такие имена прилагательные, как *несчастный* и *бедная, одинокий*. Числительное *один* в сочетании с героем нами зафиксировано 11 раз.

Однако у Настеньки есть пережитая ею «история» и надежда на ее продолжение. Прилагательное *счастливый* в сочетании с номинацией героя нами зафиксировано восемь раз, а в сочетании с именем героини – четыре раза.

Мечтатель, к сожалению, был счастлив совсем недолго. Но эти минуты счастья вместе с Настенькой – самое лучшее, что было в его серой и скучной жизни. Поэтому, расставаясь с Настенькой, герой желает ей лишь счастья, он благодарен ей за пережитую «минуту блаженства». Мечтатель благословляет своего доброго гения: «Да будет ясно твое небо, да будет светла и безмятежна милая улыбка твоя, да будешь ты благословенна за минуту блаженства и счастья, которые ты дала другому, одинокому, благодарному сердцу!» [1, с. 60].

Одним из приемов, с помощью которых авторы художественных произведений описывают сущность человека, является выделение в нем тех или иных признаков, создаваемых деятельностью.

В текстах названия таких признаков часто представлены глаголами.

Мы выделяем (классификация Васильева) [2] в составе собранной нами глагольной лексики десять тематических групп: глаголы состояния, глаголы мысли, глаголы речи, глаголы чувств, глаголы движения, глаголы разрушения, глаголы созидания, глаголы изменения состояния, глаголы контактирования и глаголы, обозначающие биологические процессы. При этом количественный состав данных групп у разных героев будет различным. Т. е. мужской и женский образы в повести характеризуются разными глагольными сочетаниями.

Первое место в сочетании с номинацией обоих героев занимают глаголы речи.

Второй подзаголовок «Из воспоминаний мечтателя» сообщает читателям, что изложение событий пойдет от первого лица.

Да и вряд ли мог выговориться герой перед кем-нибудь до Настеньки. И героиня раскрывается перед читателями через рассказ своей «истории». В сочетании с обоими героями самыми частотными глаголами этой группы оказались такие глаголы, как *говорить* (29 словоупотреблений у героя и 31 – у героини), *сказать* (27 и 45 глаголуупотреблений соответственно).

Героя репрезентируют также глаголы *рассказать* (14), *отвечать* (12), *благодарить* (2), *молить, вымаливать*. А героиню – *перебить, попросить, признаться, хвалить*.

Глаголы чувства занимают второе место как у героя, так и у Настеньки.

Это служит еще одним доказательством того, что произведения Достоевского – это романы чувств и идей. С ним в мировую литературу вошел особый

способ активизации жизни, ориентирующий в первую очередь на психологию героев.

Ф. М. Достоевский определил жанр своего произведения «Белые ночи» как «сентиментальный роман».

Среди глаголов, встретившихся у обоих героев, нами зафиксированы *любить* (19 у него и 29 у нее), *чувствовать* (6 у него и 4 у нее), *простить* (9 у него и 5 у нее).

Однако с каждым именем героев сочетаются и такие глаголы чувств, которые наиболее ярко раскрывают черты мужского и женского характера.

Так, в сочетании с номинацией героя нам встретились глаголы *беречь, раскаиваться, жертвовать, не влюбляться, не сметь, терпеть*. А в сочетании с именем Настенька – *бояться, терзать, напалить, жалеть, перепугаться, струсить, страдать*.

Как отмечали критики, для главных героев произведений Ф. М. Достоевского сперва «необходимо мысль разрешить» [3, с. 99–100].

Интенсивный семантический признак (3 место) выражен группой глаголов, обозначающих мыслительные процессы героев. Частотными в этой группе оказались глаголы *знать* (25 у него и 39 у нее), *думать* (15 у каждого), *догадаться, помнить*.

Герой понимает, что потратил свои годы зря, впустую – убегая от реальности с помощью фантазии и воображения. С его номинацией сочетаются такие глаголы, как *мечтать, промечтать, представить*.

В сочетании с именем Настенька нами зафиксированы такие глаголы данной тематической группы, как *выучиться, раздумывать, разузнать, решить, считать, угадать, убедиться*.

М. Бахтин подчеркивает, что для произведений Ф. М. Достоевского характерна также «катастрофическая скорость действия», «динамика». Эта особенность, безусловно, должна проявляться в соответствующих действиях и перемещениях героев. Глаголы движения по абсолютной численности употреблений занимают в сочетании с номинацией героя 4 место, а у Настеньки – 6 место.

Мы видим, что мечтатель привык гулять по городу и встречать разных людей. Его характеризуют такие глаголы, как *прийти* (11 словоупотреблений), *пойти* (8), *бродить* (3), *ходить* (2).

Несмотря на то, что в сочетании с именами героев глаголы движения разместились с разницей в 2 позиции, Настенька оказалась более подвижной: наряду с глаголами *прийти* (11 словоупотреблений), *пойти* (3), *поехать* (3), с ее именем сочетаются такие глаголы, как *броситься, мелькнуть, порхнуть, скользнуть, рванулась*.

Среди глаголов контактирования, которые также разместились с разницей в 2 позиции (7 место у него и 5 – у нее), у героя выделяются *встречать* (4), *принять* (3), *потерять* (3), *искать* (2), *лелеять*.

Среди глаголов, зафиксированных в сочетании с именем *Настенька*, больше таких, которые характеризуют поведение женщины: *выйти замуж*

(3 словоупотребления), *довериться, прижиматься, ласкаться, поцеловать*. А еще нами зафиксированы глаголы *отшпилить* (2) и *давать уроки*.

В сочетании с именем Настенька частыми оказались глаголы, обозначающие биологические процессы, как *плакать* (9), *заплакать* (4), *зарыдать, залиться слезами, удариться в слезы*.

Слова таких малочастотных тематических групп, как глаголы существования, созидания и разрушения находятся в сочетании с номинациями героев на последних позициях.

Для репрезентации мужского и женского образов Ф. М. Достоевский использует разные глаголы.

Так, например, среди глаголов изменения состояния в сочетании с именем Настенька нами зафиксированы такие глаголы, как *заробеть, оробеть, побледнеть, покраснеть* (8), *похудеть*, глаголов созидания – *вязать, навязать, шить, вплетать, писать, работать*, а среди глаголов разрушения – *сгубить, утопиться, убивать*.

У героя среди глаголов разрушения нам встретились такие, как *разбить, сломать, погибать*, глаголов созидания – *делать, сделать, создавать, приготовить, построить*.

Таким образом, учет лексической сочетаемости номинаций героев с существительными, прилагательными и глаголами в художественном тексте дает возможность характеризовать конкретными языковыми данными качества героев художественных произведений, различая их по гендерному признаку.

Список использованной литературы

1. Достоевский, Ф. М. Белые ночи: Сентиментальный роман (Из воспоминаний мечтателя) / Ф. М. Достоевский. – М. : Дет. лит., 1986. – 63 с.
2. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола : Глаголы речи, звучания и поведения : учеб. пособие / Л. М. Васильев. – Уфа : Башкир. ун-т, 1981 – 71 с.
3. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Совет. Россия, 1979. – 250 с.

Тун Чао (г. Минск, Республика Беларусь)

КОСВЕННЫЕ ЭКСПРЕССИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ НЕДОВОЛЬСТВО, В РУССКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Особую социальную значимость в процессе межличностной коммуникации имеют экспрессивные речевые действия, выражающие психологические состояния коммуникантов. Иллокутивная цель экспрессивного акта речи заключается в передаче адресантом своего внутреннего состояния (чувств, эмоций, настроения) адресату. Успешность (перлокутивный эффект) экспрессива во многом зависит от того, с достаточной ли степенью выразительности говорящий осуществляет вербальный акт. Выразительность (экспрессивность) тесно связана с эмоциональностью, что отмечается в специальных исследованиях [1–3]. Экспрессивные акты речи передают

широкий спектр эмоционально-психологических состояний. Именно этим объясняются их многообразие и трудности внутренней дифференциации.

В зависимости от общеоценочного характера экспрессивных действий их можно разделить на два класса: положительные и отрицательные. В составе негативно-оценочных экспрессивов выделяется речевой акт недовольства – реактивное вербальное действие, выражающее отсутствие удовлетворенности предшествующим действием (поведением) собеседника и демонстрирующее отрицательное отношение к собеседнику, его поступку, к иным участникам коммуникации, к ситуации в целом.

Как и любое речевое действие, недовольство может выражаться прямо (иллокутивная цель эксплицируется с помощью специально предназначенных для этого языковых маркеров – иллокутивных показателей □) и косвенно (прагматическое значение высказывания и его поверхностная структура не совпадают, иначе говоря, «дословный смысл не соответствует смыслу передаваемому» [4, с. 83]).

В центре нашего внимания – косвенные экспрессивные акты недовольства в художественном дискурсе. Цель исследования – выявить и систематизировать речевые действия, используемые в русскоязычной коммуникации для непрямого выражения недовольства.

Источником фактического материала послужили художественные произведения современных русскоязычных авторов [5–7]. Выбор материала исследования не случаен: художественный дискурс, который рассматривается как проекция жизни человека, его мыслей и эмоций, предоставляет наибольшие возможности для изучения эмоционально-экспрессивного вербального поведения. В художественных текстах фиксируются все аспекты коммуникации, включая невербальный контекст и ситуативные (социокультурные) компоненты, что позволяет получить наиболее информативные и достоверные сведения о специфике различных моделей речевого поведения.

В процессе исследования мы исходили из того, что, во-первых, «истинная коммуникативно-прагматическая направленность косвенных речевых действий проявляет себя только в диалогическом дискурсе» [3, с. 7] и, во-вторых, полноценная интерпретация вербального поведения предполагает учет экстралингвистических (конситуативных) факторов.

В результате анализа было установлено, что интенция недовольства в косвенных экспрессивных действиях репрезентируется с помощью утвердительных, побудительных, вопросительных и восклицательных языковых структур. Это позволяет говорить о соответствующих типах косвенных экспрессивов с семантикой недовольства. Общим признаком такого рода действий является отсутствие прямых (лексических) показателей передаваемой иллокутивной силы. Говорящий осуществляет речевое воздействие (выражает недовольство), «побуждая слушающего опознать это намерение с опорой на имеющиеся у слушателя знания о правилах, лежащих в основе производства высказывания» [8, с. 195]. Различия указанных типов действий касаются способов их языкового оформления. Важно отметить, что все косвенные высказывания в значительной

степени зависят от контекста, описание которого фиксируется в авторских ремарках художественных произведений. Кроме того, следует заметить, что интенция недовольства нередко «сочетается с другими интенциями, являясь для них производной или вытекающей из них» [2, с. 6]. Рассмотрим примеры выделенных речеактовых разновидностей.

Выражение недовольства в **утвердительной форме** демонстрирует следующий фрагмент диалога: (1) <...> – **А что он фигурирует без трусов, кому это надо, – веско** сказал полковник в отставке. <...> – *Да он только что научился не пачкаться, – сказала мать. – ...Он же вам показывает, какой стал умный, чтобы его похвалили. А ему разбивают голову. За что?* [6, с. 120]. Утвердительная реплика в (1) включает фразеологизированные выражения, позволяющие распознать негативное психологическое состояние говорящего, а также фиксирует повод для такого состояния. Выражение недовольства сопровождается оправданием в ответной реплике и представляет устойчивую модель ситуации.

В определенных случаях недовольство может быть реакцией на неправомерное поведение собеседника и выражаться **побудительной (императивной) структурой**: (2) – *Ваш проездной документ, пожалуйста, – прервала ее размышления полная кондукторша. Лара полезла в сумочку за проездным и, как всегда, не нашла. <...> – **Ищите, я к вам еще подойду, – недовольно пробурчала** кондуктор и ушла. <...> – Ну что, нашла? – раздалось над самым ухом. Лара вздрогнула и перевела взгляд на полную кондукторшу. – Да. Вот, – она протянула проездной. – **Ну вот бы и сразу так. А то вечно насуют в сумки, не разберутся сами*** [7, с. 11]. Определить иллюкутивную силу побудительного высказывания (недовольное требование) помогает автор, давая прямую характеристику невербального поведения кондуктора (*недовольно пробурчала*). В (2) наблюдается смена тональности общения (от вежливой до грубой), что обусловлено меняющимися обстоятельствами, а также сочетание нескольких способов выражения недовольства (побудительный и утвердительный акты). Это отражает особенности реальной развернутой диалогической коммуникации.

Характерным для обиходного дискурса способом косвенного проявления недовольства служат **вопросительные речевые действия**, представляющие собой риторические вопросы – конструкции, вопросительные по форме и утвердительные по существу. Вопросительный косвенный речевой акт обычно передает смягченную форму побуждения. Однако в случаях, когда поведение одного из участников коммуникации провоцирует негативную реакцию другого, вопрос служит способом экспрессивного выражения эмоций говорящего: (3) *Аркашу застала дама, какая-то местная надзирательница, типа менеджера, и она заорала: – **Что вы безобразничаете тут? Это же для собак! И забрала кастрюлю*** [6, с. 110]; (4) – *Эй, – сказал один из ассистентов, **поднимая голову, – ты чего дымишь? Тут и так воздух спертый.** Андрей не ответил. <...> – **Глухой? – окончательно выпрямляясь, повторил ассистент...*** [5, с. 1].

Экспрессивный характер негативно-оценочных речевых действий может передаваться с помощью **восклицательных языковых структур**, способных передавать широкий спектр эмоциональных реакций: (5) – **Она меня еще учить будет! – ехидно засмеялась Алина, повернувшись к Светке – своей закадычной подруге. – А что, может, сама смонтируешь, раз такая умная? Ты же, кажется, на звание самостоятельного репортера претендуешь, да?** [7, с. 12]. В (5) риторическое восклицание, представляющее устойчивую синтаксическую структуру, выражает косвенное недовольство в ситуации непринужденного дружеского общения.

В проанализированном речевом материале зафиксировано немало примеров использования комплекса различных вербальных действий, эксплицирующих интенцию недовольства: (6) – **Опаздываешь? – Лара услышала, как злорадно ухмыльнулась кобра. – Я... нет. Ну просто, Алин, вчера съемка была поздняя, ты же знаешь! – А исходник нужен сейчас! Или ты будешь это через неделю давать? Новости, девочка, не ждут, они должны бежать сплошным потоком! Я вообще тебе поражаюсь: пришла на телеканал и ведешь себя, словно с луны свалилась... на мою голову!** [7, с. 10]; (7) Алинка была очень даже хороша... Однако сейчас в **разъяренной** Алине очарования было мало. – Вадик уже полчаса назад пришел, а ты вечно, как тетеря сонная, еле ходишь. **Ты хоть понимаешь, что из-за тебя монтаж стоит? Как я без этого синхрона монтировать буду? Где кассета? – орала она, не давая возможности оправдаться. – Ну оставила бы место... – не сдержавшись, проговорила Лара. – Ты же сама вопрос придумывала. Да и ответ наверняка знала. По смыслу подобрала бы фразу...** [7, с. 12]. Как видно, косвенные экспрессивы употребляются в одной реплике в разных сочетаниях (восклицательные и вопросительные высказывания (6), утвердительные и вопросительные структуры (7)). Кроме того, речевые акты недовольства включают лексические средства с отрицательной оценкой, что создает повышенный эмоционально-экспрессивный фон. Соответствующая тональность общения поддерживается описанием невербального (голосового и жестово-мимического) поведения участников коммуникации.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в русскоязычном художественном дискурсе интенция недовольства косвенно воплощается в утвердительных, побудительных, вопросительных, восклицательных речевых действиях, имеющих эмоционально-экспрессивный характер. Важную роль в интерпретации косвенных экспрессивов играют конситуативные компоненты коммуникации, описание которых фиксируется авторами художественных произведений.

Список использованной литературы

1. Телия, В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности / В. Н. Телия [и др.]. – М. : Наука, 1991. – С. 5–35.
2. Трофимова, Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ / Н. А. Трофимова. – СПб. : Изд-во ВВМ, 2008. – 376 с.

3. Кузьменко, Н. А. Косвенные экспрессивные акты в диалогической коммуникации: «Грамматика экспрессии»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н. А. Кузьменко. – Белгород, 2010. – 159 с.

4. Гак, В. Г. Сопоставительная прагматика / В. Г. Гак // Филол. науки. – 1992. – № 3. – С. 78–90.

5. Пелевин, В. О. Желтая стрела / В. О. Пелевин. – М.: Эксмо, 2009. – 512 с.

6. Петрушевская, Л. С. Санаториум / Л. С. Петрушевская. – М.: АСТ, 2016. – 413 с.

7. Рой, О. Ю. Три краски / О. Ю. Рой. – М.: Эксмо, 2018. – 320 с.

8. Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 195–222.

Л. І. Яўдошына (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

ВОБРАЗ ЗОРКІ Ё ПАЭЗІИ М. БАГДАНОВІЧА: ФІЛАЛАГІЧНАЯ ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ

Прыцягальная і загадкавая, напоўненая глыбокім роздумам пра жыццё, сагрэтая шчырай эмацыйнасцю паэзія Максіма Багдановіча ўжо больш як сто гадоў не пакідае раўнадушнымі чытачоў, заклікаючы разгадаць таямніцу тых вобразаў, якія стварыў гэты ўдумлівы мастак слова, чалавек з тонкім эстэтычным густам і чулаю душою. Слушнай падаецца думка, што за кожным слоўным вобразам у М. Багдановіча «стаіць пэўнае сімвалічнае паняцце, замацаваны філасофскі сэнс, які мае аксіялагічную афарбоўку» [1, с. 15]. Адным з такіх сэнсава шматзначных, рэфлексійна насычаных вобразаў у творах паэта з'яўляецца вобраз зоркі. З рознай ступенню паэтызацыі ён сустракаецца больш як у дваццаці вершах адзінага прыжыццёвага зборніка «Вянок».

Паэтычная інтэрпрэтацыя вобраза зоркі лагічна зыходзіць з сігніфікацыйнай семантыкі слова, якое ў ТСБЛМ падаецца з наступнымі дэфініцыямі: 1) 'нябеснае цела, якое можна бачыць простым вокам у форме ззяючай кропкі на начным небе'; 2) 'пра дзеяча мастацтва, навукі, спартсмена' (перан.); 3) 'фігура, а таксама прадмет з трохвугольнымі выступамі па акружнасці' [2, с. 249]. У вершах М. Багдановіча мы часцей бачым ужыванне слова *зорка* ў яго прамым значэнні, пры гэтым выразна ўспрымаючы з вершаваных радкоў зрокавую карціну – вобраз бліскучай, яркай кропкі або кропак на цёмным небе: *Добрай ночы, зара-зараніца! / Ёжо імгла над зямлёю лажыцца, / Чорнай рызай усё пакрывае, / Пылам зор небасхіл абсявае* [3, с. 63]; *Сумна плыве маладзік бледнасіні / Ё небе вячэрнім, зялёным, як лёд; / Іскрацца зорак сняжынкі маркотна* [3, с. 65]; *Як мары, белья бярозы / пад сінявой начной стаяць. / У небе зоркі ад марозу / Пахаладзеўшыя дрыжаць* [3, с. 72]; *За дахамі места памеркла нябёс пазалота; / Паветра напоена ціха гусцеючым мрокам; / Ёжо відна, як іскры злятаюць з трамвайнага дрота, / Як зоркі гараць і зрываюцца ў небе далёкам* [3, с. 98]; *Калі ж сачыўся бледнаваты / Зор сініх свет праз небасхіл / І уплятаўся вулак пыл, – / Мы ўсе паялі каля хаты* [3, с. 148]. З кантэкстаў відавочна, што вобразы зорак становяцца выразным элементам хранатапічнага апісання: яны

прэзентуюць вячэрні ці начны час і нябесную прастору, якія становяцца неад’емным атрыбутам мастацкага малюнка ў многіх вершах М. Багдановіча. Аднак пры гэтым вобразы зорак звычайна зведваюць адметную паэтызацыю, што выражаецца ўжо праз мікракантэксты – слоўнае акружэнне лексем *зорка* (*зоры*, *зоркі*). Адмысловую ролю пры гэтым утворах паэта выконваюць дзеясловы, назоўнікі і прыметнікі, выкарыстаныя ў спалучэннях з названай лексмай. Так, зоркі ў паэта *дрыжаць*, *глядзяць*, *расцвітаюць*, *гараць*, *блішчаць*, *зрываюцца*, *ляцяць*, *сняць сны*; «збіраюцца» ў *хараводы*, *грамаду*, *пацеркі*, *вянкі*; нагадваюць сабой *пасеў*, *пыл* або *сняжынкi*; могуць быць *бахматыя*, *пахаладзеўшыя*, *пуцяводныя*, *пекныя*, але часцей за ўсё – *сінія* (*зор сініх свет*, *хараводы сіняватых зорак*, *зоркі зірнуць сіняватыя*). Зоркі вабяць паэта сваёй прыгажосцю, бліскучым святлом, таямнічасцю і недасягальнасцю, таму іх вобраз у вершах часцей за ўсё валодае станоўчай канатацыяй і ўключаецца ў сістэму эстэтычных каштоўнасцей аўтара як значны элемент. Так, у адным з вершаў замілаванае стаўленне паэта да зор відавочна перадаюць эпітэты *маленькія*, *мілыя*: ...*Цемень залівае / Зялёны, быццам лёд, халодны небасхіл, / І праз імглу яго патроху праступае / Маленькіх, мілых зор дрыжачы, срэбны пыл* [3, с. 142]. А наступныя радкі ў гэтым вершы толькі пацвярджаюць эстэтызацыю вобраза зор паэтам: *Здароў, радзімыя! Мацней, ясней гарыце / І сэрцу аб красе прыроды гаварыце!* [3, с. 142]. Прыгажосць вобраза зорак у вершах М. Багдановіча амаль заўсёды падкрэсліваецца эпітэтамі і метафарамі: *Месяц белы заплаканы свеціць, / Аглядае бахматыя зоркі* [3, с. 54]; *Узор прыгожы пекных зор / Гарыць у цемні небасхіла* [3, с. 141]; *Іскрацца зорак сняжынкi маркотна* [3, с. 65]; *Упалі з грудзей Пана Бога, / Парваўшыся пацеркі зор. / Яны раскаціліся ў небе, / Усыпалі сіні прастор* [3, с. 106]. У адным з вершаў паэт, ствараючы вобраз зорак, ужывае метафарычную перыфразу, якая актуалізуе сему яркасці, бліскучасці вобраза: *Ўюцца змейкай срэбрыстай дарожкі, / Брызгі золата ў небе блішчаць* [3, с. 64]. Часта вобразы зорак асацыіруюцца ў паэта з кветкамі, што абумоўлівае семантыку тропаў у наступных кантэкстах: *Ў небе месяца праглянуў бледны рог, / Ў небе ціха зоркі расцвілі* [3, с. 62]; *Патроху праз цемнь выглядалі / Зорак дрыжачых вянкi* [3, с. 64].

Звяртае на сябе ўвагу даволі частае ўжыванне М. Багдановічам пры лексеме *зоры* (*зоркі*) дзеяслова *дрыжаць* або дзеепрыметніка *дрыжачыя*: *Бачу я, з прыродай зліўшыся душой, / Як дрыжаць ад ветру зоркі нада мной* [3, с. 62]; *У небе зоркі ад марозу / Пахаладзеўшыя дрыжаць* [3, с. 72]; *Патроху праз цемнь выглядалі / Зорак дрыжачых вянкi* [3, с. 64]; *Маленькіх, мілых зор дрыжачы, срэбны пыл* [3, с. 142]. А ў вершы «Упалі з грудзей Пана Бога», у якім вобраз зор з’яўляецца цэнтральным, паэт піша пра зоры наступнае, акцэнтуючы пры гэтым увагу на іх дрыжанні: *І гэтак маркотна і пільна / На край наш нядолны глядзяць... / Што ж чуюць яны там, што бачаць? / Чаму ўсё дрыжаць і дрыжаць?..* [3, с. 106]. А. Лойка ў свой час пісаў, што названы верш і канчаецца і разам з тым пачынаецца сфармуляванымі пытаннямі, «бо з іх вынікае глыбокі падтэкст – думкі, асацыяцыі» [4, с. 84]. Даследчык меркаваў, што дрыжанне

зорак абумоўлена *нядоляй* краю, на які яны глядзяць, і такую думку нельга лічыць беспадстаўнай. Аднак можна таксама выказаць меркаванне пра рэальнае ўспрыманне вокам чалавека мігцення зорак, іх дрыжання ў сляях неаднароднай атмасферы. Думаецца, што М. Багдановіч найперш успрымаў і маляваў у сваіх вершах рэальны зракавы малюнак зорнага мігцення, часам надзяляючы гэту прыродную з’яву персаніфікаваным падтэкстам – суперажываннем зорак таму, што яны бачаць на зямлі, або вытанчанасцю, далікатнасцю саміх нябесных прыгажунь, няўстойлівых і зменлівых на вячэрнім і начным небе. Мабыць, паэт імкнуўся па-свойму разгадаць загадку гэтых прыцягальных і прыгожых насельнікаў цёмнага неба, часта любуючыся на іх начной парой. Напэўна, прадчуваючы незваротнасць свайго лёсу, «з разуменнем свае асуджанасці перад невылечнай па тым часе хваробай» [5, с. 470], паэт аб’ектыўна выбіраў вечар і ноч у якасці асноўных часаўтваральных складнікаў мастацкай прасторы сваіх тэкстаў. Менавіта гэты час сутак даваў магчымасць адпачыць стомленаму пасля дзённых клопатаў целу і розуму чалавека, дазваляў у цішы засяродзіцца на сваіх думках і пачуццях, настройваў на філасофскае асэнсаванне невымернасці жыцця і космасу і загадкавага палёту чалавека да зор. Пра ўспрыманне гэтага часу ў адным з вершаў паэта напісана наступнае: *Калі ж пабляднее золак / І цёмнай зробіцца вада, / Заззяе серабром іголак / Зор грамада. / І роўна мілымі зрабіцца / Здалеюць яркі блеск і цень, / Той дзень, што мае нарадзіцца, / І знікшы дзень* [3, с. 60].

Як частка яркага зракавага малюнка і элемент хранатопу ў вершах М. Багдановіча вобраз зорак выступае толькі ў множналікавай форме. А паэтычнае ўяўленне аўтара дазваляе бачыць іх то пасевам (*Блішчыць у небе зор пасеў; / У полі – рунь і ў небе – рунь* [3, с. 61]), то хараводам (*Ў цёмным небе – хараводы / Сіняватых зорак* [3, с. 56]), то вянком (*Патроху праз цемнь выглядалі / Зорак дрыжачых вянкi* [3, с. 64]), то пацеркамі (*Упалі з грудзей Пана Бога, / Парваўшыся, пацеркі зор* [3, с. 106]). Усе прыведзеныя метафары даюць устойлівае ўражанне пра эстэтычнае пераасэнсаванне вобраза і яго ацэнку аўтарам: зоры ўспрымаюцца ў сваім прыгожым адзінстве, як нешта цэльнае і цэласнае, вартае захаплення, любавання. Адметную аксіялагічную вартасць вобраза, які ўпісваецца ў шэраг такіх метафар, прэзентуе наступны кантэкст: *Калі ж пабляднее золак / І цёмнай зробіцца вада, / Заззяе серабром іголак / Зор грамада* [3, с. 60]. Персаніфікацыя вобраза і сема калектыўнасці, адзінства, што актуалізуецца такой метафарай, дазваляе меркаваць пра магчымасць сацыяльнага падтэксту з відавочнай станоўчай канатацыяй у такім паэтычным малюнку.

У адзіночналікавым ужыванні вобраз зоркі ў вершах М. Багдановіча сустракаецца не часта, але мае асаблівую паэтызацыю. У гэтым плане са зборніка «Вянок» можна вылучыць два творы – «Раманс» і «С. Е. Палуяну». У першым, вельмі вядомым вершы, што адносіцца да інтымнай лірыкі, вобраз зоркі набывае сімвалічнае значэнне кахання, устойліва асацыіруецца ў самім тэксце з вобразам каханай і пачуццямі, якія перажывае лірычны герой. Такі вобраз-сімвал дазваляе паэту, акрамя ўсяго іншага, сцвердзіць думку пра

вечнасць сапраўднага пачуцця, як і вечнасць зорнага неба. У другім вершы зорка асацыіруецца з вобразам самога С. Палуяна, вядомага ў свой час літаратара, публіцыста, выражае паэтаву ацэнку яго дзейнасці. М. Багдановіч у гэтым творы паэтычна абыгрывае матыў знічкі – зоркі, што падае, знікае, і сцвярджае, што нягледзячы на тое, што *«ўсё знікае, праходзіць, як дым», «светлы ж след будзе вечна жывым»* [3, с. 104].

Багацце тропаў, ужытых для апісання зорак у розных вершах паэта, сведчыць пра асаблівую значнасць гэтага складанага па сваёй эстэтычнай і філасофска-інтэлектуальнай заглыбленасці вобраза ў карціне свету М. Багдановіча. Нездарма Т. Чабан назвала паэта месяца- і зоркапаклоннікам, адзначыўшы пры гэтым, што *«ў яго паэзіі тчэцца тонкая духоўная повязь з месяцам і зоркамі, таёмнае трыадзінства ўсяго, што “на небе, зямлі і на сэрцы”»* [5, с. 477]. Зоркі не толькі ствараюць канкрэтны і выразны зрокавы малюнак вечара ў творах, але і надаюць гэтаму малюнку таямнічасць, сакралізуюць мастацкую прастору, бо ў плане вобразнасці валодаюць багатай паэтычнай іншасказальнасцю і сімвалічнасцю. Уяўляючы сабою нешта далёкае, таямнічае, недасягальнае і разам з тым прывабнае і прыгожае, яны тым самым выклікаюць чалавека на роздумнае сузіранне, медытацыю.

Шматзначны вобраз зоркі ў паэзіі М. Багдановіча не мае вычарпальнай інтэрпрэтацыі. Маючы ў сваёй аснове зыходнае абазначэнне нябеснага цела, якое мы назіраем у начным небе, гэты вобраз у вершах паэта становіцца і абазначэннем прыроднай прыгажосці роднага краю, і таёмную мяжою жыцця зямнога і нябеснага, і сімвалам вечнасці, неўміручасці, і элементам паэтызацыі пэўных канкрэтных ці абстрактных вобразаў. Праз такія вобразы выяўляецца талент паэта: у звычайным убачыць незвычайнае, у вядомым адкрыць новае, паказаць бязмежнасць паэтычнай думкі і вобраза, абудзіць уяўленне чытача і натхніць яго на ўспрыманне глыбіннай сутнасці паэзіі, мастацтва слова.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Максімовіч, В. А. Эстэтыка-аксіялагічныя асновы літаратурнага канона Максіма Багдановіча / В. А. Максімовіч // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2021. – № 1. – С. 12–21.
2. Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭн, 1996. – 784 с.
3. Багдановіч, М. Поўны збор твораў. У 3 т. Т. 1. Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды / М. Багдановіч. – 2-е выд. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – 752 с.
4. Лойка, А. А. Максім Багдановіч / А. А. Лойка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1966. – 336 с.
5. Чабан, Т. Космас «Вянка» / Т. Чабан // Поўны збор твораў. У 3 т. Т. 1. Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды / М. Багдановіч – 2-е выд. – Мінск : Беларус. навука, 2001. – С. 463–518.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОДИФИЦИРОВАННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И НЕСТАНДАРТНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ВАРИАНТОВ

Т. А. Кісель (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

НАЗВЫ ТРАВЯНИСТЫХ РАСЛІН У ГАВОРЦЫ ВЁСКИ БЕЗДЗЕЖ ДРАГІЧЫНСКАГА РАЁНА БРЭСЦКАЙ ВОБЛАСЦІ

Больш за тысячу разнастайных травяністых раслін сёння распаўсюджана на Беларусі. Яны «ўзніклі ў працэсе эвалюцыі з дрэвавых раслін. Дасягнулі вялікай разнастайнасці форм, хутка пашырыліся на Зямлі, прыстасаваліся да ўмоў навакольнага асяроддзя» [1, с. 96]. Травяністыя расліны адыгрываюць важную ролю ў прыродзе, утвараюць флору і расліннае покрыва, ствараюць спрыяльныя ўмовы для існавання чалавека і жывёл.

Лексемы дадзенай семантычнай групы шырока прадстаўлены ў гаворках розных рэгіёнаў нашай краіны. Гэтыя своеасаблівыя адзінкі народнай мовы адлюстроўваюць шматвяковы вопыт назіранняў чалавека за навакольным светам і ўменне даваць непаўторныя назвы з'явам прыроды. Збор і сістэматызацыя падобнага лексічнага матэрыялу спрыяе захаванню традыцый у фарміраванні лексічнага запаса нашай мовы.

У артыкуле пададзены намінацыі разнастайных травяністых раслін, што распаўсюджаны ў гаворцы аднаго з найбагацейшых на гісторыю і традыцыі куткоў Брэстчыны – вёскі Бездзеж Драгічынскага раёна. Разглядаюцца назвы травяністых лясных, лугавых, палявых, водных і балотных прадстаўнікоў флоры Палесся, прыводзяцца прыклады іх ужывання ў маўленні жыхароў вёскі.

Ба́бнык м. р. 'трыпутнік вялікі – невялікая расліна без сцябла, з шырокім лісцем і дробнымі кветкамі ў коласападобным суквецці на доўгіх кветкавых стрэлках': *Трэба з'іздаты й нарваць ба́бныку на лікарство.*

Бабыля́к м. р. 'бабоўнік – расліна з сакаўным трайчастым лісцем': *Бабыля́к нарыс на болоты.*

Бобывня́к м. р. 'падалешнік – расліна з буйнымі лістамі, падобнымі да конскага капыта, якія захоўваюцца і зімою; расце пад алешнікам, арэшнікам': *Бобывня́к нарыс за хатыю.*

Бо́гун м. р. 'багун – вечназялёная расліна з моцным адурманьваючым пахам': *Діты прыныслы бо́гун.*

Браткі́ мн. л. 'фіялка – невысокая расліна з фіялетавамі, белымі ці рознакаляровымі кветкамі; адна з першых веснавых кветак': *Маты насадыла браткі́в.*

Вэ́рос м. р. 'верас – кусцікавая расліна з дробным лісцем і мяцёлачкамі дробных светла-сініх кветак, якімі заканчваюцца разгалінаваныя галінкі': *Пойду в ліс, навру вэ́росу в букет.*

Головочы́ мн. л. ‘ляўзея сафлорападобная, рапонцікум – шматгадовая травяністая расліна з фіялетавымі кветкамі, сабранымі ў кошык: *Головочы́ е за городом.*

Горча́к м. р. ‘драсён – шматгадовая травяністая расліна з маленькімі кветкамі, сабранымі у суквецці’: *Горча́ку наростло многа.*

Дыдо́внік м. р. ‘лопух – вялікая расліна з лілова-пурпуровымі кветкамі, буйнымі шырокімі лістамі і ўчэпістымі калючкамі’: *Дыдо́внік под окном вырос.*

Жаборы́не н. р. ‘раска – дробная расліна, якая плавае на паверхні вады і ў масе хутка зацягвае вадаём’: *Качкі любяць жаборы́не.*

Жы́шка ж. р. ‘крапіва – расліна з тонкімі пякучымі валаскамі на сцябле і лісці’: *Попыкла рукі жы́шкію.*

Зайчы́й шчавэ́й м. р. ‘кісліца – расліна з сакавітым густым лісцем на галінках і дробнымі зеленавата-ружовымі кветачкамі, сабранымі ў густы шчыток на версе галінак’: *Зайчы́й шчавэ́й зацвыв вэ́льмы хорошэ.*

Зязю́ліны слёзы мн. л. ‘ятрышнік – расліна з плямістым лісцем і бэзавафіялетавымі, ружовымі або жоўтымі кветкамі ў коласападобным суквецці’: *На луговы растуць зязю́ліны слёзы.*

Коло́ворот м. р. ‘піжма – расліна з ярка-жоўтымі кветкамі, сабранымі ў галоўчатыя суквецці, і перыстым лісцем’: *Назбырала коло́вороту святыты.*

Колю́чки мн. л. ‘ваўчкі – расліна з учэпістымі калючкамі’: *Колю́чки весь городчык засіялы.*

Конюшы́на ж. р. ‘канюшына – кармавая расліна з трайчастым лісцем і шарападобнымі кветкамі’: *Батько насіяв конюшыны.*

Крыва́внык м. р. ‘расліна з белымі кветкамі, сабранымі ў кошык, з перыстымі рассечанымі лістамі і моцным пахам’: *Крыва́внык добрэ рукі лечыть.*

Кутахі́ мн. л. ‘рагоз – расліна з доўгім лісцем і тоўстым, моцным, чорна-белым катахом на высокім сцябле’: *Діты нарвалы кутахі́ дадому.*

Лата́ць ж. р. ‘лотаць – расліна з лапушыстым бліскучым лісцем і жоўтымі кветкамі’: *На болоты цвытэ лата́ць.*

Лі́лія ж. р. ‘гарлачык белы – расліна з белымі буйнымі кветкамі і вялікімі лапушыстымі лістамі, якія сцелюцца па паверхні вады’: *На болоты бачыв лі́лію.*

Лыбыда́ ж. р. ‘лебядка – расліна з голым сцяблом і зубчастым лісцем, пакрытым сізым налётам, і зеленаватымі кветкамі, сабранымі ў гронку’: *Лыбыда́ □ ростэ дэ хочэш.*

Мокрэ́ць м. р. ‘макрыца, зоркаўка – невялікая расліна з паўзучым сцяблом і дробнымі белымі кветачкамі; расце ў сырых месцах’: *Мокрэ́ць порос по всёму городу.*

Молоча́й м. р. ‘малачай – расліна з ядавітым млечным сокам мае зеленавата-жоўтыя кветкі і суцэльнае лісце’: *Вэсь город в молоча́йі.*

Морковны́к м. р. ‘маркоўнік – буйная расліна з лісцем, падобным да морквы, і дробнымі белымі ці жоўтаватымі кветкамі ў парасоніках’: *Трэба нарваты морковны́ка качкам.*

Орыга́но н. р. ‘мацярдуска – расліна з суквеццямі дробных чырвоналіловых кветчак, сабраных у мяцельчатых секвецці на вяршынях адгалінаванняў ад сцябла’: *Орыга́но цвытэ вэльмы хорошэ.*

Плышні́як м. р. ‘аер – расліна з доўгім мечапалобным лісцем і тоўстым паўзучым карэнішчам, якая мае сваеасаблівы моцны пах’: *Трэба плышні́яку на Трыцію нарваты.*

Плышні́як, ба́бнык м. р. ‘касач – расліна з доўгімі мечапалобнымі лістамі і вялікімі кветкамі рознага колеру’: *Діты нарвалы плышні́яку.*

Повыту́ха ж. р. ‘бярозка – пустазелле з белымі ці ружовымі кветкамі і павойным сцяблом’: *На склены ростэ пови́туха.*

Подсне́жнікі мн. л. ‘пралеска – невялікая расліна з зімучым лісцем, якая цвіце ранняй вясной сінімі кветчакмі на невысокіх кветаножах’: *Люблю ходыты в ліс за подсне́жнікамы.*

Польн м. р. ‘палын – высокая расліна з перыстым лісцем, якая мае моцны пах і горкі смак’: *Рвала польн, топіро рукі воняють.*

Пы́рый м. р. ‘пырнік – расліна з лінейным вузкім лісцем і суквеццем у выглядзе каласка’: *Пы́рый по всёму польы нарос.*

Свырэ́па ж. р. ‘свірэпа – расліна з голым сцяблом, перыстым лісцем і жоўтымі кветкамі’: *Свырэ́па нарсла на лужковы.*

Свысто́внік м. р. ‘дзягіль, дуднік – высокая расліна з дудкаватым сцяблом з буйным перыстым лісцем і жаўтавата-зялёнымі кветкамі ў шарапалобных парасонах’: *У гэтым рокі много свістовніка в лісы.*

Слыно́та ж. р. ‘адуванчык – расліна з жоўтымі кветкамі і пушыстым семем, якое разносіцца ветрам’: *Діты рвуть слыно́ту і гуляють.*

Сосонка ж. р. ‘хвошч – спорава расліна з зялёным галіністым сцяблом і лускаватым лісцем; падобная на елачку’: *Повны город сосонкі нарсло.*

Сы́тнык м. р. ‘чарот – буйная расліна з раскідзістай насеннай мяцёлкай і каленчатым пуштацелым або губчатым сцяблом’: *Муй брат накосыў хуру сы́тныку.*

Цвынты́ян м. р. ‘святаяннік – лекавая расліна з разгалінаванымі аблісцелымі сцяблінамі і яркімі жоўтымі кветкамі на іх вяршынях’: *Насушыла маты цвынты́яну.*

Чорто́полох м. р. ‘чартапалох – высокая калючая расліна з пурпуровымі кветкамі ў кошыку’: *Много нарсло чорто́лоху.*

Ясы́нькі мн. л. ‘снітка, сыць – расліна, лісце якой падобнае да лісця морквы, а белыя дробныя кветкі сабраны ў парасоннік’: *Ясы́нькі нораслы в городе.*

Яты́лына ж. р. ‘канюшына паўзучая, дзяцеліна – кармавая расліна з трайчастым лісцем і шарапалобнымі белымі кветкамі’: *Яты́лыны взошло много.*

Найменні лясных, лугавых, палявых, водных і балотных травяністых раслін у гаворцы жыхароў вёскі Бездзеж Драгічынскага раёна прадстаўлены дыялектнымі адпаведнікамі, якія з’яўляюцца разнастайнымі варыянтамі навуковых назваў: *цвынтыян, польн, пы́рый* і інш., а таксама мясцовымі назвамі: *сосонка* (расліна, знешне падобная да сасны, хвоі), *головачы* (назву расліна

атрымала за вялікія круглыя суквецці-кошыкі, падобныя да галавы), *падсне́жнік* (кветка, якая першая з'яўляецца пасля снегу), *калючкі* (расліна мае вырасты на пладах, шчацінкі, якія колюцца), *повыту́ха* (расліна пляецца і абвівае іншыя расліны) і пад.

Збор і вывучэнне разнастайных дыялектных намінацый раслін можа спрыяць не толькі захаванню непаўторнай народнай слоўнай спадчыны, але і садзейнічаць нармалізацыі навуковай батанічнай наменклатуры і ўзбагачэнню слоўніка сучаснай беларускай літаратурнай мовы.

Даследаванне ажыццяўлялася ў межах рэалізацыі НДР «Лінгвакультуралагічны кампанент у змесце асноўных этнаканцэптаў і ўласных найменняў Брэсцка-Пінскага моўнага рэгіёна» (№ ДР 20211558 ад 24.05.2021) пры фінансавай падтрымцы Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь.

Спіс выкарыстанай літаратуры:

1. Энциклопедия природы Беларуси : у 5 т. / гал. рэд. І. П. Шамякін. – Мінск : БелСЭ, 1983–1986. – Т. 5 : Стаўраструм – Яшчур. – 1986. – 583 с.

Е. В. Косынюк (г. Брест, Республика Беларусь)

КОНЦЕПТ «СУДЬБА» В УСТНЫХ ИСТОРИЯХ ЖЕНЩИН БРЕСТЧИНЫ

Концепт в современной когнитивной лингвистике понимается как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием в отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [1, с. 24]. Это ментальное образование находит языковое воплощение в тексте (в устной или письменной форме), которое представляет создавшую его языковую личность, раскрывает ее мировидение, мотивационные установки и специфику языковой объективации представлений о мире.

Особенно значимыми для исследования картины мира восточных славян могут стать устные женские истории. Женщины более тонко реагируют на происходящее, эмоционально оценивают прошлое и настоящее, могут интуитивно предсказывать характер предстоящих событий, т. е. судьбу.

Концепт «Судьба» принадлежит к числу наиболее актуальных для человеческого сознания. Он универсален, есть в картине мира каждого языка, является константой культуры, неотъемлемой частью бытия и менталитета человека. Несмотря на его активное изучение, этот метафизический концепт невозможно ни постигнуть, ни исчерпывающе описать, потому что под ним чаще всего подразумеваются не зависящие от человека обстоятельства.

Эту мысль подтверждает анализ языкового воплощения концепта «Судьба» в устных историях женщин Брестчины. Женские истории услышаны

нами от информантов разных возрастов на территории Брестчины, а также извлечены из сборника «Градыцкая мастацкая культура беларусаў» [2, с. 362–365]. Сюжеты историй раскрывают представление о судьбе, а в речевом оформлении используются языковые средства, позволяющие объективировать образ судьбы. Это номинации, вербализующие исследуемый концепт, обозначения событий, переживаемых героиней, их оценки, эмоции рассказчиц и мн. др. Информанты говорили на русском и диалектном языках, что отражается в текстовых иллюстрациях.

Единое мнение относительно средств и способов языкового представления концептов в научной литературе отсутствует. Наиболее обоснован методологический подход, состоящий в анализе номинативного поля концепта, т. е. совокупности языковых средств, объективирующих концепт в определенный период развития общества. Выявление содержания концепта начинается с выявления его понятийной составляющей путем изучения словарных дефиниций заглавного слова.

Понятие судьбы извлекается из дефиниции лексемы *судьба*, которая, согласно В. И. Далю, изначально обозначала ‘суд, судилище, судбище и расправу’ [3, с. 356]. Этимологически слово *судьба* возводится к лексеме *судить* (как *просьба* ← *просить*, *ходьба* ← *ходить*), которая, в свою очередь, производна от лексемы *суд*. Это общеславянское слово состояло из приставки **som-*, обозначающей связь или соединение, и индоевропейского корня **dhe-* ‘дело’. Сравним др.-инд. *samdhis* ‘договор’, ‘связь’, ‘объединение’ [4, с. 794]. Исконное значение ‘договор’ обнаруживается в синонимических обозначениях судьбы – общеславянской лексеме *рок* (от слова *rekti ‘сказать’), в латинизме *фатум* (от *fabula* ‘молва’) [4, с. 496–497]. В языках восточных славян есть и другие обозначения судьбы: рус. *доля*, *участь*, *часть*, *удел*, *жребий*, бел. *доля*, *лёс*. Представляется, что это результаты древнейших метонимических переносов: *договор* (участников некоего объединения) о разделении (*доля*, *часть*, *участь*) или определение этой доли, части путем бросания жребия (*жребий*, *лёс*).

Материал рассмотренных женских историй содержит некоторые из названных слов (*судьба*, *судзьба*, *доля*, *лёс*, *часть*) или однокоренные лексемы (*сужжаны* от *судить*; *фаталист* от *фатум*). Однако рассказанные истории позволяют расширить номинативное поле языкового представления судьбы за счет контекстных обозначений рассматриваемого концепта, а также объективировать дополнительные смыслы в узуальных обозначениях.

Развитие древнего понятия «судьба» отразилось в содержании заглавного слова концепта. Его семантическая структура включает в настоящее время пять значений: 1) ‘стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных событий’; 2) ‘доля, участь’; 3) ‘история существования кого/чего-нибудь’; 4) ‘будущее, то, что случится, произойдет’ (книжн.); 5) ‘то же, что *суждено*’ [5, с. 778]. Эти значения тоже так или иначе реализуются в записанных нами историях. Однако в представлении судьбы в них доминируют разные смыслы.

Первый из них, наиболее часто выражаемый, – *судьба-предопределение*. В этом случае судьба либо понимается как независимая от воли человека, данная Богом неумолимая сила, не допускающая изменений (*Бог записвае судзьбу шчэ во чрэве мацеры; судзьба вся ўготовлена ў Бога* (М. Ф., 1948 г. р., Лунинецкий р-н)), либо даже отождествляется с Богом: *У Бога на меня свои планы* (М.Т., 1986 г. р., Пинск); *Судьба и воля Божья – это как бы синонимы; Судьба... часть Бога; Бог-то... знает, кому и что; Бог предопределяет; Бог решает* (Е. С., 2001 г. р., Малоритский р-н). Такой смысл реализует и сюжет истории «Пра Іваньку і суджану жонку», где божьи посланники, ангелы, предрекли брак новорожденной дочери богатых родителей с Иванкой-дурачком, находившимся у них в услужении: *Бог ёй судзьбу судзіў; як Бог бы тое, каэ, не мінаваў, і ніхто не абышоў і не ўпыніў* (Ф. К., 1931 г. р., Лунинецкий р-н). Так подтверждается мысль В. И. Даля о том, что значения ‘участь, жребий, рок, доля, предопределение’, притом ‘определение Божеское, провиденье’, ‘законы и порядок вселенной’ исторически оказались наиболее устойчивыми [3, с. 356]. Устойчивость этих значений поддерживается религиозными представлениями о воле Божией. Такое понимание судьбы позволяет включить в номинативное поле объективации концепта «Судьба» слова и выражения *Бог, Суд Божий, воля Божья, судзіць, не мінаваць, не абысці, не ўпыніць*.

Подателем индивидуальной судьбы/доли может выступать не только Бог как высшая сила, но и мать ребенка, его восприемники: *У сэрэду родилася – нэшчасліва буду. Нашто мэнэ **мама** бэз долі вроділа / Породіла мэнэ в провадну нэділью / Той дала для мэнэ так ліхую долю* (М. Д., 1946 г. р., Кобринский р-н). Окказиональная номинация подателя доли *мама* может быть включена в номинативное поле выражения рассматриваемого концепта, а на периферию поля следует отнести ассоциаты *родилася, вроділа, породіла*. Примечательно, что в приведенном контексте актуализируется исходное, объектное значение слова *доля*: *дала **долю**, вроділа без **долі***, а также характеризуется признак концепта (*ліхая доля*). О том, что слово *доля* в этом значении сближается со словом *судьба*, говорит словарь «Славянские древности»: под «судьбой» подразумевали «предначертанный человеку свыше путь, определяющий главные события жизни (вступление в брак, рождение детей и смерть), а также другие обстоятельства (богатство/бедность, болезни, вдовство... и др.), которые формируют представления о счастливом/несчастливом бытии» [6, с. 203–204]. Объективации концепта «Судьба» служит и лексема *нэшчасліва*.

Второй доминирующий в представлениях о судьбе смысл – *судьба-реализация*. Это понимание судьбы как зависимости от поведения человека, греховности/праведности, определенных обстоятельств. Таковую судьбу можно изменить и даже создать. Наиболее отчетливо этот смысл выступает в истории «Пра чалавека і яго долю» (В. М., 1931 г. р., Лунинецкий р-н). В ее контексте лексема *доля* репрезентирует абстрактное значение ‘судьба как ход жизненных событий’ (*тры сыны: два **добрэ жылі**, а трэйці **плохо**; такая **твая доля**; скажаш пра **маю долю**), объектное значение (*іскаць **долю**, **долю** найдзёш, нашол **долю***) и субъектное (*Доля яму **гаворыць***). В номинативное поле языкового*

представления судьбы можно также включить слова и выражения *разжыцца, золато, будзеш хазяінам с канём*. Идеей рассказанной истории, герой которой по глупости не использовал предоставленные возможности и погиб, следует считать мысль о том, что «<Бог даў> чалавеку, шоб ён умом рукавадзіў». Иначе говоря, судьба зависит от Бога, но реализуется человеком. Более оптимистичная история «Прадказанне, што не спраўдзілася» (М. Ф., 1948 г. р., Лунинецкий р-н) всем своим содержанием утверждает, что человек может даже противостоять судьбе как предопределению и предсказанию.

Еще одна трактовка исследуемого концепта – *судьба-предсказание*, которую можно предугадать, увидеть во сне. Этот смысл отчасти выступает в истории женщины, увидевшей будущего мужа во сне, а также родившей двух дочерей вопреки медицинским показаниям: *Когда-то в детстве мы гадали на Рождество, и мне приснился сон о большом мальчике <...> Уже потом в нём я узнала своего будущего мужа* (М. Т., 1986 г. р., Пинск). От информанта, родившегося в XXI в., услышана интересная история, где судьба рассматривается как случайность: девушка познакомилась с будущим мужем в Интернете, когда отреагировала на пост «лайкни и скинь свой любимый фильм рандомному лайкнувшему» (А. Г., 2001 г. р., Кобрин).

Как видим, в устных женских историях лингвистическому исследованию следует подвергать разные употребления и контекстные значения слов, называющих концепт, а также однокоренные слова, контекстные синонимы, паремии, ассоциаты, тематические тексты, свободные словосочетания, характеризующие признаки концепта, и др. Такой комплексный подход позволяет рассматривать концепт «Судьба» как совокупность понятийных, образных и ценностных смыслов, охватывающих все знания рассказчиц о судьбе, и приводит к интересным заключениям о том, как формируются и развиваются знания о мире, как эволюционирует в наше время содержание и языковая объективация универсальных культурных концептов, в частности концепта «Судьба».

Список использованной литературы

1. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика: учеб. издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 226 с.
2. Традиционная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / А. М. Боганева [і інш.]. – Мінск : Выш. шк., 2009. – Т. 4 : Брэсцкае Палессе : у 2 кн. – Кн. 2. – 863 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль : в 4 т. – М. : РИПОЛ классик, 2006. – Т. 4 : Р–Я. – 672 с.
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 3 : Муза – Сят. – 832 с.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2000. – 940 с.
6. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 2012. – Т. 5 : С (сказка) – Я (ящерица). – 736 с.

Я. Р. Самуйлік, Д. С. Брышцен (г. Брэст, Рэспубліка Беларусь)

ДА ФАНЕТЫЧНЫХ АДМЕТНАСЦЕЙ ГАВОРКІ ВЁСКИ ПАВІЦЦЕ КОБРЫНСКАГА РАЁНА

Вёска Павіцце (аграгарадок) – цэнтр і адзіны населены пункт аднайменнага сельсавета – размешчана за 49 км на паўднёвы ўсход ад раённага цэнтра горада Кобрына. Паводле пісьмовых крыніц, паселішча вядома з 1546 г. (паводле іншых пісьмовых крыніц, паселішча ўпершыню згадваецца ў 1565 г.) у складзе Ратненскага павета Холмскай зямлі Каралеўства Польскага. На захад і поўнач ад сяла пачыналася тэрыторыя Берасцейскага і Кобрынскага паветаў Вялікага Княства Літоўскага. На 3 лістапада 2021 г. у Павіцці налічвалася 1274 жыхары і 527 гаспадарак (апошнія статыстычныя даныя па гэтай вёсцы атрыманы ад супрацоўніцы Павіццеўскага сельсавета Святланы Іванаўны Мілашэўскай) [1, с. 21; 2; 3; 4, с. 173; 5, с. 18, 20, 598; 6, с. 95–99, 144, 226].

Дыялектны матэрыял у вёсцы Павіцце (мясцовыя назвы: *Пов’іт’*; жыхары: *пов’ітц’е*, *пов’ітц’ец’*, *пов’ітка*) быў запісаны ў ліпені-жніўні 2020 г. студэнтам 2 курса факультэта электронна-інфармацыйных сістэм Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта Дзмітрыем Сяргеевічам Брышценам ад мясцовай жыхаркі Ганны Сцяпанаўны Брышцен (1940 г. н.). Для запісу дыялектнага матэрыялу экспларатарам былі выкарыстаны праграма «Атласа гаворак Выганаўскага Палесся. Фанетыка. Марфалогія. Лексіка» (дапрацаваны варыянт) [7, с. 32–35], т. зв. вялікая (новая) праграма: «Як у вас гавораць?» (рукапіс), дадатковыя апытальнікі (рукапісы).

Разгледзім асноўныя фанетычныя асаблівасці гаворкі вёскі Павіцце Кобрынскага раёна.

Для даследаванай гаворкі характэрны шасціфанемны склад галосных гукаў [i], [ы], [e], [a], [o], [y]. Да ліку найбольш значных і спецыфічных прымет гаворкі адносіцца рэалізацыя галоснага [o^ʷ] (сярэдні паміж гукамі [o] і [y]) на месцы *o ў ненаціскным становішчы пасля цвёрдых зычных: *vo^ʷda*, *do^ʷroha*, *ko^ʷrova*, *ho^ʷlo^ʷva*, *mo^ʷlo^ʷko*, *mo^ʷroz*, *pono^ʷč’e* ‘цёмна’, *holo^ʷd*, *xolo^ʷd* і інш. Аднак у канцавых адкрытых складах *o захоўваецца: *s’ino*, *l’ito*, *salo*, *žeito* ‘жыта’, *v’isoko* і інш. Разам з гэтым тут назіраецца замена этымалагічнага *a галосным [o]: *zomok* ‘замок’, *sodok* ‘садок’, *trona* ‘трава’, але *sadete* ‘садзіць’.

Адна з найбольш яркіх і паказальных фанетычных асаблівасцей гаворкі – гэта вымаўленне галоснага [e] ў наступных пазіцыях: на месцы *e, *a, *ѣ ў складах пад націскам пасля мяккіх і паўмяккіх зычных: *po^ʷm’néw*, *po^ʷm’név* ‘памяў’, *mn’eso* ‘мяса’, *mn’eta* ‘мята’, *po^ʷhl’edaw*, *po^ʷhl’edav* ‘паглядаў’, *wz’ew*, *wz’ev* ‘узяў’, *zn’ew*, *zn’ev* ‘зняў’, *z’et* ‘зять’, *n’iet* ‘пяць’, *pr’ele* ‘пралі’, *že’ela* ‘жала’, *sh’epka* ‘шапка’, *že’eba* ‘жаба’, *je^ʷmka* ‘ямка’, *je^ʷblyko* ‘яблык’, *bo^ʷje^ʷnc’a* ‘баяўся’, *je^ʷho^ʷde* ‘ягады’, *je^ʷsen* ‘ясень’, *že’er* ‘жар’, *d’ed’ko* ‘дзядзька’ і інш.; на месцы *ы ў націскных складах пасля мяккіх губных: *v’e* ‘вы’, *v’ep’iy* ‘выпі’, *v’esy^ʷnaw*, *v’esy^ʷnaw* ‘высыпаў’, *hlyv’e* ‘хлявы’, *hp’ib’e* ‘грыбы’, *m’e* ‘мы’, *m’esh* ‘мыш’, *po^ʷm’eyu* ‘памыю’ і інш.; на месцы націскага *ы ў словах тыпу *валы*,

рыба, язык, сын, дым пераважна пасля цвёрдых пярэднеязычных: *vo'le, p'eba, йазек, сен, дем*; на месцы *i ў націскных складах пасля мяккіх губных і ў націскных і паслянаціскных адкрытых складах пасля цвёрдых, часам паўмяккіх пярэднеязычных: *ro'b'ete* ‘рабіць’, *lo'v'ete* ‘лавіць’, *m'eska* ‘міска’, *куп'ew, куп'ev* ‘купіў’, *n'isate* ‘пісаць’, *zab'irate* ‘забіраць’, *xo'dete* ‘хадзіць’, *ko'sete* ‘касіць’, *неўка* ‘ніўка’, *лепа* ‘ліпа’, *лете* ‘ліць’, *xo'dele* ‘хадзілі’, *ko'le* ‘калі’, *ж'ето* і інш. Аднак ў пераднаціскных складах на месцы *ы выступае гук [i] пасля мяккіх губных, на месцы *i – гукі [ы] і [i] адпаведна пасля цвёрдых і мяккіх пярэднеязычных: *b'ichok* ‘бычок’, *v'ite* ‘вы’, *v'isoko* ‘высока’, *n'il'aka* ‘пыл’, *zab'irate, n'isate, зыма, hr'ib'e* і інш.

Наступнай выразнай і адрознай адметнасцю гаворкі з'яўляецца наяўнасць галоснага [a] на месцы *е, *ь, *ь, *ѣ ў націскных складах звычайна пасля мяккіх губных, мяккіх і цвёрдых пярэднеязычных: *b'aruh* ‘бераг’, *v'achur* ‘вечар’, *do' m'ana* ‘да мяне’, *hrab'en, hrab'an* ‘грэбень’, *n'arsh'i* ‘першы’, *куп'acu* ‘купец’, *dv'ar'e* ‘дзверы’, *n'an* ‘пень’, *n'aklo* ‘пекла’, *b'az* ‘бэз’, *tr'aba, traba* ‘трэба’, *ц'an* ‘цэп/прылада для малацьбы збожжа ручным спосабам, у выглядзе доўгай палкі (цапільна) з прымацаваным да яе гужыкам драўлянага біча/’ і інш., але: *m'ad* і *miod* ‘мёд’. Аднак маюць месца ў падобных умовах і гукі [e], [e^a] (галосны гук, сярэдні паміж [e] і [a]) пераважна ў націскных і пераднаціскных складах пасля цвёрдых, зрэдку мяккіх і паўмяккіх зычных: *beroh, vechor, do' m'ene^a, persh'iy, sestra, ned'il'a* ‘нядзеля’, *derevo* ‘дрэва’, *derno* ‘дзёран’, *te^an'ar* ‘сёння’, *se^astra, ne^ad'il'a, de^are^avo, de^arno, zh'e^arde* ‘жэрдзе’, *te^an* ‘цень’ і інш.

Вельмі значная і істотная асаблівасць гаворкі – гэта рэалізацыя пераважна галоснага [i] пасля мяккіх губных і заднеязычных на месцы *о ў новых закрытых складах пад націскам: *v'iz, v'in, dv'ir, m'ist, b'il'sh, b'ib* ‘фасоля’, *n'ida'sh* ([a^e] – галосны гук, сярэдні паміж [a] і [e]), *n'idesh* ‘пойдзеш’ і інш., але: *v'il* і *вул; zah'in* ‘загон /паласа, участак ворнай зямлі, поля/’, *k'in, k'ish, k'il'ko, tx'ir* і інш., але: *k'it* і *кыт*. Аднак гук [ы] ў акрэсленай пазіцыі звычайна ўжываецца тут пасля цвёрдых пярэднеязычных: *ныжка, ныж, ныс, ныч, сык, стыл* і інш., але: *r'iw, r'iv, r'idny*.

Паказальнай і выразнай адметнасцю гаворкі з'яўляецца таксама вымаўленне пераважна галоснага [i] на месцы націскага *ѣ пасля мяккіх зычных: *l'is, s'ino, sn'ih, l'ito, xl'ib, d'id, v'iter, v'im'or, kv'itka, z'il'l'e, m'is'acu* ‘месяц’, *n'isn'a, po'r'izaw, po'r'izav, r'icka, v'or'ix'e* ([o] – вымаўленне прыгука [v] перад галосным [o] ў пачатку слова) ‘арэхі’, *d'ivch'ina, sv'im, ц'ivka* ‘цэўка /прыстасаванне ў выглядзе трубка, на якое навіваюцца ніткі і якое ўстаўляецца ў чайноч пры тканні/’, *й'iste* ‘есці’ і інш., але: *xl'iv* і *хлыw, te^an*'.

Яркая і спецыфічная асаблівасць гаворкі – гэта наяўнасць галоснага [i] на месцы *ѣ ў першым пераднаціскным складзе пасля мяккіх губных: *b'ida, v'idro, m'ishok, n'isok*. Аднак у падобных умовах могуць ужывацца і гукі [ы], [e], [e^a] пасля цвёрдых зычных: *быда, мышок, песок, вадро*. На месцы ж *е ў першым пераднаціскным і націскным складзе тут зафіксаваны адпаведна галосныя [a] і [e] пасля мяккіх губных: *v'asna, v'esna* і інш.

Істотнай і адрознай адметнасцю гаворкі з'яўляецца таксама рэалізацыя галосных [e], [ы], [e^a], [i] на месцы *е (*ь) у першым перааднаціскным складзе пасля цвёрдых, часам паўмяккіх і мяккіх *з, *н, *с, *т, *д: *земн'а* 'зямля', *нема*, *село*, *ден'ок*, *зымл'а*, *ныма*, *сыло*, *се^aло*, *те^aп'ар*, *д'е^aн'ок*, *н'іма*.

Значная і характэрная асаблівасць гаворкі – гэта вымаўленне галосных [a], [e] на месцы *е ў перааднаціскных і паслянаціскных складах у наступных словах: *уз'ала*, *уз'ала*, *зл'аканс'а*, *зл'акатыс'а*, *hled'iw*, *hled'iv* 'даглядаў', *зайац*, *пам'ят*, *памн'ат*, *зайец*, *пам'ет*.

Найбольш яркая і выразная адметнасць гаворкі ў галіне кансанантызму – гэта розная рэалізацыя зычных. Губныя як мяккія, так і цвёрдыя перад рэфлексамі *е, *ѳ: *v'асна*, *v'эсна*, *б'арух*, *v'ачур*, *п'арш'і*, *до^y м'ана*, *до^y м'ене^a*, *б'іда*, *v'ідро*, *м'ішок*, *п'ісок*; *берох*, *вечор*, *перш'ій*, *быда*, *мышок*, *песок*, *ва^eдро* і інш.; губныя толькі мяккія перад рэфлексамі *і: *ро^yб'эте*, *ло^yv'эте*, *м'эска*, *куп'еш*, *куп'ев*, *п'ісате*, *заб'ірате* і інш. Пярэднеязычныя *з, *н, *с, *т, *д цвёрдыя, часам паўмяккія і мяккія перад рэфлексамі *е (*ь): *земн'а*, *нема*, *село*, *ден'ок*, *зымл'а*, *ныма*, *сыло*, *се^aло*, *те^aп'ар*; *д'е^aн'ок*; *н'іма*; гэтыя ж зычныя толькі цвёрдыя перад *і, зычны *л – перад *е, *і: *zyma*, *нэнка*, *ко^yсэте*, *хо^yдэте*; *але*, *лед*, *поле*; *ко^yле*, *лепа*, *лэте*, *хо^yдэле*.

Паказальнай асаблівасцю гаворкі з'яўляецца таксама ацвярдзенне паўмяккіх *д', *т' перад рэфлексамі *е, *і: *ден*, *те^aп'ар*, *тэхо* 'ціха', *хо^yдэте*. Мяккія ж *д, *т захаваліся на канцы дзеясловаў у форме трэцяй асобы адзіночнага і множнага ліку: *носыт*, *ходыт*, *нос'ат*, *ход'ат*. Аднак перад рэфлексамі націскага *ѳ адзначана розная рэалізацыя мяккіх *д', *т': *д'ід*, але: *те^aн*. Часам перад галоснымі [e], [i], [a], [o], [y] вымаўляюцца афрыкаты [ц'], [дз']: *вусц'е* 'чалеснікі (уваходная выемка ў печы)', *ко^yсц'энка* 'касцяніцы (лясная травяністая ягадная расліна)', *ло^yло^yвасц'ік* 'апалонік (хвастатая лічынка жабы)', *кац'ах'е* 'суквецце на дрэвах', *сц'обка* 'кладоўка ў хаце', *лудз'ір* 'ніжня частка снапа', *дз'убка* 'дзюба (у птушак)'.

Адрозная адметнасць гаворкі – гэта пераход цвёрдых зычных у мяккія ў спалучэннях *гы, *кы, *хы, што ўзніклі пры ўтварэнні поўных форм прыметнікаў, а таксама ў пазіцыі перад галосным [e] ў прыметніках ніякага роду адзіночнага ліку: *до^ywh'i*, *ко^yротк'i*, *тэх'i* 'ціхі'; *до^ywh'e*, *ко^yротк'e*, *тэх'e* 'ціхае'.

Значнай асаблівасцю гаворкі з'яўляецца наяўнасць як мяккіх і паўмяккіх, так і цвёрдых *р, *ж, *ч, *ш, *ц у пэўных пазіцыях: *по^yр'ізав*, *по^yр'ізав*, *р'ічка*, *hr'ix*, *на дво^yр'і*, *hr'іб'е*, *пр'эле*, *св'іж'іна* 'свежына', *ж'ар'абне* 'жарабя', *ж'інка*, *на м'аж'і*, *ж'эба*, *ж'ер*, *ву^yж'эне* 'ажыны', *д'івч'іна*, *поно^yч'е*, *во^yч'е* 'вочы', *падч'ар'іц'а* 'падчарыца /няродная дачка мужа ці жонкі', *ч'арвоны* 'чырвоны', *волоч'эте* 'баранаваць', *душч'і*, *душиш'і* 'дужэйшы', *до^yр'ішш'і* 'даражэйшы', *ш'іст* 'шэсць', *ш'іпка*, *мо^yло^yдец'а* 'маладзіца', *кур'іц'а*, *вульц'а*, *ц'іпка*, *ц'ап*, *на ко^yнц'і*, *палец* 'палец', *хлоп'ац* і інш. і *пора^yдок*, *раб'эна* 'рабіна', *йожык*, *др'іжэле*, *др'іжале* 'дрыжалі', *чо^yбур* 'чабор', *чап'ате* 'чапаць', *клык'ача* (*бусен*) 'клякоча (бусел)', *коше^aль* 'кашэль (вялікая кашолка, звычайна з лучыны)', *цаца*, *хлопце* і інш., але: *жыв'а*, *ж'ів'е* 'жыве', *вж'а*, *вже* 'ужо'.

Источная адметнасць гаворкі – гэта зычны **в*, што паходзіць з **в*, **л*. У становішчы перад галосным ён даў рэфлекс губна-зубнога [v]: *váta*, *vo'dá*, *vól'ny*, *v'ít'or*, *v'áčur*, *plyvú*, *ho'lo'vá*, *ové'a* ‘авёс’ і інш. Аднак у пазіцыі пасля галоснага і ў пачатковым становішчы перад звонкімі зычнымі і санорнымі ён рэалізуецца ў губна-губны [w], перад глухімі – у губна-зубны [v]: *práwda*, *dówh'i*, *ko'wzaty's*, *wz'ala*, *wd'iváty's* ‘адзявацца’, *d'ér'e'wle'ny* ‘драўляны’, *w'jun* ‘уюн’, *ow'jós* ‘авёс’, *ščaw'jux* ‘шчаўе’, *wm'iváty's'a*, *w l'íce* ‘у лесе’ і інш.; *d'ivč'ina*, *névka*, *č'ivka*, *lavka*, *bo'jé'nc'a*, *zl'aká'nc'a*, *vkrop* ‘укроп’, *vná'rt'y* /*k'in'* / ‘наравісты / конь/’, *v chá'te* ‘у хаце’ і інш. Гэтыя ж зычныя зафіксаваны і ў пазіцыі пасля галоснага на канцы слова: *p'iw*, *p'iv*, *xl'iv*, *xlyw*, *hled'iw*, *hled'iv*, *kup'éw*, *kup'év*, *po'm'néw*, *po'm'név* і інш.

Вельмі выразнай асаблівасцю гаворкі з'яўляецца вымаўленне фрыкатыўна-фарынгальнага зычнага [h]: *hustéj* ‘густы’, *ho'lo'd*, *o'h'o'rod*, *had'uka*, *z no'h'e* ‘з нагі’ і інш.

Паказальная адметнасць гаворкі – гэта захаванне звонкіх зычных у канцавым становішчы і ў сярэдзіне слова перад глухімі: *v'iz*, *dub*, *nyž*, *b'ib*, *kr'ež* ‘крыж’, *č'ér'e'z* ‘цераз’, *mo'roz*, *ho'lo'd*, *m'adv'id* ‘мядзведзь’, *b'ily hr'eb* ‘баравік’ і інш.; *hubka*, *zahádka*, *kazka*, *nyžka*, *dž'ubka*, *lyžsko* ‘ложак’ і інш., але: *léhko* ‘лёгка’, *h'itk'éj* ‘гадкі, брыдкі’, *dušš'i*, *dušč'i*.

Источнай асаблівасцю гаворкі з'яўляецца рэалізацыя на месцы спалучэння “мяккі зычны + *ь*” у становішчы паміж галоснымі падоўжаных зычных: *z'il'le*, *ho'l'le'č'e* ‘галлё’, *nas'in'ne*.

І апошняя адрозная і значная адметнасць гаворкі ў галіне кансанантызму – гэта наяўнасць прыстаўных [v], [h], часам іх адсутнасць перад галоснымі [o], [y]: *vo'rate* ‘араць’, *vozero*, *vo'sen*, *vo'san*, *vo'hon* ‘агонь’, *vuxo*, *voč'e*, *vostr'e* ‘вострыя’, *vulyč'a*, *vуж'éne*, *hostr'i* ‘востры’, *hostr'e* ‘вострыя’, *huzdčka* ‘вездэчка’, *huško* ‘вушка’, *hostr'w*, *hostr'v* ‘востраў’, *Polána* ‘Алена’, *o'sen*, *oč'e* ‘вочы’, *onuča*, *onuč'e* ‘ануча, анучы’ і інш. Аднак у словаформе *nivódna* адбылося адпадзенне каранёвых гукаў: *n'ido'no*.

Такім чынам, праведзенае комплекснае дыялекталагічнае даследаванне гаворкі вёскі Павіцце Кобрынскага раёна дазволіла выявіць найбольш тыповыя фанетычныя рысы, якія ўказваюць на яе генетычную прыналежнасць да тараканскага дыялектнага тыпу. Разам з тым мова жыхароў гэтага паселішча мае і свае спецыфічныя прыкметы. Акрамя таго, даследаваная гаворка характарызуецца пэўнай колькасцю асаблівасцей, якія ўласцівы для паўднёвазагародскага дыялектнага тыпу. Апошняе можа быць звязана з тэндэнцыяй да трансфармацыі гаворкі ў накірунку да паўднёвазагародскага тыпу [5, с. 528, 530; 8, с. 150–157, 201–202, 204–206, 209–212; 9, с. 133–135, 136–137; 10, с. 25–28, 38–39].

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Брестская область [Карты] : общегеогр. атлас / сост. и подгот. к печати РУП «Белкартография» в 2003 г. ; ред. Н. И. Шлык. – 1 : 200 000, 2 км в 1 см. – Минск : Белкартография, 2003. – 1 атлас (33 с.) : цв.

2. Павіцце [Электронны рэсурс] // Вікіпедыя : свабод. энцыкл. – Рэжым доступу: <https://be.wikipedia.org/wiki/Павіцце>. – Дата доступу: 20.09.2021.

3. Павіццеўскі сельсавет [Электронны рэсурс] // Вікіпедыя : свабод. энцыкл. – Рэжым доступу: https://be.wikipedia.org/wiki/Павіццеўскі_сельсавет. – Дата доступу: 20.09.2021.

4. Гарады і вёскі Беларусі : энцыклапедыя / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2007. – Т. 4, кн. II : Брэсцкая вобласць – 608 с.

5. Памяць : Кобрын. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / рэдкал.: Г. К. Кісялёў [і інш.]; рэд.-уклад. Л. Р. Казлоў. – Мінск : БелТА, 2002. – 624 с.

6. Вялікі гістарычны атлас Беларусі [Карты] : у 3 т. / Дзярж. кам. па маёмасці Рэсп. Беларусь ; рэдкал.: В. Л. Насевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – [Маштабы розныя]. – Мінск : Белкартаграфія, 2009. – Т. 1. – 2009. – 1 атлас (244, [3] с.).

7. Самуйлік, Я. Р. Атлас гаворак Выганаўскага Палесся / Я. Р. Самуйлік ; Брэсц. дзярж. тэхн. ун-т. – Брэст : БрДТУ, 2013. – 322 с.

8. Крывіцкі, А. А. Дыялекталогія беларускай мовы : дапам. для філал. спецыяльнасцей ВНУ / А. А. Крывіцкі. – Мінск : Выш. шк., 2003. – 293 с.

9. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Берасцейскай вобласці / Ф. Д. Клімчук // *Gdzie bije źródło... Pieśni ludowe pogranicza Polski i Białorusi* / red. F. Czyżewski, A. Dudek-Szumigaj, M. Żygalova. – Lublin – Wisznice, 2015. – S. 129–143.

10. Клімчук, Ф. Д. Гаворкі Заходняга Палесся: фанетычны нарыс / Ф. Д. Клімчук ; рэд. М. І. Талстой ; Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – 126 с.

О. А. Фелькина, И. Д. Богунь (г. Брест, Республика Беларусь)

ПРОСТОРЕЧИЯ И ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ 20-Х ГГ. XX В.

Понятие *идиостиль* находится в центре внимания у многих современных лингвистов. Можно сказать, что изучение индивидуального авторского стиля как одного из проявлений восприятия окружающего мира языковой личностью является одной из важнейших задач современной лингвистики. Одной из оригинальнейших языковых личностей XX в. является М. Цветаева – поэт-экспериментатор, в творчестве которой отчетливо проявился ее особый способ познания мира через языковые модели.

С появлением Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) [1] и других массивных корпусов текстов появились дополнительные возможности исследования идиостиля отдельного автора или особенностей языка той или иной эпохи: получение убедительных количественных данных, поиск слов определенных семантических групп или грамматических классов и т. п. В частности, разметка НКРЯ позволяет искать несловарные слова – просторечия, жаргонизмы, диалектизмы, авторские неологизмы, отсутствующие в нормативных словарях.

М. Цветаева в поэзии 20-х гг. активно использует различные просторечия и даже диалектизмы. Часто искажается фонетический облик слов: восстанавливается *ч* на месте старославянского *щ* (*обчество*), отражается старомосковское произношение *чн* (*сказошный, достатошно* и др.), устраняются сочетания шумных с сонорными на конце слова (*корабель, корабь, жизнь* вместо *жизнь, боясть* вместо *боязнь*), происходит дистантная ассимиляция (*маненько*),

эпентеза (*страмить, энтот, ндравный*), протеза (*аржаной*) и др. В ряде случаев искажаются заимствованные слова (*енерал, еройский, фатера* и др.). Регулярно встречаются случаи ненормативного использования суффикса *-ти/-ть*: ударный гласный усекается с перемещением ударения на основу (6 слов: *свесть, произнести* и др.) или, наоборот, сохраняется в безударной позиции (5: *ткати, жалети* и др.). Стяжение наблюдается и в императивных формах (*положь, покажь* и др.). Нестяженный постфикс после гласных встретился в 13 словах: *разминулся, отвяжитесь, нацелившись* и др. Стяженные формы М. Цветаева использует и для существительных (*высокодительство – высокопревосходительство, щиколка, жавронки*), местоимений (*кака, у ней, тваво* и под.), прилагательных (*хозяйска* и под.).

Поэт нередко использует ненормативные грамматические формы глаголов: неверное спряжение (*гудут, не стоят, капит* и др.), отсутствие л-эпентетикум (*трепется, щипет*), неправильные формы императива (*не можете, ляжь*), деепричастий (11: *высуня, слушамиши, вышед и вышедши, идучи* и др.) и причастий (5: *порожённый, насожено, дадено* и др.). Для четырех существительных среднего рода М. Цветаева использует формы множественного числа с окончанием *-ы* (*оконцы, перильцы, стекла, гнезды*), другие ненормативные формы существительных единичны (*без мосту, ден, делов* и др.). Поэт употребляет также просторечные варианты компаративов прилагательных (*плоше, ширше, нищее*).

Словообразовательных диалектизмов и просторечий немного, обнаружено 8 примеров (*заступа* вместо *заступник, останный* вместо *остальной, дозвольт* вместо *позвольт* и др.); столь же немногочисленны собственно лексические просторечия и диалектизмы (*допрежь, нонь, пасмы, текай* и др.).

Термин *окказионализм* лексикологи понимают несколько по-разному. Так, Н. З. Котелова называет окказиональными потенциальные слова, не выполняющие ни экспрессивной, ни эстетической функций, и противопоставляет их индивидуально-авторским новообразованиям [2, с. 175]. Мы же разделяем точку зрения Е. А. Земской и других лингвистов, которые понимают под окказионалистами только индивидуально-авторские слова, противопоставляя окказиональные слова потенциальным, не авторским [3].

В произведениях М. Цветаевой 20-х гг., вошедших в НКРЯ, было выявлено 1087 различных окказионализмов. Десять из них относятся к грамматическим, т. е. представляют собой ненормативные грамматические формы: причастные (*жгомый, лащеный, нянчанный, предпочедший*); страдательные причастия непереходных глаголов (*надышанный, протаянный*); краткая форма действительного причастия (*зряц*), сравнительная степень прилагательного (*блаже*), форма множественного числа существительного (*кльчья*), форма мужского рода безличного глагола (использован как личный: *Чтоб лоб светал*).

Самый частый способ образования окказионализмов М. Цветаевой – суффиксальный, этим способом создано 624 слова: 472 существительных, 94 прилагательных, 44 глагола, 11 наречий, два предикатива и даже одно местоимение (*никогошеньки*).

Среди окказиональных существительных много абстрактных: 92 с нулевым суффиксом (*вскок, лёжь, кипь* и др.), 39 – с суффиксом *-ость* (*засушенность, истерзанность, каменность* и др.), 9 – с суффиксом *-ств(о)* (*скарество* и др.), и 5 – с суффиксом *-от(а)* (*ласкота, звонкота* и др.). Часто используются диминутивы: 60 с суффиксом *-ок/-ек* (*василёчек, трепеток* и др.), 49 с суффиксом *-к(а)* (*далька, костяшечка* и др.; кроме того, в 10 случаях суффикс использован как мутационный – *взбешка* и под.), 7 с суффиксом *-очк(а)* (*колыбелочка, присвисточка* и др.), 6 с суффиксом *-очек* (*гусярочек, вороточек* и др.), 4 с суффиксом *-оньк(а)* (*забавонька, голубонька* и др.) и столько же с похожим аффиксом *-ыньк-* (*березынька, глазыньки* и др.). Восемь раз использован малопродуктивный в общем языке диминутивный суффикс *-ц-* (*гнильца, дуцца, кровца* и др.), более продуктивный суффикс *-ушк-* М. Цветаева использовала столько же раз (*забавушка, святынюшка* и др.). Суффиксы *-иц(е), -ец/-ец(о)* в уменьшительно-ласкательном значении устарели, однако и они регулярно используются для создания окказионализмов: 20 слов образовано с суффиксом *-иц(е)* (*сиденьице* и др.) и 4 – с *-ец/-ец(о)* (*верблюдец, питьецо* и др.). Еще 9 раз суффикс *-иц(а)* использован как фемининативный (*безумица, еретица* и др.). М. Цветаева использует и увеличительный суффикс *-ищ-* (9 окказионализмов: *вязанища, язычище* и др.).

Треть окказиональных глаголов образованы путем имперфективации с суффиксами *-а-, -ва-, -ива-/ыва-* (17: *похвалять, влюбливаться, заледеневать* и др.), 8 – путем перфективации с суффиксами *-ну-, -ану-* (*ступнуть, слухануть* и др.).

Среди окказиональных прилагательных довольно много притяжательных с суффиксами *-ий-* (12: *иудий, амазоний* и др.), *-ин-* (2: *волчинный, молиный*), *-ов-* (3: *гусяров* и др.). Есть примеры аугментативов с суффиксом *-ейш-* (5: *последнейший* и др.) и диминутивов с суффиксом *-еньк-* (7: *дубовенький* и др.). М. Цветаева активно использует и продуктивные суффиксы *-к-* (10: *ливкий, дрожкий* и др.) и *-н-* (11: *вздошный, овечный* и др.).

Префиксальным способом образовано 115 окказионализмов: 74 глагола: 14 с приставкой *вз-/вс-/воз-/вос-*, 11 – *по-*, 9 – *пере-*, по 5 – *вы-*, *с-* и *недо-*. Для других частей речи этот способ менее характерен, однако при помощи приставок образовано 24 прилагательных (11 с приставкой *не-* и 7 с *пре-*), 11 существительных и 6 наречий (3 из них с приставкой *пре-*).

Приставочно-суффиксальным способом образовано 110 слов: 38 прилагательных, 34 глагола, 21 существительное, 13 наречий и 4 предикатива. У прилагательных восемь раз использована приставка *без-*, в четырех случаях с суффиксом *-н-* (*безгнездный, беспогонный* и др.), в остальных – с нулевым, *-енн-* и *-ев-*. Семь раз в конфликте использована приставка *не-*, причем пять раз с суффиксом *-н-* и в двух случаях с нулевым (*неперерывный, непросчетный* и др.). Для глаголов самым активным оказалось сочетание приставки *по-* и суффикса *-ива-/ыва-* (11 слов: *погудывать, покипывать, поваркивать, посверливать* и др.), на втором месте *обез-* + *-и-* (всего 5: *обезжемчужить, обеззноить* и др.) и *вз-/вс-* + *-ива-/ыва-* (4: *взгаркивать, всплакивать* и др.).

У существительных конфиксы более разнообразны, ни один не встречается больше двух раз. Для наречий наиболее типично использование приставки *в-* с нулевым суффиксом: *вглядь, вперевбор, вперегон, вскочь*.

Постфиксальным способом образовано 8 глаголов (*вставаться, вычеркнуться* и др.), приставочно-постфиксальным – 11 (по два раза использованы приставки *вы-, из-, раз-*), 14 глаголов образовано приставочно-суффиксально-постфиксальным способом (9 из них – с приставкой *в-* и суффиксом *-ива-/-ыва-*: *вкрикиваться, вплясываться* и др.) и четыре – суффиксально-постфиксальным.

Способом сложения основ образовано 46 окказионализмов: 20 существительных, 13 глаголов и столько же прилагательных. Гораздо чаще М. Цветаева использует сложно-суффиксальный способ: так образовано 107 слов (49 окказиональных существительных, 55 прилагательных, два глагола и одно наречие). У существительных в 32 случаях, а у прилагательных в 30 использован нулевой суффикс (*богоотвод, сердцелов, грустноглазый, жестоколистый* и др.). Регулярно в сложных прилагательных используется и суффикс *-н-* (11: *благодарный, твердозначный* и др.).

Крайне редко М. Цветаева использует аббревиацию – таких примеров всего шесть, они пародируют названия административных органов советской России: *главблуд, главглот, главсвист, главхвост, наркомчёрт, наркомииии*.

Довольно часто (21 случай) М. Цветаева использует обратную деривацию. Например, отсечением суффикса *-к-* образованы слова *опушь, судомой* и др., отсечением приставки – существительные *пястье* и *разбериха*, прилагательное *лепый*, глаголы *межить, периться* (ср. *смежить, впериться*) и др.

Окказионализмы М. Цветаевой обладают высокой степенью экспрессивности, не случайно И. Бродский сказал о ее поэтическом языке: «Это фальцет времени, голос, выходящий за пределы нотной грамоты» [4].

Список использованной литературы

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 11.11.2021.
2. Котелова, Н. З. Избранные работы / Н. З. Котелова // Рос. акад. наук; Ин-т лингвист. исслед. – СПб. : Нестор-История, 2015. – 276 с.
3. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие / Е. А. Земская. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 328 с.
4. Скрипова, О. А. Эволюция поэтической системы Марины Цветаевой [Электронный ресурс] : учеб. пособие / О. А. Скрипова ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В СВЕТЕ НОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Т. О. Дегтярева (г. Сумы, Украина)

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

В последние десятилетия мир резко изменил привычную систему координат. Это касается не только внешней стороны жизни и политической ситуации, но и базовых ценностей, жизненных установок и привычек людей. Никогда в истории человечества изменения не происходили в столь быстром темпе, как сейчас.

Изменение манеры мышления и поведения людей не может не отражаться на методах обучения. Как отметил С. Ф. Шатилов, «...методика обучения иностранным языкам должна располагать всем разнообразием приемов, способов и видов работы, быть гибкой и дифференцированной, учитывать все факторы, влияющие на успешность обучения» [1, с. 50].

Наиболее распространенным направлением в современной педагогике можно считать конструктивизм. Суть основной идеи этого направления следующая: преподаватель не может выполнять роль простого транслятора знаний и навыков в головы студентов, обучение требует активного умственного труда учащегося. Это привело к понятию студентоцентричности и новому толкованию роли преподавателя, от которого требуют не максимального багажа знаний, а умения помогать учащимся в процессе обучения [2].

Современная молодежь меньше читает, но больше работает в Интернете, общается в социальных сетях. Новый студент потерял интерес к книгам и письменным текстам. Выросло поколение, для которого компьютер и Интернет стали неотъемлемой частью жизни. Молодежь не мыслит себя без современных девайсов.

Изменение мышления и подчеркивание индивидуальных потребностей постепенно охватило все культуры. Массовый туризм и возможность электронной переписки, синхронной беседы в виде чата через Интернет сближают людей земного шара. Знание о других странах и культурах растет.

Те изменения, которые произошли в современном обществе, влияют на методику преподавания. Глобализация культуры и мышления не означает, что национальным культурам уже не следует уделять должного внимания. Вывод как раз противоположный: при натиске унификационных процессов люди осознают уникальность разных культурных явлений и хотят узнавать именно о них.

Современные студенты нуждаются в особом подходе и высококвалифицированных специалистов в сфере образования, которые привлекли бы молодое поколение к изучению иностранных языков и любви к обучению. Использование цифровых ресурсов помогает студентам учиться,

стимулирует их мнение, предоставляет широкие возможности и позволяет им открывать новые таланты.

Информационные компьютерные технологии (ИКТ) оказывают положительное влияние на учебный процесс и значительно расширяют его возможности, обеспечивая визуальные, демонстративные, легкие для понимания презентации.

Мультимедийные средства позволяют задействовать почти все органы чувств слушателей, сочетая печатный текст, графическое изображение, видео, статические фотографии и аудиозапись, создавая «виртуальную реальность» настоящего общения. Все эти элементы играют большую роль в решении лингвистических и коммуникативных задач, помогают разнообразить восприятие информации, тем самым улучшая ее усвоение.

Новейшие технические устройства (девайсы) обогащают учебный процесс в разных условиях обучения и на всех его уровнях. Эти устройства повышают эффективность учебного процесса, делают занятия более насыщенными и креативными. ИКТ позволяют расширить рамки урока, позволяя применять новые формы обучения. Одной из таких форм есть видеоматериалы.

Использование видео в обучении неродному языку повышает эффективность усвоения нового языка, поскольку именно через органы зрения и слуха человек получает большую часть информации об окружающем мире. Эти виды деятельности разнообразят занятия, вносят в них элементы реальной жизни.

Так, при презентации новой лексики используется мультимедийная доска. С помощью ноутбуков, планшетов демонстрируются видеоролики «Страна, в которой я учусь», «Традиции и праздники страны, в которой я учусь», «Город, в котором я учусь», «Наш университет». Студенты создают презентации о своих странах, родных городах.

«Умные телефоны» (смартфоны) на уроках иностранного языка помогают формировать грамматические, лексические, произносительные навыки и развивать все виды речевой деятельности: говорение, письмо, чтение, аудирование. С помощью этих девайсов можно контролировать сформированность полученных навыков и умений.

Смартфоны используются на всех этапах обучения. На начальном этапе, когда инокоммуниканты знакомятся с фонетической системой изучаемого языка, преподаватель записывает на диктофон презентацию новых звуков, образцы основных интонационных конструкций и т. д. Дома, во время самостоятельной работы, учащиеся прослушивают запись, корректируя произношение.

Позже, когда студенты начинают прорабатывать мини-тексты, диалоги, стихи, с помощью смартфона фиксируется чтение преподавателя и чтение студентов, а во время выполнения домашнего задания слушатели могут сравнить собственное произношение с произношением учителя. Фотокамерой можно фиксировать таблицы, схемы, рисунки, фотографии, которые используются на уроке при презентации нового материала.

Мультимедийные возможности современных мобильных устройств помогают прослушивать иностранную речь, адаптировать ее в соответствии

с собственным уровнем восприятия; регулируя скорость, разбивать фразы на отдельные слова, параллельно сопоставляя произношение и написание слов. Интерактивность «способствует более интенсивному участию в процессе обучения самого студента, что повышает эффективность восприятия и запоминания учебного материала» [3].

Особое место при изучении иностранного языка среди всех приложений занимает электронный двуязычный словарь. Такой словарь имеет ряд преимуществ перед печатным. Информация в электронном словаре предоставляется в разных видах: текстовом и звуковом. Инокоммуникант очень быстро может выбрать нужный ему язык, узнать значение слова с транскрипцией и произношением, осуществить прямой и обратный перевод. Когда возникают ошибки, словарь исправляет или указывает правильный вариант. Электронный словарь можно использовать на всех этапах изучения иностранного языка.

Интернет-ресурсы обладают огромными возможностями использования. Материалы глобальной сети всегда актуальны и доступны. Здесь можно совершить виртуальные экскурсии, найти аудио- и видеоматериалы, новости, газеты, журналы, художественные и научные тексты, переводчики онлайн. Студенты могут познакомиться с культурологическими особенностями страны, язык которой изучается: с этикетом, речевым поведением, культурой, традициями. Аутентичные тексты сети разной степени сложности помогают формировать навыки и умения чтения, совершенствовать навыки аудирования, способствуют пополнению словарного запаса. Следует подчеркнуть, что ресурсы Интернета выступают в роли «реальных носителей информации», помогающих создать реальную среду речи для осуществления межкультурной коммуникации [3].

Социальные сети, электронная почта, Skype, Viber, WhatsApp, Telegram и другие приложения и мессенджеры дают возможность общения с реальными носителями языка, что очень важно для практики речи. Общаясь на иностранном языке онлайн, студенты тренируют произношение, совершенствуют навыки говорения и правильного построения предложения. Обмен сообщениями способствует лучшему запоминанию лексики, поскольку работает зрительная память и моторная функция руки при наборе текста сообщения [4, с. 232].

Сегодня вопрос обучения иностранным языкам в дистанционном формате решается с помощью современных инструментов для синхронной (Google Meet, ZOOM, интерактивные доски, видеоконференции) и асинхронной связи (электронная почта, блоги, форумы, видео и аудиоподкасты, онлайн-тестирование), которые совершенствуются с каждым днем для повышения интерактивности процесса овладения иностранным языком.

Таким образом, использование ИКТ обеспечивает студентам широкие возможности для коммуникации, сотрудничества, обмена информацией и опытом, контакта с культурой страны, язык которой изучается.

Реалии жизни ставят перед преподавателями задачу изучать и внедрять в обучающую практику наиболее эффективные методики и технологии, творчески развивать накопленный практический и теоретический опыт

преподавания дисциплины. По словам А. М. Щукина, «...развитие интенсивных методов, предусматривающих органическое включение в систему обучения технических средств, будет наиболее перспективным направлением усовершенствования методики на ближайшие годы» [5, с. 57].

Список использованной литературы

1. Шатилов, С. Ф. О создании рациональной методики обучения иностранным языкам в средней школе / С. Ф. Шатилов // Иностр. яз. в сред. шк. – 1990. – № 2. – С. 50–59.
2. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению / Е. И. Пассов. – М. : Рус. яз., 1989. – 276 с.
3. Сайфуллин, Р. Об эффективности использования информационно-коммуникационных технологий на уроках английского языка [Электронный ресурс] / Р. Сайфуллин. – Режим доступа: http://pedsovet.org/component/option,com_mtree/task,viewlink/link_id,167742/Itemid,118. – Дата доступа: 15.09.2021.
4. Олексієнко, Р. В. Інтернет-технології у вивченні іноземних мов / Р. В. Олексієнко // Вісн. ЛНУ ім. Т. Шевченка. – 2010. – № 1 (188). – С. 229–236.
5. Щукин, А. Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам / А. Н. Щукин. – М. : Филоматис, 2008. – 188 с.

Е. С. Зданович (г. Гродно, Республика Беларусь)

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ МОЛЧАНИЕ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В СВЕТЕ НОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Цифровая трансформация, происходящая в настоящее время практически во всех отраслях и сферах деятельности человека, существенное ускорение научно-технического и социального прогресса обуславливают необходимость качественных изменений в области образования, поскольку традиционное содержание, характер и цели образования уже не отвечают современным реалиям. Новые образовательные ориентиры закреплены в нормативных актах, регулирующих образовательную сферу в Республике Беларусь. Так, в проекте «Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года» отмечается, что в настоящее время «обществу нужны образованные, нравственные, предприимчивые и компетентные личности, способные самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, умеющие выбирать способы сотрудничества» [1]. Следовательно, такой социальный заказ говорит о необходимости развития у обучающихся способностей к самостоятельной познавательной деятельности, креативного мышления, коммуникативных умений, гибкости и мобильности при решении различного рода задач, что обеспечит переход от «идеологии обучения на всю жизнь к идеологии обучения в течение всей жизни» [2].

Формирование гармоничной, разносторонне развитой личности обучающегося в образовательном процессе наиболее эффективно происходит в рамках

эвристического обучения, сущность которого составляют следующие положения: создание учеником образовательной продукции в изучаемых образовательных областях; освоение им базового содержания этих областей через сопоставление с собственными результатами познания; выстраивание индивидуальной образовательной траектории в каждой из образовательных областей с опорой на личностные качества [3, с. 48]. В качестве одного из наиболее эффективных методов при обучении русскому языку как иностранному выступает педагогическое молчание [4; 5].

В настоящее время молчание в педагогическом плане часто рассматривается как проявление дисциплинированности обучающегося или проявление незнания, как средство уклонения обучающегося от ответа, обусловленного отсутствием познавательного интереса к предмету изучения или неуверенностью обучающегося в своей точке зрения, нежеланием ее озвучить. Однако полисемантность категории молчания указывает на необходимость ее рассмотрения в более широком контексте – как особого психологопедагогического явления, поскольку в настоящее время важно научить обучающихся молчать правильно, понимать свои мысли, слова и соответственно самих себя.

Молчание не является новым объектом внимания и изучения в педагогике. Так, характерным элементом системы М. Монтессори были так называемые «уроки молчания», где тишина создавала атмосферу концентрации и способствовала интеграции движений ребенка с его разумом и волей. А. В. Хуторской, описывая такие уроки, уделяет особое внимание упражнениям, выполняемым в тишине, в результате которых прекращается любое движение и шум, когда тишина становится состоянием, связанным с погружением в себя, в размышления, вследствие чего у человека открываются новые возможности к восприимчивости [6].

В работах польского педагога Т. Оларчик сделан акцент на психофизиологическом аспекте феномена молчания, которое она рассматривает, с одной стороны, как физическое явление (отсутствие звука), с другой стороны, как психологический феномен (гармония внутреннего мира). Автор подчеркивает, что педагогика тишины/молчания не является альтернативой педагогике слова, но является ее непременным условием [7].

Метод молчания (Silent Way) в преподавании иностранных языков, в том числе и русского языка как иностранного, не является новым, впервые к нему обратились в 60-х гг. XX в. (Caleb Gattegno). Таким образом, суть метода молчания сводилась к преподаванию языка без вербального вмешательства со стороны преподавателя, но с использованием максимального количества наглядного материала, артикуляции и жестов.

Поскольку молчание имеет эвристическую основу, оно направлено на активное познание изучаемого объекта, в результате которого происходит личностное образовательное приращение обучающегося и развитие его творческих способностей [8].

В соответствии с этим в настоящем исследовании молчание рассматривается как имеющий диалогическую природу не выраженный

в знаковой форме коммуникативно-значимый процесс познания изучаемого объекта, который позволяет студенту преодолеть языковые и психологические барьеры, включиться в самостоятельную работу по выработке смысла и содержания образования и, в итоге, создать свой собственный образовательный продукт. Педагогическое молчание представляет собой организованную посредством молчания и направленную на достижение образовательных целей упорядоченную деятельность педагога и обучающегося, в которой познание объектов действительности происходит в молчании. В системе взаимодействия «обучающийся-педагог» в рамках педагогического молчания лидирующая роль принадлежит обучающемуся, который выступает активным субъектом познания на каждом из этапов познавательной деятельности, при этом задачей педагога является организация его подготовки к такой деятельности.

Основными принципами педагогического молчания в соответствии с теорией эвристического обучения являются личностное целеполагание обучающегося, практическая направленность образовательного процесса, креативность и творческая самореализация обучающегося через создание собственных лично и общественно значимых образовательных продуктов, интерактивность обучения, а также его деятельностный характер. В рамках педагогического молчания происходят интенсификация и качественное изменение познавательной деятельности обучающегося, выражающиеся в эвристических приращениях обучающихся. Кроме того, педагогическое молчание обеспечивает освоение обучающимися содержания учебной дисциплины вместе с выстраиванием собственной образовательной траектории. При обучении русскому языку как иностранному молчание не является противоположностью языку, а приравнивается к особому виду коммуникации, так как предполагает намеренность, направленность на адресата и наличие определенной цели.

Поскольку молчание имеет эвристическую основу, его методология, сродни методологическим основам эвристического диалога, строится на трех последовательных этапах, соответствующих группам вопросов «Что?», «Как?», «Почему?» [8]. Необходимо отметить, что эффективное освоение обучающимися русского языка как иностранного возможно только при следовании методике использования молчания, согласно которой переход от одного блока к другому, от группы вопросов «Что?» к группам вопросов «Как?» и «Почему?» должен сопровождаться выполнением эвристических заданий, направленных на формирование различных умений и навыков, а также развитие личностных качеств обучающихся.

При обучении русскому языку как иностранному молчание обладает большим потенциалом как с точки зрения его использования для поэтапной организации работы обучающихся на занятии, так и с точки зрения осуществления познавательной деятельности самими обучающимися. Использование педагогического молчания в полной мере способствует актуализации личностных смыслов и внутренней мотивации обучающихся. При выполнении различного рода эвристических заданий происходит не только взаимосвязанное развитие

всех видов речевой деятельности студента, но и развитие его личностных качеств, реализуется его творческий и креативный потенциал, совершенствуются коммуникативные, оргдеятельностные и рефлексивные умения, что способствует развитию познавательной самостоятельности.

Список использованной литературы

1. Проект Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edu.gov.by/proekt-kontseptsii-razvitiya-sistemy-obrazovaniya>. – Дата доступа: 01.11.2021.
2. Новая парадигма образования XXI века: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / А. С. Пономарев [и др.] – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/156652/1/646-649.pdf>. – Дата доступа: 01.11.2021.
3. Хуторской, А. В. Дидактическая эвристика: теория и технология креативного обучения / А. В. Хуторской. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – 416 с.
4. Зданович, Е. С. Говорение и молчание в обучении русскому языку как иностранному / Е. С. Зданович // Инновационные и приоритетные направления в преподавании гуманитарных дисциплин в техническом вузе. – 2021. – С. 169–174.
5. Зданович, Е. С. Развитие познавательной самостоятельности иностранных студентов средствами педагогического молчания / Е. С. Зданович // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2021. – Т. 11, № 3. – С. 136–143.
6. Хуторской, А. В. Система Монтессори / А. В. Хуторской // Вестн. Ин-та образования человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eidos-institute.ru/journal/2016/100/>. – Дата доступа: 06.07.2021.
7. Olearczyk, T. Pedagogia ciszy / T. Olearczyk. – Kraków : Wydawnictwo WAM, 2010. – 132 s.
8. Король, А. Д. Молчание в обучении: методологические и дидактические основы / А. Д. Король. – Минск : Выш. шк., 2019. – 128 с.

Л. Крайчовичова (г. Братислава, Словацкая Республика)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА ОНЛАЙН-ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СТУДЕНТОВ СЛОВАЦКИХ ВУЗОВ

Закрытие школ в результате пандемии Covid-19 перевело учебный процесс в онлайн-формат, вследствие чего учителям и студентам пришлось адаптироваться к новому способу обучения практически со дня на день. Соответственно, преподавателям было необходимо начать искать эффективные способы обучения. Традиционные дидактические средства, такие как учебники, в нынешнюю цифровую эпоху уже недостаточны. Внедрение технологий в дистанционное обучение является одной из самых больших дидактических задач [1, с. 73] особенно сейчас, так как современное поколение студентов относится к так называемым «цифровым аборигенам», для которых использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) является естественной частью повседневной жизни.

Одним из эффективных способов оживления уроков мы считаем аудиовизуальные пособия, поскольку «введение видео в процесс обучения меняет характер традиционного урока, делает его более живым и интересным, способствует расширению общего кругозора учащихся, обогащению их языкового запаса и страноведческих знаний» [2, с. 6]. Важным фактом, свидетельствующим в пользу видео, являются результаты исследований, которые утверждают, что мы в основном воспринимаем информацию с помощью зрения (87 %), слуха (9 %) и других органов чувств (4 %) [3, с. 375]. Кроме того, важность видео как инструмента обучения заключается в его потенциале:

1. Использовать базовый интеллект: вербальный/лингвистический, визуальный/пространственный, музыкальный/ритмический, межличностный (самоанализ, самостоятельное управление, самомотивация, управление импульсами, планирование, самостоятельное обучение и метапознание) и внутриличностный (взаимоотношения, сотрудничество, сопереживание, обучение, руководство, установление связей с другими людьми, решение конфликтов и социальной деятельности).

2. Включить в работу как левое, так и правое полушарие мозга. Левое обрабатывает диалог, сюжет, ритм и текст; правое – визуальные образы, отношения, звуковые эффекты, мелодии и гармонические отношения [4, с. 3].

Многочисленные исследования в конкретных областях, таких как педагогическое образование, дали значительные результаты в пользу видео (Borko, Jacobs, Eiteljorg, Pittman, 2008 [5]; Brophy, 2004 [6]; LeFevre, 2003 [7]; Moreno, Valdez, 2007 [8]; Pryor, & Bitter, 2008 [9]; Richardson, Kile, 1999 [10]; Seago, 2003 [11]; Sherin, 2003 [12]; Wang, Hartley, 2003 [13]). В целом большинство исследований подтверждают теорию двойного кодирования, согласно которой больше – значит лучше: мультимедийные слуховые/вербальные и визуальные/изобразительные стимулы улучшают память, понимание и более глубокое обучение, чем любой из стимулов сам по себе. Обучение в тестируемых изобразительных условиях (видео- и аудиовизуальных) превосходило обучение в вербальных (аудио) условиях [4, с. 5].

Наш опыт показывает, что не все словацкие студенты используют аудиовизуальные материалы при изучении русского языка. Отсутствие интереса студентов к аудиовизуальным материалам может быть связано с незнанием того, где их искать и как эффективно с ними работать. Студенты обычно ассоциируют видео с развлечением и часто выбирают для просмотра видео на родном языке. Мы это считаем проблемным, поскольку это будущие преподаватели, переводчики, которые должны приобрести, помимо языковой компетенции, «общекультурные знания, ориентированные на реалии изучаемого языка, социолингвистические и коммуникативно-прагматические знания для того, чтобы научиться правильно и полноценно использовать язык, уметь понимать и терпимо относиться к культурной «инаковости» и уметь адекватно реагировать в различных коммуникативных ситуациях под влиянием различных культурных условий» [14, с. 67–68]. Роль учителя как фасилитатора заключается в том, чтобы показать учащимся возможности таких пособий, мотивировать их

к самостоятельной работе, вызвать более глубокий интерес к предмету и, в некотором роде, оживить традиционный урок.

Применение видеоматериалов в учебном процессе не является чем-то новым, но то, что изменилось, – это легкость, с которой технология может облегчить их использование. Цифровизация обучения устранила проблемы с техническим оборудованием, с которыми сталкивались педагоги при очном обучении. В настоящее время учителю достаточно поделиться экраном компьютера и учащиеся могут сразу же приступить к работе с видео. Поскольку студенты сидят перед своими компьютерами и нередко используют наушники, они могут видеть и слышать видео, лучше чем в традиционном классе. Конечно, в онлайн-классах могут возникнуть и сложности, связанные в основном с плохим подключением к Интернету, медленными компьютерами и т. д. В этом случае преподаватели могут отправить видео ученикам для самостоятельного просмотра.

Преподавателям нужно иметь четкое представление о том, чего они хотят добиться с помощью видео в классе. Аудиовизуальные материалы не должны быть просто пустым наполнителем классного времени, они должны побуждать учащихся к активной работе на уроке.

Выбирая видеоролик, учителям надо позаботиться о том, чтобы он был как можно короче. Если он слишком длинный, учащиеся могут посмотреть оставшуюся часть видео в рамках самостоятельной работы вне класса. Учитель может также выслать лексику ученикам перед уроком, чтобы понимание видео было максимально эффективным.

В начале преподаватель должен кратко представить видео и объяснить его цель. Перед просмотром видео учитель может дать конкретные инструкции или вопросы для обсуждения, чтобы учащиеся знали, на чем сосредоточиться. Преподаватель может остановить видео на любой сцене, которую считает интересной или важной. Учитель может предложить учащимся предсказать, что произойдет дальше, стимулируя их творческие способности и дедуктивные навыки. Кроме того, преподаватель может в любой момент перемотать его вперед или назад. После просмотра видеоролика может последовать обсуждение с преподавателем или в группах.

Видеоматериалы особенно важны для студентов иностранных языков, потому что они обеспечивают им контакт с аутентичными материалами, которые отражают или имитируют реальную жизнь, культуру и менталитет данной страны. Поскольку такие видео рассчитаны на носителей языка, выбор лексики разнообразен. Таким образом, студенты могут познакомиться со сленгом, диалектизмами, выразительными языковыми средствами, метафорами, фразеологизмами и т. д. Учащиеся должны научиться распознавать эти единицы и уметь их называть. Последующее обсуждение с преподавателем должно быть направлено на то, чтобы способствовать реальному пониманию языка, причин выбора тех или иных языковых средств. Таким образом, учитель может связать лингвистику с когнитивным и лингвокультурным подходами [15, с. 251]. Однако

студентам не нужно знать каждое слово, так как пониманию способствует визуальный аспект видео, язык тела, а также мимика главных героев.

На практике мы также можем столкнуться с учителями, которые отказываются использовать ИКТ в процессе обучения, что может быть связано с их негативным отношением к технологиям, отсутствием цифровой компетентности, а также с тем, что подбор и подготовка аудиовизуальных материалов – трудоемкий процесс. Поэтому мы понимаем, что невозможно использовать такие пособия на каждом уроке. Однако преимущества введения видео в процесс обучения явно перевешивают их недостатки.

Пандемия коронавируса показала, насколько важно идти в ногу с современными технологиями. Видео может вызывать широкий спектр эмоций, оказывая сильное воздействие на разум и чувства, тем самым вызывая интерес учащихся, стимулируя их мотивацию и помогая сохранить информацию в долгосрочной памяти. Одним из самых больших преимуществ видео является то, что они улучшают языковую, коммуникативную и межкультурную компетенции студентов. Аутентичные аудиовизуальные материалы несут информацию не только о языке, но прежде всего о культурном коде россиян, знание которого крайне важно для будущих специалистов по русскому языку.

Список использованной литературы

1. Stradiotova, E. Comparison of on-site testing with online testing during the COVID-19 pandemic / E. Stradiotova, I. Nemethova, R. Stefancik // *Advanced Education*. – 2021. – № 8 (17). – P. 73–83.
2. Садовина, Л. В. Применение видеоматериалов в процессе обучения английскому языку. Методические материалы / Л. В. Садовина. – Йошкар-Ола : ГБУ ДПО Респ. Марий Эл «Мар. ин-т образования», 2016. – 28 с.
3. Petty, G. *Teaching Today: A Practical Guide* (4th ed.) / G. Petty. – Cheltenham : Nelson Thornes Ltd., 2009. – 614 p.
4. Berk, R. Multimedia teaching with video clips: TV, movies, YouTube, and mtvU in the college classroom / R. Berk // *International Journal of Technology in Teaching and Learning*. – 2009. – № 5 (1), – P. 1–21.
5. Borko, H. Video as a tool for fostering productive discussions in mathematics professional development / H. Borko, M. E. Pittman // *Teaching and Teacher Education*. – 2008. – № 24 (2). – P. 417–436.
6. Brophy, J. E. *Using video in teacher education* / J. E. Brophy. – Oxford, UK : Elsevier, 2004. – 82 p.
7. LeFevre, D. M. Designing for teacher learning: Video-based curriculum design // *Advances in Research on Teaching* / D. M. LeFevre. – 2003. – № 10. – P. 235–258.
8. Moreno, R. Immediate and delayed effects of using a classroom case exemplar in teacher education: The role of presentation format / R. Moreno, A. Valdez // *Journal of Educational Psychology*. – 2007. – № 99 (1). – P. 194–206.
9. Pryor, C. R. Using multimedia to teach inservice teachers: Impacts on learning, application, and retention / C. R. Pryor, G. G. Bitter // *Computers in Human Behavior*. – 2008. – № 24 (6). – P. 2668–2681.
10. Richardson, V. The use of videocases in teacher education / V. Richardson, R. S. Kile ; eds.: M. L. Lundeberg, B. Levin, & H. Harrington // *Who learns from cases and*

how? The research base for teaching with cases. – Mahwah ; New York : Erlbaum Associates, 1999. – P. 121–136.

11. Seago, N. Using video as an object of inquiry for mathematics teaching and learning / N. Seago // *Advances in Research on Teaching*. – 2003. – № 10. – P. 259–286.

12. Sherin, M. G. New perspectives on the role of video in teacher education / M. G. Sherin // *Advances in Research on Teaching*. – 2003. – № 10. – P. 1–27.

13. Wang, J. Video technology as a support for teacher education reform / J. Wang, K. Hartley // *Journal of Technology and Teacher Education*. – 2003. – № 11 (1). – P. 105–138.

14. Dulebová, I. Vyučovanie ruštiny ako cudzieho jazyka vo viackultúrnom priestore / I. Dulebová. – Prešov : Prešovská univerzita v Prešove, 2012. – P. 67–77.

15. Spisiakova, A. The Use of Media Texts in Russian Language Teaching / A. Spisiakova, O. Iermachkova, L. Gajarsky // *Филол. класс.* – 2021. – № 26.2. – P. 245–253.

Г. В. Писарук (г. Брест, Республика Беларусь)

ПОСЛЕ УРОКА: АНАЛИЗ? РЕФЛЕКСИЯ? РЕКОНСТРУКЦИЯ?

Анализ терминологии, касающейся организации современного урока русского языка, начат нами в [1], где была проанализирована номенклатура, которая описывает организацию современного урока русского языка в методической литературе и отраслевой периодике последних лет. Мы пришли к выводу о том, что среди теоретиков и практиков школьного образования в области русского языка наблюдается тенденция более точно, однозначно, метко обозначить важные методические категории урока. В настоящей статье поставлена задача проанализировать методическую терминологию, касающуюся «послеурочных» действий – действий самого учителя, проводившего урок, или действий присутствовавших на уроке, чем и объясняется название статьи.

Действия учителя или присутствующих на уроке после урока в настоящее время называются длинным рядом слов, которые не всегда можно назвать терминами: анализ, самоанализ, SWOT-анализ, рефлексия, отзыв, оценка, критика, рецензия, реконструкция и др.

Прежде чем приступить к анализу соответствующей терминологии, сделаем выборку, какие термины, обозначающие «послеурочные» действия заинтересованных лиц, зафиксированы в основных современных методических словарях и учебных пособиях.

В «Методике преподавания русского языка» М. Т. Баранова 1980 г. издания (этот учебник сменил учебник А. В. Текучёва, изданный впервые в 1956 г.) термина «анализ урока» нет, не упоминается этот вид методических действий и в разделе «Урок русского языка» [2, с. 110–129].

В «Словаре-справочнике по методике преподавания русского языка» М. Р. Львова, который появился в 1988 г. в качестве первого пособия из словарной литературы в методике русского языка, анализ урока русского языка входит в группу собственно методических понятий [3, с. 5]. Анализ урока представлен автором как «сравнение конкретного, проведённого учителем урока

с теоретической моделью урока, составленной в соответствии с современными дидактическими и методическими требованиями, с передовым опытом и здравым смыслом: определение его места в ряду уроков по данному разделу; выявление и оценка целей данного урока; оценка внутренней цельности урока; оценка его темы, привлеченного на урок материала и правильности его использования; оценка соотношения теоретического и практического на уроке; соответствие методов и приемов, видов упражнений целям урока и содержанию материала; соответствие возрастным возможностям учащихся и соблюдение необходимого научного уровня; оценка воспитательной, обучающей и развивающей эффективности урока; оценка действий, поведения учителя на уроке» [3, с. 18].

Мы не ставим цель анализировать параметры, составляющие анализ урока русского языка, которые перечисляет М. Р. Львов. Приведя столь пространную цитату, хотим лишь показать, что данная расшифровка термина, на наш взгляд, соответствует самому термину *анализ* (от греч. *analysis* ‘разложение, расчленение’). Слово *анализ* в словаре А. П. Евгеньевой имеет значение ‘метод научного исследования, состоящий в расчленении целого на составные элементы; *противоп.* синтез; разбор, рассмотрение чего-либо’ [4, т. 1, с. 36].

В таком же значении использован термин *анализ урока* в новейшем для студентов Республики Беларусь учебнике по методике преподавания русского языка – учебнике Ф. М. Литвинко «Методика преподавания русского языка в школе» (2015). В заявленном в содержании разделе «Анализ урока русского языка» есть план анализа урока с пометкой «сформулирован с опорой на план, данный О. С. Гребенюком и Т. Б. Гребенюк (Теория обучения. – М., 2003) [6, с. 138].

Термин *анализ урока* в таком же значении дан и в «Новом словаре методических терминов и понятий (теория и практики обучения языкам)» Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина [5, с. 15], который появился в 1999 г. и был исправлен и дополнен спустя десятилетие – в 2009 г.: «Анализ урока – разбор учебного занятия в целом и отдельных его сторон».

В текущей методической периодике и в живой практике встречается термин *самоанализ урока*. Если М. Р. Львов отмечает, что анализ урока «проводится директором, завучем, инспектором в порядке контроля, методистами и коллегами-учителями как средство изучения опыта, а также преподавателями педвуза во время педагогической практики студентов» [2, с. 18], то самоанализ урока, вероятно, по мнению тех, кто употребляет это слово, используется в значении ‘анализ урока учителем, который проводил урок’.

Рассмотрим целесообразность этого словосочетания. С одной стороны, известные носителям языка сочетания *анализ крови, потребностей, графиков, статистики, целей, истории, поведения, результатов, чувств, эффективности, состояния, ситуации, документов, ситуации* и т. д. – везде с существительным в Р. п., которое выступает в роли объекта. С другой стороны, *самохарактеристика Иванова* – Иванов характеризует себя, *самодисциплина Петрова* – Петров дисциплинирует себя. Здесь слово, стоящее в позиции дополнения,

является субъектом. По аналогии в выражении *самоанализ урока* субъектом является слово *урок*, т. е. урок анализирует себя. На наш взгляд, это, по меньшей мере, неграмотное для носителей русского языка выражение, которое не может иметь статус термина.

Появился и такой новый термин – *SWOT-анализ урока* как синоним термину *самоанализ*. Как известно, SWOT-анализ имеет широкое распространение в бизнесе, предполагает оценивание в комплексе внутренних и внешних факторов, влияющих на развитие компании: Strengths – сильные стороны, Weakness – слабые стороны, Opportunities – возможности, Threats – угрозы. Как видим, аббревиатурой SWOT могут быть заданы интересные параметры анализа урока, однако непонятно, почему такой анализ предлагается проводить только автору урока. На наш взгляд, SWOT-анализ как разновидность анализа урока может провести как сам учитель, так и его коллеги, и директор школы, и все присутствующие на уроке.

Термин *рефлексия* как «послеурочная деятельность» учителя или присутствующих тоже встречается в живой практике школьной жизни. *Рефлексия* (с лат. *reflexio* ‘отражение’) – размышление, полное сомнений и колебаний, склонность анализировать свои переживания [3, т. 3, с. 711].

В «Методологическом словаре для управленцев» О. С. Анисимова *рефлексия* понимается как «процесс коррекции способа действия через посредство реконструкции хода действия и причин затруднений» [7]. Если человек владеет рефлексивной способностью, то, встретив затруднение в процессе своей деятельности, он, во-первых, мысленно восстанавливает эту деятельность, т. е. осмысливает ее этапы, способы работы, средства, которыми он пользовался до момента встречи с препятствием. Во-вторых, он осуществляет критику своей практики; для этого он выявляет, в какой степени деятельность, предшествующая затруднению, соответствовала установленным правилам, алгоритмам. В-третьих, принимает решение о том, как нужно изменить условия, факторы, средства, приемы деятельности. При этом в процессе осуществления критики деятельности зачастую приходится обращаться за помощью к другим людям. В таком понимании слово «рефлексия», обозначающее форму «послеурочной» деятельности учителя, на наш взгляд, может иметь статус термина.

В методической периодике используется также выражение *реконструкция урока* в значении ‘описание проведенного урока’. Между тем слово *реконструкция* даже в обиходе – это воссоздание чего-либо. Уточним по словарю: *реконструировать* – 1. Коренным образом переустроить (переустроить) что-л. с целью улучшения, усовершенствования и т. д. *Реконструировать театральное здание*. 2. Воссоздать (воссоздавать) что-л. по сохранившимся остаткам, описаниям. *Реконструировать княжеское захоронение* [3, т. 3, с. 703]. Следовательно, реконструкция урока в качестве термина, обозначающего «послеурочную» деятельность учителя, на наш взгляд, не может иметь «право на жизнь».

Выводы. Таким образом, в поиске методов и приемов обучения учащихся ученые-методисты и учителя-практики используют традиционную и создают

свою собственную методическую терминологию, стремясь «осовременить» специальную лексику. При введении в научный оборот новых понятий и терминов, на наш взгляд, следует глубоко вдумываться в то значение, которое закреплено за словами в языке и не поддаваться моде в использовании кем бы то ни было того или иного слова в статусе термина.

В предисловии к «Новому словарю методических терминов и понятий (теория и практики обучения языкам)» Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина авторы отмечают (и мы согласны с ними), что сегодня «в методике преподавания языков, являющейся частной дидактикой по отношению к педагогической науке, остро ощущается отсутствие единых общепринятых подходов как к отбору важнейших понятий, так и к их определению» [3, с. 3].

Список использованной литературы

1. Писарук, Г. В. Методическая терминология современного урока / Г. В. Писарук, Л. А. Годуйко // Народ. асвета. – 2021. – № 8. – С. 13–16.
5. Методика преподавания русского языка : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Рус. яз. и лит.» / М. Т. Баранов [и др.] ; под ред. М. Т. Баранова. – М. : Просвещение, 1990. – 368 с.
2. Львов, М. Р. Словарь-справочник по методике русского языка : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Рус. яз. и лит.». – М. : Просвещение, 1988. – 240 с.
3. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд. – М. : Рус. яз. – 1981–1984. – 4 т.
4. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.
6. Литвинко, Ф. М. Методика преподавания русского языка в школе : учеб. пособие / Ф. М. Литвинко. – Минск : Выш. шк., 2015. – 448 с.
7. Анисимов, О. С. Методологический словарь для управленцев [Электронный ресурс] / О. С. Анисимов. – Режим доступа: <https://1111.slovaronline.com/205/>. – Дата доступа: 04.10.2021.

И. М. Санникович (г. Минск, Республика Беларусь)

ВВЕДЕНИЕ В РЕЧЕВУЮ ПРАКТИКУ ИНОСТРАННЫХ ОБУЧАЕМЫХ РИТОРИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Одной из составляющих задачи по формированию профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции иностранных студентов является овладение терминологической лексикой. Однако усвоение профессионально необходимой терминологической лексики вызывает у иностранных обучаемых определенные трудности, поскольку к выпускному курсу накапливается огромное количество подобных лексических единиц.

Для упорядочения и систематизации пласта данной лексики целесообразным представляется создание по каждой изучаемой дисциплине терминологического минимума и разработка на его основе комплекса упражнений,

«обеспечивающих свободное владение иностранными студентами терминологией в рамках филологической подготовки» [1, с. 45].

Терминологический минимум по предмету «Риторика» разрабатывался в 2019–2020 учебном году для китайских и туркменских студентов. В него включены не только лексические единицы, которые являются терминами в научном смысле (например, *тема, композиция, тезис, метафора, диалог* и др.), но и слова, обозначающие важные смысловые понятия по предмету «Риторика» (например, *античность, слушатель, логограф, воодушевление, темп речи* и др.). Данный минимум включает 100 лексических единиц, разделенных на пять групп в соответствии с основными разделами курса. Представим лексемы, которые вошли в состав каждой группы.

1. Введение. Предмет и задачи дисциплины: *риторика, ораторское мастерство, красноречие, оратор, ритор, аудитория, слушатель, выступающий, коммуникация, адресат, адресант.*

2. История развития риторики: *античность, демократия, логограф, филиппика, афоризм, декламация, Средние века, Эпоха Возрождения, язычник, проповедь, проповедник, защитник, обвинитель.*

3. Этапы работы над устным публичным выступлением: *классический риторический канон, изобретение, расположение, словесное выражение, запоминание, произнесение, импровизация, тема выступления, заглавие, интригующая лексика, цель речи, источник информации, план выступления, композиция, кольцевая композиция, вступление, основная часть, заключение, хронологический способ изложения, ступенчатый способ изложения, дедукция, индукция, опровержение, тезис, аргументы, довод, факт, пример, вывод, контакт, языковые средства контакта, «мы совместное», «вы-подход», троп, метафора, эпитет, сравнение, ирония, стилистическая фигура, инверсия, антитеза, градация, риторический вопрос, мнемотехника, мнемоническая фраза, ассоциация, аудиторный шок, репетиция речи, зрительный контакт, дикция, громкость, интонация, темп речи, пауза, жест, мимика, поза.*

4. Основные жанровые группы монологической речи: *жанр речи, термин, лекция, доклад, призыв, митинг, мотивация, воодушевление, поздравление, анекдот, тост, исповедь.*

5. Диалогическая речь: *беседа, диалог, монолог, спор, диспут, дискуссия, полемика.*

Слова в группах терминологического минимума располагаются в порядке их упоминания в лекциях, оформление каждой группы имеет следующий вид (фрагмент темы «**История развития риторики**»):

1. **Афоризм** – оригинальная мысль, имеющая лаконичную и запоминающуюся форму, которая принадлежит конкретному человеку. *Синонимы:* крылатое выражение.

2. **Декламация** – публичное выступление, во время которого произносится текст какого-либо литературного произведения.

3. **Средние века** – историческая эпоха в Европе, которая охватывает период от V до XV в. *Синонимы:* средневековье.

4. **Эпоха Возрождения** – период в истории европейской культуры, охватывающий временной промежуток от XIV до XVI в. *Синонимы:* Ренессанс.

5. **Язычник** – человек, не верующий в единого Бога и придерживающийся политеизма (многобожия).

6. **Проповедь** – речь религиозного содержания, используемая для распространения каких-либо идей или взглядов.

7. **Проповедник** – церковный оратор, человек, который произносит религиозные проповеди.

8. **Защитник** – человек, который осуществляет защиту интересов обвиняемого или подозреваемого в ходе судебного разбирательства. *Синонимы:* адвокат.

9. **Обвинитель** – человек, который поддерживает обвинение кого-либо в суде. *Синонимы:* прокурор.

На слова терминологического минимума акцентировалось внимание обучаемых во время лекционных занятий, они демонстрировались на занятиях с помощью слайдов презентации PowerPoint; кроме того, эти лексические единицы размещались под текстом каждой лекции, которые в соответствующем учебном семестре находятся в открытом доступе в курсе «Риторика» на образовательном портале филфака БГУ.

Для введения в речевую практику иностранных студентов лексических единиц риторического терминологического минимума также был разработан ряд заданий, выполнение которых предусмотрено как во время лекционных (лингвистическая разминка), так и практических занятий. Рассмотрим данные упражнения. Их можно разделить на три группы.

Первая группа заданий связана с работой по закреплению в сознании иностранных обучаемых связи между словом-термином и его лексическим значением. Здесь можно предложить студентам тестовые задания открытого типа (*дополните определение, вписав необходимый риторический термин*) и задания на установление соответствия (*установите соответствие между терминами и их определениями*). Приведем пример второго задания:

Термин	Определение
А. Диалог Б. Спор В. Диспут Г. Дискуссия Д. Полемика	1. Научный спор для поиска истины. 2. Обсуждение какого-либо вопроса и поиск его целесообразного решения. 3. Разговор двух или более человек. 4. Речь одного человека. 5. Разновидность спора, основной целью которого является победа над соперником любым способом. 6. Процесс отстаивания каждой из сторон своего мнения и попытка убедить оппонента.

Ответы: АЗББВ1Г2Д5. Не имеет соответствия определение 4.

Вторая группа упражнений базируется на задании, предлагающем иностранным обучаемым самостоятельно дать определение термину, т. е. сформулировать дефиницию. Важность выработки данного умения объясняется

следующими причинами: во-первых, определения научных терминов – важная составляющая содержания научных текстов; во-вторых, «умение правильно раскрыть суть научного понятия (термина) не только со стороны содержания высказывания, но и со стороны строения фразы является важным показателем культуры научного мышления» [2, с. 26].

Существует несколько способов определения научных понятий. Наиболее распространенными являются следующие:

1. Термин в И. п. + тире (иногда присутствует указательное местоимение *это*) + слово-разъяснение (словосочетание) + определяющая часть (причастный оборот или придаточное определительное предложение, присоединяемое союзным словом *который*); например: **Термин** – слово или словосочетание, являющееся названием некоторого понятия из какой-нибудь области науки, техники, искусства.

2. Существительное в И. п. (словосочетание) + причастный оборот или придаточное определительное + слово *называется* + термин в Тв. п.; например: *Филологическая дисциплина, изучающая правила построения публичной речи, называется риторикой.*

С данными вариантами формулирования дефиниции студенты-иностранцы знакомятся при изучении темы «**Информационная речь**» (в рамках раздела «**Основные жанровые группы монологической речи**»).

Обучаемым можно предложить следующие задания:

2.1. *Объясните данные термины, используя оба способа построения дефиниции.*

2.2. *Прочитайте дефиниции терминов и установите, какой способ построения определения был использован. Сформулируйте дефиницию, используя второй вариант определения понятий.*

Пример ответа: Действие, при котором два человека смотрят друг другу одновременно в глаза, называется *зрительным контактом* (2-й способ). → *Зрительный контакт* – это действие, при котором два человека смотрят друг другу одновременно в глаза (1-й способ).

Третья группа упражнений основывается на работе по установлению лексических связей между значениями слов. Сюда входят задания, связанные с подбором синонимов, которые в отдельных случаях приводились после определения терминологического понятия, и с составлением тематических групп слов. Приведем формулировки таких заданий:

3.1. *Подберите синонимы к приведенным словам.*

3.2. *Установите соответствие между терминами и их синонимами.*

3.3. *Укажите слова, которые могут войти в следующие тематические группы (спор, тропы, жанры выступлений, композиция выступления, доказательство, классический риторический канон, стилистические фигуры, произнесение речи).*

Кроме предложенных упражнений, можно порекомендовать иностранным студентам самостоятельно дополнить представленный терминологический минимум важными для них лексемами.

Таковы варианты заданий, которые можно использовать для обогащения словарного запаса студентов-иностранцев лексическими единицами терминологического минимума по предмету «Риторика».

Список использованной литературы

1. Рубаник, Т. В. Методические основы формирования профессиональной филологической компетенции китайских студентов в процессе усвоения терминологии на занятиях по РКИ / Т. В. Рубаник / Пути Поднебесной : сб. науч. тр. – Вып. VI, ч. 1. – Минск : РИВШ, 2017. – С. 44– 50.

2. Санникович, И. М. Функциональная стилистика русского языка, 10 класс : пособие для учителей общеобразоват. учреждений с белорус. и рус. яз. обучения / И. М. Санникович. – Минск : Народ. асвета, 2010. – 80 с.

А. А. Силка (м. Суми, Україна)

ПРОФЕСІЙНО ОРІЄНТОВАНА МОВНА ПІДГОТОВКА ІНОЗЕМНИХ СТУДЕНТІВ ЗА НАВЧАЛЬНИМ ПОСІБНИКОМ «ВИВЧАЄМО АНАТОМІЮ УКРАЇНСЬКОЮ»

За даними Українського державного центру міжнародної освіти, в Україні навчається близько 80 000 іноземних студентів з понад 150 країн світу [1], і майже половина з них – за медичними спеціальностями. В Україні реалізуються як англomовні, так і україномовні програми підготовки майбутніх фахівців з числа іноземних студентів. З 2018 р. в медичному інституті Сумського державного університету розпочалася підготовка студентів-іноземців за освітніми програмами «Медицина» і «Стоматологія» українською мовою. На перший курс зараховують студентів, що закінчили підготовчі відділення. Для них українська мова є не просто іноземною мовою, а мовою навчання в університеті, мовою, якою їм викладають усі дисципліни.

Реалізація україномовної освітньої програми з підготовки майбутніх лікарів вимагає від викладачів української мови внесення суттєвих корективів у зміст навчальних програм: посилення професійної складової у відборі лексики, допомоги іноземцям в опануванні спеціальної наукової термінології, підпорядкування вивчення граматичних тем навчальним потребам студентів тощо. Як відомо, одним з найважливіших і найскладніших предметів на першому курсі є анатомія, і студенти-іноземці відчують значні труднощі при вивченні української медичної термінології, читанні спеціальних текстів, продукуванні власних висловлювань. Для подолання цих проблем викладачами кафедри мовної підготовки іноземних громадян СумДУ створені інноваційні навчальні посібники «Вивчаємо анатомію українською» [2; 3]. Розглянемо принципи створення та концептуальні засади першої частини цього посібника.

Метою посібника «Вивчаємо анатомію українською» є підготовка студентів-першокурсників до сприйняття текстів наукового стилю, розширення їх словникового запасу, поглиблене вивчення тих граматичних тем, які не передбачені програмою навчання на підготовчому відділенні або їм приділялося недостатньо уваги через обмежений обсяг навчальних годин.

Навчальні матеріали об'єднані в 4 тематичні блоки, що відповідають програмі з анатомії на першому курсі: «Вступ», «Система органів руху й опору», «Травна система», «Дихальна система». У межах кожного блоку матеріал розподілено на 3–4 частини, що полегшує його сприйняття, робить виклад більш структурованим. Наприклад, тему «Система органів руху й опору» розбито на 4 частини: 1) Скелет та його функції; 2) Кістка як орган. Будова кісток; 3) Вчення про з'єднання кісток; 4) Вчення про м'язи.

Кожна тема складається з передтекстових завдань, тексту для читання і післятекстових завдань. У першій частині студенти знайомляться з основними медичними термінами, перекладають їх рідною мовою, виконують лексико-граматичні завдання, що допомагають зрозуміти текст.

Великою проблемою для іноземців на ранніх етапах вивчення української мови є розуміння синтаксичних зв'язків слів у реченні, ролі дієслівних предикатів в організації висловлювання, оскільки саме дієслово визначає особливостями свого керування відмінок залежного іменника. Тому студентам пропонується не лише вивчити дієслова тексту, а й запам'ятати типові моделі їх використання, ілюстровані відповідними прикладами: *що* (в. 4) **поділяють** на *що?*/за якою ознакою? (За кількістю суглобових поверхонь суглоби поділяють на прості, складні, комбіновані і комплексні); *що* **розділяє** *що?* (в. 4) / на *що?* (Носова перегородка розділяє носову порожнину на праву і ліву частини); *що* **відділяє** *що?* (в. 4) / від *чого?* (Надперенісся відділяє ніс від чола). Навіть з цих прикладів видно, як важливо пояснювати студентам семантичні відмінності споріднених дієслів, з'ясовувати прирощення змісту, що вноситься префіксом. Так, лише в одному тексті теми «Травні залози» функціонують префіксальні дієслова руху *входити*, *виходити*, *відходити*, *надходити*, *переходити*, *проходити*, *сходитись*, а ще дієслово *знаходиться*, яке, хоч і є спільнокореневим до названих раніше, поняття руху не виражає.

Не менш важливою вважаємо постійну увагу до вивчення основних моделей словотворення, які допоможуть студентам зрозуміти правила, за якими в українській мові утворюються прикметники від іменників (*анатомія* → *анатомічний*; *верх* → *верхній*; *кістка* → *кістковий*, *трубка* → *трубчастий*), іменники від прикметників (*еластичний* → *еластичність*), дієслів (*згинати* → *згинач*, *виділити* → *виділення*) тощо. Оскільки слово- і формотворення в українській мові часто супроводжується чергуванням голосних і приголосних, у завданнях є спеціальні підказки щодо звуків, які чергуються. Букви, що позначають такі звуки, виділені курсивом і підкреслені (*кістка* – кісток, *вісь* – осі – осей, кишка – у кишці).

Традиційно посібник містить вправи, до складу яких включено синоніми й антоніми. Наприклад, студентам пропонується вставити замість пропусків в речення тексту з анатомії прислівники *ззовні* – *зсередини*, *спереду* – *ззаду*, *зверху* – *знизу*. Лексична робота передбачає підбір синонімів не лише до окремих слів (*розміщатися* – *розташовуватися*, *бічний* – *латеральний*, *сагітальний* – *стрілоподібний*), а й до сталих словосполучень, що функціонують в науковому стилі (*входити до складу* – *складатися*, *брати початок* – *починатися*, *мати*

назву – називатися). Граматичну синонімію вивчаємо, наприклад, на матеріалі конструкцій, що вказують на схожість двох об'єктів: *За формою ніс схожий на тригранну піраміду* ↔ *За формою ніс подібний до тригранної піраміди* ↔ *За формою ніс нагадує тригранну піраміду*.

Навчальний посібник містить багато малюнків, які допомагають семантизувати деякі анатомічні терміни. Наприклад, розглядаючи малюнки щита, персня, клина, ріжка, студенти роблять висновок про те, як утворилися прикметники *щитоподібний, персноподібний, клиноподібний, ріжкуватий*, що є назвами хрящів гортані; назви видів суглобів за формою суглобових поверхонь (*циліндричні, кулясті, еліпсоподібні*) стають зрозумілими під час розгляду малюнків відповідних геометричних фігур. Такий спосіб безперекладної семантизації незнайомої лексики має низку переваг перед традиційним перекладом. По-перше, цим закладаються основи для розвитку мислення іноземною мовою, оскільки кожне перемикання кодів з іноземної мови на рідну мову студентів – це складний процес переключення свідомості на інші поняття, стереотипи. По-друге, підвищується рівень автентичності іншомовного мовлення студентів за рахунок збільшення часу їх перебування в іномовному оточенні. По-третє, збільшується лінгвістична спостережливість студентів, активізується їх підготовка до спілкування з носіями мови в реальній ситуації.

Навчальні тексти, подані в кожному розділі, є адаптованими в порівнянні зі сторінками підручників з анатомії, проте вони інформативні, витримані в науковому стилі, містять необхідні терміни, ілюстровані рисунками й схемами. Після кожного тексту надруковані питання, відповідаючи на які, студенти демонструють рівень розуміння прочитаного, вчать використовувати лексичний склад запитання для формулювання відповідей, а викладач звертає їх увагу на різний порядок слів у питальних і розповідних реченнях.

Посібник містить теоретичний виклад окремих граматичних тем, які висвітлюються саме там, де цей граматичний матеріал є необхідним для глибшого розуміння текстів (*Творення дісприкметників. Закінчення прикметників. Предикат, виражений іменником, прикметником, дієприкметником*). Після кожної такої теми вміщено вправи, що закріплюють теорію на практиці.

Система післятекстових завдань побудована так, щоб насамперед перевірити розуміння студентами прочитаного матеріалу, а також закріпити правильне використання граматичних форм, типових синтаксичних моделей наукового стилю. Наприклад, завдання, де студентам потрібно оцінити правильність інформації, містять як правдиві відомості з прочитаного в тексті, так і свідомо викривлену інформацію (*Грудна клітка захищає головний мозок; зуб побудований в основному з емалі*), яку студент повинен виправити. Робота з дієслівними формами передбачає поступове ускладнення завдань: спочатку студенти вписують в речення запропонований інфінітив у відповідній граматичній формі; потім вставляють у речення потрібне дієслово, виходячи зі змісту висловлювання; на наступних етапах доповнюють початок речення

необхідною інформацією, заміняють предикати-дієслова предикатами-дієприкметниками, перетворюють активні конструкції на пасивні тощо.

Серед дидактичних вправ чільне місце посідають завдання на розвиток зв'язного мовлення. Ступінь складності таких завдань поступово підвищується у відповідності до методичного принципу посиленості, що вимагає урахування рівня підготовки студентів при вивченні іноземної мови. Наприклад, робота з планом тексту на перших уроках полягає в ознайомленні з уже готовим планом, його осмисленню, розумінню складових частин тексту та логічних зв'язків між ними, переказом окремих частин тексту. На наступному етапі студенти порівнюють різні варіанти плану тексту (у вигляді питальних і називних речень), вчать переказувати текст за кожним з них. У подальшому студентам пропонується частково доповнити план деякими пунктами. На завершальному етапі студенти мають самостійно скласти план тексту і переказати текст за планом.

Посібник містить навчальні діалоги, у тому числі жартівливі, які допомагають зняти напруження, створюють невимушену атмосферу на занятті. Студенти спочатку відтворюють готові діалоги, а потім створюють власні за цим зразком.

Серед інших завдань цього виду розвитку комунікативних навичок – конструювання речень певних моделей за схемами (*що складається з чого; що поділяється на що і т. ін.*), опис органа, що вивчається, за малюнком і за планом тощо. Контроль набутих навичок здійснюється через тестові завдання.

Отже, навчальний посібник «Вивчаємо анатомію українською», успішно апробований на кафедрі мовної підготовки СумДУ, сприяє активізації мовленнєвих компетенцій іноземних студентів-медиків у професійному середовищі.

Список використаної літератури

1. Іноземні студенти в Україні [Електронний ресурс] / Український державний центр міжнародної освіти. – Режим доступу: <https://studyinukraine.gov.ua/zhittya-v-ukraini/inozemni-studenti-v-ukraini>. – Дата доступу: 15.10.2021.
2. Силка, А. А. Вивчаємо анатомію українською : навч. посібник : у 3 ч. / А. А. Силка. – Суми : Сум. держ. ун-т, 2019. – Ч. 1. – 156 с.
3. Набок, М. М. Вивчаємо анатомію українською : навч. посібник : у 3 ч. / М. М. Набок. – Суми : Сум. держ. ун-т, 2021. – Ч. 2. – 159 с.

В. Н. Смаль, Н. Д. Кобец (г. Брест, Республіка Беларусь)

ЛЯЛЬКАТЭРАПІЯ Ў КАРЭКЦЫЙНАЙ ПРАЦЫ З ДЗЕЦЬМІ МАЛОДШАГА ДАШКОЛЬНАГА ЎЗРОСТУ З АГУЛЬНЫМ НЕДАРАЗВІЦЦЁМ МАЎЛЕННЯ

Спецыяліст у галіне карэкцыйнай педагогікі павінен быць асобай адукаванай, кампетэнтнай, актыўнай, творчай, валодаць комплексам метадаў, якія традыцыйна акрэсліваюць «актыўнымі». У значнай ступені гэта метафарычная назва, бо калі прыняць наяўнасць актыўных метадаў, то нельга адваргаць і наяўнасць «пасіўных» метадаў, пад уплывам якіх пасіўнымі становяцца як педагогі, так і выхаванцы. Навукоўцы, звычайна, актыўнымі

назваюць метады, пры выкарыстанні якіх адукацыйны працэс вызначаецца творчай скіраванасцю, аднак варта памятаць, што адносна дзяцей дашкольнага ўзросту пра творчасць, як стварэнне нечага новага, аўтарскага, а не капіраванне і перайманне, можна весці гаворку ў значнай ступені ўмоўна. Мы лічым, што ў дадзеным выпадку больш карэктна актыўныя метады суадносіць з навучаннем у дзейнасці, з фарміраваннем пазнавальнай цікавасці і творчага мыслення. Істотнай асаблівасцю такога навучання з'яўляецца яго гульнявы і творчы характар, выкарыстанне інтэрактыўных метадаў, рэфлексіі дзяцей, сумеснай дзейнасці педагога і выхаванцаў. Апошнім часам папулярнымі ў асяроддзі педагогаў у працы з дзецьмі з агульным недаразвіццём маўлення становяцца актыўныя метады, асабліва розныя віды арттэрапіі (казкатэрапія, музыкатэрапія, выяўленчая тэрапія), сярод якіх выдзяляецца лялькатэрапія. Гэтая практыка рэалізуецца на фоне павелічэння колькасці дзяцей з агульным недаразвіццём маўлення I–II узроўняў, калі ў дзіцяці захаваны нармальны слых і інтэлект. У такіх дзяцей звычайна пераказ нават добра знаёмых літаратурных тэкстаў («Калабок», «Рэпка», «Курка Раба») выклікае значныя цяжкасці. Найчасцей яны блытаюць паслядоўнасць разгортвання падзей, выкарыстоўваюць аднатыпныя сінтаксічныя сувязі, іх маўленне характарызуецца інтанацыйнай недасканаласцю, наяўнасцю лішніх паўз і жэстаў, беднасцю сродкаў лексічнай выразнасці (метафар, эпітэтаў, параўнанняў, сінонімаў).

Выкарыстанне з такімі дзецьмі толькі традыцыйных (славесных, наглядных, практычных) метадаў развіцця маўлення немэтазгодна, бо ў дадзеным выпадку неабходна пазбавіцца супутных парушэнняў эмацыйнай і камунікатыўнай сферы, увагі, памяці, успрыняцця, слоўна-лагічнага мыслення, каардынацыі рухаў, асабліва недастатковага развіцця дробнай матарыкі рук і артыкуляцыйнай матарыкі, неразвітасці пачуцця рытма.

Лялькатэрапія складаецца з некалькіх этапаў. На першым этапе ажыццяўляецца стварэнне лялек (пальчыкавыя, рукавічкавыя, пальчаткавыя, драўляныя, аб'ёмныя, фота-лялькі, бібабо і інш.), чытанне казкі і яе другаснае чытанне з мэтай спасцігнуць сэнс твора, вызначыць характар персанажаў, зразумець матывы паводзінаў герояў, запомніць дыялогі, пераказ казкі і слоўныя гульні па змесце казкі (гульні тыпу «Пазнай героя па знешнасці», «Хто гэта сказаў?», «Праўда ці не?», чыстамоўкі). На наступным этапе апісваецца знешні выгляд лялькі (валасы, вочы, адзенне), апісваюцца правілы зносін з лялькай, праводзяцца практыкаванні на змену эмоцый лялькі (гульні тыпу «Лялька з'ела смачнае варэнне», «Лялька з'ела лімон», «Лялька здзіўляецца», «Лялька сумуе», «Лялька усміхаецца», «Лялька спалохалася», «Лялька радуецца»), практыкаванні на развіццё дыхання («Скажы голасна», «Скажы працягла»), артыкуляцыйныя практыкаванні («Цудоўны тэлефон», «Параўнай: [ы] ці [і]»), «Цудоўны сундучок» і інш.), практыкаванні на развіццё інтанацыйнай выразнасці («Скажы з патрэбнай інтанацыяй», «Ціха – голасна», «Гукавы ланцужок», «Слухай уважліва! Вымаві правільна!»). На заключным этапе праводзяцца непасрэдныя драматызацыі з лялькамі (гульні-драматызацыі, лялькавы тэатр, інсцэніроўкі). У працэсе лялькатэрапіі дзіця вымушана вербальна кантактаваць з дарослым

і аднагодкамі. Тэрапеўтычны эфект для дробнай маторыкі рук дасягаецца ў працэсе стварэння лялек. Перавагу важна аддаваць не ляльцы, створанай педагогам, а паказу працэсу стварэння з боку дарослага па ўзоры. Дарослы пры гэтым кантралюе працэс, падказвае, дае загадзя падрыхтаваныя загатоўкі. Уласна лялька не толькі выклікае радасць, задавальненне, станоўчыя эмоцыі, але і, як заменнік суб'екта, паступова зніжае нервовае напружанне, дапамагае сканцэнтраванасць увагу, разняволеная пачаць гаворку, пабуджае да актыўных маўленчых выказванняў. Лялька і сумесныя дзеянні ў працэсе лялькатэрапіі адцягваюць увагу ад маўленчых хібаў, садзейнічаюць зніжэнню трывожнасці і агрэсіі дашкольнікаў, дапамагаюць супакоіць дзіцяці і трапна падабрае музычнае суправаджэнне.

Паводле слухных заўваг А. Ю. Татаранцавай, «тэрапеўтычны эфект лялькатэрапіі заснаваны на працэсах ідэнтыфікацыі дзіцяці з любімым літаратурным героем, самарэалізацыі і выяўлення сваіх пачуццяў праз гульню, ляльку і тэатр» [1, с. 176]. І сапраўды, лялька – гэта своеасаблівы прамежкавы аб'ект узаемадзеяння дарослага і дзіцяці. У карэкцыйнай працы асабліва карысна спецыяльная лагапедычная лялька, з дапамогай якой дарослы паказвае рухі органаў артыкуляцыйнага апарату.

Асноўная задача лялькі – забяспечыць дыялагічнае маўленне. З дапамогай лялькі дзіцяці хутчэй і лягчэй авалодвае вербальнымі зносінамі, дзеці без цяжкасці размаўляюць і напрацоўваюць дробную маторыку. Зносіны у такім выпадку больш эмацыйныя і разняволеныя, бо выхаванцы актыўней выказваюць нават тое, што, як ім падавалася раней, магло б выклікаць асуджэнне акаляючых. Дашкольнікі пакідаюць свае праблемы і страхі, калі апранаюць ляльку, выконваюць з ёй простыя маніпуляцыі.

Найбольш распаўсюджанай і шырокаўжывальнай на практыцы з'яўляецца лагапедычная лялька, зробленая сваімі рукамі, вялікіх памераў для таго, каб зняць эмацыйнае напружанне дзяцей і паказаць палажэнне органаў артыкуляцыі на зрокавым прыкладзе. Абгрунтаваным з'яўляецца меркаванне вучоных пра тое, што ўзровень валодання маўленчымі ўменнямі і навыкамі ўплывае на псіхалагічнае здароўе дзіцяці, яго камунікатыўнасць, маўленчую актыўнасць, закамлексаннасць і інш. У гульнях з дыдактычнай лялькай выяўляюцца і такія рысы характару дашкольнікаў, якія могуць стацца ўзорам для іншых дзетак: таварыскасць, смеласць, сціпласць, праўдзівасць, узаемадапамога. Значны ўплыў на стан псіхалагічнага здароўя аказвае стрэс, які можна разглядаць як спецыфічную аберагальную рэакцыю арганізма на памежнага ўзроўню раздражненні. Асноўнай прычынай дзіцячых стрэсаў з'яўляюцца дзіцячыя страхі, асабліва ў дзяцей творча адораных, з багатым ўяўленнем. Спецыялісты ў галіне дзіцячай псіхалогіі (К. В. Адам, І. Я. Мядзведзева, Т. Л. Шышова і інш.), адзначаюць, што лялька з'яўляецца каштоўным сродкам барацьбы з рознымі відамі стахаў (прыроднымі, сацыяльнымі, унутранымі), якія першапачаткова з'яўляюцца адказам на бацькоўскія забароны і праяўленнем прыроднага інстынctu самазахавання, а пазней пераходзяць у сферу падсвядомага. Лялька, па сутнасці, «легалізуе» і вербалізуе страхі дзіцяці, спараджае эмацыйнае

пераключэнне і пачуццёвы вопыт, якія выступаюць у ролі своеасаблівага псіхалагічнага аб'ярэга. Пры гэтым дыдактычная лялька, па-першае, дазваляе дзіцяці ў гульні перажыць стрэсавую сітуацыю, убачыць магчымыя шляхі яе вырашэння ў гульнівай форме. Па-другое, дыдактычная лялька фарміруе ў дашкольнікаў пазітыўныя эмоцыі, выклікае ўсмешку, пад час якой мімічныя мышцы расслабляюцца, замест 43 актыўна працуе толькі 17. У выніку ў галаўным мозгу тармозіцца выпрацоўка гармона стрэса, з'яўляецца адчуванне шчасця.

Эфектыўнасць заняткаў з дзецьмі ранняга дашкольнага ўзросту, на якіх выкарыстоўваюцца сюжэтно-ролевыя гульні з дыдактычнай лялькай («Наваселле лялькі», «Лялька Каця пракінулася», «Лялька Каця абедзе»), вызначаецца ўзроўнем эмацыйнасці дзяцей. Пад час такіх гульняў ці заняткаў дзеці становяцца актыўнымі ўдзельнікамі адукацыйнага працэсу, рэалізуюцца прынцып суб'ектнасці дзіцяці. Асаблівая роля ў гэтым належыць дадатковым атрыбутам лялькі (адзенне, абутак, прылады працы, посуд, мэбля), якія дапамагаюць засвоіць бытавы слоўнік. Камплекты адзення да адпаведных сезонаў дапамагаюць засвоіць родавыя і відавныя абагульняючыя паняцці.

Шэраг гульняў з дыдактычнай лялькай распрацаваны Е. І. Ціхеевай: «Апранем ляльку на прагулку», «Пакладзем ляльку спаць», «Дзень нараджэння лялькі» і інш. Яна адзначыла, што ў такіх гульнях дзеці лягчэй сацыялізуюцца, вучацца ўзаемадзейнічаць з дарослымі і аднагодкамі ў калектыве, у іх знікае трывожнасць. У гэтых гульнях дзеці дапамагаюць ляльцы шыць, мыць, прасаваць, гатовіць ежу. Дашкольнікі засвойваюць лёгка, без празмерных намаганняў практычны вопыт і бытавы слоўнік, напрыклад той, што абазначае працэс шыцця (шыць, замераць, памераць, адрэзаць, прышыць, вшыць, перашыць, падрубіць, прыметаць). Е. І. Ціхеева падкрэслівала важную ролю суправаджэння працэса развіцця маўлення дзяцей дашкольнага ўзросту іх практычнымі дзеяннямі: «выкарыстоўвайце менш практыкаванняў з голым словам і больш такіх, дзе слова выкарыстоўваецца для ўпарадкавання, сістэматызацыі тых шматлікіх успрыманняў, якія спарадзілі індывідуальны вопыт, назіранні, працу дзіцяці» [1, с. 58]. Вучоная распрацавала дыдактычныя гульні-заняткі з матэрыяламі і лялькамі, якія скіраваны на аналіз акаляючага свету, уласцівасцей асобных прадметаў, замацаванне ўяўленняў дзіцяці праз маўленне. Яна патлумачыла і асноўныя метады працы з лялькамі: наменклатура (называнне), апісанне, параўнанне, загадванне і адгадванне лялькі, знаходжанне лялькі паводле верша, прадумванне фраз пра ляльку, сачыненне апавяданняў па ляльцы ці некалькім лялькам. Сёння ў практыцы распаўсюджанымі з'яўляюцца і такія метады, як гульні, гульні-інсцэніроўкі, маляванне і інш. Дыдактычная лялька традыцыйна выкарыстоўваецца пры навучанні дашкольнікаў асновам маўленняга этыкету, на пачатковых этапах навучання дзяцей дашкольнага ўзросту апавяданню апісальнага тыпу.

У дашкольным узросце дыдактычная лялька дапамагае ўдакладніць слоўнік, а праз паўтарэнні – і актывізаваць яго. Для гульняў немэтазгодна браць больш за тры лялькі, бо ўвага дзяцей расейваецца, Найбольшы адукацыйны

ефект даюць гульні з лялькамі, калі слова паўтараецца шматразова і ў розных граматычных формах. Пашыраныя гульніавыя сюжэты (сустрэча новай лялькі, купанне лялькі, частаванне лялькі чаем, святкаванне дня нараджэння лялькі, прыгатаванне салата для лялькі, укладванне лялькі спаць, апрананне лялькі на шпацыр, прыбіранне кватэры для лялькі) дапамагаюць замацаваць назвы частак цела, вопраткі, мэблі, посуду, прадметаў асабістай гігіены, дзеясловы, якія абазначаюць паўсядзённыя побытавыя дзеянні (мыцца, мыліцца, выцірацца, расчэсвацца, апранацца).

Такім чынам, мэтанакіраванае, сістэматычнае выкарыстанне лялькатэрапіі прадуктыўна ў працэсе развіцця ўсіх бакоў маўлення дзяцей малодшага дашкольнага ўзросту (лексічнага запасу, гукавой культуры маўлення, граматычнага ладу маўлення, звязнага маўлення) з агульным недаразвіццём маўлення як на спецыяльна арганізаваных занятках, так і па-за імі, у вольнай дзейнасці дзяцей, у гульнях, што дадаткова стымулюе прадуктыўныя выказванні выхаванцаў, удасканалвае камунікатыўныя уменні (слухаць, адказваць, пытацца, патрымліваць гаворку), пашырае веды пра акаляючае асяроддзе. Дыдактычная лялька з'яўляецца эфектыўным сродкам умацавання і карэкцыі псіхалагічнага здароўя дашкольнікаў, важным элементам выхаваўчай працы ва ўстановах дашкольнай адукацыі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Татаринцева, А. Ю. Детские страхи: куклотерапия в помощь детям / А. Ю. Татаринцева, М. Ю. Григорчук. – Спб. : Речь, 2007. – 218 с.
2. Тихеева, Е. И. Развитие речи детей (раннего и дошкольного возраста) : пособие для воспитателей дет. сада / Е. И. Тихеева ; под ред. Ф. А. Сохина. – 5-е изд. – М. : Просвещение, 1981. – 159 с.

Т. Н. Федь (г. София, Республика Болгария)

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В НОВОМ БОЛГАРСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Новый болгарский университет – крупнейший негосударственный университет Болгарии (НБУ), насчитывающий на сегодняшний день около 15 000 студентов. Созданный в 1991 г. по решению Народного Собрания Болгарии, НБУ [1] впервые ввел кредитную систему.

Структура НБУ существенно отличается от структуры других университетов Болгарии. Университет управляется Советом попечителей во главе с председателем и Академическим советом во главе с ректором. Факультеты [2] созданы в соответствии с образовательными степенями и отвечают за организацию учебного процесса: факультет базового образования (ФБО) – за бакалаврские программы I степени (первый и второй годы обучения); бакалаврский факультет – за бакалаврские программы II степени (третий и четвертый годы обучения); магистерский факультет – за магистерские

и докторские программы; факультет дистанционного, электронного и продолжающего обучения [3] отвечает за программы дистанционной формы обучения, но совмещает и функции методического звена для проведения электронного обучения во всех программах НБУ. Каждый факультет управляется советом факультета, деканом и директором. При декане работает факультетская администрация, которая обслуживает студентов и преподавателей и заботится о развитии и материальном обеспечении учебного процесса. Звено, развивающее научно-исследовательскую деятельность в определенной области, называется департаментом [4].

На уровне ФБО проводится подготовка студентов по следующим иностранным языкам: английскому, немецкому, французскому, итальянскому, испанскому, новогреческому, арабскому, русскому, а с недавнего времени – китайскому и японскому. Каждый из языков востребован и в Болгарии, и в рамках Европейского союза. В последние годы увеличивается количество студентов, выбирающих русский язык: он востребован, наряду с английским, в сфере бизнеса; также отмечается прирост населения за счет русскоязычных граждан. Здесь отметим, что в болгарской средней школе всегда изучались два иностранных языка: до 1989 г. (болгарской перестройки) с 3-го класса – русский язык, а с 5-го – западноевропейский язык; после перестройки родителям дали возможность вместо русского языка выбирать еще один западноевропейский язык, и школьники изучали некоторый период два западных языка, что представляло для них трудность. Но с недавнего времени русский язык вернул в Болгарии свои позиции, и родители выбирают его в качестве иностранного все чаще. Во многих школах введено раннее, с 1-го класса, обучение иностранным языкам. После 7-го класса дети поступают в гимназии, где весь учебный год изучают первый иностранный язык в объеме 22 часа в неделю, а второй вводится с 9-го класса. Так болгарская школа сохраняет традиции билингвальности.

В НБУ студенты всех специальностей бакалавриата изучают выбранный ими иностранный язык в течение 2 двух лет в объеме 90–120 часов в семестр. У них также есть возможность аккредитовать первый иностранный язык (многие школьники сдают иностранные языки на международный сертификат) и выбрать второй в рамках тех же двух лет.

Традиционное обучение (по оригинальным иностранным учебным системам в аудитории) сочетается с новым виртуальным обучением через систему МУДЛ НБУ [5]. К слову, НБУ – первый университет в Болгарии, который ввел дистанционное обучение (1991).

Электронное обучение связано с использованием специализированных информационных систем. Одна из самых популярных – МУДЛ – определяется посредством нескольких сходных понятий: «виртуальная среда обучения» (Virtual Learning Environment, VLE), «система управления курсами» (Course Management System, CMS) и «система управления обучением» (Learning Management System / LMS) – MOODLE. В Болгарии также принято часто встречающееся обобщенное понятие «платформа электронного обучения»,

в которое вкладывается аналогичный смысл, но без конкретизации определенных особенностей и возможностей системы.

Основная концепция, на которой разрабатывается программный код МУДЛА, заявлена в самом названии системы – Modular Object – Oriented Dynamic Learning Environment ‘модульная объектно-ориентированная система для динамичного обучения’ (Centre for Learning & Performance Technologies, 2012). Программа организована так, что позволяет добавлять произвольные дополнительные функции и модули. Техническая документация системы помогает максимально широкому кругу пользователей включиться в ее развитие. Вопросы работы с системой МУДЛ в Болгарии подробно рассмотрены в статье В. Джамбазова и Х. Чукурлиева «Характеристики электронного обучения через призму ведущей системы с открытым кодом (MOODLE)» [6].

Каждый участник виртуального обучения входит в систему МУДЛ с помощью индивидуального пароля. Потребительский профиль создается различными способами: ручным способом администратором, который вывешивает курсы преподавателю и студентам, посредством самостоятельной регистрации, через внешнюю систему управления доступом и др. В зависимости от его роли в системе, потребителю разрешена определенная деятельность. Роль задается в определенном контексте – по отношению к учебному курсу, виду деятельности или ко всей системе. Зарегистрированные потребители могут иметь несколько ролей, разное поведение и разный доступ к учебным курсам и видам деятельности. Это предполагает исключительно гибкое управление отдельными модулями и секциями в учебной среде.

Основная единица содержания в МУДЛЕ – учебный курс. Содержание учебных курсов разделено на секции, чья визуализация может управляться преподавателем через выбор формата курса. Этим определяется визуализация и функционирование секций в курсе. Учебные единицы располагаются в секциях учебного курса и могут иметь гибкое управление и редактироваться, могут быть видимыми или скрытыми, их перемещение над или под окружающими совершается легко, как и в другую секцию учебного курса. Регламентировано использование материалов из внешних источников, через использование хранилищ (repositories). Предусмотрено технологическое разделение между учебными видами деятельности и учебными материалами.

Учебные материалы могут быть рассмотрены по типу использованной медиа. Каждая медиа требует своих специфических софтверных инструментов, с помощью которых можно создать и обработать свои данные, а следовательно, требуются и умения со стороны преподавателей работать с ней. В более широком контексте требуются специфические знания о возможностях медиа, системы МУДЛ в целом, которые могут быть использованы в педагогических целях.

В системе МУДЛ НБУ размещены различные виды учебных материалов по иностранным языкам. Во-первых, текстовые учебные материалы в виде классического линейного текста: авторские лекции, дигитализованные статьи, книги. Использование этого вида материалов – самый легкий способ для

преподавателей, так как это переработанные конвенциональные учебные материалы, и при их подготовке не требуется специфических и технологических умений. Эти материалы не позволяют организовать полноценное электронное обучение и нередко игнорируются студентами. Во-вторых, гипертекстовые учебные материалы, которые интегрированы с изображениями и имеют гиперссылки к разным своим частям или к внешним источникам. Как правило, в курсах по иностранным языкам это ссылки к сайтам писателей, текстам произведений и др. Подготовка учебных материалов совершается с помощью массовых софтверных продуктов, но уже требует особенного внимания при создании сети гиперсвязей, чтобы заложить достаточно возможностей для дополнительной информации в случае, если студенты нуждаются в этом. В-третьих, презентации – тексты, изображения или другое содержание, представленные мультимедийно. Чаще всего презентации разрабатываются в PowerPoint и используются как основа присутственных занятий и лекций (если таковые предусмотрены). Создание презентации относительно несложно, используемые софтверные продукты предоставляют интуитивный интерфейс, позволяющий легко готовить и редактировать слайды. В-четвертых, аудиальные учебные материалы – аудиозаписи лекций, объяснение конкретного примера или разъяснение частного случая, подготовленные преподавателем. За исключением вопросов технического характера (сама запись и ее обработка), аудиоматериалы разрабатываются легко, поскольку не требуют специальной подготовки содержания и базируются на естественном умении преподавателей проводить лекции. В-пятых, аудиовизуальные учебные материалы – видеозаписи лекций в учебном зале или учебные фильмы. Широко распространены сайты (например, «Инфоурок») с записями лекций отдельного лектора, в том числе в зале с группой студентов или слушателей; размещены подобные записи и на канале YouTube. Могут быть использованы и фрагменты научно-популярных фильмов, экранизации литературных произведений, записи телевизионных передач, дискуссий – все в зависимости от изучаемой темы.

Учебная деятельность, организуемая посредством платформы электронного обучения, может быть направлена как на усвоение учебного материала, так и на проверку знаний: посредством тестов, задач или заданий с вывешиванием презентаций самими студентами. Учебная деятельность зависит от возможностей конкретной системы, но некоторые виды деятельности могут быть описаны как основные и найдены в большем количестве софтверных продуктов. «В целом взаимодействие в электронной среде может быть классифицировано в двух категориях – синхронно и асинхронно. При синхронной коммуникации обе стороны общаются в реальном времени и осуществляют разговор с характеристиками, близкими к прямой коммуникации лицо в лицо. При асинхронной коммуникации процесс отложен во времени. При ней участники имеют удобство управлять свободно своим временем. Могут обдумывать свои действия предварительно и генерировать содержание, которое имеет более высокую стоимость. Интернет – среда, которая благоприятствует асинхронной коммуникации» [6].

В историческом плане первые формы общения в сети – e-мейлы и дискуссионные форумы. Использование синхронных форм содействует пониманию учебного содержания, разъяснению конкретных его деталей, а через асинхронные формы можно достичь углубленного усвоения материала и создания студентами продуктов научной и учебной деятельности.

Новый проект НБУ называется «Система программного обеспечения MorphAnalyzer для аннотации текстовых корпусов», которая используется для обеспечения процесса добавления примечаний к текстовым корпусам. Система интегрирована в MOODLE LMS для эффективного обучения в различных предметных областях, включая иностранные языки и предметы, которые преподаются на иностранном языке. MorphAnalyzer связана с различными модулями, которые обеспечивают генерацию виртуальных корпусов и тестовых объектов. MorphAnalyzer разработана как автономная веб-система, независимая от любых иных систем. Система используется экспертами в области иностранных языков, которые могут аннотировать разные тексты для разных языков, и MorphAnalyzer сможет генерировать вопросы разных типов.

В 2020–2021 гг., во время пандемии COVID-19, преподаватели успешно проводили свои занятия через МУДЛ НБУ, что дало возможность не прерывать учебный процесс из-за пребывания в изоляции.

Относительно недавно в обучении стала использоваться и виртуальная классная комната [7], в которой уже в реальном времени происходит общение студентов и преподавателей в виртуальной среде. Это дает возможность обучаться в НБУ, находясь в любой точке земного шара.

В целом, возможности, которые предоставляет Новый болгарский университет, открывают перед его выпускниками широкую дорогу в мир бизнеса в Болгарии и за рубежом.

Список использованной литературы

1. Официальный сайт Нового Болгарского университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.nbu.bg. – Дата доступа: 25.02.2022.
2. Факультет дистанционного обучения НБУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nbu.bg/bg/fakulteti/fakultet-za-distancionno-elektronno-i-prodylzhavashto-obuchenie>. – Дата доступа: 25.02.2022.
3. Факультеты НБУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nbu.bg/bg/fakulteti/fakulteti>. – Дата доступа: 25.02.2022.
4. Департаменты НБУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbu.bg/bg/departments_and_centers. – Дата доступа: 25.02.2022.
5. Мудл НБУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-edu.nbu.bg/>. – Дата доступа: 25.02.2022.
6. Джамбазов, В. Характеристики электронного обучения через призму ведущей системы с открытым кодом (MOODLE) / В. Джамбазов, Х. Чукурлиев // Информационные технологии в обеспечении федеральных государственных образовательных стандартов: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Елец, 16–17 июня 2014 г. – Елец: Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2014. – С. 214–247.
7. Виртуальная классная комната НБУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-edu.nbu.bg/course/view.php?id=23157>. – Дата доступа: 25.02.2022.

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Д. А. Балакер, Н. О. Водич (г. Брест, Республика Беларусь)

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В НАСЛЕДИИ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Литературное наследие Ф. Скорины (1490–1541) дает возможность исследования его представлений о конфессиональных ценностях как социокультурном феномене.

Особое место занимает вопрос о конфессиональной принадлежности Скорины. Наиболее аргументированными версиями являются его приверженность либо к православной, либо к католической традициям христианства. В пользу первой говорят издания Скорины, в пользу второй – имеющиеся биографические данные.

Сам Скорина в своих изданиях называет себя только Франциском (Франциск имя католическое) и нигде не упоминает другого имени, что прямо указывает на связь белорусского первопечатника с католической традицией. Приверженность православной традиции представлена в библейских изданиях Скорины и его «Малой подорожной книжке». Скорининская «Бивлия руска» ориентирована «к людем посполитым руского языка», как неоднократно говорит сам издатель в послесловиях к библейским книгам. В предисловии к Псалтири (1517) он поясняет также, что напечатал книгу «русскими словами, а словенским языком... наиболее с тое причины, иже мя Милостивый Бог с того языка (народа) на свет пустил». Церковнославянская грамматика и лексика (в православной традиции) преобладают не только в библейском тексте, но, по мнению белорусского филолога А. И. Журавского, даже в предисловиях Франциска Скорины. Издатель следует традиционному для православной Псалтири счету псалмов, делению их на кафизмы. Не только порядок книг Апостола (1525) соответствует принятому у православных, но обозначены начало и конец каждого зачала, «яко во церкви Божии чтется». В Малой подорожной книжке Скорина издал акафисты и каноны, напечатал Символ веры без католической вставки «и от Сына», счет церковного года традиционно начинал с сентября и заканчивал августом, «согласно уставу Иерусалимской Церкви», в святцах указал памяти русских святых прп. Антония и Феодосия Печерских, кн. Бориса и Глеба.

Вместе с тем необходимо отметить, что в изданиях Скорины заметно и влияние католической традиции. В частности, одним из источников для него служил чешский перевод Библии 1506 г., восходящий к латинской Вульгате, переведенной с древнееврейского. Церковнославянский текст Ветхого Завета восходит к греческому переводу (Септуагинте). Между двумя переводами – греческим (в православной традиции) и латинским (в католической традиции) – есть определенные различия в понимании Библии как первоисточника

христианского вероучения и социальной практики. Конфессиональные ценности в наследии Ф. Скорины предстают, таким образом, с одной стороны, в православной, с другой стороны, в католической традиции. Например, Псалтирь у него типичная церковнославянская, восходящая к Септуагинте, однако в книге Бытие счет лет жизни патриархов (5 гл.) ведется по версии Вульгаты. Согласно все той же западной традиции, в предисловии ко всей Библии издатель не называет в перечне библейских книг III Ездры и III Маккавейскую, а в перечне новозаветных книг ставит Деяния и Соборные послания после посланий ап. Павла. Характерно также, что Скорина называет Богородицу Марию «Девицей», а не «Девой». Последнее является принятым в славянской православной традиции. В предисловии к Первому посланию ап. Петра в Апостоле (1525) издатель называет его «старейшим апостолом Христа», который на протяжении 25 лет управлял Церковью Христовой в Риме (мнение, восходящее к бл. Иерониму). Впрочем, при этом не говорит Скорина об особых прерогативах римских пап.

Наиболее же всего связь с Католической Церковью открывается в биографических данных белорусского первопечатника. Знание латыни для поступления в Краковский университет предполагает обучение в католической школе. В Вильно, как говорится в одном судебном документе 1532 г., Скорина был доктором и секретарем Виленского католического епископа Яна (сохранился целый ряд документов с указанием имени «доктора Франциска», связывающих их обоих, начиная с 1523 по 1532 г.).

Издания Франциска Скорины были широко известны и в Литовской Руси, и в Московской Руси. Белорусский первопечатник доказывал, что в целях создания наилучшего общественного порядка необходимо обеспечение положения, при котором все права в целом и каждый закон в отдельности были бы справедливыми, сильными, необходимыми и полезными. Для улучшения правовой ситуации, по его мнению, закон должен основываться на «естественном праве» и исходить из морального принципа, изложенного в Евангелии: «Делайте с людьми то, что вы хотели бы получить от других, и не делайте того, чего бы вы не хотели получать от других». Таким образом, главный нравственный принцип христианства представлен в литературном наследии Ф. Скорины. Необходимость же «писаного закона», т. е. права, обусловлена, по словам Скорины, многочисленными нарушениями закона природы. Сам закон призван защищать личность и гражданское общество от угнетения, несправедливости и унижения, т. е. Скорина развивал в своих произведениях идею естественных прав человека. Он писал, что все люди рождаются свободными, все рожденные равны в своем достоинстве и правах [1].

Согласно естественно-правовой концепции одним из наиболее ярких сторонников которой в Беларуси считаются Ф. Скорина, С. Будный и А. Волан, сущность права заключается в идее права, т. е. в том, каким должно быть право, а его содержание раскрывается через понятия «свобода», «разум», «справедливость». Сама принадлежность к человеческому роду с точки зрения естественно-правовой концепции, понимается как главное условие для обладания человеком правом на жизнь, свободу и личную неприкосновенность.

В этом концепция естественного права соответствует ценностным основам христианства: права предоставляются человеку при рождении, потому что он изначально их достоин. Во всех христианских конфессиях моральной ценностью является уважение ко всем людям, созданным по образу и подобию Бога. Образ и подобие Бога как общехристианская духовно-нравственная ценность выступает как идеал, действенное стремление к которому возвышает человека, способствует формированию нравственной культуры взаимоотношений с конкретным человеком и обществом в целом. Стремление к достижению духовно-нравственного идеала в индивидуальной и социальной практике способствует установлению в обществе единомыслия и единодушия, о котором в Библии сказано как о «единстве духа в союзе мира» (Еф. 4 : 3).

Таким образом, в наследии Ф. Скорины обосновывается мнение о том, что не только отношения между людьми должны основываться на христианских ценностях любви, совести и справедливости, но также законы, власть и политика. В своем литературном наследии Ф. Скорина первым контурно установил влияние традиционных христианских конфессиональных ценностей на белорусский менталитет. Понимая совесть как свободу от греха (морального зла, несоответствия духовно-нравственным принципам христианства) в принимаемых решениях, Скорина придерживался идеи верховенства народа в государстве и законотворчестве, которая не соответствовала действительности того времени, но повлияла на будущее законодательство: идея приоритета надличностных ценностей (Бог, народ, государство, семья), а не отдельной личности впоследствии была подчеркнута в текстах Статутов ВКЛ.

В комментариях к Библии Ф. Скорины большинство его лексем имеют общеславянское происхождение и этимологию. Книгоиздательская деятельность Ф. Скорины выступила способом распространения ценностей христианства в национальной культуре [2].

Список использованной литературы

1. Скорина, Ф. Предисловия и послесловия / Ф. Скорина // Франциск Скорина и его время : энцикл. справ. / Белорус. совет. энцикл. ; редкол.: И. П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Белорус. совет. энцикл., 1990. – С. 99–101.
2. Словарь языка Скорины : в 2 т. / сост. В. В. Аниченко. – Минск : Выш. шк., 1977–1984. – 2 т.

М. В. Бугаева (г. Брест, Республика Беларусь)

«ВЕЩНЫЕ» ДЕТАЛИ В РАССКАЗЕ «ФАКИР» Т. Н. ТОЛСТОЙ

В настоящее время одно из актуальных направлений литературоведческой работы с текстом – изучение проблемы поэтики вещного мира, рассмотрение категории вещи в художественном мире писателя. На современном этапе вещь – многозначный термин, входящий в базовые понятия многих направлений науки и искусства и широко используемый в обыденной жизни. Важными типологическими характеристиками вещи выступают ее структурные, функциональные, качественные и количественные характеристики. В работах филолога

А. П. Чудакова [1] использованы возможности широкого толкования понятий вещи, под определение которой попадают как природные, так и рукотворные формы окружающего мира (например, горная вершина, стрела), которые обозначаются понятием «художественного предмета», «предметной» или «вещной отдельности». Ученый В. Н. Топоров [2] предлагает иные трактовки, заявляет, что вещь вторична, «неприродна», поскольку ее главное предназначение состоит в удовлетворении потребностей человека.

Мир художественного произведения представляет собой систему, так или иначе соотносимую с миром реальным: в него входят люди с их внешними и внутренними особенностями, события, природа, вещи, созданные человеком, в нем действуют законы времени и пространства. Вещный мир в художественном произведении – это изображенная автором совокупность окружающих человека вещей, характеризующих личность героя (героев), его социокультурное пространство, конкретные условия его жизни. Вещные детали демонстрируют авторское видение и оценку как персонажа, так и общества, жизненных реалий, событий и ситуаций.

Предметный мир, которым окружен персонаж, – его жилье, мебель, одежда, еда, способы обращения персонажа с этими вещами, его поведение внутри этого мира, его внешний облик, жесты и движения – всё это служит безотказным и целенаправленным средством характеристики человека. Все без исключения подробности имеют характерологическую и социальную значимость [3, с. 113].

Исследователь особенностей одежды литературных персонажей Р. М. Кирсанова убеждена, что одежда героев содержит в себе отличительные знаки, помогающие понять и оценить «все тончайшие оттенки положения человека в системе общественной иерархии» [4, с. 8], раскрыть особенности характера и личности в целом. Таким образом, «язык одежды» в художественном тексте представляет собой систему единиц текста, дающую целостное представление о герое и выполняющую сюжетообразующую и мотивную функции. Костюм становится универсальным средством характеристики предметного мира писателя, которое функционирует на всех уровнях текста.

Вещный мир в рассказах одного из самых значимых писателей современной русской литературы, мастера интеллектуальной синтетической прозы Т. Н. Толстой самобытен и обусловлен творческой задачей автора: показать отношения человека и бытия. В своих произведениях Т. Н. Толстая воспроизводит особую стилевую атмосферу, при создании которой используется большое количество бытовых, портретных и пейзажных подробностей и деталей, помогающих раскрыть интеллектуально-психологическое состояние персонажей, показать дисгармонию реальности и иллюзий. Как отмечает литературовед А. А. Генис, «мир Толстой составляют говорящие вещи, каждая из которых может рассказать нечто свое, заведомо чужое фабуле» [5, с. 229–230].

Сюжетная канва одного из самых известных рассказов Т. Н. Толстой «Факир» (1986) достаточно проста, основана на антитезе «казалось – оказалось»,

представляет собой историю приятельских отношений простых московских обывателей Гали и Юры и некоего Филина, оригинала и богача. Вещный мир Гали и Юры – это унылый и страшный быт квартиры на окраине города, затрапезная одежда, полунисенское существование. Филин – хозяин апартаментов, наполненных султанской роскошью, утонченными деталями, роскошными предметами. Уже в начале произведения читатель попадает в блистательный мир Филина: *«белая хрустящая скатерть, свет, особые слоеные пирожки, приятнейшая музыка откуда-то с потолка, захватывающие разговоры. Всюду синие шторы, витрины с коллекциями, по стенам развешаны бусы. Новые игрушки... бисерный кошелек... или же так что-нибудь – ненужное, но ценное»*, а также сталкивается с ситуацией хаоса, прозаичности, обыденности, окружающих Галю и Юру: *«Юра потянулся к бритве, а Галя, змеей влезая в колготки, инструктировала дочь: каша в кастрюле!... Галя напихала в сумку полиэтиленовых пакетов: может, селедочное масло будут давать»* [5].

В финале писатель безжалостно срывает маски, оказывается, что Филин самозванец, *«калиф на час»*, *«что квартиру в высотном доме он снимает у какого-то полярника, и все вещички-то скорее всего не его, а полярниковы, а сам он прописан в городе Домодедово»* [5], *«он просто притворился, мимикрировал, жалкий карлик, клоун в халате падишаха»* [5].

Отметим, что в рассказе «Факир» вещная деталь, связанная с одеждой, имеет мотивную функцию. Например, мотивный комплекс восточной экзотики не только заявляется в заголовке рассказа, но и проявляет себя через частотное упоминание подчеркнуто необычных, особенных деталей в костюме главного героя – Филина – *«гиганта, ифрита, с пугающе черным взглядом, огромными, искрящимися от перстней руками, с металлическим шорохом сухой восточной бороды»* [5].

Главный герой чаще всего предстает в домашнем бархатном пиджаке или в малиновом халате с кистями, что ассоциируется с колоритом падишахского дворца: *«хихикали насчет его малинового халата с кистями и каких-то будто бы серебряных янычарских тапок с загнутыми носами»* [5]. Это сходство становится еще более отчетливым, если обратить внимание на перстень на маленькой руке Филина. Этот перстень по виду старинный и редкий: *«Сам Филин тоже не оскорбит взгляда – чистый, небольшой, в домашнем бархатном пиджаке, маленькая рука отяжелена перстнем. Да не штампованным, жлобским, ... нет, прямо из раскопок»* [5]. Неслучайно Т. Н. Толстой выбрал и материал домашнего пиджака – бархат. Бархат во все времена – воплощение соблазна, олицетворение изящества, а также домашнего уюта. Между тем, в переводе с арабского *факир* означает «нищий» и относится к монахам, ведущим аскетический образ жизни. Таким образом, заявляется имплицитный оксюморон «факир в бархате», очевидная антитеза богатства духовного и бедности материальной. Т. Н. Толстая противопоставляет бархат, призванный олицетворять роскошь, и прозвище «факир», которое соотносится в рассказе с Филиным.

Вопреки тому, что Филин тщательно контролирует свой внешний вид, а также целенаправленно окружает себя предметами роскоши и искусства, к своим собеседникам он не предъявляет высоких требований, таких как статусность, интеллект, дорогая одежда. Например, новой пассией (а после женой) Филина стала *«Алиса, <...> черные волосы <которой> блестят как смазанные, нос крючком, усики. Платье простое, вязаное, цвета соленого огурца»* [5]. Да и сама рассказчица Галя временами являет собой весьма жалкое зрелище: *«забыла дома туфли, а ноги-то – ой... Голенища в вляксах, на подошвах рыжие лепешки, а из них трава торчит клочьями <...>. И даже подол в дрянце»* [5]. Стоит отметить, что Филин не относится высокомерно к своим гостям, каждый из них равен ему, хотя ни Галя, ни Алиса, ни Юра так не считают, поэтому, узнав об истинном положении Филина, предают его.

Таким образом, образ Филина обретает новые прочтения. Во-первых, этот человек следует моде, воплощает свободомыслие, свободу от предрассудков и стереотипов, в отличие от людей, его окружающих, которые обращают внимание только на внешнюю, материальную сторону, забывая о внутреннем, о значении, о скрытых смыслах. Например, в Филине Галя привлекает не яркая личность, а ощущение избранности, которое Филин дает рассказчице: *«словно он, Филин, султан, а они и впрямь короли, – Галя в недорогом пальто и Юра в куртке и вязаной шапочке»* [5].

Филин окружен предметными деталями, которые помогают глубоко проникнуть в специфику его характера. Факира окружают роскошные коллекционные вещи, такие как *«белая хрустящая скатерть»*, *«бисерный кошелек»*, *«домашний бархатный пиджак»*, *«халат с кистями»*, *«веджвудский сервиз»*, карнавально демонстрирующие изящество и особенность их владельца. Рассказчица же Галя находится среди заурядных предметов, во власти унылого вещного мира: *«прикрепленной к стене обложки журнала»*, *«мелочи, вытрясенной из детской копилки»*, *«тусклой темноты»*, *«подола в дрянце»*. Как и в случае с Филином, художественное пространство мира вещей характеризует героиню: обнажает ее зацикленность на всем материальном, ограниченность мышления и завистливость. Кроме этого, в обоих случаях Т. Н. Толстая показывает стремление человека любой ценой приблизиться к роскошной, пусть даже ложной, жизни, иллюстрирует диссонанс мира реального и мира иллюзий.

Для рассказа «Факир» Т. Н. Толстой характерна тесная взаимосвязь между состоянием мира вещей и психологическим состоянием человека, через вещные детали транслируется глубокая неудовлетворенность человека самим собой, окружающей реальностью, дисгармонично устроенным существованием.

Список использованной литературы

1. Чудаков, А. П. Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого / А. П. Чудаков. – М. : Современный писатель, 1992. – 320 с.
2. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Образ / В. Н. Топоров. – М. : Прогресс – Культура, 1993. – 624 с.
3. Чудаков, А. П. Поэтика Чехова / А. П. Чудаков. – М. : Наука, 1971. – 326 с.
4. Кирсанова, Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века / Р. М. Кирсанова. – М. : Книга, 1989. – 288 с.

5. Генис, А. А. Иван Петрович умер. Статьи и расследования / А. А. Генис. – М. : Новое лит. обозрение, 1999. – 336 с.

6. Толстая, Т. Факир [Электронный ресурс] / Т. Толстая. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/work/1001016363-fakir-tatyana-tolstaya>. – Дата доступа: 21.08.2021.

А. А. Гончарова (г. Брест, Республика Беларусь)

**ПРОБЛЕМА ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ
ФУТУРИСТИЧЕСКИХ КОНТЕКСТОВ
РОМАНА Д. МИТЧЕЛЛА «ОБЛАЧНЫЙ АТЛАС»
И ЕГО ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Переводчики художественных произведений сталкиваются с рядом проблем, которые умножаются, если автор оригинального текста прибегает к стилизации, использует нелитературную лексику, языковую игру и авторские неологизмы. Ярким примером такого непростого произведения является «Облачный атлас» Д. Митчелла. Повествование разделено на несколько эпизодов, относящихся к разным временам – от позапрошлого века до далекого будущего. Описывая прошлое, Д. Митчелл прибегает к стилизации, используя архаичную лексику и устаревшие грамматические конструкции. В эпизодах, относящихся к будущему (это два временных пласта), автор использует окказионализмы для наименования фантастических новых реалий. В данной статье мы рассмотрим именно последние, т. е. футуристические контексты.

По словам Л. С. Бархударова, «текст перевода никогда не может быть полным и абсолютным эквивалентом текста подлинника; задача переводчика заключается в том, чтобы сделать эту эквивалентность как можно более полной, т. е. добиваться сведения потерь до минимума, но требовать “стопроцентного” совпадения значений, выражаемых в тексте подлинника и тексте перевода, было бы абсолютно нереальным» [1, с. 10–11]. В то же время «любой язык в принципе может выразить любое понятие; отсутствие в словарном составе языка специального обозначения для какого-либо понятия в виде слова или устойчивого словосочетания не означает невозможности выразить это понятие средствами данного языка» [1, с. 96–97]. Даже так называемая безэквивалентная лексика может передаваться в переводе несколькими способами: транскрипция, калькирование, описательный перевод. При этом «создается то, что можно назвать окказиональным переводческим эквивалентом, т. е. слово или словосочетание, не вошедшее (еще) в словарный состав ПЯ и употребляемое и речи как “потенциальная” лексическая единица» [1, с. 103].

Одним из видов безэквивалентной лексики являются авторские неологизмы. В футуристических контекстах романа Д. Митчелла «Облачный атлас» эта группа слов используется весьма активно. Часть слов автор производит приставочным способом: *reorientation* ‘переориентация’ (перепрограммирование проблемных клонов), *unascended* ‘не вознесенный’, *undewdrugged* ‘не отравленный лекарствами’, *unresponding* ‘не реагирующий’, *upstrata* ‘высший класс’, *downstrata* ‘низший класс’. Суффиксальным способом

образованы слова *hygiener* ‘душевая’, *dijied* ‘подвергшийся компьютерной обработке’ (от *digital* ‘цифровой’; данный окказионализм является и фонетико-графическим, поскольку *g* заменено на *j*), *eyed* ‘замеченный камерами слежения’ (*My ministry would xpel me if I were ever Eyed in that untermensch slum*). Встречаются и конфиксальные производные слова: *destarring* ‘лишение звездочки за проступок’, *destarrable* ‘такой, за который могут лишить звездочки’. Часто Д. Митчелл употребляет окказиональные сложения: *facescaping* ‘пластическая хирургия’, *medicube* ‘аптечка’, *EyeSats* ‘камеры слежения’, *fordjams* ‘дорожные пробки’, *disastermen* ‘клоны, предназначенные для работы в экстремальных условиях’, *dewdrugs* ‘омолаживающие препараты’, *stemtype* ‘разновидность клонов’, *Soapsac* ‘пакет еды для клонов’ и др. Сложение может сопровождаться суффиксацией: *twelvestarred* ‘клон, получивший 12 звездочек’. Д. Митчелл использует и прием усечения: *corp man* ‘работник корпорации’, *corp medic* ‘корпоративный медик’ (*corp* – от *corporation*), *AdV* ‘рекламный ролик’ (от *advance* ‘продвижение’, *advertising* ‘реклама’), *anx* от *anxious* и др. Часто отсекается начальный гласный в словах, начинающихся на *ex*: *Xultation* вместо *exultation*, *xiters* вместо *exiters*, *xhorted* вместо *exhorted*, аналогично *xactly*, *xpression*, *xtra*, *xperience*, *xercise*, *xpedience*, *xecs*, *xpect*, *xamine*, *xplain* и др. Не все усечения, использованные Д. Митчеллом, являются окказионализмами: наименования родственников *bro*, *sis*, *pa*, *cuz* встречаются в английском разговорном языке или жаргонах.

Автор перевода Г. Яропольский для перевода окказионализмов в ряде случаев использует аналогичные неологизмы. Так, *facescaper* передается композитой *лицеправы*; *twelvestarred* переводится таким же сложносуффиксальным прилагательным *двенадцатизвездочная*; приставочные образования *unascended*, *downstrata* – соответственно *невознесенный* и *недочеловеки*; выглядящее как аббревиатура усечение *AdV* ‘рекламный ролик’ – словом *РекЛ* и под. Однако способ образования переводческих неологизмов не всегда совпадает с авторским. Например, сложное слово *disastermen* переведено суффиксальным образованием *катастрофник*. Переводчик прибегает также к транслитерации: *hygiener* – *гигиенер*. Наблюдается и некоторая непоследовательность в переводе: слово *downstrata* дважды передается словосочетанием *нижние слои*, но в одном случае словом *недочеловеки*, которое в других контекстах соответствует существительному *untermensch* (см. ниже). Сложение *EyeSats* переведено в одном случае как просто *Глаз* (семантический окказионализм), во втором – как *Глаз-Спутник*.

В большинстве случаев окказионализмы Д. Митчелла переводчик передает словосочетаниями: *corp man* – *работник корпорации*, *stemtype* – *корневой тип*, *dewdrugs* – *таблетки свежести*, *upstrata* – *верхние слои*, *Soapsac* – *упаковка Мыла* и др. Довольно часто авторским неологизмам в переводе соответствуют общеупотребительные слова: *dijied* – *отретуширован*, *medicube* – *аптечка*, *reorientation* – *переориентация*, *fordjams* – *заторы*.

Прием усечения Г. Яропольский почти не использует и ни разу не отсекает начальный гласный в словах, начинающихся на *экс-/экз-*. Просторечные

наименования родственников *bro, sis, cuz* передаются суффиксальными образованиями *братей, сестейка, сестрея, кузей*.

Д. Митчелл использует в романе несколько варваризмов и экзотизмов. Так, немецкое слово *untermensch* 'недочеловек' (расистско-евгенический термин из идеологии немецких национал-социалистов) стало названием для иммигрантов и опустившихся членов общества. *Juche* (в переводе *Чучхе*) – название национал-коммунистической идеологии современной Северной Кореи – автор романа использовал как обозначение самой могущественной организации Ни-Со-Копроса. Слово *Juche* в переводе передается аналогичным экзотизмом *Juche, untermensch* – узуальным *недочеловек*. Русское *samizdat* в переводе передано исходным словом – *самиздат*. Экзотизмом для английского языка является и слово *militiaman* 'милиционер', использующееся в романе в значении 'клоны-солдаты'. Г. Яропольский использовал описательный перевод: *What sort of fabricant was Wing~027? A militiaman? – Какого рода фабрикантом был Вин-027? Военным?*

Д. Митчелл в футуристических контекстах «Облачного атласа» использует множество семантических окказионализмов – существующих слов в новом, уникальном значении. Так, *fabricant* в романе – это не владелец фабрики и не производитель, а клон человека, созданный для обслуживания потребителей. На русский язык это слово Г. Яропольский перевел окказионализмом *фабрикантка* (клоны выглядят как девушки), т. е. использовано суффиксальное новообразование. Другой пример семантического окказионализма – *consumer* 'потребитель', в романе это название людей будущего, противопоставленных клонам (в переводе *потребитель*). Религиозная лексика постоянно встречается в новых значениях как в оригинале романа, так и в его переводе: *Papa Song appears on His Plinth for Matins, and we recite the Six Catechisms together. Our Logoman then delivers his Sermon – Пана Сонг появляется на Своем Постаменте для Заутрени, и мы хором пересказываем Шесть Катехизисов. Затем наш любимый Логоман произносит Свою Проповедь; We assemble round the Plinth for Vespers – ...Потом собираемся вокруг Постаumenta, служится Вечерня.* Как видно из контекста, *Matins* – *Заутрени* и *Vespers* – *Вечерней* названы обязательные идеологические мероприятия утром и вечером. *Sermon* (*Проповедь*) – это не разъяснение слова Божьего, а напоминание клонам об их обязанностях. Соответственно *Catechism* (*Катехизис*) – это правило поведения для клонов. Часто семантическими окказионализмами становятся имена собственные, выступающие в качестве нарицательных. Вслед за автором этот прием использует и переводчик. Таким образом, словами *ford* – *форд* называются любые автомобили; компьютеры стали *sonu* – *сони*; часы, даже настенные, именуются *rolex* – *ролекс*; любая обувь называется *nikes* – *найки*; видеокамеры названы *nikon* – *никон*; фотографии – это *kodak* – *кодак*; фильмы – *disney* – *дисней*; сигареты стали *marlboro* – *мальборо*; питьевая вода называется *aqua* – *аква*; температура – *celsius* – *цельсий*; огнестрельное оружие – *colt* – *кольт*. Автор оригинального текста и для кофе использует семантический окказионализм – *starbuck*. Однако переводчик

употребил кальку *звездосмесь*, поскольку первое кафе «Старбакс» открылось в Москве лишь в 2007 г. – в год издания перевода, поэтому для русскоязычного читателя слово *старбак* осталось бы непонятным. Но и слово *звездосмесь* нельзя признать удачной заменой, поскольку из контекста понятно лишь то, что это какой-то напиток.

Язык персонажей далекого будущего в романе переводчик наводнил искаженными словами – в основном со стяжением гласных: *bart'rin'* вместо *bartering*, *mem'ry* вместо *memory*, *hist'ry* вместо *history* и др. Переводчик использует этот же прием: *г'лова* вместо *голова*, *доста'чно* вместо *достаточно*, *де'ушки* вместо *девушки* и другие использования

Таким образом, переводчик романа «Облачный атлас» стремился достичь лексической эквивалентности путем использования как словообразовательных, так и семантических окказионализмов, а также приема стяжения. Однако число словообразовательных окказионализмов – особенно сложных слов – в переводе существенно меньше, чем в оригинальном тексте. Кроме того, переводчик не использует прием усечения начальной гласной, который часто используется Д. Митчеллом. Расхождения между оригинальным текстом и переводом отчасти объясняются несовпадением систем английского и русского языков (в английском языке гораздо легче создаются сложные слова), но в некоторых случаях можно было достичь большей эквивалентности.

Список использованной литературы

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 240 с

Т. И. Зелёнко (г. Брест, Республика Беларусь)

ЧЕЛОВЕК КАК ОБРАЗ-ЭТАЛОН В УСТОЙЧИВОМ СРАВНЕНИИ

Устойчивое сравнение (УС), или фразеологический компаратив, – одно из языковых средств познания мира и способов закрепления результатов этого познания в культуре. По справедливому замечанию В. М. Мокиенко, устойчивое сравнение – не просто способ наименования окружающей действительности, но и весьма яркое средство ее оценки. Оно экспрессивно, наглядно, образно и лаконично характеризует человека, явления природы, повседневные ситуации [1, с. 37].

Структуру обычного сравнения образуют три элемента: 1) то, что сравнивается, или «предмет сравнения»; 2) то, с чем сравнивается, или «образ»; 3) то, на основании чего происходит сравнение – «признак сравнения» [2, с. 159]. Специфической чертой фразеологического компаратива является его распадение на тематическую (предмет сравнения) и рематическую (образ) часть. Первая часть УС определяет его грамматическую и тематическую отнесенность. Образ, содержащийся в рематической части, называется также эталоном сравнения. Он формирует образную составляющую компаративных фразеологизмов и повышенную их экспрессивность [3, с. 50–51].

Поскольку объекты сравнения черпаются из окружающего мира, то эталоном сравнения может быть либо неодушевленный предмет или явление, либо представитель фауны, либо человек. В статье дана общая характеристика образов-эталонов, называющих человека. Антропоцентричность языка предопределяет особое положение номинаций лица в лексике и коммуникации: они всегда находятся в центре языковой системы и речевой активности говорящих.

Обращение к «Большому словарю русских народных сравнений» [4], составленному В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной, позволило путем сплошной выборки выделить около 1200 фразеологических компаративов, в рематической части которых выступают номинации лица, или *nomina agentis*. Эталон может быть представлен отдельным словом (*быть на виду как артист; почитать как богиню, нарядный как жених*) или личной номинацией в сочетании с другими словами, что обеспечивает развернутый образ сравнения (*сидеть как король на именинах; тянуться как пьяница к вину; брызгать как священник кропилькой* и др.).

Со структурно-грамматической стороны большинство обозначений лица в устойчивых сравнениях – это имена существительные: непроизводные (*брат, дед, князь, агент; баба, мать, мымра, теща* и др.) и производные (*беспризорник, кормилец, повелитель; аристократка, молодуха, нищенка, старушонка* и др.). Фиксируются также субстантивированные прилагательные (*нестись как бешеный, вид как у юродивого, ходить как фабричный, дышать как хворый* и др.) и причастия (*мчаться как ошпаренный, остаться как оплеванный, сидеть как сосватанный, скакать как чокнутый* и др.). Изредка отмечены несвободные словосочетания: *приглашать как свадебного генерала; непогрешим как папа римский; хныкать как кисейная барышня; прикинутый как лондонский жених* и др.

В составе устойчивых сравнений личные номинации, с одной стороны, представляют знания о человеке, а с другой – выражают отношение к лицу всего социума, т. е. включают прагматические смыслы. Анализ содержательной структуры обозначений лица в эталонной части УС позволяет разделить их прежде всего на две большие группы с точки зрения гендерных характеристик. Социальная значимость мужчин в предыдущие столетия была более весомой, чем женщин, что отразилось на составе исследуемых устойчивых сравнений (выявлено около 600 номинаций представителей мужского пола и около 180 – женского). Преобладание слов мужского рода связано со спецификой социальных отношений в предыдущие эпохи. Например, раньше только мужчины могли быть священнослужителями (*архиерей, иезуит, папа римский, пастырь, патриарх, пономарь, поп, рабин, священник*), состоять на военной и гражданской службе (*адмирал, генерал, новобранец, подьячий, приказный, прокурор, солдат, стряпчий, часовой*), только они могут получать некоторые социальные и поведенческие оценки (*бабник, недоросль, подонок, расстрига, удалец, холуй, чмо, чудик*). В роли эталона сравнения возможны и женские номинации, не имеющие в силу особенностей семантики парных соответствий по роду: *бабка, балерина, баядерка, блудница, мадонна, родиха* ‘роженица’.

рожонка ‘только что родившая женщина’. Однако большая часть личных обозначений, отмеченных в УС, образуют пары по принадлежности к грамматическому роду (*азиат* – *азиатка*, *актер* – *актриса*, *арап* – *арапка*, *бандит* – *бандитка*, *вдовец* – *вдова*, *король* – *королева*, *мальчик* – *девочка*, *монах* – *монахиня*, *негр* – *негритянка*, *отшельник* – *отшельница*, *принц* – *принцесса* и др.).

Гендерная характеристика номинации-эталона в большинстве случаев не является определяющей ни для её прагматического содержания, ни для смысла устойчивого сравнения. Так, сравнения *говорить как актер* – *говорить как актриса* могут одинаково использоваться для характеристики неестественно красивой и правильной, декламаторской, рассчитанной на внешний эффект речи, и имеют одинаковую помету «неодобр.», только в первом случае характеризуется говорящий мужчина, а во втором – женщина. Сравнение *лежать (разлечься, развалиться) как барин* – *лежать (развалиться, разлечься) как барыня* одинаково неодобрительно характеризуют праздно и похотливо улегшегося где-либо человека, но во втором случае – женщину. Правда, в зависимости от тематической части УС в содержании парных по роду номинаций могут актуализироваться их разные оценочные смыслы. Сравним: *чистый как барин* (одобр. ‘аккуратный, ухоженный’); *собираться словно барин* (неодобр. ‘эгоистичный, задерживающий других’) и *навить как барыня* (одобр. ‘нарядная’), *манежиться точно барыня* (неодобр. ‘капризная’).

Гендерные характеристики лица обязательно оказываются основой образности сравнения только в том случае, если номинации женщин и мужчин характеризуют представителей противоположного пола. При этом обычно актуализируется негативный оценочный смысл: *вести себя как баба* (о малодушном, трусливом, нерешительном мужчине), *отвечать как баба* (о слишком эмоциональном, скандальном, базарном ответе), *вид как у бабы* (о мужчине с женоподобной внешностью), *забывчив как девка* (о быстро забывающем человеке). И наоборот – *курить (дымить) как мужик* (о много курящей женщине), *пить (закладать) как мужик* (о много пьющей женщине), *баба как солдат наголящий* (настоящий).

Nomina agentis в устойчивых сравнениях аккумулируют также огромную информацию, обусловленную экстралингвистическими факторами, социальной и индивидуальной психологией и культурой человека и т. д. Прагматика личных номинаций в УС включает различные статусно-оценочные компоненты смысла. К ним можно отнести:

1) обозначения семейно-возрастного статуса – позитивнооценочные (*батенька*, *батюшка*, *батька*, *мать*, *родитель*, *отец*, *жених*, *парень*, *девушка*) и негативнооценочные (*сирота*, *сиротинка*, *сиротинушка*, *сиротка*, *сироточка*, *вдовец*, *вдова*, *пацан* и др.). Сравним: *жить как батеньки* (одобр. о богатой, обеспеченной жизни), *ходить как жених* (одобр. о богатом, красиво одетом мужчине) – и *жить как сирота* (неодобр. об одинокой жизни), *вести себя как пацан* (неодобр. о несерьезном поведении взрослого мужчины);

2) обозначения социально-имущественного статуса – позитивно-оценочные (*барин, барон, боярин, король, набоб, пан, хан, царь, барыня, богач, боярыня, принцесса* и мн. др.) и негативнооценочные (*батрак, бедняк, беженка, беспризорный, босяк, изгой, нищенка, смерд* и мн. др.). Сравним: *вид как у боярина* (одобр. о богато и нарядно одетом человеке); *вид как у босяка* (неодобр. о грязно и бедно одетом человеке) и др.;

3) обозначения профессионально-должностного статуса – позитивно-оценочные (*адмирал, генерал, полководец, профессор, хозяин* и др.) и негативнооценочные (*акробат, арлекинка, блудница, бурлак, нянька, пастух, скоморох, трубочист, ученик, холоп, циркач, илюха*). Сравним: *чувствовать себя как хозяин* (об ощущении самостоятельности и независимости); *работать как бурлак* (неодобр. о человеке, выполняющем тяжелую, непосильную работу).

Кроме этого, личные номинации могут содержать рационально-оценочные компоненты смысла, которые содержат разные характеристики лица: физические (*богатырь, слепец, хромоножка, паралитик, шкет, чахоточный*); интеллектуальные (*дурак, недотепа, чокнутый, недоумок*), поведенческие (*удалец, ханжа, тюхтя, пьяница, иленда*) и др. Все они участвуют в мотивации общего смысла фразеологических компаративов.

Поскольку сравнение обретает статус устойчивого постепенно, то личные номинации, выступающие в рематической части УС, нередко принадлежат к пассивному словарю: *пить как извозчик; работать как бурлак; ходить (грязный) как арап; жить как князь* и др. Кроме того, в «Большом словаре русских народных сравнений» фиксируются диалектные, разговорные, жаргонные *nomina agentis*. Например, *сидеть как албан* ('албанец'), *говорить что балакирь* ('болтун') отмечены в псковских говорах; шутливая характеристика неуклюжего человека *ворочаться словно алфей* (*алфей* 'неуклюжий человек') – во владимирском говоре; *жить с кем как жихарь* 'временный жилец, постоялец, квартирант' – в новгородском и т. п. Наличие таких номинаций в рематической части фразеологических компаративов обуславливает в целом их постепенный уход в пассивный запас. В материалах исследуемого словаря отмечены и жаргонные *nomina agentis*: *вести себя как сявка* (воровской жаргон), *дотошный как следак* (молодежный жаргон) и некот. др.

Даже предварительный беглый анализ структуры и смысла устойчивых сравнений, извлеченных из словаря В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной показывает, что человек в эталонной части устойчивых сравнений предстает как очень значимый образ. Он продуцирует такие важнейшие прагматические характеристики сравнения, как оценочность, экспрессивность, образность, а также определяет его стилистическую квалификацию.

Список использованной литературы

1. Устойчивые сравнения в системе фразеологии : коллектив. монография / отв. ред. В. М. Мокиенко. – СПб. – Грайфсвальд, 2016. – 278 с.
2. Черемисова, Е. А. К вопросу о классификации образных сравнений в художественном тексте (на примере романа Нэнси Митфорд «Christmas Pudding») / Е. А. Черемисова // Изв. ВГПУ. – 2018. – № 10 (133). – С. 159–162.

3. Долгова, А. О. Какие образы-эталоны представлены во фразеологических сравнениях? / А. О. Долгова // Рус. яз. и лит. – 2006. – № 7. – С. 50–55.

4. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 800 с.

П. Ю. Зиновенко (г. Брест, Республика Беларусь)

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЙ «АГРЕССИЯ» И «ЭКСТРЕМИЗМ» В ЮРИСЛИНГВИСТИКЕ

Понятия «экстремизм» и «агрессия» являются междисциплинарными, но основную массу исследований данных понятий составляют правовые. В данной статье мы представим различные подходы специалистов в области юрислингвистики к определению понятий «экстремизм» и «агрессия».

В настоящее время статус речевой агрессии как лингвистического явления считается неопределенным ввиду ряда факторов. Во-первых, имеет место многообразие используемых терминов: наряду с наиболее распространенным словосочетанием *речевая агрессия* употребляются, например, *вербальная агрессия*, *языковая агрессия*, *словесная агрессия*, *коммуникативная агрессия*. Нередко варьируется и второй компонент: *агрессия – агрессивность*. Во-вторых, само понятие агрессии имеет в лингвистике размытый денотат. В узком понимании агрессия в речи рассматривается как речевой акт, замещающий агрессивное физическое действие: оскорбление, насмешка, угроза, злопожелание [1]. Под речевой агрессией в общем смысле понимают «форму речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [2; 3, с. 96].

Б. Я. Шарифуллин отмечает, что при языковой агрессии мы сталкиваемся с явлением языковой (речевой, вербальной) инвективности, которая имеет четыре основных аспекта рассмотрения: собственно лингвистический (изучение естественной инвективной функции языка и способы ее реализации в системе инвективных средств), речеведческий (инвектива – стратегия, речевая тактика или речевой жанр?), лингвокультурологический (место и способы отражения и реализации инвективы в национальной картине мира) и юрислингвистический (инвектива и инвективные средства в современном правовом пространстве). В правовом пространстве русского языка инвективность и инвективные средства выполняют функцию вербализации языковой агрессии или языкового насилия, направленных против личности (группы лиц, организации и т. п.) с целью нанесения оскорбления или причинения какого-либо ущерба чести, достоинству и деловой репутации [4]. При таком подходе основным показателем речевой агрессии выступает стилистически маркированный разряд лексики (экспрессивно-окрашенная лексика, инвективы, грубо-просторечные слова и т. д.).

Слово *экстремизм* произошло от латинского *extremus*, что означает ‘крайний, конечный’, ‘чрезвычайный’, ‘критический, тяжелый’. Лексическое значение слова *экстремизм* отражено в современных толковых словарях как ‘приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике)’ [5–7].

Е. И. Галяшина отмечает, что экстремистские материалы должны обладать следующими признаками [8, с. 32]:

- документы или информация на иных носителях;
- материалы, предназначенные для обнародования;
- материалы, содержащие **призыв** к осуществлению **экстремистской деятельности**;
- материалы, содержащие **обосновывание** или **оправдывание необходимости** осуществления экстремистской деятельности;
- **труды руководителей** национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии;
- **публикации, обосновывающие** или **оправдывающие** национальное и (или) расовое превосходство либо **оправдывающие** практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

Е. И. Галяшина подчеркивает, что если в публикации имеется хоть какое-нибудь **обоснование** (т. е. подкрепление фактами, серьезными убедительными доводами) расового и (или) национального превосходства, а также **оправдание** (т. е. признание правильным, допустимым) такого превосходства или практики совершения любых преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы, то она может быть квалифицирована в качестве **экстремистского материала**. Исследователь приводит следующее определение экстремизма: это не только межнациональные и межконфессиональные идеологические конфликты, но и массовые беспорядки, хулиганские действия и акты вандализма, совершаемые в силу идеологических, политических, расовых, национальных причин или религиозной ненависти либо вражды, в том числе и в отношении какой-либо социальной группы, а также пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан в силу социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности [8, с. 9–10]. Е. И. Галяшина различает понятия *экстремизм* и *словесный экстремизм*. *Словесный экстремизм* – это целенаправленный акт публичной передачи сообщений в форме устных или письменных речевых высказываний, которые:

- призывают или подстрекают к осуществлению, инициируют, провоцируют или руководят противоправными действиями экстремистского толка;
- оправдывают или обосновывают их;
- пропагандируют нацистскую или сходную с ней до степени смешения символику и атрибутику;
- направлены на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды либо ненависти, включая передачу информации языковыми средствами в публичных выступлениях, печатных изданиях, средствах массовой информации (радио, телевидение) [8, с. 32].

В работе М. В. Горбаневского «О прикладной лингвистике в борьбе с экстремизмом» раскрывается понятие экстремизма, закрепленное как в международных документах, так и в российских законодательных актах. Понятие «экстремизм» как юридический термин появилось в российском праве вследствие подписания ратификации Российской Федерацией Шанхайской конвенции от 15 июня 2001 г. «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» [9]. В соответствии со ст. 1 данного документа *экстремизм* – это какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон.

В справочнике по судебной лингвистической экспертизе К. И. Бринева приводится определение публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, описанных в Федеральном законе от 25 июня 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности». Перечисленные в законе действия условно разбиваются на две группы: 1) действия, которые связаны с ущемлением прав личности по признакам пола, расы, национальности или принадлежности к социальной группе – условно дискриминационные действия; 2) действия, которые способны привести к неконституционному изменению существующего государственного строя либо к возникновению беспорядков, что способно создать угрозу внутренней безопасности страны – условно антиконституционные действия. Кроме того, в справочнике приводится определение *экстремистских материалов*: «Экстремистские материалы – информация, зафиксированная на любых носителях, и которая содержит призывы к экстремистским действиям либо оправдывает экстремистскую и террористическую деятельность» [10].

М. А. Осадчий уделяет особое внимание дополненной законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» категории социальной принадлежности и дает определение *социальному экстремизму*: «Социальный экстремизм – это преступные действия по мотивам социальной неприязни, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, причинение вреда по мотивам принадлежности к какой-либо социальной группе». Автор указывает на сложности, возникающие в правоприменительной практике, связанные неопределенностью в законодательстве ввиду широкой денотативной соотнесенности понятия *социальная принадлежность* [11].

Подводя итоги, отметим, что понятия «агрессия» и «экстремизм» в юрислингвистическом аспекте рассматриваются с опорой на действующее законодательство как противоправные речевые деяния, предполагающие использование субъектом в процессе устной или письменной речи комплекса языковых средств.

Список использованной литературы

1. Басовская, Е. Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации / Е. Н. Басовская // Критика и семиотика. – Новосибирск : НГУ, 2004. – Вып. 7. – С. 257–263.
2. Культура русской речи : энцикл. слов.-справ. / под ред. Л. Ю. Иванова [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 562–564.
3. Быкова, О. Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теорет. и приклад. аспекты речевого общения. – Вып. 1 (8). – Красноярск, 1999. – С. 91–103.
4. Шарифуллин, Б. Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы / Б. Я. Шарифуллин // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 120–132.
5. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
6. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : ок. 160 000 слов : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ : Астрель, 2006. – 3 т.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1988. – Т. 4. – 800 с.
8. Галяшина, Е. И. Лингвистика vs экстремизма (в помощь судьям, следователям, экспертам) / под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М. : Юрид. мир, 2006. – 96 с.
9. Горбаневский, М. В. О прикладной лингвистике в борьбе с экстремизмом [Электронный ресурс] / М. В. Горбаневский. – Режим доступа: <http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/g/4-1-0-220>. – Дата доступа: 24.10.2021.
10. Бринев, К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе // К. И. Бринев. – 2-е изд., стер. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 200 с.
11. Осадчий, М. А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи // М. А. Осадчий. – 2-е изд., стер. – М. : ЛИБРОКОМ, 2016. – 256 с.

М. Г. Лабай (г. Брест, Республика Беларусь)

«ПЕСНЬ О СОБАКЕ» С. ЕСЕНИНА В ПЕРЕВОДЕ ЮРКИ ГАВРУКА: ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Начало XX в. – особое время в истории России, повлиявшее на все сферы человеческой деятельности. Не стал исключением и литературный процесс: в этот период России было послано множество дарований. Одним из ярчайших представителей Серебряного века русской поэзии явился Сергей Есенин – многогранный и тонкий лирик, соединивший в себе глубочайшее понимание народности с высокой поэтической культурой и щедрый песенный дар с образным богатством родного языка.

Простота и искренность есенинской поэзии способствовали тому, что еще при жизни поэта у него появились последователи, а его стихи были переведены более чем на 10 языков. Есенинские мотивы впервые зазвучали в творчестве белорусских поэтов Юрки Гаврука и Владимира Дубовки. В 20-е гг. XX в. они

обучались в Высшем литературно-художественном институте имени В. Брюсова, где нередко читал собственные стихи С. А. Есенин. Исследователь творческого пути Есенина П. И. Радечко приводит воспоминания Ю. Гаврука: «Студенты очень любили Есенина. Я слушал в его исполнении «Песнь о собаке». Читал он просто, интимно. Чистым звонким голосом, с исключительной эмоциональной отдачей» [1, с. 366].

Именно стихотворение «Песнь о собаке» стало одним из первых произведений Есенина, переведенных на белорусский язык Юркой Гавруком, которого считают основоположником белорусской школы художественного перевода. Наша статья посвящена сопоставительному анализу оригинального и белорусскоязычного текста «Песни о собаке» на лексическом уровне.

«Песнь о собаке» принадлежит к сюжетной лирике и содержит драматическое повествование об одном дне из жизни собаки, которая родила семерых щенят утром, безмерно радовалась их появлению весь день, но вечером потеряла своих детей по воле «хмурого» хозяина. В переводе Гаврука эта трагическая история прочитывается аналогично, окрашена такими же эмоциями, но лексическое наполнение его текста содержит ряд несоответствий. Трансформации обусловлены расхождениями в лексическом составе языков оригинала и перевода, существованием в оригинале безэквивалентной лексики, наличием закономерных фонетических расхождений в русских и белорусских словах, разным арсеналом выразительных средств, особенностями ритмической организации поэтической речи и др.

В переводоведении давно разрабатывается определенная классификация переводческих преобразований слов. Возможные соответствия между лексическими единицами оригинала и перевода принято делить на эквиваленты (постоянные равнозначные соответствия, не зависящие от контекста), аналоги (синонимы) и адекватные замены, то есть разные виды переводческих трансформаций. В. Н. Комиссаров указывает, что «лексические трансформации описывают формальные и содержательные отношения между словами и словосочетаниями в оригинале и переводе» [2, с. 165]. На уровне слова он выделяет лексико-семантические замены, применение которых связано с модификацией значений лексических единиц: генерализация (замена понятий оригинала более широкими понятиями), конкретизация (явление, противоположное генерализации) и модуляция (смысловое развитие понятия) [2, с. 167–169]. На уровне текста возможны приемы компенсации, лексико-грамматической трансформации, лексического добавления (включение в перевод слов, которых нет в тексте оригинала), опущения (изменение, противоположное добавлению) и др.

Однако в каждом случае при переводе поэзии необходимо сохранение денотативного смысла текста, эмотивного его наполнения и поэтического воплощения. Переводчик «не подыскивает, как иногда принято думать, соответствия каждому слову и словосочетанию исходной фразы, а «перевыражает» ее смысл» [3, с. 33]. При переводе «Песни о собаке» Гавруку, на наш взгляд, это в существенной мере удалось, хотя в созданном им белорусском

тексте есть лексические трансформации разного вида, способные привести и к потере некоторых авторских смыслов, и к переводческим находкам.

В денотативном плане оригинального и переводного текстов эквивалентны лаконичные, но выразительные обозначения временных рамок события: у Есенина – *утром* (радостное событие – родились щенята), *до вечера* (собака была счастлива, лаская щенят), *вечером* (хозяин сложил беспомощных щенят в мешок, унес и утопил); у Гаврука – те же номинации суточного времени (*раницюю, да вечара, вечарам*). Пространственные характеристики событий тоже переданы в основном адекватно. Это теплое и светлое место появления щенят и прожитого ими первого и последнего дня: *в ржаном закуте*, где *златятся* соломенные *рогожи*; затем темная и холодная дорога к смерти (*мешок* для щенят и *сугробы* для несчастной матери-собаки) и, наконец, само место их гибели (*воды незамерзшей гладь*). Диалектизм в (*ржаном*) *закуте* Юрка Гаврук компенсирует в переводе описательным обозначением *у гуменным закутку*, которое передает, на наш взгляд, аналогичный смысл. Слово *закут* в русской диалектной речи может иметь множество значений: ‘всякого рода шалаш, конура, соломенная будка’, ‘теплый хлевок для мелкой скотины’, ‘клеть, чулан, кладовая’ [4, с. 594]. Однако определение *ржаной* позволяет думать о помещении, где хранится солома, в том числе рогожи из нее. Такое помещение называется *гумно* – ‘место, где ставят хлеб в кладях (скирдах, стогах) и где его молотят’ [4, с. 408]. В переводе *гуменны закуток* – это укромный уголок гумна (с золотистыми *рогожами*), где собака оценилась.

Недолгое материнское счастье собаки в обоих текстах описывается как забота о новорожденных, но с использованием разных глаголов: *До вечера она их ласкала, / Причесывая языком – Да вечара яна их лізала, / Прыхарошвала языком*. В переводе имеет место конкретизация (*ласкала – лізала*) и генерализация (с лексико-грамматической трансформацией: деепричастие *причесывая* – глагол *прыхарошвала*), что вполне допустимо, так как общий смысл фразы сохраняется. Однако у Есенина используются метафорические лексемы, благодаря которым подчеркивается, что «братья наши меньшие» тоже способны испытывать чувства. В переводе этому служит только глагол *прыхарошвала*, отмеченный и образностью, и оценочностью, хотя эмотивный план текста менее выразителен.

В строфе текста Есенина *А вечером, когда куры / Обсиживают шесток, / Вышел хозяин хмурый, / Семерых всех поклат в мешок* замене подверглось словосочетание *обсиживают шесток*. *Шесток* – слово, имеющее два значения: 1) ‘площадка перед устьем русской печи’, 2) ‘перекладина для птиц; насест’. Просторечный глагол *обсиживать* тоже двусмысленный: 1) ‘делать более удобным’; 2) ‘пачкать испражнениями (о птицах)’. В оригинале для каждого из этих слов реализуется второе значение. В переводе Гаврук использует эквивалент для слова *шесток* ‘насест’ – *седала* и контекстуальный синоним *спяць* к слову *обсиживают*: *А вечарам, калі куры / На седалах спяць сваіх, / Прыйшоў гаспадар яе хмуры, / Паклаў у мяшок семярых*. Кроме того, для сохранения

ритма переводчик вносит добавление *сваіх*, но, к сожалению, также опускает очень значимую лексему *всех*: собаке не оставили ни одного из ее детей.

В оригинале стихотворения несколько шире состав слов, выступающих знаками зимы: *снежок, сугробы, незамерзшая, снег – сняжок, незамёрзлая, снег*. Белорусскому автору пришлось опустить безэквивалентное слово *сугробы*, возможная описательная замена *гурбы снегу* в перевод не включена в целях версификации. По этой причине переводчик и далее существенно изменил лексическое наполнение этой строки: *По сугробам она бежала, / Поспевая за ним бежать... – Яна бегла за ім, праваджала, / Прабавала хвастом віляць...* И хотя образ собаки, пытающейся спасти своих детей, у Есенина и Гаврука сохраняется, но в оригинале он более динамичен. Предпринимая последнюю попытку спасти щенят, собака, слабая, только что оценившаяся, пытается бороться: бежит по глубокому снегу, еле успевая за хозяином (повтор глагола *бежала* усиливает впечатление отчаянной борьбы). В переводе образа борющейся собаки нет, есть только покорность судьбе (глагол *праваджала* вызывает ассоциации с проводами в последний путь), робкая просьба о милосердии (*прабавала хвастом віляць*) и полная безнадежность. Накал эмоций, хотя и разных, тем не менее в подлиннике и переводе одинаково высок.

В этой строфе нет эпизода гибели щенков, а лишь резкий переход к описанию незамерзшей воды, дрожащей над утопленными щенками. Переводчик сохраняет здесь повтор (*И так долго, долго дрожала / Воды незамерзшей гладь – I доўга, доўга дрыжала / Вады незамёрзлая гладзь*), использует грамматическую трансформацию (*незамерзлая гладзь вады* вместо *незамерзшая вода*), однако опускает лексему *так*. В результате опущения есенинский образ собаки, глядящей бесконечно долго (*так долго, долго*) на воду, где погибли ее дети, в переводе несколько обедняется.

В последующем катрене образ собаки у Есенина и Гаврука получает разное лексическое воплощение. В оригинале на первом плане выступает предельное физическое опустошение собаки, граничащее с безумием: *А когда чуть плелась обратно, / Слизывая пот с боков, / Показался ей месяц над хатой / Одним из ее щенков*. В переводе добавлено определение *прыбітая болем*, отражающее глубину эмоциональной раны бедной матери.

Шестая строфа перевода содержит более интересное, чем в оригинале, развитие образа собаки за счет модуляции: *В синюю высь звонко / Глядела она, скуля, / А месяц скользил тонкий / И скрылся за холм в полях – У сінюю высь звонка / Загаласіла яна, // I схаваўся мясячык тонкі / За хмару каля гумна*. Глагол *загаласіла* – это отражение наивысшего накала чувств в духе белорусской народной поэтики, логично сочетаемое с наречием *звонко*. Фольклорный образ *месячык* (он скрылся за тучу из-за причитаний собаки) тоже характеризует переводчика как представителя культуры белорусов.

Анализ лексических трансформаций в переводе Гаврука подтверждает его мысль о том, что «удавшийся перевод – это не подражание, а живое произведение, во многом самостоятельное» [5, с. 4]. Переводчик выступает

своего рода соавтором поэта, внося в текст особенности своего языка, культуры и мировосприятия.

Список использованной литературы

1. Радечко, П. И. Реабилитированный Есенин / П. И. Радечко. – Минск : Четыре четверти, 2011. – 408 с.
2. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение : курс лекций / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС. – 1999. – 192 с.
3. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : РАО, 2001. – 224 с.
4. Даль, В. И. Словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989. – Т. 1. А–З. – 699 с.
5. Гаўрук, Ю. П. Агні ў прасторах. Выбраныя пераклады / Ю. П. Гаўрук. – Мінск : Маст. літ., 1975. – 274 с.

Д. С. Мартэн (г. Брест, Республика Беларусь)

ОНИМИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ НОМИНАЦИИ КИНОПРОИЗВЕДЕНИЙ

Кинематография (кинематограф, киноискусство) – неотъемлемая часть нашей жизни, поскольку кинематографический продукт (фильм) выражает интересы человека и социума, историю и современность, культурные смыслы последнего. Пытаясь сориентироваться в обширном море кинопродукции, найти «свое» кино, зритель учитывает ряд факторов, и один из них – имя собственное (ИС) фильма.

Фильмонимы отличаются массовостью и достаточно ярко иллюстрируют закономерности искусственной номинации, периферийного онимообразования. В частности, изучаемые нами русскоязычные названия художественных (*x/ф*) и документальных (*д/ф*) фильмов, выпущенных национальной киностудией «Беларусьфильм» (304 ИС) [1; 2], разнообразны по способам номинации, по своим структурно-деривационным свойствам. Так, для образования фильмонимов, зафиксированных в нашей картотеке, востребованными оказались лексико-семантический и лексико-синтаксический способы. По количеству значимых элементов в их структуре кинономинации (нас интересуют их проприальные, взятые в кавычки, компоненты) представлены ИС одно- и многословными. В зависимости от того, какие языковые единицы репрезентируют фильмонимы, они распадаются на: 1) ИС-слова (к ним, несколько условно, отнесли названия, мотивированные именами существительными, иными языковыми единицами в позиции номинатива: *x/ф* «*Пламя*», «*Сочинение*» и др.; кстати, данные ИС можно квалифицировать и как мотивированные односоставными назывными предложениями) и ИС-словоформы (номинации в форме косвенного падежа имени (с точки зрения синтаксиса – это второстепенный член неполного, так называемого «осколочного предложения»): *x/ф* «*После ярмарки*», «*На перепутье*» и нек. др.) или в спрягаемой форме глагола (фактически – это главный член

нераспространенного, неосложненного предложения, соотносимый со сказуемым двусоставной предикативной единицы: *х/ф «Не покидай»* и нек. др.); 2) ИС – устойчивые сочетания (выражения); 3) ИС – свободные словосочетания; 4) ИС-предложения. За каждым структурным типом ИС закреплён свой способ (способы) деривации.

В данном исследовании мы обратились к фильмонимам, демонстрирующим такой способ лексико-семантической деривации, как онимизация апеллиатива (50 ед.). Онимизация – один из наиболее древних способов формирования ИС. С точки зрения ономастики, он представляет собой стандартный переход к одному единственному денотату от их бесконечного множества. При вхождении в корпус онимов мотивирующее изменяется на уровне деривации и подвергается другим онимическим перестройкам. Для русского языка характерен непрерывный процесс онимизации, «и нет никаких принципиальных ограничений для перехода любой части речи в имя собственное» [3, с. 38].

Большинство фильмонимов представляют собой результат трансформации существительных (единственного и множественного числа), которые употреблены в падежах: 1) прямом: *х/ф «Инсайт»* (от англ. *insight* ‘озарение’) – повествование об успешной женщине-психотерапевте, чья жизнь меняется из-за одного странного пациента на грани смерти; но именно он помогает героине переосмыслить всю ее жизнь; *«Масакра»* – история молодого человека, который приезжает учиться изобразительному искусству в Италии и селится в доме, где происходят мистические, жуткие убийства (*масакра* от англ. *massacre* ‘кровавое пролитие, резня’); *«Мост»*; *«Облака»* – рассказ о парне, который мечтает стать летчиком и, даже не пройдя по состоянию здоровья медкомиссию, не отказывается от мечты: устраивается в мастерскую аэропорта и через некоторое время поднимается в воздух на отремонтированном своими руками самолете; *«Враги»* – описание быта в оккупированной фашистами белорусской деревне, когда обе стороны пытаются понимать друг друга и идти на компромиссы; *«Соседи»*; *д/ф «Перезвон»* и др.; 2) косвенных: *х/ф «Под ступеньками»* – драма о Якове Дерябине, который вернулся из мест заключения и не может найти ни работу, ни жилье; никто не хочет помочь несчастному – и он спит в подъезде жилого дома *под лестницей*; *«Без улик»* и др.

3–4) Единичны примеры онимизации прилагательного (причастия) и глагола: *х/ф «Любимая»* (по мотивам романа Н. Погодина «Янтарное ожерелье») – история девушки Иры, которая хотела поступать в институт, но, влюбившись в строителя Володю и почувствовав себя *любимой*, идет работать на стройку; *«Прикованный»* – рассказ об «афганце» Павле, который никак не может найти себе место в мирской жизни и буквально *«прикован»* к прошлому; *«Давай поженимся»* (глагол представлен аналитической формой повелительного наклонения) и нек. др.

В научной литературе различают несколько типов онимизации: 1) простую (она, по оценкам исследователей, не представляет ни для адресанта, ни для адресата ИС особого интереса); 2) образованную переносом значения

(метонимическую и метафорическую). Простая онимизация именуется объект прямо, причем подобные ИС редко бывают оригинальными [4, с 205]. На первый взгляд кажется, что в качестве примера можно было бы привести название советской *анимационной ленты «Фильм, фильм, фильм»*, но в действительности ИС обозначает не родовую принадлежность именуемого объекта, а тему кинопроизведения: в этой пародии остроумно рассказывается, как делаются фильмы, какова кухня их производства.

В нашей выборке активностью отличаются ИС, представляющие собой метонимический и метафорический переносы, поскольку подобные фильмони́мы позволяют донести до целевой аудитории нужную информацию, часто – в оригинальной форме [5, с. 64].

Метонимическая онимизация предполагает номинацию по смежности, и образованные ею ИС передают различную информацию о называемом фильме, в частности: 1) о герое (героях) фильма: *х/ф «Деточки»* – рассказ о молодых людях, которые борются с беззаконием; *«Поводырь»* – повествование о парне, который отдает свою собаку слепой незнакомке, а впоследствии решает подарить ей *поводыря*; *«Стая»* – история о подростках, которые сбиваются в *«стаю»* и идут на рискованные поступки в поисках легкой жизни; *«Теща»* – мелодрама, в которой главная героиня Клавдия Ивановна, озабоченная будущим дочери и ее ученой карьерой, начала разрушать, сама не понимая этого, жизнь девушки; и др.; 2) о месте, где разворачиваются события фильма: *х/ф «Филиал»* – история о молодом специалисте, который поселяется в странную коммунальную квартиру: в ней живут работники *филиала* некоего НИИ, относящегося непонятно к какой отрасли; *«Сад»* – фильм возвращает нас к событиям Великой Отечественной войны: молодая учительница Ольга, работая в немецкой комендатуре, активно участвует в деятельности подполья; после войны героиня организует детский дом, но, не выдержав обвинений в предательстве, в причастности к разгрому подполья, уезжает из деревни; через несколько лет односельчане узнают о награждении любимой учительницы боевыми наградами и в память о ней разбивают фруктовый *сад*; и др.

При метафорической онимизации объект обозначается на правах сравнения [4, с. 206]. В фильмони́мах так нередко обозначаются различные внутренние состояния героев: *х/ф «Вызов»* – история супругов-спортсменов, бросивших друг другу *вызов*, а именно необходимость сделать выбор – строить семью или гнаться за мечтой; *«Свеча»* – притча о молодом художнике, который теряет веру в себя и потухает, словно *свеча*; но герой смог изменить свою жизнь: уезжает за город, встречает удивительных людей, находит любовь и снова *загорается*; *«Смятение»* (по повести С. Степняка-Кравчинского «Домик на Волге») – повествование о парне, который, скрываясь от жандармов в одном из старинных имений, влюбляется в девушку, а та по своим поводу чувств пребывает в *смятении*; и др.

При образовании фильмони́мов путем онимизации в качестве мотивирующих также отмечены устойчивые сочетания (выражения) (14 ед.) разных видов: 1) фразеологизмы: *х/ф «Подсадная утка»* (*подсадная утка*

‘специально, с целью сбора необходимой информации, внедренный куда-то человек’; но в качестве фильмонима ФЕ приобретает новое значение ‘тот, кого подставили’) – история девушки Киры, которая выходит замуж и сразу же становится *подсадной уткой*: супруг ограбил ее и сбежал, лишив дома и денег, а взамен оставил свои огромные долги и малолетнюю дочь от первого брака; **«Сколько лет, сколько зим!»** (‘приветствие после долгой разлуки’) – рассказ о молодом учителе, который уходит на фронт и расстается со своей возлюбленной; заканчивается война – и герои снова воссоединяются; и др. (Отметим, что исходные ФЕ различны по стилевой принадлежности, сфере употребления, происхождению; так, к библеизмам восходят фильмонимы: *х/ф «Аз воздам»* (‘я отомщу’) – повествование, в котором главный герой *мстит* за свою жену, погибшую в автокатастрофе по вине влиятельного, безнаказанного бизнесмена; **«Око за око»** (‘сделать что-то в отместку кому-либо’); 2) к крылатым фразам, паремиям: *х/ф «Мое дело телячье»* (‘необходимость мириться с некими обстоятельствами’); **«По секрету всему свету»** (‘невозможность сохранить в тайне чужой секрет’) и др.; 3) к клишированным выражениям: *х/ф «Дастии фантастии»* (от нем. *Das ist fantastisch* ‘это просто потрясающе’).

Таким образом, фильмонимы, образованные путем перехода в ИС аппеллятивов (в широком понимании данного термина – ‘любое слово любой части речи, не являющееся онимом’) или устойчивых единиц, характеризуются активностью, поскольку и компактны, и при этом содержательны. Подобные ИС выводят на первый план те или иные номинативные намерения имядателя, ставят в сильную позицию кинотекста его героя, тему/идею, деталь, место, время действия (что предполагает отбор языковых средств из соответствующих тематических групп). В целом анализируемый способ номинации достаточно традиционен для сферы онимообразования, не требует особых номинативных усилий, но созданные им ИС вполне успешно привлекают внимание потенциального зрителя, вводят его в кинопроизведение.

Список использованной литературы

1. Республиканское унитарное предприятие «Национальная киностудия “Беларусьфильм”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belarusfilm.by>. – Дата доступа: 13.09.2021.
2. Фильмы киностудии «Беларусьфильм» // Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1638568#.D0.A1.D1.81.D1.8B.D0.BB.D0.BA.D0.B8>. – Дата доступа: 10.09.2021.
3. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
4. Романова, Т. П. Система способов словообразования рекламных имен / Т. П. Романова // Вестн. СамГУ. – 2007. – № 5/2 (55). – С. 204–214.
5. Курбанова, М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Г. Курбанова. – Волгоград, 2015. – 191 л.

О. С. Мельник (г. Брест, Республика Беларусь)

ОБРАЗ ПРИРОДЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ИРИНЫ САМАРИНОЙ

Ирина Самарина – поэтесса, чьи стихи высоко оцениваются массовым читателем. Ее поклонники (их число достигает 250 тысяч) не только с нетерпением ждут публикации новых произведений этого автора на портале «Стихи.ру» или «Ремата.ru», но и обмениваются их текстами в Viber и Instagram. Более 10 лет И. Самарина ведет блог на платформе YouTube, и число просмотров видео, где она читает свои стихи, приближается к пяти миллионам. Однако творчество Самариной заслуживает исследования не только по причине его популярности, но и потому, что создано языковой личностью с несомненными поэтическими способностями.

И. Самарина написала около 1800 стихотворений, которые сама относит к философской, гражданской, любовной, пейзажной лирике. Остановимся на одном из концептов, характерных для ее индивидуальной художественной картины мира, – на образе природы. Он, наряду с традиционными для русской культуры образами «Человек», «Бог», является ведущим для поэтического мировидения поэтессы. При этом в представлении природы творческие способности Самариной раскрываются в наибольшей степени.

Природа в поэтической картине мира Самариной выступает не только фоном, на котором проходит земная жизнь человека, но и частью этой жизни. Содержание названного концепта реализуется в образах природных объектов и явлений, в характеристиках и эмоционально окрашенных металолических образах отдельных когнитивных признаков концепта.

Номинативное поле рассматриваемого образа (т. е. «совокупность языковых средств, объективирующих... концепт в определенный период развития общества» [1, с. 47]) в контексте поэзии Ирины Самариной неоднородно. Прежде всего, это прямые номинации всех природных стихий, притом в противоречивых проявлениях. Вода – это, например, *дождь, капли, ручей, речка, море*, но есть и *лужи*. Земля – обычно растения и цветы: *черемуха, сирень, парк, клен*, но есть и *асфальт, песок*; животные и птицы упоминаются редко: *собака, лабрадор, лошадь, ласточки*, но есть и *воронье*. Стихия огня – *солнце, свет, лучи, радуга, закат, луна, звезды, молния, свеча, электричество*, но есть и *тьма*; стихия воздуха – *ветер, небо, облако*, но есть и *тучи*. Обозначения природы выступают также временными координатами образа мира: *весна, осень, май, август, апрель, вечер, восход* и др.

Кроме того, образ природы создают также свободные словосочетания, номинирующие те или иные признаки концепта, часто противоположные (*лазурная вода, бирюзовая вода – грязная вода; поле из ромашек – выжженное поле; цветущий сад – снежная стена* и др. Поэтесса констатирует: *Это жизнь, она всегда такая... // В ней и ночь, и солнечный рассвет. // Жизнь – она не добрая, не злая...*, – но чаще призывает радоваться, видеть красоту и быть

благодарными миру: *Добавь хорошесть в осеннюю печаль; За каждый лучик света учись жизнь свою благодарить...* и т. п.

Ирина Самарина хорошо чувствует красоту природы и талантливо приближает ее к читателю, акцентируя цвета, запахи, вкусовые ощущения, звуки. Она использует цветочные эпитеты (*осень **рыжая**; бирюзовая вода; сиреневый рассвет, украшенный полями из лаванд*), метонимические переносы (*лето со вкусом малины; весенний дождь со вкусом неба*). Отмечен эпитет-оксюморон (*сверчковая тишина*), интересно передающий звук. Автор создает образы сложные, многослойные, требующие вдумчивого прочтения (*май цветочно-сладкий; май с фиалковой челкой*) и др.

Для самой поэтессы «*природа – это чудо из чудес*», потому что она эталон гармонии, исцеляющая сила. Природа не только прекрасная, но и живая, чувствующая и сочувствующая – словом, подобная человеку. Антропоморфность – ярчайшая характеристика природных объектов у Самариной – находит в ее стихах разное воплощение. Особенно выразительны индивидуально-авторские эпитеты-олицетворения: *смешные и веселые дождишки, юная листва, грустные снежинки, озорной и чарующий май, ветер шустрый, загадочный август, полусонные тучи*. Эпитеты-приложения менее выразительны, традиционны: *бродяга-ветер, луна-красотка, красотка-весна*. В номинативное поле концепта в индивидуальной художественной картине мира поэтессы входит, помимо лексем в прямом значении, целая россыпь металолических обозначений.

Удачными можно считать многие авторские перифразы, тонко, точно и эмоционально воплощающие образы природы. Самарина умеет акцентировать внимание как на внешнем восприятии образа (*море – рай бирюзовой воды; ноябрь – парад разноцветных зонтов; радуга – цветная улыбка земли; сирень – сиреневых бабочек стая и др.*), так и на эмоциональном его восприятии (*вечер – глоток безмятежности; май – воплощение нежности; дождь – сердечный лекарь* и др.).

Излюбленным поэтическим средством у Самариной при создании живых образов природы выступает метафора-олицетворение: *апрель смеется вдалеке; играет ветер с ивой, щекочет юную листву; с Декабрем весна идет в обнимку; волны, целуясь с закатом, могут страстно корабль колыхать; август ... звезды роняет в сердца...; ночь волнуется и колыхается на серебряных облаках; луна воркует нежно, когда почувствует волшебную любовь* и мн. др. При этом природа выступает как резонатор чувств человека. Если люди радуются, отдыхают, любят, то они видят окружающий мир прекрасным и безмятежным: *Ветер с сиренью целуется, / Локоны гладит пушистые... / Шепчет про помыслы чистые...* («Май – озорной и чарующий...»). Вместе с тем мир природы адекватно откликается и на то, что тревожит людей: *Войною к миру не найти дорогу... // Небо смотрит сверху и от слез седеет...* («Вещи дорожают... Люди дешевают»).

Особенностью идиостиля Самариной является распространение метафор другими тропами, нанизывание метафор или включение их друг в друга.

В результате металогические образы природы у этого автора получаются развернутыми, объемными, динамичными: *Лето целует* (олицетворение) *рассветы* / *Нежным* (метафорический эпитет) *морским ветерком...*; *Солнце светит лучами черными* (эпитет) / *И сжигает надежд росток* (метафора); *А там, на облаке, звезда сидит* (олицетворение), *качаясь*, / *Как будто облако – небесная качель...* (сравнение); [осень] *фыркнула, как лиса*. Кстати, сравнения поэтесса использует редко, и они иногда трафаретны: *звезды стразами сияют; брызги как стразы блестят; украшают дожди, словно стразами, листья цветные* и др.

Целостность поэтической картины мира Ирины Самариной обеспечивается не только уподоблением образов природы человеку, но и, наоборот, «прорастанием» природных явлений в жизнь лирической героини, ее души: *Душа моя весенняя; я живу, ромашками цвету; лучики любви заполняют дом; Радость души... сгорает, как листья в костре...*; *у меня будто слякоть на сердце; Пора отпустить из души – да на волю / Весь ворох обид и тоски...* и мн. др. Иногда она полностью отождествляет себя с природным объектом и говорит от его имени: *Я – ветка сирени, в году только раз / Надежды мои расцветают. // Я – облако из фиолетовых страз...*

Любимое время года поэтессы, судя по ее стихам, – это осень. Образ этот наиболее выразительно отражает философско-эстетическую концепцию поэтессы. «Осенние» образы в лирике Самариной могут воплощаться в пейзажных зарисовках с помощью изобразительных средств – на основе элементов визуального окружения (*красные листья, листья ковер*), звукового фона (*утро стучало дождями*); запаха (*А на рассвете пахнет осень свежестью, / Цветами запоздалыми, и нежностью...*), а также времени суток. Однако наиболее часто и ярко в поэзии Ирины Самариной образ осени тоже предстает в антропоморфных образах.

Примечательно, что в художественной языковой картине мира (в классической литературе) лексема *осень* обычно соотносится с порой увядания природы, связываясь на подсознательном уровне с периодом старости и приближением смерти (сравним выражение *осень жизни* ‘преклонный возраст’, ‘старость’). У Самариной, однако, эта пора года не старуха, а молодая женщина, о чем свидетельствует собирательный «портрет» осени – молодой (*дерзкая*), привлекательной (*рыжая, лохматая, прекрасная*), интригующей (*волшебная*), разной (*нежная, печалью объятая*). А вообще она может быть уютной, теплой, влюбленной, задумчивой, доброй, сумасбродной. Как и любая женщина, осень иногда подвержена смене настроений: *унылая, плачущая, хмурая*.

Поэтесса распространяет на осень представления человека о своем теле, его частях, их функциях и физиологических действиях. Такая осень является в стихотворении «Мы с осенью шагаем к белым полосам», построенном на развернутой метафоре: *Она [осень] на плечи шаль из листьев бросила / И ветром уложила стильно волосы...* Сравним также: *Осень глядела вокруг, пожимая плечами...* («Глядя на осень») и др.

Подобно человеку осень живет, чувствует, мыслит, обладает эмоционально-психологическими особенностями. *Я видела осень... / Она целовалась с дождем...; Он с грустью в глазах, а она с озорной улыбкой... // По парку вечернему или беззаботно вдвоём* («Я видела осень...»). Она часто предстает в образе любимой и любящей женщины: *Спешила осень на свиданье к сентябрю, / Шептала: «Золотом, любимый, одарю...* («Осенняя сказка, любовь и немного дождя...»).

Образ осени близок поэтессе по-особому, потому что у осени тоже творческая душа. Самарина часто, но по-разному интерпретирует осень как субъект эстетической деятельности, реализуя его то в образе поэта: *В осени живет душа поэта... / Бродит, одинокая, по свету*; то танцовщицы: *Я [осень] с ветром-бродягой танцую...; то певицы: Нет прекрасней песни во вселенной, / Чем дождливой осени вокал...; то художницы: Что осень – Фея и рисует для него / Цветными красками любовь души своей...; то «спасателя» человеческих сердец: Осень дожди пригласила, / Чтобы сердца отмывать. // Столько душа накопила / Разных обид... Не поднять....*

Безусловно, Самарина вводит в образ осени и устойчивые поэтические штампы: дождь (*Десятки прохожих бежали с зонтом от дождя*), холодный ветер (*Скалится ветер, с издевкой качая ветвями...*), листья (*Куталась в желтые листья, чтоб стало теплей*) и др. Однако она играет традиционными формулами описания природы и мастерски создает ощущение динамичности, одушевленности осеннего пейзажа.

Как видим, природа в поэзии Ирины Самариной – не только и не столько пейзажные зарисовки. Этот антропоморфный образ, преимущественно воплощенный в интересных металогических средствах, – важнейший из концептов ее индивидуальной картины мира, неотделимый от человека и его жизни, эталон гармонии, источник любви, радости и красоты.

Список использованной литературы

1. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика : учеб. издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 226 с.

А. В. Ярмошевич (г. Брест, Республика Беларусь)

КОНЦЕПТ «ПУТЬ/ДОРОГА» В ЯЗЫКЕ А. С. ПУШКИНА

Концепт «путь/дорога» – универсалия мировой культуры, один из основных элементов мифопоэтического представления пространства. В русской концептуальной и вербальной картинах мира понятия *путь*, *дорога* и обозначающий их пласт лексики занимают важное место.

Понятие концепта как единицы когнитивной деятельности предусматривает наличие среди них как общекультурных, так и индивидуальных компонентов. В связи с этим С. А. Аскольдов-Алексеев различает познавательные («почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей») и художественные концепты («сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций,

волевых проявлений»). Главным их отличием является наличие «чуждой логике и реальной прагматике художественной ассоциативности» [1, с. 275]. Поэтому перед тем, как рассмотреть концепт *путь/дорога* в творчестве А. С. Пушкина, нужно описать его в национальном сознании русского народа.

Описываемый концепт репрезентируется такими лексемами, как *дорога, путь, дорожка, тропа, тропинка*. При сопоставлении значений лексемы *дорога* в толковых словарях В. И. Даля, С. И. Ожегова и Д. Н. Ушакова [2–4] видим, что совпадающими и основными являются четыре: 1. Полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения. 2. Место, по которому надо пройти или проехать, путь следования. 3. Путешествие, пребывание в пути. 4. *перен.* Средства достижения какой-н. цели, жизненный путь. Важным является еще одно значение, отмеченное Д. Н. Ушаковым: «Направление, путь следования, маршрут» [4, с. 197].

Лексема *путь* почти полностью совпадает по набору значений с лексемой *дорога*. В словаре В. И. Даля отмечены следующие: 1. Полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения. 2. Место, линия в пространстве, где происходит передвижение, сообщение. 3. Самая езда, ходьба, плавание, и время, срок, нужный для проезда, прохода, проведенный в дороге. 4. Направление, маршрут. 5. *перен.* Направление деятельности, развития чего-н., образ действия. 6. *перен.* Жизненный путь, жизнь [2, с. 543–544].

Лексическое значение слова *тропа* С. И. Ожегов формулирует как ‘узкая протоптанная дорожка’ [3, с. 877].

Рассмотрев толкования лексем, которые репрезентируют исследуемый концепт, можно сделать вывод, что они совпадают в своих основных значениях. Но между словами *путь* и *дорога* все же обнаруживается различие на концептуальном уровне, отражающееся в метафорическом употреблении этих лексем (*жажда дороги*, но не пути; *держат путь*, но не дорогу и т. д.). По мнению С. Г. Дрыги, «Наблюдения над семантическими, этимологическими, функциональными и другими особенностями позволяют графически оформить представления о *дороге* в виде *полосы, ленты, полотна*, а о *пути* – в виде *направленной линии, вектора*» [5, с. 14]. В то же время, по утверждению О. А. Черепановой, в последние два века наблюдается концептуальное и семантическое сближение лексем *путь* и *дорога*, распространение семантики слова *путь* на его синоним *дорога* [6, с. 35].

Для установления объема концепта «путь/дорога» в языке А. С. Пушкина был использован «Словарь языка Пушкина» [7], содержащий не только сведения о семантике слов, но и о частоте их употребления в каждом значении. Лексема *дорога* зарегистрирована в творчестве автора 393 раза. В первом значении – ‘полоса земли, предназначенная для передвижения’ – оно было употреблено 192 раза, что составляет 48,9 %: *По дороге зимней, скучной Тройка борзая бежит; С одной стороны вдоль дороги простирались распаханые поля, с другой – дуга, поросшие мелким кустарником.*

В значении ‘место, по которому надо пройти или проехать, путь следования’ лексема *дорога* выявлена 66 раз (16,8 %): *На дороге встретил*

я Макарьевскую ярманку; *Влюбленный граф в потемках бродит, Дорогу ошупью находит.*

Значение ‘путешествие, пребывание в пути’ зарегистрировано 79 раз (20,1 %): *Королевич Елисей, Помолясь усердно богу, Отправляется в дорогу...; Мои приятели смеялись над моей изнеженностью и непривычкой к дороге.* Часто это значение выражается предложной формой существительного, но также встречается и беспредложный творительный падеж: *Дорогой она почувствовала муки.* Данное значение выражается также сочетанием *путь-дорога* (с пометой *народно-поэтич.*): *Царь с царицею простился, В путь-дорогу снарядился.*

Значение ‘направление развития, средства достижения какой-н. цели’ составляет всего 3,3 % от числа употреблений рассматриваемой лексемы (13 случаев): *Царь Дадон венец со скипетром Не прямой достал дорогою, Но убив царя законного, Бендокира Слабоумного; Вольтер первый пошел по новой дороге – и внес светильник философии в темные архивы истории.*

Переносное значение ‘жизненный путь, направление деятельности’ актуализируется в следующих строках: *Ты на корабль перешагнул шутя, И с той поры в морях твоя дорога...; Глупец кричит: «куда? куда? Дорога здесь». Но ты не слышишь...*

Лексема *путь* в текстах А. С. Пушкина отмечена 193 раза. Из них в значении ‘полоса земли, предназначенная для передвижения, дорога’ зафиксировано только 18 словоупотреблений, что составляет 9,3 %: *Кибитка летела по гладкому зимнему пути...; И путь по нем широкий шел...* Если сопоставить с количеством употреблений лексема *дорога* в данном значении, то можно сделать вывод, что для *пути* оно почти не характерно.

Значение ‘место, по которому можно проехать или пройти; направление движения, следования, маршрут’ наблюдается в 32 случаях, что составляет 16,6 %: *Стремится конь во весь опор, Исполнен огненной отваги; Всё путь ему: болото, бор, Кусты, утесы и овраги; Ехать ближним путем через Кистеневской лес я не осмелился, а пустился в объезд...* Данное значение позволяет употребить слово *путь* метафорически – относительно повествования: *Но здесь с победою поздравим Татьяну милую мою, И в сторону свой путь направим, Чтоб не забыть, о ком пою...* Метафора обнаруживается и во фразеологизме *куда бог путь укажет*: *Доверши как начал: отпусти меня с бедной сиротою, куда нам бог путь укажет.*

В значении ‘путешествие, поездка, следование, движение куда-н.’ лексема *путь* употреблена 108 раз. Это составляет 56 % от числа употреблений данного слова, то есть можно сделать вывод, что в творчестве А. С. Пушкина это значение для *пути* наиболее характерно: *Грустно, Нина: путь мой скучен...; ...Заботы мирные семей, Готовых с утром в путь недалний...; Счастливый путь, ваше благородие!* При этом часто встречается метафорическое употребление слова – как ‘судьба, жизнь’: *Мой путь уныл, Сулит мне труд и горе Грядущего волнуемое море; И я слышал, ... Что жизни б путь нам был ужасен, Когда б не тихой дружбы свет.* Зафиксировано также временное

значение ‘во время движения, следования’: *Владимир сухо отвечал и после во весь **путь** молчал; ... Спешат разбойники домой, Добычу на **пути** роняя.*

Значение ‘направление деятельности, развития чего-н., образ жизни’ встречается 15 раз (7,8%): *Нам разный **путь** судьбой назначен строгой...*

В значении ‘средство, способ для достижения чего-н.’ лексема *путь* употреблена всего 4 раза (2,1 %): *Вот какими **путями** распространяется просвещение!*

В произведениях А. С. Пушкина лексема *путь* встречается и в составе фразеологических единиц – в 8,3 % случаев (16 примеров): *Бреду своим **путём**: Будь всякой при своём; Я ходил около его дома, назначая, где вспыхнуть пожару, откуда войти в его спальню, как пресечь ему **все пути** к бегству.*

Лексема *тропа* в текстах А. С. Пушкина употреблена 12 раз: *Я памятник себе воздвиг нерукотворный, К нему не заростет народная **тропа**. У нее зафиксировано также значение ‘жизненный путь’: В тиши Парнасской сени Я с трепетом склонил пред музами колени: Опасною **тропой** с надеждой полетел, Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел. Сходный пример отнесен лексикографами к значению ‘направление деятельности’: Дубрав полунощный Орфей ... **Тропой** пленительной твоей В<нрзб.> иного света Тебе вослед я полечу.*

Лексема *дорожка* – диминутив к *дорога* – все 5 раз употребляется в значении ‘узкая полоска для ходьбы в парках, садах’: *Там на неведомых **дорожках** Следы невиданных зверей.* Диминутив *тропинка* используется в значении ‘узкая протоптанная дорожка’ и употреблен 15 раз: *Зашла я в лес дремучий... С **тропинки** сбилась я.*

Таким образом, содержание концепта «путь/дорога» в творчестве А. С. Пушкина совпадает с общекультурными представлениями носителей русского языка. Самой частотной лексемой, репрезентирующей исследуемый концепт, является *дорога*, следующей по частотности выступает лексема *путь*. Несмотря на совпадение основных значений репрезентантов, есть особенности употребления каждого. Так, значение ‘полоса земли, предназначенная для передвижения’ более характерно для слова *дорога*, а ‘путешествие, поездка, следование, движение куда-н.’ – для лексемы *путь*. При этом обе лексемы употребляются в значении ‘жизненный путь’. Диминутивы же *дорожка*, *тропинка* А. С. Пушкин использует лишь в прямом значении.

Список использованной литературы

1. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : АСТ, 2004. – Т. 3. – 928 с.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – М. : Оникс – Мир и Образование, 2008. – 976 с.
4. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт – Дом. XXI в., 2008. – 1239 с.

5. Дрыга, С. Г. Концепт «путь» в русской языковой картине мира: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Г. Дрыга ; Кубан. гос. ун-т. – Ставрополь, 2010. – 24 с.

6. Черепанова, О. А. Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах / О. А. Черепанова // Материалы XXVIII межвуз. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. – Вып. 7. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 29–36.

7. Словарь языка Пушкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068>. – Дата доступа: 14.11.2021.

Научное издание

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ: СИСТЕМНО-ОПИСАТЕЛЬНЫЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных трудов

Подписано в печать 10.10.2022. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 16,28. Уч.-изд. л. 19,65.

Тираж 73 экз. Заказ № 312.

Издатель и полиграфическое исполнение:

учреждение образования

«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,

распространителя печатных изданий

№ 1/55 от 14.10.2013.

Ул. Мицкевича, 28, 224016, Брест.